МАКС ВЕБЕР

ИСТОРИЯ ХОЗЯЙСТВА

„НАУКА и ШКОЛА“
ПЕТРОГРАД — 1924

МАКС ВЕБЕР

ИСТОРИЯ ХОЗЯЙСТВА

ОЧЕРК ВСЕОБЩЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

ИЗДАЛИ ПО ОСТАВЛЕННЫМ ЛЕКЦИЯМ:
С. ГЕЛЛЕМАН, проф. истории в Мюнхенском Университете и М. ПАЛИЙ, доцент Высшей Коммерческой Школы в Берлине.

ПЕРЕВОД ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Проф. И. М. ГРЕВСА

ПРЕДИСЛОВИЕ.

(ОТ РЕДАКТОРА РУССКОГО ПЕРЕВОДА).

Предлагаемая книга составлена в настоящем виде на основании записей автора учениками его, проф. истории в Мюнхенском Университете *С. Геллеманом* и доцентом Высшей Коммерческой Школы в Берлине *М. Палием*. Вопрос, которому посвящена настоящая книга, составлял предмет последнего прочитанного *Максом Вебером* курса в зимнем семестре 1919—1920 г. по настоятельной просьбе слушателей. Сначала он неохотно соглашался, так как мысль его за последние годы жизни была посвящена тем широким проблемам социологии, только часть которых вошла в состав его трехтомного труда—„Gesammelte Aufsätze zur Religionsociologie". Но раз согласившись, он отдался делу, по обычаю своему, не щадя сил и напряжения, влагая в работу всю свою личность. Когда же автор принялся в последовавший летний семестр за новый курс под заглавием—„Общее учение о государстве и политике", его постигла смерть.

Составители и редакторы долго колебались, выпускать ли в свет книгу так, как она могла быть подготовлена к печати. Автор не оставил законченного текста, а только неполный набросок, который надлежало обработать путем сличения записей лучших слушателей и собственного их близкого знакомства со взглядами учителя, его терминологией и манерою изложения. Отлично зная, каким строгим судьей был М. Вебер прежде всего к самому себе, они боялись, что сам автор не разрешил бы выпустить в таком виде свой курс. Но когда сама вдова и близкая сотрудница покойного, Марианна Вебер, предложила им взять на себя опубликование его последнего опыта, они нашли, по зрелом размышлении, действительно желательным к оставленному Максом Вебером научному наследию присоединить и эту, так сказать, „лебединую песню" [1]).

Они думали, что их одобрят ученые, компетентные читатели и просто интересующиеся затронутыми в книге вопросами. Настоящее построение ценно не деталями, которые благодаря состоянию рукописи могут оказаться упущенными, но смелостью общей концепции. Им казалось важным показать, как развернул автор „типологию хозяйственной истории, охватывая все ее главные области, прилагая ее к изображению подготовки и начального развития современного капитализма". Автор не был эрудитом и миниатюристом; он всегда стремился к широким синтетическим обобщениям, но он творил их с глубоким знанием дела, подготовляя целое строжайшим анализом материала. Его „Darstellung" всегда опиралось на основательное „Forschung". Поэтому и настоящий общий набросок может оказаться полезным и специалисту.

---

[1]) Книга вышла по-немецки в 1923 г.—München und Leipzig, Verlag von Duncker und Humboldt (S.s. XIV + 315).

1*

Редакторы немецкого текста надеются, что им удалось достигнуть удовлетворительного восстановления слова почитаемого ими автора. Ими сделаны лишь незначительные поправки и дополнения к оставшейся записи и присоединены сгруппированные указания на главную литературу вопросов, как любил всегда делать и автор. Они же предпослали всей книге общий обзор библиографических пособий по экономической истории.

Редактор русского перевода,—равным образом высоко почитающий Макса Вебера, как ученого, как мыслителя и как привлекательный духовный образ, на основании своего знакомства с его трудами по экономической истории античности и средневековья, над которыми ему приходилось много думать при обработке своих исследований в этих областях—также несколько колебался принять на себя предложенную издателями обязанность. Он также чувствовал неловкость участвовать в выпуске книги, не до конца отделанной автором. В установленном проф. Геллеманом и др. Палием тексте есть много спешно намеченного, не всегда ясного и досказанного. Но в конце концов и его победило соображение, что жаль было бы оставить под спудом последнее слово выдающегося ученого. Много есть спорного, частью парадоксального, недостаточно обоснованного в быстрых построениях, которые должны символизировать сложный и многообразно ветвившийся процесс. Но концепции Вебера всегда искренни и добросовестны, всегда основаны на об'ективном искании.

Приходится пожалеть, что редактору представлены были русские тексты нескольких переводчиков уже в готовом виде, и нельзя было уже сговориться с ними о желательном подходе к работе. Это сильно затруднило задачу при обработке их изложения и приведении его к единству терминологии, общего течения и тона. Достигнуть при таких условиях вполне удовлетворительного результата нелегко, тем более, что трудны не только вопросы, затронутые книгою, но и трактовка их у автора сложным построением и языком.

Ценным дополнением к данной книге М. Вебера является подготовляемый (в изд. Сабашниковых в Москве) перевод под ред. и с прим. проф. Д. М. Петрушевского большой и трудной статьи—„Agrargeschichte des Altertums“ из Handwörterbuch der Staatswissenschaften“. Настоящая книга также постоянно вызывает надобность в ограничительных, дополняющих или возражающих примечаниях; но это потребовало бы отдельных специальных исследований и, сильно расширив текст, может быть затемнило бы мысль автора. Поэтому, редактор удовольствовался краткими заметками в немногих местах. Особенно следовало бы дополнить и придать отчетливость тому, что автор бегло говорит о развитии русского хозяйства; но это также требует много места и руки специалиста.

В заключение укажем, как интересную и важную особенность экономических исследований М. Вебера—его постоянное стремление сопоставлять явления чисто хозяйственного развития общества с социально-политическими и искать их взаимодействия с процессами духовной культуры. Ценна у него для историка и способность усматривать при социологических построениях индивидуальные уклоны развития по эпохам и странам.

Ив. Гревс.

1 сентября 1923 г.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ.

I. Основные понятия.

Ср. Max Weber, Wirtschaft und Gesellschaft, I. Teil. Tübingen, 1921; кроме того, A. Amonn, Objekt und Grundbegriffe d. theoret. Nationalökonomie, Wien, 1912; J. B. Esslen, Nutzen und Kosten als Grundlage der reinen Wirtschaftstheorie, см. Schmollers Jahrb. XLII (1918); W. Sombart, Der moderne Kapitalismus, 4. Aufl. 1921, 2 Bde. München und Leipzig, („Современный капитализм“, Пгр. 1923 г., перев. с 5-го нем. изд. 1922).

А. Мы называем какую-нибудь деятельность хозяйственною, поскольку она направлена на заботу о желаемых полезных действиях или на возможность достижения их[1]). Всякая деятельность может быть направлена хозяйственно, напр., даже деятельность художника или военного начальника, последнего, поскольку принимаются во внимание материальные цели и средства для приготовления и осуществления войны. „Хозяйством“ в тесном смысле слова называется, однако, только мирное пользование распорядительной властью, которая прежде всего направлена на хозяйственные цели. Одним из признаков распорядительной власти является использование собственной рабочей силы. Раб, подгоняемый кнутом, есть инструмент, хозяйственное орудие господина; но он не хозяйствует сам; так же и рабочий на фабрике, который там может быть только чисто техническим орудием труда, между тем как в собственном доме он „хозяйствует“. Признак мирного труда при этом неот'емлем, так как хотя и каждый вид активного насилия (разбой, война, революция) может быть направлен на хозяйственные цели, но они подлежат совсем другим закономерностям, чем „забота“, осуществляемая мирными средствами. Во всяком случае, за каждым хозяйством стоит и, согласно указаниям исторического опыта, должно стояло начало принуждения—ныне государственного, в прежние эпохи личного часто сословного. Но это насилие мы не называем хозяйствованием; оно является только средством для исполнения хозяйственных намерений. Далее важно отметить, что хозяйство всегда обусловлено недостаточностью имеющихся средств и принимает это во внимание. Чтобы иметь возможность удовлетворить стрем-

[1]) При этом имеется в виду не „вещественное благо“, как таковое, но всегда лишь возможность его применения, как перевозной, двигательной, переносной силы и т. п. Полезные действия всегда единичные действия: не „лошадь“, как таковая—в этой связи и в этом смысле—является предметом хозяйства, но только ее единичные полезные действия. Полезные действия предметов мы называем для краткости „благами“, человеческие полезные действивия—„услугами“.

лению к полезным действиям, нужно „хозяйственно“ распорядиться данными в ограниченном количестве средствами [1]. Отсюда и вытекает (не всегда осуществляющаяся полностью) тенденция к „рационализированию“ хозяйственной работы. Под хозяйством, наконец, также разумеем деятельность, об‘единенно руководимую силою собственной распорядительной власти хозяйствующего суб‘екта, поскольку она определяется заботою о полезных действиях или возможностях полезного действия. „Хозяйственная единица“ („хозяйственный союз“) при этом, поскольку деятельность обеспечивается единым извне более или менее замкнутым союзом, всегда оказывается автокефальною, т. е. такою, которая сама определяет для себя руководящий круг лиц; это—прежде всего на хозяйство направленный союз, деятельность которого не носит случайного характера, но протекает непрерывно. Существенна здесь прежде всего основная хозяйственная ориентировка, которая характеризует хозяйственный союз, как таковой. В противоположность к этому стоят все союзы, которые хотя „принимают участие“ в „хозяйственной жизни“, но сами по себе не являются хозяйственными союзами, потому ли, что они прежде всего ставят себе другие цели и лишь во вторую очередь цели экономические („хозяйствующие союзы“), потому ли, что они сами не хозяйствуют, но скорее ограничиваются тем, что подчиняют известным общим правилам хозяйственную деятельность других, „формально нормируют ее“ („организующие союзы“) или конкретно вмешиваются в нее, чтобы „материально упорядочивать“ („хозяйственно регулирующие союзы“). Один и тот же союз может, смотря по обстоятельствам, принадлежать к нескольким из этих типов.

Б. Хозяйственная деятельность может стремиться: 1. К планомерному распределению находящихся в ее распоряжении полезных действий а) между настоящим и будущим, б) между многими возможными видами приложения в настоящем; 2. К планомерному добыванию и обработке еще не готовых для потребления, но располагаемых благ и услуг („производство“); 3. К приобретению распорядительной власти или участия в ней над полезностями, поскольку они, готовые к употреблению или нет, находятся в распоряжении чужого хозяйства. В последнем случае средствами деятельности, если она, в соответствии со смыслом хозяйствования, является мирною, служит или образование хозяйственно-регулирующего союза теми, кто обладает правом распоряжения, или обмен.

Хозяйственно регулирующий союз может быть: 1. Союзом управления („плановым хозяйством“). Это выражение должно обозначать единое руководство хозяйством, существование некоей группы хозяйственных единиц, планомерно руководимой штабом людей, планомерно в отношении к добыванию, приложению и распределению полезностей (примеры этого дают „военно-хозяйственные“ организации в последнюю мировую войну). Деятельность единичных предприятий, участвующих в союзе, направляется общим планом главного штаба. 2. Регулирующий союз. В нем отсутствует единое управление всеми отдельными действиями, но он все же стремится к исключению

[1]) Вместе с тем „хозяйствование“—всегда означает сравнение различных прикладных целей и выбор между ними, между тем как техническая мысль имеет дело с выбором средств для поставленной цели. (Ср. A. Voigt, Technische Ökonomik в „Wirtschaft u. Recht der Gegenwart, I, Tübingen. 1912).

взаимной конкуренции, направляя работу отдельных вошедших в союз хозяйств. Существенные средства для этого: ограничение потребления и добывания. Рыболовные, пастбищные, лесные товарищества, цехи—вот примеры, далеко не единственные, рационирования частью сырья, частью пределов сбыта и тем самым косвенно потребления. Сюда же принадлежат во многих отношениях также „картели" новейшего времени.

Обмен может быть: 1. Случайным обменом. В таком виде он существует от исконных времен. Излишки выменяваются спорадически, но центр тяжести обеспечения лежит в собственном производстве. Или 2. рыночным обменом, основывающимся на том, что все одинаково стремятся к предложению, и спрос существует также всеобщий, т.-е. насколько представляется возможность рынка. Где рыночный обмен господствует над хозяйством, мы говорим о меновом хозяйстве.

Всякий обмен основывается на мирной борьбе людей между собою, на борьбе за цены; человек торгуется с партнером по мене и может возникнуть конкуренция (против других стремящихся к той же меновой цели). Дело разрешается компромиссом, который заканчивает борьбу к выгоде одного или нескольких участников.

Обмен может быть регулируем только формально, как в свободном капиталистическом хозяйстве, или также материально (это и будет урегулированный обмен в тесном смысле слова) через гильдии, цехи, через монополистов-предпринимателей или государей и при том с очень различных точек зрения (напр., ради повышения или понижения цен, обеспечения населения и т. д.).

Обмен может быть натуральным или денежным. Только при последнем становится технически возможно опираться в торговле на „шансы рынка" в смысле именно менового хозяйства.

В. Средством обмена является предмет, который может быть принят вместо других каким-нибудь кругом людей, как нечто установленное (т.-е. постоянно возвращающееся и ходящее в неограниченном количестве) только потому, что люди определенно знают и ждут возможности снова пустить его же в обмен. Средство обмена не безусловно тождественно со средством уплаты. Средство уплаты в сущности есть только общепринятая форма для исполнения хозяйственных обязательств, т.-е. погашения „долгов"; но не все долги проистекают из меновых сделок; не таковы, например, обязательства по выплате податей, налогов, приданого. Не каждое средство уплаты, которое выступает перед нами в истории хозяйства, служило также и средством обмена, так, например, в Африке крупный рогатый скот был средством уплаты, но не средством обмена. Не всякое средство обмена, в местности, где оно имеет силу, действует также неограниченно и как средство уплаты. Монгольские ханы выпускали для своих подданных бумажные деньги, но не принимали их в уплату налогов. Не всякое средство уплаты является таковым для всех возможных обязательств. Известные золотые монеты временно принимались в Австрии, лишь в уплату таможенных пошлин. Не всякое средство обмена было всегда в истории применимо при всех видах обмена, например, женщин можно было в Африке покупать не за деньги-раковины, но только за рогатый скот.

Деньги—это такое средство уплаты, которое вместе с тем является и средством обмена в определенном кругу людей, и которому можно, посредством раздробления на части с определенной „нарицательной стоимостью", придать такой вид, чтобы с помощью его производить расчеты. Но такая техническая функция не связывалась с тем, чтобы предмету была придана определенная внешняя форма. Гамбургские банковые росписки, первообразом которых были определенные китайские бумаги подобного рода, гарантировались, например, вкладами серебра, все равно, в каком виде; но в обмен за них получались деньги.

Хозяйство без употребления денег мы называем натуральным, хозяйство с употреблением денег—денежным.

Натуральным хозяйством может быть хозяйство, потребности которого удовлетворяются без всякого обмена; так устраивал дело, например, помещик, перелагавший удовлетворение своих нужд на единичные крестьянские хозяйства; таков же „ойкос", замкнутое домовое хозяйство [1]); но в чистом виде оно реально всегда было редким исключением. Или оно может оставаться натуральным хозяйством, даже когда прибегают к хозяйственному обмену, но не знают денег. В вполне цельном виде такая форма хозяйства также нигде не встречается, но осуществляется лишь приблизительно. В древнем Египте одно время господствовало хозяйство с денежными расчетами и натуральною меною; некоторое количество благ непосредственно менялось на другие, но предварительно оба оценивались на деньги.

Денежное хозяйство делает возможным личный и временный перерыв между двумя половинами менового акта (продажи и покупки), освобождение от определенности вещественных знаков обмена, с помощью чего впервые создается расширение рынка, т.-е. шансов рынка. Эмансипация хозяйственной деятельности от положения данной минуты, благодаря которой можно спекулировать на будущее положение рынка, также стала возможна только благодаря оценке шансов обмена обеими сторонами на деньги (на денежный счет). Эта функция денег—осуществлять возможность расчета, устанавливать общий знаменатель, к которому могут быть отнесены все блага, имеет громадное значение. Только этим была дана первая предпосылка для рационального расчета в хозяйственной деятельности, стал мыслим торговый „расчет". Только эта функция денег делает возможным для хозяйства, ищущего дохода, ориентироваться исключительно на шансы рынка, а для „домашнего хозяйства" заранее намечать свой „хозяйственный план" расходования имеющихся в его распоряжении денежных сумм, руководствуясь „предельной полезностью" этих сумм.

Г. Основные типы всякого хозяйствования—это домоводство и предприятие, которые, правда, связаны между собою переходными ступенями, но в чистой форме логически противоположны. Домашнее хозяйство направляется на удовлетворение собственных потребностей, будут ли то потребности государства, личности или союза потребителей. Напротив, предприятие управляется возможностями прибыли, специально меновой прибыли. Основными категориями домашнего хозяйства, поскольку уже существует денежное обращение,

---

[1]) См. ниже.

являются имущество и доход. Конечно, можно говорить и о натуральном доходе и о натуральном имуществе. Но к общему знаменателю имущество и доход приводятся лишь тогда, когда они оценены на деньги, и об имуществе, как единстве, можно вообще говорить впервые только на почве менового хозяйства, основанного на денежных расчетах. В этом смысле доход означает возможность того, что определенное, оцененное на деньги количество благ поступит в распоряжение хозяйства в течение определенного периода; напротив, имущество обозначает владение денежно ценными благами, которые находятся в распоряжении домашнего хозяйства для длительного пользования или для получения дохода. Наконец, предприятие означает такое направленное на обогащение хозяйство, которое опирается на шансы рынка, чтобы получить меновую прибыль. Предприятие в этом смысле может быть единичным, случайным, как, например, отдельные морские экспедиции, из которых однако выросла коммента (commenda), форма капиталистического товарищества в раннем средневековьи; может оно строиться и как постоянный промысел. Каждое предприятие рассчитано на прибыль, т.-е. на то, что достигнется излишек по сравнению с денежной оценкой затраченных на предприятие средств. Оно работает по расчету капитала, т.-е. составляет баланс, к которому приводятся все единичные правила в области „калькуляции" т.-е. определения шансов на меновую прибыль. Расчет капитала означает, что блага влагаются в предприятие по денежной расценке и после окончания предприятия или установленного хозяйственного периода исчисляется денежная прибыль или убыток (путем сравнения начальной и конечной ценности капитала). Поскольку этот расчет становится всеобщим, на него и тем самым на шансы рынка ориентируются обмен благ и их производство.

Процесс домашнего хозяйства и процесс хозяйства приобретательского (либо прибыльного, доходного) ныне разделились и протекают каждый в отдельности непрерывным рядом действий. Еще в 14 и 15-м в. в., например в доме Медичи [1]), такого разделения не было. Ныне оно — закон, и хотя существовали домашние хозяйства, не вполне отделенные от торгово-промышленных предприятий — так было, например, у визирей арабского халифата—все-таки решающим признаком является их разделение в ведении книг, т.-е. в хозяйственных расчетах: только то, что попадало в книгах под черту баланса, как прибыль, притекало в единичные домашние хозяйства, и это одинаково—как в предприятии отдельного лица, так и в акционерном обществе. Доходное хозяйство хозяйничает в основе иначе, чем домашнее, поскольку оно направляется, подобно последнему, не к предельной полезности, но к прибыльности (которая, со своей стороны, опять-таки зависит в конечном счете от соотношения предельных полезностей у последних потребителей). Вместе с тем денежный расчет, как в домашнем, так и в доходном предприятии, зависит в конце концов от шансов рынка, т.-е. мирной борьбы людей между собою. Следовательно, деньги вовсе не неподвижный масштаб, подобный всякому другому измерительному прибору; цена денег, по которой производятся все оценки, есть компромисс (равнодействующая) шансов борьбы на рынке, так что мера оценок, без которой не может жить капиталистический расчет, рождается только из борьбы

[1]) См. ниже.

людей на рынке. Отсюда проистекает „формальная“ рациональность денежного хозяйства по сравнению со всяким „натуральным“ хозяйством (замкнутым или меновым—безразлично). Она означает наивысшую возможную „расчетливость“, совершеннейший подсчет всех уже осуществленных и ожидаемых в будущем шансов прибыли и убытка. Формально рациональная основа капиталистического расчета не может быть заменена никаким иначе организованным методом расчета, даже самой развитой формой натурального расчета, с “универсальной статистикой“ на месте калькуляции, как предлагает устроить социализм. Если должен быть устранен расчет капитала, это может быть достигнуто рационально только в случае изобретения такого технического средства, которое в состоянии дать столь же всеобще употребительный общий знаменатель, как деньги и специально денежная цена.

II. Типы расчленения хозяйственных функций.

Основным фактом нынешней (как и всякой „развитой“) хозяйственной жизни является расчленение профессий, дифференциация людей по производительным призваниям.

Профессия или призвание, как термин экономической науки, есть постоянное выполнение определенных функций одним лицом, как основание его обеспечения или заработка. Она может осуществляться внутри союза (поместья, деревни, города) или ради обмена на рынке (трудовом рынке, вещном рынке). Разделение профессий существовало не всегда, по крайней мере, в нынешней широте.

С хозяйственной точки зрения человеческие профессии могут быть распорядительными или исполнительными. Последние мы называем „трудом“, первые распоряжением над трудом. Виды последнего различны; их можно разделить технически, по характеру распределения единичных функций (внутри того же хозяйства) между отдельными работниками и их взаимоотношению между собою, и экономически, по характеру распределения функций между различными хозяйствами и их отношениям между собою [1]).

А. Возможности технического распределения и сочетания функций труда („разделение труда“ и „об'единение труда“) могут различаться или по виду функций, которые соединяет в себе одно лицо, или по виду совместного действия нескольких лиц, или по виду взаимодействия работника (или работников) с вещественными средствами работы (производства, транспорта, потребления) [2]).

1. Функции отдельного работника при технической специализации могут быть комбинированы так, что один и тот же работник выполняет качественно различные действия (например, сельско-хо-

[1]) Первый случай наблюдается в домашнем хозяйстве какого-нибудь государя или на фабрике, где отдельные функции специализированы между отдельными работниками, но не разделены между разными хозяйствами. Пример второго случая дает раздача работы (der Verlag), организация которой в текстильной промышленности основана именно на разделении между различными хозяйствами функций, комбинируемых вместе в конечном результате.

[2]) Ср. К. Бюхер, Возникновение народного хозяйства ПГр. 1923 г. 5-ое р. изд. I-ый т. E. Dürkheim, De la division du travail social. Paris 1893. (Есть русский пер.).

зяйственную работу и отхожую, странствующую работу), или дифференцированы так, что качественно различные функции могут выполняться различными лицами. Такая дифференциация может опять же осуществляться по виду конечного результата, как „обособление занятий" (напр., в средневековом ремесле), или как специализация на дополнительных функциях, т.-е. раздробление единой профессии на взаимно поддерживающие друг друга операции, как на современной фабрике („разложение труда").

2. Соединение различных функций в одно целое осуществляется или через накопление функций, или через связывание их, соответственно тому, соединяются ли однородные или качественно разнородные функции для достижения одного и того же результата. В обоих случаях мы имеем дело с техническим распорядком функций, протекающих независимо друг от друга, т.-е. „параллельно", или совершающихся так, что они об'единяются в единое общее дело [1]).

3. При разделении по виду сочетания с вещественными орудиями труда (средствами производства) мы получаем чисто услуживающие функции и затем еще функции добывания, доставки или транспорта вещественных благ. Каждая обработка вещественных благ предполагает обычно существование, с одной стороны, носителей природных или механических источников силы или, по крайней мере, оборудований для труда, например, мастерских, с другой стороны, самих орудий труда: инструментов, аппаратов, машин. Инструменты — это такие вспомогательные средства работы, которые приспособлены к органическим актам деятельности человека. В противоположность этому термину аппаратами мы обозначаем такие орудия труда, которым „служит" человек, к которым он до некоторой степени приспособляет свои действия. Наконец, машины — это механизированные, т.-е. самодействующие аппараты („автоматы" в полном смысле слова). Значение аппаратов заключается не в их специальном способе работы, который независим от ее органических условий, но в том, что чрезвычайно важно для хозяйства, основанного на рациональном расчете капитала,—в возможности рассчитать их функции. Употребление механизированных аппаратов связано с предпосылкою экономически действенной, т. е. покупательно сильной потребности масс; только там, где таковая имеется, могут выгодно применяться аппараты.

Б. Экономические возможности при распоряжении процессом труда различны, как по роду разделения функций между отдельными хозяйствами, так и по роду того, как слагается владение отдельными экономическими средствами, т.-е. порядок собственности [2]).

Отношения между соединением и разделением функций в экономической области складываются так же, как в технической. Возможна: 1) связь функций внутри одного хозяйственного единства с технической специализацией и техническим комбинированием. Это хозяйственное единство может быть или до-

---

[1]) Примером обобществления действия при скоплении труда может служить процесс переноски или тяги больших грузов многими лицами, при соединении труда—отчасти оркестр музыкантов.

[2]) Напр., оно зависит от того, как присваиваются рабочие места работниками: наследственно, на время, или пожизненно; присвоены ли материальные средства производства и кому именно и т. д.

машним хозяйством. хотя бы и большим (такова домашняя община южных славян, задруга, которая эпизодически ведет внешний обмен, но главным образом организована для внутреннего хозяйствования) или же *доходным хозяйством* (примеры: фабрика, которая знает специализацию и соединение функций, как единое хозяйство внутри себя, или стоящее над нею „смешанное предприятие“, которое связывает вместе, напр., угольную горно-промышленность и обработку железа, или трест, т.-е. руководимая финансистами-монополистами более или менее об‘единенная комбинация различных хозяйств, связанных между собою только интересами прибыли). Наконец, оно может перейти к 2) *специализированному разделению функций между многими более или менее самостоятельными хозяйствами*. При этом может проявиться или *полная хозяйственная автономия* единичных хозяйств, т.-е. разделение функций между вполне независимыми хозяйствами—типичный пример: меновое хозяйство XIX века—или *частичная гетерономия*, при которой единичные хозяйства, хотя автономны во многих вопросах, но их хозяйственная деятельность направляется стоящим над ними *союзом*. При этом опять открываются различные возможности в связи с тем, носит ли этот союз *домашне-хозяйственный* или *доходно-хозяйственный* характер. В первом случае он ведет хозяйство, руководствуясь точкой зрения удовлетворения потребностей своих сочленов. Его организация может быть построенной в виде *товарищества*, как в индийской деревне, где ремесленники не автономны, но являются снабженными землей наймитами деревенской общины и выполняют свою работу даром или за общее возмещение (*демиургическое* хозяйство). Или она является *барскою*, как в средне-вековом помещичьем хозяйстве, в котором господин возлагает определенные функции на самостоятельные в остальных отношениях хозяйства, рядом с которыми стоит господский дом, как высшее хозяйство. С другой стороны, если руководящий союз является доходным хозяйством, характер соединения функций опять же может быть или корпоративным или господским: корпоративным внутри *картеля* (в широком смысле слова), господским, если над отдельными хозяйствами стоит *доходное хозяйство* какого-нибудь господина, предпринимателя, например, раздатчика или скупщика работы над зависящими от него крестьянами-кустарями или ремесленниками.

В. *Присвоение* т.-е. *порядок и форма собственности*.

Собственность в смысле экономической науки не тождественна с юридическим понятием о ней. Для экономической науки собственностью является, напр., также право на заказы, которое может быть наследственно, отчуждаемо, делимо, и которое индийское право действительно рассматривает как вид собственности.

Быть присвоенными, т.-е. являться *предметом собственности*, могут также *возможности приложения труда*, т.-е. рабочие места и связанные с ними шансы на заработок, *вещественные средства производства*, *руководящие положения*, напр., предпринимательское.

1. В присвоении *рабочих мест* возможны такие противоположные случаи: с одной стороны, *отсутствие присвоения рабочего места*—единичное лицо свободно продает свою рабочую силу, следовательно, существует *свободный рынок*

труда; с другой стороны, прикрепление личности работника, который вместе с тем становится несвободным рабочим или рабом, к рабочему месту, т.-е. к владельцу его, как некоего предмета. В этом втором случае открываются такие возможности: приложение несвободного труда к домашнему хозяйству (так было в Западной Европе до 16 в.); пользование несвободным трудом, как источником ренты (как в античном мире: господин дает рабу свободу труда и заработка и налагает на него за это оброк); пользование несвободным трудом, как рабочей силой (карфагенские и римские латифундии, плантации, обрабатывавшиеся неграми в Соединенных Штатах). Между двумя этими крайностями существует много переходных ступеней. Наконец, возможно прикрепление рабочего места к работнику и при том или к отдельным работникам, или (как правило) к союзу их (урегулированному рабочему союзу). Союз этот может достигать разных степеней замкнутости. Он может прикреплять в разной степени рабочие места к отдельным работникам в соответствии с родом регулировки профессий и их выгод, которых он требует, при чем крайним случаем является наследственное прикрепление (напр., места ремесленников в индийских кастах, должности при княжеском дворе, крестьянские участки в поместьи); как минимум прикрепления ей соответствует исключение возможности расчета работника в любое время (новейшая система промышленных советов может быть означает начало „права" фабричного рабочего на рабочее место). Кроме рабочего места союз может регулировать: процесс работы (напр., запрещение изнурения ученика в средневековом цехе), качество работы (напр., в вестфальском льняном ткачестве вплоть до XIX столетия), вознаграждение (таксы цен, часто минимум цен для ограничения конкуренции), пределы заработка (район хождения по домам для трубочистов). Также и между этими крайностями лежат многочисленные переходные ступени, вплоть до полного отказа от регулирования профессиональных обязанностей и выгод.

2. Присвоение вещественных средств производства может происходить равным образом различно:

а) в пользу рабочих, отдельных или какого-нибудь союза. Присвоение отдельными рабочими приводит к различным результатам, смотря по тому, используются ли средства производства для домашнего хозяйства на собственное потребление или (специально в случае типичного мелкого капитализма) с целью прибыли на рынке. Присвоение союзом может быть пропорциональным или коммунистическим, в соответствии с тем, происходят ли расчеты по доходу от пользования, или просто практикуется общее пользование; обычно соединяются обе системы. Пользование, в свою очередь, может быть домашним или доходным (домашним, напр., в коммунистической форме, как в русском „мире" [1]), с присвоением по участию в древне-германском аграрном строе, по выручке в русской артели, которая хотела присвоить средства производства в собственность рабочих) [2]).

[1]) Автор в недостаточной мере выясняет формы древне-русского или отчасти современного русского общинного землевладения в крестьянских „мирах", так что к примерам его из этой области надо относится с осторожностью. (Прим. ред. русск. перевод).

[2]) Здесь принцип приобретательства не устранялся, так что получается такой социализм, который ставит новый класс собственников на место старого.

б) Присвоение может также осуществляться в пользу **владельца**, который не тождествен с рабочим; тогда выступает **отделение рабочего от средств производства**. И здесь обнаруживаются различия в зависимости от рода использования присвоенных средств производства их владельцем. Он может: α) применять их **патримониально** в собственном домашнем хозяйстве (крупное хозяйство египетского фараона в Новом царстве, который был собственником всей земли, за исключением храмовых имений); β) наоборот, присвоенные средства производства могут быть использованы **с целью прибыли в собственном деле**, как капитал (капиталистические предприятия); γ) наконец, возможно доходное использование с помощью **сдачи в наем**, который может быть предоставлен другим домашним хозяйствам (напр., своим колонам от античного помещика) или лицам, которые преследуют здесь цели прибыли, при чем мыслим такой случай, когда **лицо, сдающее в наем**, само предоставляет с'емщикам некоторые средства производства (напр., инвентарь мелким арендаторам, *peculium* рабам), или, наконец, **предпринимателю для капиталистического** использования—в этом случае происходит отделение владельца от предпринимателя.

3. Кроме присвоения рабочих мест и вещественных средств производства может совершаться также **присвоение руководящих мест**. Оно обычно идет рука об руку с отделением рабочего от средств производства, ибо даже одно арендное владение ими создает уже функцию предпринимателя. Присвоение может распространяться и на работников (рабство).

Возможные **взаимоотношения владельца и руководителя предприятием** таковы: разделение или тождество личностей. В первом случае владельцы могут быть заинтересованы в **доходе с имущества**, которое они стараются использовать как домашнее хозяйство—таков тип современных „рантье"—или **интересоваться особенно прибылью**, как, напр., банки, которые вкладывают часть располагаемых ими средств в промышленные предприятия.

Во всяком случае, последствием присвоения руководящих мест владельцами является **отделение домашнего хозяйства от доходного предприятия**; это характернейшая черта современного хозяйственного строя, даже принудительно осуществляемая законодательством. Для доходного предприятия решающее значение имеет ориентация на принцип прибыльности. Но наличность присвоения средств производства рядом с функционированием доходного предприятия приводит к следствию, что личные имущественные интересы, т.-е. **интересы иррационального порядка**, принимают участие в образовании доходного предприятия. В особенности это выступает там, где имеет место отделение предпринимателя от владельца, так как в таком случае присвоенные средства производства могут становиться предметом частной спекуляции или даже предметом спекулятивной политики банков и трестов, так что здесь опять-таки дают себя знать иррациональные влияния, хотя бы они были влияниями приобретательской спекулятивной природы.

III. Характер хозяйственной истории.

Из предыдущего изложения следует ряд выводов, важных для задач истории хозяйства. Она должна ближайшим образом исследовать смену различных видов разделения и соединения экономических функций во времени. Ее первый вопрос гласит: как в определенную эпоху разделялись, специализировались и комбинировались хозяйственные функции, технически и экономически и, наконец, принимая во внимание их связь с порядком собственности? После этого вопроса, который развертывает перед нами тотчас же проблему „классов“ и вообще общественного строя, следует поставить другой: идет ли при этом речь о домашне-хозяйственном или о доходном использовании присвоенных функций и возможностей? Тем самым дана третья проблема: отношение рациональности и иррациональности в хозяйственной жизни. Современный хозяйственный строй именно рационализирован в высокой степени, благодаря влиянию бухгалтерии; в известном смысле и в известных границах, вся история хозяйства есть история ныне достигнувшего победы экономического рационализма, основанного на вычислении и расчете.

В более ранние периоды истории степень хозяйственного рационализма намечается различно. В начале стоит традиционность: держатся за старину, удерживают переданные по наследству навыки и передают их следующим эпохам, даже в том случае, если их прежнее значение давно утрачено. Только медленно было преодолено такое состояние. Благодаря этому история хозяйства должна считаться также с элементами вне-экономического порядка. К таковым относятся: магические и религиозные моменты—стремление к благам спасающим, политические—стремление к власти, сословные интересы—стремление к чести.

Ныне хозяйство, поскольку оно строится как хозяйство для прибыли (доходное), в принципе экономически автономно, основано только на хозяйственных точках зрения и в высокой степени расчетливо, рационально. Но постоянно в такую формальную рациональность вторгаются мощные материальные иррациональности, созданные прежде всего разделением дохода, которое между прочим приводит к распределению благ, материально иррациональному (если его рассматривать с точки зрения, напр., материально „наилучшего возможного обеспечения благ“), далее, благодаря домашне-хозяйственным интересам, природа которых, с точки зрения доходного предприятия, остается иррациональной. Однако, хозяйство не есть единственная сфера культуры, в которой разыгрывается борьба между формальной и материальной рациональностью. Также и правовая жизнь знает такую борьбу в споре между формальным применением права и материальным чувством справедливости [1]). Не иначе обстоит дело и в искусстве: противоположность между „классическим“ и неклассическим искусством основывается в конечном счете на противоречии, в которое впадает материальная по-

[1]) Борьба Фридриха Великого с его юристами возникла оттого, что их формализм столкнулся с его решениями, продиктованными точкой зрения пользы для целей управления и общего блага.

требность выражения с имеющимися для н[illegible]альными средствами).

Наконец, следует еще подчеркнуть, что ист[illegible] хо[illegible]йства (и вся история „классовой борьбы“) образует почву, б[illegible]ния которой немыслимо плодотворное исследование ни одной [illegible]ликих областей культуры.

Библиографические пособия и общие обзоры.

P. Herre, Quellenkunde zur Weltgeschichte, Leipzig 1910.

Dahlmann-Waitz, Quellenkunde der deutschen Geschichte, 8. Aufl., hrsg. von P. Herre, Leipzig 1912.

G. Monod, Bibliographie de l'histoire de France, depuis les origines jusqu'en 1789, Paris 1888.

Ch. Gross, The sources and literature of English history from the earliest times to about 1485, 2. ed., London 1915.

Библиограф. статьи в The Cambridge modern history, 13 vls., Cambridge 1907—1912 und The Cambridge medieval history, Cambridge 1911 ff. (пока вышло 3 тома, до середины XI века).—Библиограф. указания далее Handwörterbuch der Staatswissenschaften, hrsg. von Joh. Conrad, Ludw. Elster, Wilh. Lexis, Edg. Loening, 3. Aufl., 8 Bde., Jena 1909—1911, 4. Aufl., hrsg. von L. Elster, Ad. Weber, Fr. Wieser, Jena 1921 ff., см. Wörterbuch der Volkswirtschaft, hrsg. von L. Elster 2 Bde., Jena 1911—Богатый критический обзор литературы дает В. Зомбарт „Современный капитализм“. Пер. с 5-го нем. изд. Птр. 1923 г.

Bibliographie der Sozialwissenschaften, Bd. 1—14, Dresden, Berlin 1905—1918; fortgesetzt als Sozialwissenschaftlihes Literaturblatt, Berlin 1922 ff.

Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. Gegr. von B. Hildebrand, fortges. von J. Conrad, herausg. von L. Elstor, Jena 18[illegible]

Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswi[illegible] Deutschen Reich, F. v. Holtzendorf und L. Brentano, позднее [illegible]ler, теперь H. Schumacher und A. Spiethoff, München und [illegible] 1877 ff.

Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik, begr. von W. Sombart, M. Weber und E. Jaffe, jetzt hrsg. von Jos. Schumpeter, Alfr. Weber und E. Lederer, Tübingen 1904 ff.. это—томы 19—31 des Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik, hrsg. von H. Braun, Tübingen 1888 ff.

Zeitchrift für Sozial-und Wirtschaftsgeshichte, hrsg. von St. Bauer, C. Grünberg, L. M. Hartmann und E. Szanto, Bände, Freiburg, Berlin 1893—1900.—Vierteljahrsschrift für Sozial-und Wirtschaftsgeschichte, herausg. von St. Bauer, G. von Below, L. M. Hartmann und K. Kasser, Leipzig 1903 ff.

W. Cunningham, An Essay on western civilisation in its economic aspects, 2 vls. Cambridge 1898—1900.

Ed. Meyer, Geschichte des Altertums, 1.—5. Bd., Stuttgart 1884—1903, 3. Aufl., Stuttgart und Berlin 1910 ff.

O. Neurath, Antike Wirtshaftsgeschichte, 2. Aufl., Leipzig 1918.

K. J. Beloch, Griechische Geschichte, 3 Bde., Strassburg 1893—1904, 2. Aufl. 1912 ff. (Русск. пер. с 1-го нем. изд.).

М. Ковалевский, Экономический рост Европы. 3 т. Москва. 1898—1903.

H. Sieveking, Grundzüge der neueren Wirtschaftsgeschichte vom 17 Jahrhundert bis zur Gegenwart, 3. Aufl., Leipzig, Berlin 1921.
G. Vicomte d'Avenel, Histoire économique de la propriété, des salaires, des denrées et de tous les prix en général 1200—1800, 6 vol., Paris 1886—1920.
K. Th. von Inama-Sternegg, Deutsche Wirtschaftsgeschichte, 3 Bde., Leipzig 1879—1901, 1. Bd. 2. Aufl. 1909.
K. Lamprecht, Deutsches Wirtshattsleben im Mittelalter. Untersuchungen über die Entwicklung der materiellen Kultur des platten Landes auf Grund der Quellen zunächst des Mosellandes, 4 Bde. Leipzig 1886.
R. Kötzschke, Grundzüge der deutschen Wirtschaftsgeschichte bis zum 17. Jahrhundert, 2. Aufl., Leipzig und Berlin 1921.
E. Levasseur, Histore des classes ouvrières en France, 2. Aufl., 2 Bde., Paris 1900—1901.
В. Эшли, Экономическая история Англии. М. 1899.
G. Bodnitz, Englische Wirtschaftsgeschichte, 1. Bd., Jena 1918.
W. Cunningham, The growth of English industory and commerce during the early and middle ages, 5. Aufl., 2 Bde., Cambridge 1910.
Он-же The growth of English industry and commerce in modern times, 4. ed., 2 vls., Cambridge 1907.
Th. Rogers, Six centuries of works and wages. The history of English labour. London 1901. (Русс. пер.: История труда и зар. платы в Англии).
T. Fukuda, Die gesellschaftliche und wirtschaftliche Entwicklung in Japan. Stutgart 1900.
N. Ping-Hua Lee, The economic history of China, Newyork 1921.

M. Weber, Wirtschaft und Gesellschaft (Grundriss der Sozialökonomik, III. Abt.), Tübingen 1922.

См. на русск. яз. также И. М. Кулишер, Лекции по истории экономического быта Западной Европы, изд. 6. Пгр. 1922 (с обширной библиографией).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Домашнее хозяйство, род, деревня и поместье (Аграрный строй).

A. M e i t z e n, Siedelung und Agrarwesen der West- und Ostgermanen, der Kelten, Römer, Finnen und Slawen, 4 Bde., Berlin 1896. (Ср. для критики G. F. K n a p p, Siedelung und Agrarwesen nach A. Meitzen, in: Grundherrschaft und Rittergut, 101 ff.).

M. W e b e r, ст. „Agrargeschichte, Altertum“ в Handwörterbuch der Staatswissenschaften, 3. Aufl., I, 52 ff., Jena 1909.

§ 1. Типы аграрного строя и проблема аграрного коммунизма [1]).

Если прежде всего обратимся к национально-н е м е ц к о м у а г р а р н о м у с т р о ю, как он является перед нами в XVII столетии, чтобы затем проследить его назад вглубь прошлого до древнейших времен, от которых остаются лишь скудные и плохо освещенные источники, мы вынуждены ограничиться территорией, первоначально заселенной германцами. Таким образом отпадает: прежняя славянская область к востоку от Эльбы и Заалы, прежняя римская по ту сторону пограничного вала (*limes*), также рейнская область, Гессен и вообще южная Германия к югу от линии, которую можно (приблизительно) провести от границы Гессена вплоть почти до Регенсбурга, наконец, части, первоначально заселенные кельтами, на запад от Везера.

З а с е л е н и е этой области исконно германской оседлости происходило деревнями, а не отдельными дворами. Соединительных дорог между деревнями первоначально почти не было, потому что каждая деревня существовала самостоятельно для себя и не [illegible] никакой нужды в связи с соседями. Даже позже дороги не пролагались пра-

---

[1]) Мысль об исконном а г р а р н о м к о м м у н и з м е, стоявшем якобы в начале развития, прежде всего была выдвинута исследованиями о д р е в н е й ш е м г е р м а н с к о м х о з я й с т в е н н о м с т р о е. Особенно тведро обосновали это воззрение на древнейшую германскую земельную общину, которое позже стало почти общим достояние науки, следующие ученые: G. H a n s e n, Ansichten über das Agrarwesen der Vorzeit (Nenes staatsbürgerlishes Magazin III (1835) и IV (1837), повторно в „Agrarhistorischen Abhandlungen“, 1880—1884, затем G. M a u r e r, Einleitu[illegible] Geschichte der Mark-, Hof-, Dorf- и Stadtverassung, München 1854. (Ср. H. B r u n[illegible]he Rechtsgeschichte, 1 Bd., 2 Aufl. Leipzig 1906, R. S c h r ö d e r, Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte, 6 Aufl. Leipzig 1919). Аналогии древнейшему немецкому аграрному строю находились частью в русских порядках, частью в Азии, именно в Индии. См. W. R o s c h e r. Haben unsere deutschen Vorfahren zu Tacitus Zeit ihre Landwirtschaft nach dem Dreifeldsysteme getrieben? Leipziger Sitznngsberichte X, 1858, A. v. H a x t h a u s e n, Studien über die inneren Zustände, des Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlaud, 3 Bde, Hannover 1847—1852; H. M a i n e, Village-Communities in the E[illegible] and

вильно, но протаптывались сообразно потребности и снова исчезали из года в год, пока постепенно, с течением столетий, не возникла дорожная повинность (сервитут), которая падала на отдельные земельные владения. Современная карта генерального штаба сохраняет, поэтому, для данной местности вид неправильной сети, узлами которой являются деревни.

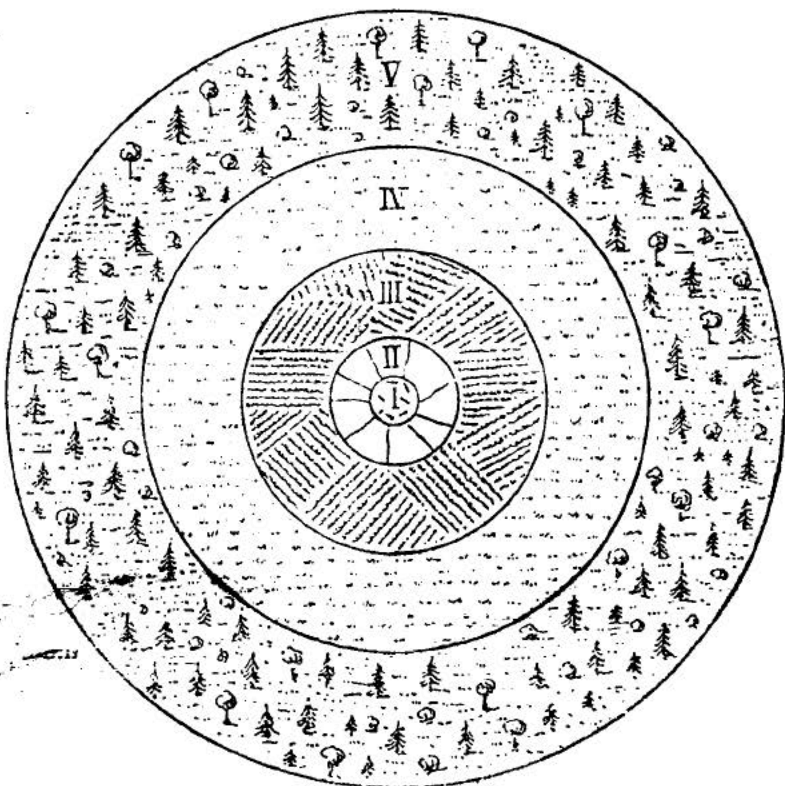

Схема германской деревни.

Если представить схему территории древней германской деревни в виде концентрических кругов, то первое, самое внутреннее, кольцо включит совершенно неправильно разбросанные дворовые усадьбы;

We..., London 1871). Это привело к представлению, что с земельной общины начинается всякое аграрное развитие; сильнее всего теория эта развивалась в работе Э. Лавелэ „О собственности" Paris 1874 (есть русск. перев.). В новейшее время, однако, возникло сильное течение, которое находит частную собственность на землю и развитее крупного землевладения уже в древнейшие, доступные нашему исследованию периоды, как германского, так и всякого другого хозяйства: ср. W. Denman-Ross, The theory of the village community, Cambridge 1880; он-же, The early history of landholding among the Germans, Boston 1883; F. Seebohm, The English village community, London 1883, 4. Aufl. 1890, нем. пер. Th. v. Bunsen, Heidelberg 1885; L. Dargun, Ursprung und Entwicklungsgeschichte des Eigentums, Zeitschr. f. vergleichende Rechtswissenschaft V 1884); N.-D. Fustel de Coulanges, Le problème des origines de la propriété foncière, evue des questions historiques XLV (1889), повторно: Questions historiques, Paris 1893; -же, Histoire des institutions politiques de l'ancienne France, 2. т., 3. изд., Paris 1912; W. Maitland, The survival of archaic communities Law Quarterly Review IX (1893) орно: Collected papers, 2 vls., Cambridge 1911; W. Wittich, Die Grundherrschaft in

между ними ветвятся соединительные дороги. Кольцо II обозначает огороженную садовую землю (Wurt), разделенную на столько частей, сколько было дворов в деревне первоначально. Кольцо III—пашня (ср. ниже), IV—пастбище („альменда"). Каждое домохозяйство имеет право выгонять на пастбище равное количество скота; в остальных отношениях оно не находится в общем владении, но поделено на твердо обозначенные участки. Так же обстоит дело и с лесом (V), который, впрочем, не всегда принадлежит деревне; и здесь также право на рубку дров, хворост, свиной корм и т. д. поделено на равных началах между жителями деревни. Дом, двор и участие отдельных лиц во владении садовой землей, пашней (см. ниже), альмендой и лесом именуются вместе „гуфой" (этимол. связано с Habe, haben)[1]).

Пашня разделена на некоторое количество частей, „коны" („Gewanne"); последние опять распадаются на полосы, которые не всегда одинаковой ширины и часто изумительно узки. Каждый крестьянин деревни владеет такой полосой в каждом коне, так что все участки пашни первоначально одинаковой величины. Основано это деление на коны на стремлении дать членам общины равное участие в различных по качеству частях земли; чересполосное владение, которое проистекало отсюда, открывало еще то дальнейшее преимущество, что при стихийных бедствиях, в роде градобития, все оказывались одинаково пострадавшими и для отдельных лиц уменьшался риск.

Разделение на длинные полосы (между тем, как у римлян, например, господствовали квадраты) связано с особенностями германского плуга. Плуг (соха) в начальные времена повсюду представляет собою мотыгообразный инструмент, который ведут рукою, а позже влекомый скотом; он лишь слегка разрывает землю и оставляет борозды в пашне. Все народы, которые остались при мотыжном плуге, были вынуждены пахать поле вдоль и накрест, если они хотели действительно взрыхлить землю. Поэтому, наиболее подходящее для этого разделение пашни было деление на квадраты, которое мы видим в Италии со времени Цезаря, и которое еще ныне нам показывают карты Кампаньи, составленные генеральным штабом, на которых мы можем легко провести границы отдельных участков на основании этого внешнего признака. Напротив, германский плуг, насколько мы можем его проследить в прошлом, состоял из ножа, который взрезывает землю вертикально, потом лемеха, который режет горизонтально, и, наконец, из приделанной справа направляющей доски, которая его поворачивает. Этот плуг делал излишним пахоту накрест. Для его применения было наиболее подходящим разделение на длинные полосы. Площадь отдельной полосы

Nordwestdeutschland, Leipzig 1896 (ср. G. Knapp, Grundherrschaft und Rit… Leipzig 1897); R. Hildebrand, Recht und Sitte auf den primitiven wirtschaftlichen Kulturstufen. 2. Aufl., Jena 1907; A. Dopsch, Wirtschaftliche und soziale Grundlagen der europäischen Kulturentwicklung aus der Zeit von Caesar bis auf Karl d. Gr., 2 Bde., Wien 1918—1920.—Чтобы ориентироваться в вопросе о происхождении и течении означенной научной контроверзы, см. F. Rachfahl, Zur Geschichte des Grundeigentums (Jahrbb. f. Nationalökonomie und Statistik LXXIV [1900]); G. v. Below, Das kurze Leben einer vielgenannten Theorie, in: Probleme der Wirtschaftsgeschichte, Tübingen 1920. Специально для заключения спора о древнейшем германском аграрном строе см. работу автор настоящей книги—M. Weber, Der Streit um der Charakter der altgermanischen Socialverfarfassung, Jahrbb. f. Nationalökonomie und Statistik LXXXIII (1904).

[1]) По аналогии с русскими древними отношениями, это можно назвать „надслом" или, быть может, „сохою", хотя последнее слово скорее применимо к обозначению прав члена общины на пахотные земли. (Прим. редактора русск. перев.).

измерялась при этом (по общему правилу) пространством, которое может за день вспахать один бык, не истощаясь; отсюда произошло слово „морген“ (древне-германская мера длины от „утро“ или „день“), т. е. „дневная работа“.

Такое разделение полей должно было с течением времени сильно спутаться, так как плуг (с направляющей доской справа) обнаруживал уклон отодвигаться влево. Благодаря этому борозды становились неправильны и так как, первоначально по крайней мере, межевые знаки между отдельными полями отсутствовали (были проведены только пограничные борозды), легко запахивались участки чужих полос. Первоначальный распорядок восстанавливался полевыми присяжными с жезлом, позднее так называемым канавным циркулем, как в Шлезвиг-Голштинии с помощью выравнения обмерным канатом.

Так как между отдельными участками не было никаких дорог, обработка пашни могла происходить только по общему плану и одновременно. Обычно она производилась по трехпольной системе[1]), которая была наиболее распространенной, но никоим образом не древнейшей формой хозяйства в Германии; временем ее введения должно считаться по меньшей мере VIII столетие, так как она упоминается уже в документе рейнского монастыря Лорш (около 770 года), как нечто само собою предполагающееся.

Трехпольное хозяйство состоит в том, что вся деревенская пашня делится на три части, из которых первая засевается озимыми злаками, вторая одновременно предназначается для яровых, третья оставляется под паром и (по крайней мере, в историческое время) унаваживается. Каждый год полосы по очереди меняют свое назначение, так что занятая озимыми на следующий год засевается яровыми, еще на следующий остается под паром и соответственно остальные. Для скота на зиму заготовляется стойловый корм, летом он идет на пастбище. При таком порядке хозяйства исключена возможность того, чтобы отдельный человек предпринял нечто отличное от всей деревенской общины: его действия принудительно определяются ею. Деревенский староста твердо устанавливал, когда надо сеять и когда жать, он распоряжался, чтобы засеянные хлебом части пашни были отгорожены от паровых, по окончании же жатвы загородки снимались; кто не воспользовался днем общей жатвы, был обречен на то, что общинный скот, выпущенный на паровое поле, потопчет его посев.

Гуфы были присвоены отдельным лицам даже в наследственную собственность[2]). Они могли быть различной величины и почти в каждой деревне были разные. Часто, как нечто в роде нормальной меры, принималась площадь в сорок дней труда; столько земли считалось необходимым, чтобы прокормить среднюю семью. Из гуфы были выделены в свободное хозяйствование дворовые усадьбы и садовая

---

[1]) G. Hansen. Zur Geschichte der Feldsysteme in Deutschland (Agrarhistorische Abhandlungen I) 152: Th. v. d. Goltz, Geschichte der deutschen Landwirtschaft, 2 Bde., Berlin 1902—08.

[2]) Устройство гуф стало в новейшее время предметом спора, который некоторыми связывается с вопросом о первоначальном общинном землевладении у германцев. Прежнее воззрение видело в гуфе результат и воплощение общности полей. См. G. Waitz, Über die altdeutsce Hufe, Göttingen 1854 (повторено в Gesammelte Abhandlungen, 1. Bd., hrsg. von K. Zeumer, Göttingen 1896); G. Hanssen, Die Ackerflur der Dörfer (повторено в Agrarhistorische Abhandlungen, 2. Bd.); A. Meitzen, a. a. O. 72 ff.; недавно K. Rhamm, Ethnographische Beiträge zur germanisch-lawischen Altertumskunde. 1. Abt.:

земля. Дом давал приют малой семье из родителей, детей, иногда также взрослых сыновей. Отдельному двору принадлежала дальше и доля в пашне; в общем же смысле поле оставалось собственностью общины гуфовладельцев, т.-е. совокупности полноправных членов деревенского союза. К нему принадлежал только тот, кто мог назвать своим какой-нибудь участок в каждой из трех частей пашни. Кто не имел его или имел не на каждом поле не считался его членом.

Общая марка (die gemeine Mark), которая состояла из леса и пустошей и которую следует отличать от деревенской альменды, принадлежала не деревенскому союзу (Dorfverband), но союзу более обширному (Gauverband). Она принадлежала союзу нескольких деревень. Начало и первоначальный облик этого „маркового союза“ (Markgenossenschaft) остаются темны, во всяком случае он древнее, чем государственное деление страны на области (Gaue) при Каролингах, и он не тождественен с организацией „сотен“. Внутри общей марки существовала должность высшего маркового старосты (наследственно приуроченная к определенному двору или усадьбе; ею обычно завладевал король или помещик); кроме того, был „дровяной суд“, собрание уполномоченных от полных „гуфников“ входивших в марку деревень.

Принципиально и первоначально в таком хозяйственном порядке господствовало строгое равенство членов. Но оно должно было неизбежно нарушаться, вследствие различного числа детей, при дележе наследства: рядом с полными „гуфниками“ возникли владельцы полугуфы и четверти гуфы. Кроме того, гуфники не были единственными жителями деревни. К ним присоединялись другие группы населения, напр., младшие сыновья, которые не наследовали дворовых усадеб. Они могли занимать в полевом кольце еще незанятую территорию и получали право пастьбы скота: и то, и другое за плату (гуфные деньги, пастбищные деньги); кроме того, отец мог предоставить им место на садовой земле для постройки дома. Извне приходили ремесленники и другие работники, которые стояли вне гуфного союза. Благодаря этому образовалось разделение между крестьянами и другим классом жителей деревни, которые назывались в южной Германии „зельднерами“ или „домовниками“ (Häusler), на севере „приселенцами“ или „коссэтами“. Эти последние принадлежали к деревне только в силу своей собственности на дом, но не имели никакого участия в пашне; однако, они могли приобрести право на такое участие, если крестьянин, с согласия деревенского старосты или помещика (первоначально всего рода), продавал им кусок своей пахотной доли или если им уступали кусок альменды. Такие мелкие наделы назывались „прокатными полями“ (walzende Aecker), на них не падали определенные обязательства владения гуфами, они не подлежали компетенции низшего суда и были свободно отчуждаемы, но зато их владельцы не имели никакого

Dir Grosshufen der Nordgermanen, Braunschweig 1905. В противоположность этому за поместную форму, как первоначальную, высказались: W. Wittich ук. соч. стр. 87. 120 G. Caro, Die Hufe, in: Deutsche Geschichtsblätter IV, 1903 (повторено в: Beiträge zur älteren deutschen Wirtschafts- und Verfassungsgeschichte, Leipzig 1905); о гуфе, как первоначально специфическом учреждении салических франков, распространенном королевской властью на всю Германию, толкует: K. Rübel, Die Franken, ihr Eroberungs- und Siedlungssystem im deutschen Volkslande, Bielefeld und Leipzig 1904. См. к этому вопросу в целом сжатое, хорошо ориентирующие изображения у R. Rötzschke (см. выше библиогр. пособия) и A. Dopsch, Die Wirtschaftsentwickelung der Karolingerzeit, I Bd., 2 Aufl. 1921, стр. 329 и сл.

участия в правах полных гуфников. Число этих людей с ограниченными правами было не малое; случалось, что пашня до половины занималась такими „прокатными полями".

Таким образом, крестьянское население распадалось на два различных слоя по характеру землевладения: полных гуфников, с разными низшими их категориями, и стоящих вне гуфного союза, с другой стороны. Но также н а д полными гуфниками образовался особый владетельный слой, земельные участки которого стояли равным образом вне гуфного союза. Уже в самую древнюю эпоху существования германского аграрного устройства отдельное лицо, поскольку имелся в распоряжении деревни излишек земли, могло распахать и огородить занятую и обработанную им пустошь; пока оно ее возделывало, эта „заимка" (Bifang) принадлежала ему, в противном случае отходила обратно в общую марку. Устройство таких „бифангов" предполагало определенное владение скотом и рабами и было поэтому обычно возможно только для короля, князей и земельной знати. Кроме того, король мог отдавать на сторону землю в пределах марки, над которой он присвоил себе право верховного начальника; однако, эта отдача происходила на других условиях, чем присвоение гуфной земли: здесь шла речь о куске леса, отделенном определенными границами, который первоначально был расчищен под плуг данным лицом, и зато новая земля попадала в более благоприятные правовые условия, поскольку она освобождалась от принудительного севооборота. При отмеривании этого участка применялась особая мера поверхности: королевская гуфа, прямоугольник в 48—50 гектаров [1]).

Древне-германская форма оседлости с системою „народных гуф" широко распространилась за пределы области между Эльбой и Везером. Она проникла в следующие страны: Скандинавию (Норвегию до Бергена, Швецию до Даль-Эльфа, датские острова и Ютландию), Англию со времени поселения англосаксов и датчан (это т. наз. система открытых полей—*open fieldsystem)*, почти всю северную Францию, большую часть Бельгии, особенно Брабант. Северная Бельгия, Фландрия и часть Голландии принадлежали к области салических франков, где господствовала другая форма поселения (см. ниже). В южной Германии надо причислить к полосе распространения описанного порядка: область между Дунаем, Иллером и Лехом, часть Бадена и Вюртемберга, равно как Верхней Баварии, например, окрестности Мюнхена, в особенности Айблингский край. Вместе с расширением колонизации древне-германская форма оседлости проникла также за Эльбу на Восток, однако, в более упорядоченном виде: с целью принять возможно большее число жителей, поселенцы строились большими д е р е в н я м и, р а с п о л о ж е н н ы м и у л и ц е й, на выгодных правах владения и с возможно большей свободой хозяйства. Дворовые усадьбы не садились неправильными кучами рядом друг с другом, но вытягивались правильною линиею справа и слева вдоль деревенской улицы, каждая на своей гуфе (или около нее); гуфы длинными полосами лежали непосредственно друг возле друга. Но и здесь было удержано разделение на коны и вместе с тем принудительный севооборот на пашне.

При таком распространении германского типа оседлости за пределы его первоначальной области обнаруживаются все же важные

[1]) Примерно столько же десятин. (*Прим. ред.*).

различия. Наиболее резко выступают они в Вестфалии. Вестфалия разделена Везером на две области резко отличающиеся друг от друга типов оседлости. У правого берега реки внезапно прекращается германский порядок поселения, на запад от нее начинается территория поселений отдельными дворами. Деревни и альменды нет, чересполосица заметна лишь в ограниченном об'еме. Отдельные дворы принимают участие в общей марке, которая первоначально представляет невозделанную землю. Путем расчистки на ней возникают новые поля; последние полосами отдаются участникам, которые именуются „*Erbexen*". На общую марку допускаются, при помощи выделения участков и за выкуп, еще другие поселенцы, которые соответствуют „коссэтам" восточных областей, ремесленники, мелкие крестьяне, работники, которые стоят к „эрбексенам" в отношении с'емщиков или обязаны работами для них. Вестфальский „*Erbexe*", который в среднем владеет приблизительно 200 моргенов, как видно из описания этого типа оседлости, хозяйственно гораздо самостоятельнее, чем крестьянин на чересполосице. Господство подворной системы простирается от Везера до голландского побережья и захватывает главные части области салических франков [1].

На юго-востоке область германской оседлости соприкасается с областью альпийского хозяйства и оседлости южных славян.

Альпийское хозяйство [2]) всецело основано на скотоводстве и использовании пастбищ. Альменда приобретает тут особое господствующее значение, все хозяйственные правила относятся к рационализированию выгод при участии в деле пользования альмендою правомочными хозяйствами. По такой системе (*Stuhlung*, *Segung*) альпийский выгон делится на некое число участков (*Stösse*), которые представляют площадь пастбища, достаточную для содержания в течение года одной головы скота.

Хозяйственную единицу у южных славян, в Сербии, Банате, также в Кроации образует не деревенская, но домовая община, задруга [3]). Она представляет собою сообща хозяйствующую большую семью, вплоть до правнуков, работающих под руководством домовладыки; часто в нее входят много побрачившихся пар; она охватывает обычно 40—80 человек, которые не всегда живут под одной крышей, но хозяйничают в области добывания и потребления целою домовою общиною с общим котлом.

На юго-западе германский аграрный строй столкнулся с остатками римского деления полей, в котором центром является барский двор, окруженный мелкими хозяйствами зависимых колонов. В большей части Нижней Баварии, Бадена и Вюртемберга произошло частичное смешение обеих систем. Особенно на высотах, в холмистых местностях, заметно ослабление старо-германской системы. Здесь встречается и чересполосица, но также и обратный порядок: пашня деревни распа-

---

[1]) D. Philippi, Die Erbexen in der sächsischwestfälischen Mark, Halle 1920.

[2]) См A. v. Miaskowski, Verfassung der Land-, Alpen und Forstwirtschaft der Schweiz, Basel 1878; он же, Die schweizerische Almend, Leipzig 1879; F. G. Stebler, Handbuch für Alp- und Weidewirtschaft, Berlin 1903.

[3]) Древность ее оспаривается. Против мнения J. Peisker'a Die serbische Zadruga, Zeitschr. für Social- und Wirtschaftsgeschichte VII (1900), который видит в ней продукт византийской податной системы, высказывается M. Markovic, Die serbische Hauskommunion, Leipzig 1903; M. Wlaïnatz, Die agrarrechtlichen Verhältnisse des mittelalterlichen Serbiens, Jena 1903.

дается на замкнутые участки, внутри которых выделено владение отдельных лиц; равенство частей не соблюдается и вообще не видно никакого распределительного основного начала. Происхождение этого подворного раздела (*Weileraufteilung* по Мейтцену) неизвестно; может быть, его следует об'яснить сдачею земли в наем несвободным.

Происхождение специфически германского аграрного строя темно. В эпоху Каролингов он уже утвердился. Но разделение конов на равные полосы слишком рационально, чтобы можно было его считать исконным. Мейтцен проследил, что ему предшествовал другой порядок т. наз. лагеморгенов; лагеморген означал пространство, которое может вспахать один земледелец, с одной упряжкой, в течение утра: участки эти могли быть очень различны по доброте почвы, расположению поля, отдаленности от жилья и т. п. Лагеморген образует основу кона, который везде, где сохранился такой порядок раздела, имеет неправильную форму в отличие от геометрической, которую придало ему позднейшее деление на полосы равной ширины [1]).

Первоначальный германский тип заселения ныне более не существует. Его распадение началось очень рано, однако, не вследствие перестройки его самими крестьянами, которым это было бы не по плечу, но вследствие натиска сверху. Крестьянин рано попал в зависимость от политического или земельного владыки; к тому же он, как владелец „народной" гуфы, был в хозяйственном и военном отношении слабее владельца „королевской" гуфы. Со времени установления „вечного местного" мира возрос интерес рыцарства к ведению хозяйства. Пробужденный этим рационализм некоторой части помещиков разрушил древний аграрный строй, особенно в южной Германии. Имперское аббатство Кемптен, напр., с XVI столетия начинает производить так наз. „сплочения" (*Vereinödungen*), которые оно продолжает до XVIII столетия. Пашня разделяется по-новому, и крестьянин помещается на так называемом отдельном дворе, большей частью приблизительно в середине его теперь сплошного владения. В северной Германии устранила древнее разделение пашни государственная власть в XIX столетии, в Пруссии это произошло с применением грубого насилия. Указ о разделении общинной земли 1821 г., который вынудил введение плодопеременной системы, прошел под влиянием идей либерализма против чересполосицы, общей марки и альменды. Общность владения (чересполосица) была устранена принудительной концентра-

[1]) В новейшее время пытались доказывать, что германский аграрный строй вырос из военных оснований. См. спор между S. Rietschel, Untersuchungen zur Geschichte der germanischen Hundertschaft, Zeitschr. der Savigny-Stiftung, Germ. Abt. XXVIII, 1907 и Cl. Frhr. von Schwerin, Zur Hundertschaftsfrage, там же XXIX, 1908. Эта теория принимает, что аграрное устройство вышло из сотни, которая была одновременно единицей разделения войска и группой, состоявшей круглым счетом из ста гуфовладельцев, наделы которых, по меньшей мере, вчетверо больше позднейших гуф. Владельцы этих участков были вооруженными людьми, так как они жили доходами от труда своих крепостных и потому были наследственными воинами. Гуфа была, как позже англо-саксонский *гайд* (*hyde*), идеальной служилой земельной единицей, которая обязывала поставить вполне вооруженного всадника; из этого гуфного строя рациональным путем выросли будто бы народные гуфы, когда крупные гуфники стали делить свои гуфы на четыре, восемь или десять частей. Против такого толкования можно возразить, что коны германского народного гуфного строя не возникли рационально, а образовались естественно из „лагеморгенов". Но с другой стороны, остается затруднительным об'яснить, почему в северной Франции гуфный строй существовал лишь там, куда простирались завоевания салических франков, но не оставил следов в области, искони ими занятой.

цией, альменда поделена. Крестьянин был насил[illegible] поставлен в положение индивидуального хозяина. В южной Ге[illegible]довольствовались так. наз. очищением пашни. Была про[illegible]еть дорог между отдельными ее частями; при этом имели [illegible]сто место разные случаи обмена отдельными участками, чтобы дос[illegible]нуть приблизительно сплоченного расположения частей данного владельца. Альменда продолжала существовать, но так как перешли к стойловому содержанию скота, она была часто обращаема в пашню, которая служила для доставления дополнительного дохода отдельным жителям деревни или для прокормления престарелых. Особенного успеха такое развитие достигло в Бадене; здесь население крепко прониклось стремлением прочно укрепиться на местах, благодаря выгодности такого устройства, и это привело к чрезвычайно сильному сгущению заселения, так что даже для того, чтобы достигнуть его разрежения, пришлось установить премии эмигрантам и, наконец, в отдельных местах предприняты были попытки разделить старых поселенцев, издавна пользовавшихся альмендой, и вновь прибывших, на особые альмендные общины (внутри общин деревенских).

Часто усматривали в германском аграрном строе отзвуки первобытного, якобы у всех народов существовавшего аграрного коммунизма и искали в других странах примеров, которые позволяли бы, восходя выше через голову германского аграрного строя, восстановить нигде и никогда исторически не наблюдавшиеся ступени. Стремясь к этому, думали, между прочим, найти их следы в шотландском аграрном строе[1], господствовавшем до битвы при Куллодене (1746), в системе „*Runridge*", нечто подобное древне-германскому, облегчающее обратные заключения к более давней эпохе. Правда, в Шотландии также существовало деление пашни на полосы, которые образовывали чересполосицу, существовала также альменда, и тут наблюдается сходство с Германией; но эти полосы ежегодно или через несколько лет переделялись сызнова, так что практиковалось в ослабленном виде деревенское общинное пользование, чего не было в системе германских лагеморгенов, которая является древнейшею доступною нам формою немецкого деления пашни. Рядом с этим и часто в связи с этим на гаэльской и шотландской территории практиковался „*Cyvvar*", обычай совместной запашки. Земля, долгое время запущенная под траву, поднималась тяжелым плугом, с упряжкой в восемь быков. Для этой цели собирались владельцы быков и собственник тяжелого плуга (обычно деревенский кузнец) и работали вместе с пахарем и погонщиком быков. Дележка происходила перед жатвой на корню или урожай делился после общей жатвы. При этом шотландский аграрный строй отличался от германского еще и в том, что там пояс пахотной земли в свою очередь распадается надвое: внутренний унаваживался и возделывался по трехпольной системе, внешний делился на пять или семь частей, из которых каждый год только одна запахивалась, между тем как прочие запускались под траву и служили пастбищами. Пахотно-

---

[1]) См. для кельтского аграрного строя вообще: E. O'Curry, On the manners and customs of the ancient Irish. С предисловием W. K. Sullivan, London 1873; H. S. Maine, Village communities, 3. ed., London 1876; W. F. Skene, Celtic Scotland, 2. Aufl., 3. Bde., Edinburgh 1886—1890; F. Seebohm, The Englisch village community, 4. ed., London 1890, нем. пер. Heidelberg 1885; A. Meitzen a. a. O. I, 174 ff.; M. J. Bonn., Die englische Kolonisation in Irland, I (Stuttgart und Berlin 1906).

пастбищный характер этого аграрного устройства об'ясняет постоянное образование плуговых союзов, которые действовали на внешнем поясе, между тем как на внутреннем отдельный шотландец хозяйничал так же индивидуально, как и германский крестьянин.

Шотландский аграрный строй сравнительно молод и предполагает наличность значительного предварительного роста площади обработанной под пашню земли. Первоначальный кельтский строй мы можем изучать в Ирландии. Здесь хозяйство вначале было всецело занято скотоводством, так как, благодаря климатическим условиям, скот может там круглый год оставаться вне двора. Пастбище принадлежало домовой общине (*tate*), глава которой обычно владел свыше чем тремя сотнями скота. Около 600 года в Ирландии сильно увеличивается полеводство. Но и после этого земля не присваивалась надолго отдельным лицам, самое большее пожизненно. Раздел производил начальник (*tanaist*); такой порядок *tanistri*—держится еще в XI столетии.

Так как древнейшая форма кельтского хозяйства, которую мы можем узнать, построена на исключительном преобладании скотоводства, от нее и от шотландской системы Cyvvar нельзя делать никаких заключений к древнейшей ступени германского хозяйства, ибо известное нам типично-германское аграрное устройство могло возникнуть только в таком периоде, когда выросла уже приблизительно одинаковая потребность в хлебопашестве, как и в скотоводстве. Возможно, что оно только слагалось во время Цезаря, и, вероятно, во время Тацита господствовало пастбищно-полевое хозяйство; однако, с изображением обоих римских писателей оперировать вообще трудно; слова Тацита требуют особо осторожного отношения, в виду их риторической окраски.

Резко противоположен германским аграрным порядкам строй русского мира (общины) [1]. Он господствовал в Великороссии, но и здесь только во внутренних губерниях; напротив, его не было никогда на Украине и в Белоруссии. Деревни или села русского мира, выстроенные улицей, были часто очень велики, доходили до 3—5 тысяч жителей. Огород и поле лежат за двором, новые семьи селятся в конце ряда дворов. Кроме владения пашней практикуется пользование альмендой. Пашня разделена на коны, они в свою очередь на полосы. В отличие от германского аграрного строя в русской общине размер полос не твердо рассчитывается навсегда по числу дворов, но устанавливается, сколько едоков или рабочих рук содержится в каждом дворе. Их количеством определяется число отведенных полос. Таким образом владение было не постоянное, но временное. Порядок предусматривал 12-летние периоды переделов, фактически они происходили чаще, через один, три, шесть лет. Притязание на землю, право на землю (надел), принадлежало отдельным душам и регулировалось не домовой, но сельской общиной. Право на надел сохранялось на вечные времена. Даже фабричный рабочий, предок которого ряд поколений тому назад выселился в город, мог всегда вернуться и пред'явить свои права; наоборот, никто не мог выделиться из общины без ее согласия. Право на надел выражалось в периодическом требовании передела. Но

[1]) См. J. v. Keussler, Zur Geschichte und Kritik des bäuerlichen Gemeindebesitzes in Russland, 3 Tle., Riga, St. Petersburg 1876—1887; Wlad. Simkhovitsch, Die Feldgemeinschaft in Russland, Jena 1898; А. Чупров, Die Feldgemeinschaft, eine morphologische Untersuchung, Strassburg 1902; M. Weber, Zur Lage der bürgerlichen Demokratie in Russland 68 ff. (Archiv f. Sozialwissenschaft und Sozialpolitik XXII (1906) 296 ff.).

равенство всех односельчан существовало обычно лишь в теории, так как почти никогда не набиралось на сходе достаточного большинства голосов для передела. За новое наделение выступали сильно размножившиеся семьи, но появлялись другие интересы, которые им противостояли. Решение мира было демократическим только по видимости; на деле оно часто определялось капиталистическими мотивами. Нуждаясь в инвентаре, отдельные хозяйства, хотя в разной степени, попадали в долговую зависимость от деревенской аристократии, кулаков, которые держали в руках массу неимущих, ссужая их деньгами. Смотря по тому, были ли они заинтересованы оставить своих должников без ничего или дать им землю, они направляли решение мира, когда рассматривался вопрос о переделе.

Относительно воздействия общинного землевладения на хозяйственную жизнь, в России высказывались до его распадения два взгляда. Одни видели в нем, в противоположность индивидуалистическому аграрному строю, спасение крестьянского хозяйства; в праве каждого выселившегося из деревни работника вернуться и потребовать назад свою долю находили решение социального вопроса. Они допускали, что всякий агрономический и иной прогресс наталкивался при этом порядке на препятствия и совершался медленно, но утверждали, что благодаря праву на „надел" всякий зато сразу воспользуется улучшениями. Противная сторона оценивала мир, как препятствие для всякого прогресса вообще и как прочнейшую опору реакционной царской политики. Растущая угроза социальной революции в начале XX столетия привела правительство к нанесению удара земельной общине. Столыпин в своем аграрном законодательстве предоставил крестьянам право (1906—7) на определенных условиях выходить из мира и требовать, чтобы им выделялся участок (хутор), который затем уже больше не вовлекался в переделы. Участок должен был быть выделен в форме сплоченного целого, как единый кусок земли, так что, подобно алльгадской хуторской реформе, деревни в принципе раздроблялись, отдельный крестьянин садился среди своей земли и хозяйничал индивидуально. Таким образом было достигнуто то, чего добивался уже в свое министерство граф Витте: разрушение „мира", между тем, как либеральные партии никогда на это не решались или как, например, „ка-деты" верили в возможность его реформировать. Ближайшим результатом аграрной реформы Столыпина было то, что более зажиточные крестьяне, сильнейшие капиталом, и те, которые владели большею площадью земли, чем полагалось по сравнению с числом их „едоков", вышли из мира, и русское крестьянство раскололось на две половины. Одна из них, класс богатых крупных крестьян, выделилась и перешла к подворному хозяйству, другая гораздо более многочисленная, которая осталась в общине, владела слишком малым количеством земли и была лишена возможности переделов и, значит, обречена на безнадежную пролетаризацию. Вторая группа возненавидела первую, считая ее насильником над божественным правом мира; первая тем самым была безусловно заинтересована в прочности устанавливающегося нового строя и, если бы не мировая война, она образовала бы новую опору и сплоченную гвардию для царизма.

По вопросу о возникновении земельной общины, в русской науке не установилось единого мнения. Согласно наиболее широко распространенному воззрению, она вовсе не представляет

первобытный порядок, но является продуктом податной политики государства и крепостного права. До 1907 года не только отдельные члены мира имели право требовать „надел“ от деревни, но и, обратно, деревня имела неот‘емлемое право расчитывать на использование их рабочей силы. Даже тогда, когда крестьянин с позволения деревенского старосты уезжал и обращался к совсем другой профессии, община могла его в каждый момент вызвать обратно, чтобы возложить на него его долю в общих повинностях. Последние состояли главным образом в погашении выкупной ссуды за освобождение от крепостничества и причитающейся части государственных податей. На хорошей почве крестьянину удавлось приобретать излишек по сравнению с падавшей на него долею налогов; поэтому, городской рабочий нередко был заинтересован в том, чтобы незваным вернуться в деревню; в таком случае община часто платила ему отступное за отказ от пользования наделом. Но если сумма податей была слишком высока, а где-нибудь представлялся лучший заработок, тем самым возрастало податное бремя для оставшихся, так как община была обременена круговой порукой. В таком случае мир принуждал своих членов возвращаться и снова браться за крестьянское дело, так что солидарность ограничивала индивида в его свободных стремлениях и становилась продолжением крепостного права, собственно в пользу мира и отмененного: крестьянин перестал быть крепостным барина, но зато оказывался закрепощен миру.

Русское крепостное право было исключительно сурово. Крестьян подвергали истязаниям; приказчики ежегодно по произволу соединяли пары, достигшие брачного возраста, и наделяли их землей. Власть помещика ограничивалась только традиционным обычаем; не существовало никакого прочного закона; господин мог ежеминутно каждого звать на барский двор или в поле на работу. В период крепостного права совершались переделы земли: на плохой почве по числу рабочих рук в крестьянском домохозяйстве, на хорошей—по числу едоков. Обязанности по земле превышали право на землю, при чем как в том, так и в другом случае община солидарно отвечала перед помещиком за исправность платежей. Одновременно русское помещичье хозяйство вплоть до последнего времени пользовалось крестьянами даже в том отношении, что само не обеспечило себя почти никаким инвентарем, но помещичья земля в общем правиле обрабатывалась крестьянским инвентарем и крестьянскими лошадьми. Земля сдавалась крестьянам в аренду или обрабатывалась под собственным управлением помещичьего управляющего имением, пред‘являвшего требования на использование крестьянских упряжек. Круговая ответственность по отношению к помещику и крепостничество существовали с XVI и XVII столетия. Из них выводили и самый обычай переделов земли.

Система переделов не существовала на Украине и в тех частях России, особенно западных, которые еще не находились под властью Москвы в XVI и XVII столетиях. Здесь господствовало подворное землевладение.

На таком же начале круговой ответственности покоилось хозяйство голландской остиндской компании [1]) в ее владениях. Она

---

[1]) P. J. Veth, Java, geographisch, ethnologisch, historisch. Neue Auflage von J. F. Snellermann und J. F. Niermeyer, 4 Bde., Haarlem 1912; S. van Brakel, De hollandsche handelscompagnien der 17e eeuw, s‘-Gravenhage 1908.

возлагала на *Desa*, т.-е. общину, круговую поруку по внесению подати рисом и табаком. Последствием такого обязательства было то, что община принуждала отдельных лиц оставаться в деревне, чтобы помогать остальным уплатить налог. С отменою круговой ответственности в XIX веке, принудительная община была обречена на упадок. В хозяйстве применялись две системы культуры риса: „сухая“, которая была малодоходна (*Tegal*), и „мокрая (*Sawah*), при которой поля обводились плотинами и разрезались внутри на части канавами, чтобы задержать убыль свежей пролившейся или собранной старой дождевой воды. Кто устраивал *Sawah*, приобретал наследственное, неотчуждаемое право собственности. На землях *Tegal* господствовала запашка, похожая на шотландское полевое и пастбищное хозяйство на внешнем поясе. Деревня расчищала почву сообща, но обрабатывали и жали участки порознь. Расчищенная земля приносила урожай три или четыре года, а затем надолго запускалась под траву и деревня меняла свое местожительство, чтобы расчищать новую землю. Более древние формы отношений ясно указывают нам, что только хищническая или насильственная политика голландской ост-индской компании привела к возникновению переделов.

Введенная компанией система в 30-х годах прошлого (XIX-го) столетия уступила место новому порядку (*Kultur-Stelsel*); каждое лицо должно было обрабатывать пятую часть своей земли в пользу государства, при чем ему предписывалось, какие именно плоды разводить. И эта система исчезла в течение XIX столетия, уступив место рациональному хозяйству.

По указаниям китайских классиков, подобная же система одно время господствовала в Китае. Пашня делилась на куски—по девять квадратов; из них внешние предоставлялись отдельным семьям, а самый внутренний считался собственностью императора. Семьи получали земли только в пользование, после смерти домохозяина происходил передел. Эта система имела только временное значение и практиковалась лишь по близости от больших рек, где была возможна обводняемая культура риса. И в этом случае аграрно-общинный строй был также введен государством в фискальных интересах, а не возник из древнейших основ. Первоначальным китайским хозяйственным строем было, как мы знаем, родовое хозяйство, которое и доныне сохраняет силу в китайской деревне, где каждый род имеет свой маленький храм для культа предков, свою школу, совместно хозяйничает и сообща обрабатывает пашню.

Последний пример будто бы „коммунистического“ аграрного строя дает Индия [2]). Здесь известно два различных вида деревенского устройства. Общим для обоих является наличность деревенской альменды и деревенского „вурта“, т. е. садовой площади, которая соответствует той части пашни в германском аграрном строе, на которой сидели сельднеры и домовники. Здесь живут ремесленники, служители

---

[1]) См. об этом вообще в книге M. Weber, Gesammelte Aufsätze zur Religionssociologie, I (Tübingen 1920) стр. 350 и приведенную там литературу.

[2]) Ср. различные Reports индийской переписи, в особенности же 1901 года, Калькутта 1913 (полный перечень многочисленных „Reports“ различных чиновников индийского управления представлает The Indian Yearbook [1921] стр. 763); B. H. Baden Powell, The Landsystems of British India, 3 Bde, Oxford 1892; он же The origin and growth of communities in India London 1908. M. Weber, ibid, II. стр. 77.

храмов (которые сравнительно с брахманами играют подчиненную роль), цирульники, стиральщики и прочие ручные работники деревни (это—деревенский *establishment*) на положении демиургов: они ничего не получают за свои единичные услуги, но работают даром за землю или за часть жатвы [1]). Различия между отдельными деревнями наблюдаются в положении владельцев земли. В деревнях—*raiyatwari* господствует индивидуальное владение землею и несутся индивидуальные податные обязанности. Во главе стоит деревенский староста. Крестьяне не получают доли в общей пустоши, которая принадлежит царьку (радже). Кто хочет расчистить новую почву, должен платить ему за разрешение. Другой тип представлен деревнями, которыми распоряжаются *joint-body*—союзы из нескольких привелигированных господ, деревенской аристократии „полногуфников"; деревенского старосты здесь нет. Эти наследственные владельцы (*Erbexen*) раздают землю, им принадлежит пустошь—общая марка: таким образом они становятся между действительно хозяйствующим человеком и раджею. Внутри последней категории, в свою очередь, различается два вида деревень. Или это—деревня *pattidari*: владение землей здесь долевое (надельное) и постоянное; по смерти владельца его часть переходит к потомкам и сородичам и, при повторных наследствах, дробится дальше. Или перед нами является деревня—*bhayachara*: здесь земля принадлежит отдельным дворам, соответственно их работоспособности или по рангу их владельцев. Наконец, существуют деревни, над которыми господствует одно лицо, как помещик и откупщик подати; это—деревни—*zamindari*; из такого собственно помещичьего владения путем дробления образовались и указанные деревни *pattidari*. Особенностью индийских отношений является то, что между распорядителями подати и крестьянами вклинивалось большое число людей, которые присвоили себе различные виды ренты, так как подати там сдаются и пересдаются на откуп. Нередко таким образом возникают целые цепи из четырех и пяти получателей ренты. Между таковыми и группою крупных крестьян-владельцев развивается кажущийся коммунизм. Там, где тяглые крестьяне хозяйничают коммунистически, они делят жатву, но не землю, доход разделяется между соучаствующими собственниками. Так и здесь причины возникновения земельной общины—фискального порядка.

В Германии также хотели видеть остатки первобытного аграрного коммунизма в д в о р о в ы х с о ю з а х (*Gehöferschaften*) мозельской области, пока К. Лампрехт не установил их истинный характер [2]). Общее владение дворов состоит в настоящее время главным образом из леса, раньше оно состояло также из лугов и пашен, которые распределялись на подобие конов (*Gewanne*) впрочем, с повторяющимися переделами и жеребьевками. Однако и оно не является чем-либо исконным, но родилось из помещичьих отношений. Первоначально это была „помещичья экономия", которая обрабатывалась мелкими крестьянами, участниками в общей марке. Так как, в конце концов, помещики-рыцари

[1]) Однако, неподвижность индийских отношений об'ясняется не практикою этих учреждений, как думает Карл Маркс, но характером кастового строя, так же, как в Китае родовым хозяйством.

[2]) Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter I, 442 ff Ср. дальше F. R ö r i g, Zur Entstehung des Agrarkommunismus der Gehöferschaften. Westdeutsche Zeitschr. f. Geschichte und Kunst, Ergänzungsheft XIII (1906) 70 ff.; W. D e l i n g, Hauberge und Haubergsgenossenschaften des Sieerlandes, Breslau 1900.

оказались не в состоянии сами вести хозяй... ...читали выгодным возбудить собственнический интерес в кресть... ... предоставили им землю под обязательством общего оброка. Т... образом и здесь выступает принцип круговой ответственности. ...лены возникшей так общины разделяли между собою землю окончательно или решали производить периодическую жеребьевку. Всеми этими примерами обнаруживается недоказанность в полном виде теории Лавелэ[1]), который думает, что в начале развития землевладения стоял всегда аграрный коммунизм в смысле общинной обработки, а не только в смысле общинного владения землею — две вещи, которые надо хорошо отличать друг от друга. На деле обработка поля всеми сообща, оказывается, не была первоначальным порядком. В науке высказывались по этому вопросу резко противоположные взгляды. В то время как социалистические писатели считают, что возникновение собственности было грехопадением, либеральные историки возводят ее существование возможно дальше, вплоть до времен предполагаемых предков человека. Поистине же нельзя высказать ничего определенного о первобытном хозяйстве человека, а если искать ответа на основании сравнения с порядками, господствующими у народов, не затронутых европейской культурой, мы не найдем нигде единообразия, но повсюду откроем сильнейшие различия, даже противоположности.

В совершенно первобытном аграрном строе господствует т. наз. мотыжная культура. Нет ни плуга, ни упряжного скота; пахотный инструмент—заостренный кол; мужчина ходит с ним по пашне и сверлит дыры, в которые женщина кладет клубни[2]). С этим могут, однако, соединиться совсем различные хозяйственные порядки. У гуатосов внутренней Бразилии существуют рядом,—при чем нет необходимости предполагать, что этому предшествовали другие формы трудовых отношений—индивидуальное хозяйствование отдельных домов, без специализированного разделения труда между ними, ограниченная специализация труда внутри каждого дома и, наконец, ограниченный обмен между племенами. Противоположную крайность представляет собою накопление трудовой силы внутри одного гигантского дома; таков, напр., „длинный дом ирокезов". Здесь женщины под начальством жены вождя все сгоняются вместе, начальница распределяет работу, и плоды труда делятся ею между от... ными семьями. Мужчина является воином и охотником, он бер... себя особо тяжелые работы: расчистку земли, постройку хижин, ... нец, присмотр за скотом; эта последняя работа считалась ...начально почетной, потому что приручение животных требует ... позднее такая оценка условно поддерживается традицией. Аналогичные порядки, мы видим, распространены по всей земле, в особенности у негрских племен; повсюду здесь полевая работа лежит на женщинах.

---

[1]) De la propriété et de ses formes primitives, Paris 1874. (Есть русск. пер.) Статья „Feldgemeinschaft" Handwörterbuch der Staatswissenschaften IV (составлена A. Meitzen'ом) дает хорошо ориентирующий обзор распространения этой формы хозяйства в различных странах.

[2]) Главная противоположность между развитием аграрного хозяйства в Европе и в некоторых азиатских областях заключается в том, что первоначально ни китайцы, ни яванское население не знают молочного хозяйства, между тем как у нас, в Европе, оно существует уже во времена Гомера. С другой стороны, у индийцев не бьют скота со времен тамошнего средневековья, еще и доныне высшие касты отвергают потребление мяса. Молочный и убойный скот, таким образом, не разводится в очень обширной части Азии.

§ 2. Присвоение земли и общинные союзы.—Род.

A. Виды присвоения.

Формы присвоения земли столь же разнообразны, как внешние формы аграрного строя вообще. Носителем присвоения повсюду первоначально является домовая община, но различие заключается в том, есть ли это отдельная семья, как задруга южных славян, или более обширный союз, в роде „длинного дома“ ирокезов.

Присвоение осуществляется по двум различным направлениям. Или вещественные об'екты труда, особенно земля, рассматриваются, как трудовые орудия, тогда их часто присваивает женщина и ее род. Или земля считается почвою, взятою копьем, завоеванною, и она защищается мужчиною; в этом случае она присваивается мужским родом или иным союзом мужчин. Во всяком случае в способах первобытного присвоения и разделения труда играют решающую роль не только экономический интерес, но также военные, религиозные и магические основания.

Отдельное лицо в прошлом постоянно должно было считаться со множественностью союзов, к которым оно принадлежало. Такими союзами были:

1. Домовый союз. Структура его может быть различна, но он прежде всего является союзом потребителей. Домовому союзу могли принадлежать также и вещественные средства производства, особенно движимое имущество. Затем внутри него могло происходить дальнейшее присвоение, например, оружия и мужской утвари мужчинами с особым наследованием, украшений и женской утвари женщинами.

2. Родовая община (Sippe). Она также является в различной мере носительницею присвоения. Она могла быть суб'ектом владения землею; во всяком случае, сородичи сохраняют, как остаток этого первоначально далеко шедшего права присвоения, определенные права на владения отдельных домовых общин, право возражения и первой покупки при отчуждениях. Далее родовая община берет на себя защиту безопасности индивида. Она практикует обязанность мстить и хранит право мести, претендует на участие в выкупах и на распоряжение женщинами, принадлежащими к роду, вместе с тем и на часть выкупа за невесту. Род может быть мужским или женским по филиации. Если носительницей права присвоения собственности и других прав является родовая община мужчины, мы говорим об отеческом, в противном случае о материнском потомстве.

3. Магический (религиозный) союз. Важнейший из союзов такого рода есть тотем, который возникал во времена господства определенного типа анимистских верований.

4. Союз сельский или марковый, основанный на хозяйственном мотиве.

5. Политический союз. Он защищает страну, на территории которой расположена деревня, а потому обладает далеко идущими правами в отношении заселения этой страны и сверх того имеет право ожидать от индивида еще выполнения военных и судебных обязанностей, которым с другой стороны соответствует определенное право

индивида;[1]) далее он обладает правом на [illegible] повинностей и податей.

Индивиду, далее, при известных обсто[illegible]ах приходится считаться:

6. С „землевладыкою“ (Grundherr),[2]) если земля, на которой он хозяйничает, не принадлежит ему самому.

7. С хозяином (Leibherr), если он не свободен лично, но является собственностью другого.

Каждый отдельный германский крестьянин, напр., в прошлом должен был считаться с землевладельцем-государем, с ближайшим господином и с судьею, из которых то один, то другой пред'являли особые требования на его услуги. В зависимости от того, были ли различны эти лица или они сливались в одном, различно складывалось аграрное развитие: в первом случае, когда владыки соперничали друг с другом, оно благоприятствовало свободе крестьянина, в последнем случае его несвободе.

Б. Домовая община и род.

В наше время домовая община семейного хозяйства нормально является малой семьею, т. е. группою, состоящею из родителей и детей. Она покоится на законном единобрачном союзе, рассчитанном как союз постоянный. Хозяйство такой малой семьи ныне является в существенных отношениях потребительным союзом и отличается от доходного хозяйства, по меньшей мере, способом ведения книг. Внутри семьи существует индивидуальная распорядительная власть главы дома по отношению к отдельному имуществу жены и детей. Родство признается как с отцовской, так и с материнской стороны; значение его, однако, ограничивается областью предполагаемого наследственного права. Понятие рода (Sippe) в древнем смысле ныне потеряло жизненность; остатки его можно еще увидеть в праве боковых родственников на наследство. И здесь возникает вопрос о древности и путях возникновения подобных отношений [3]).

---

[1]) Ср. существовавшее вплоть до крестьянской войны эпохи реформации право сельчан носить оружие. Обязанностям свободного человека таким образом соответствует определенное право.

[2]) Немецкий термин Grundherr очень выразительно соединяет в себе понятие, помещик и государь, особенно характерное для эпох с развивающеюся „феодализациею отношений“. В дальнейшем обычно, слово это переводится просто „помещик“ (для избежания громоздкости выражения „помещик-государь“), или говорится—„господин“, когда надо подчеркнуть его „власть“. Во французской терминологии, обыкновенно, употребляется слово seigneur, но в нем исчезает конкретное указание на „[illegible]дения“, отмечается лишь „власть“. *Прим. ред.*

[3]) Исследование вопроса восходит к книге J. J. Bachofen, Das Mutterrecht, 1861. Выдвинутая им теория происхождения семьи из „материнского права“ представлена работами: Л. Морган, Первобытное общество, 1871, русск. пер. 1900 г. и Г. С. Мэн, Древнее право, 1861, русск. пер. 1873 г. Эта теория и легла в основу социалистических работ: А. Бебеля, Женщина и социализм, 1883; Фр. Энгельса, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1884; H. Cunow, Zur Urgeschichte der Ehe und Familie, 1912. Реакцию против теории „материнского права“ являют работы: E. Гроссе, Формы семьи и хозяйства 1896, русск. пер. 1900 г. Ср. стоящую на уровне научного положения вопроса и беспристрастно написанную книгу—Marianne Weber, Ehefrau und Mutter in der Rechtsentwicklung, Tubingen 1907. Ср. еще W. Wundt, Volkerpsychologie. 7. u. 8. Bd., Leipzig 19 7.—J. Kohler, Zur Urgeschichte der Ehe, Stuttgart 1897 (из: Zeitschrift fur vergleichende Rechtswissenschaft. 12. Bd.) рассматривает прежде всего явления, связанные с тотемизмом.

Социалистическая теория исходит из признания нескольких ступеней в развитии брака. Согласно ее воззрению первоначальным состоянием было некое беспорядочное половое смешение, внутри орды (эндогамия), соответствовавшее полному отсутствию частной собственности. Доказательство для такого допущения видят в различных предполагаемых пережитках этого первобытного состояния: в религиозных установлениях оргиастического характера у первобытных народов, в оргиях мясоедения, потребления алкоголя и наркотиков, во время которых рушатся все границы полового общения; в той добрачной свободе половых сношений также и для женщины, которая существует у различных народов, в половой разнузданности гиеродулок древнего Востока, которые отдавались безразлично всякому; наконец, в существовавших в различных местах, например, и у израильтян, обычае левирата, привилегии и обязанности ближайшего сородича брать в жены вдову умершего и через то ему наследовать, в чем видят остаток первобытной эндогамии, которая постепенно перешла в притязание на одну определенную женщину. Второй ступенью развития, по социалистической теории, является групповой брак. Определенные общественные союзы (род, племя) состоят в брачных отношениях с другими, так что каждый мужчина одного считается мужем каждой женщины другого. Следом существования такой формы считается отсутствие у индийских племен Америки других обозначений родства, кроме слов „отец" и „мать", которые применяются к любому человеку определенного возраста; указываются также единичные случаи существования таких групповых брачных отношений на островах Южного океана, где известная группа мужчин обладает единовременно или последовательно правом половых сношений с одною женщиной, или группа женщин с одним мужчиною. Дальнейшею переходною стадиею, по социалистической теории, является материнское право. Согласно этой теории в те времена, когда причинная зависимость между половым актом и рождением была еще неясна, домовая община состояла не из семей, но из материнских групп; только материнский род имел ритуальное и правовое значение. Эта ступень выводится из широко распространенного обычая авункулата, при котором брат матери является защитником женщины и дети ему наследуют. Дальнейшей всеобщей стадией считается матриархат, при котором внутри определенных групп место начальника их занимается исключительно женщинами, и женщина является в особенности хозяйственной руководительницей домовой общины. Отсюда переход к отеческому праву совершается через распространенный во всем мире обычай брака умыканием, при чем в связи с этим, начиная с определенной стадии развития, половое смешение воспрещается на ритуальных основаниях и вместо эндогамии основным правилом делается экзогамия, т. е. допущение половых сношений лишь с женщинами из других групп; это достигается по большей части насильственным добыванием жен извне. Отсюда дальше развивается брак-купля. Доказательства такой последовательности развития находили в том, что даже у многочисленных культурных народов, которые давно перешли к договорному браку, брачные церемонии строятся на фикции насильственного увоза. Наконец, переход к отцовскому праву и к законному единобрачию, по социалистической теории, тесно связан с возникновением частной собственности и со стремлением мужчины обезпечить себе

законных наследников. Вместе с тем соверша... ...ликое грехопадение; отныне рядом друг с другом стоят един... ... и проституция.

Такова теория материнского права и осн... ... на ней учение социалистических историков. Несмотря на ... несостоятельность в отдельных подробностях, она, как целое, является вкладом к раз'яснению вопроса. Здесь еще раз подтвердилась старая истина о том, что воодушевленное заблуждение часто оказывается для науки плодотворнее, чем бездушный педантизм. Критика теории должна ближайшим образом обратить внимание на схему развития проституции, причем, разумеется, следует устранить из исследования всякую этическую оценку.

Под проституцией мы разумеем половую отдачу себя за вознаграждение, ради заработка и в виде доходного промысла. В таком смысле проституция никоим образом не является продуктом единобрачия и частной собственности, но есть явление гораздо более древнее. Нет ни одной эпохи в истории и ни одной ступени развития, где бы нельзя было ее отыскать. Она редко обнаруживается у народов исламской веры; ее не замечаем и у некоторых дикарей; зато и наказания за гомосексуальную и гетеросексуальную проституцию встречаются также у таких народов, которыми пользовались, как доказательством правильности своей теории социалистические писатели, потому что у них нет частной собственности. Постоянно и повсюду встречается она, как доходный промысел с классовой обособленностью проституток и по большей части с положением их, как париев, за исключением одного вида, именно сакральной проституции. Между такою профессиональною проституциею и очень разнообразными формами брака возможно расположить очень различные виды длительных или временных половых сношений, как переходные типы, которые далеко не все безусловно являются запрещенными в правовом или нравственном смысле. Между тем как в наши дни договор о половом наслаждении вне брака является недействительными по его позорности, *turpi causa*, в птолемеевском Египте царила свобода половых договоров, женщины соглашались отдаваться за обеспечение продовольствия, в случае недоставления какового признавалась за ними юридическая возможность обжалования, предоставлялись в подобных же случаях известные права наследования и другие права [1]).

Проституция выступает, однако, не только в форме беспорядочной самоотдачи, но встречается и в сакрально урегулированной форме, как ритуальная проституция, напр., гиеродулок в Индии и на древнем Востоке. Это были храмовые рабыни, обязанные функционировать в богослужении, часть которого [illegible] с их участием; рядом с этим практикуется также отдача гиеродулок всякому желающему за вознаграждение. Институт гиеродулок восходит к сакральным источникам, об'ясняется анимистскими колдованиями сексуального характера, которые в условиях возрастающего экстатического возбуждения заканчиваются половым сношением.

Половой акт, как чародейская операция для приобретения плодородия полей, очень распространен у земледельческих народов: половая оргия иногда производилась прямо на пашне, с той целью, чтобы

---

[1]) См. Joh. Nietzold, Die Ehe in Aegypten zur ptolemäish-römischen Zeit (Leipz. 1903).

таким образом повысить ее производительность. Из участия в этом сакраментальном акте возникла в Индии профессия баядерок, которые, как свободные гетеры, играли значительную роль в индийской культурной жизни, подобно эллинским гетерам, но и они, несмотря на благоприятные условия своего существования, считались из'ятыми из состава честных групп общества и потому, как показывают нам индийские драмы о баядерках, они считали высшей ступенью счастья, если божественное чудо возвышало их до весьма угнетенного тогда положения замужней женщины. Рядом с гиеродулками в Вавилоне, как и в Иерусалиме, были храмовые проститутки, в собственном смысле слова, которыми пользовались особенно странствующие купцы; положение их было благоприятно, так как их ремесло, не говоря уже о его сакральном оргиастическом характере, просто содействовало материальным выгодам храма. Борьбу с публично узаконенной проституцией и ее источником, оргиастикой, вели пророки и жрецы великих религий искупления: Заратуштра, брахманы, также пророки ветхого завета. Борьба эта велась частью на религиозно-этических основаниях; это было дело тех, кто хотел углубить внутреннюю жизнь человека и видел в разнузданной эротике сильнейшее препятствие для действенности религиозных мотивов. Кроме того, здесь играло роль культовое соперничество: древне-израильский бог был богом гор, а не хтоническим божеством, подобным Ваалу, и пророки видели в оргиастах Ваала своих опаснейших конкурентов. Рядом со жрецами и священниками в этой борьбе, повсюду где возникало национальное государство, особенно в Риме, выступала полицейская власть; она страшилась революционных движений в низших слоях, которые могли возбуждаться оргиастическими массовыми эмоциями. Однако, и после устранения подозрительной для государства оргиастики проституция продолжала существовать, но как бы выброшенная из нормального общества и не узаконенная. В средние века, несмотря на церковное осуждение, она пользовалась даже официальным признанием и сложилась в цеховую организацию. В Японии вплоть до настоящего времени временная проституция девушек в чайных домах не только не позорит их, но делает их особо желанными для брака. Переворот в судьбе проституции произошел впервые в конце XV столетия, вследствие сильного взрыва половых болезней после похода Карла VIII французского в Неаполь. Тогда и началось запирание проституток; до тех пор они жили в смягченном режиме, как евреи в гетто. Взрывы аскетических стремлений в протестантизме, особенно в кальвинизме, также обрушились на проституцию; практика католической церкви была спокойнее и осторожнее. Результаты получились приблизительно те же, как в мохаммеданстве и талмудизме, которым тоже предписывали борьбу с оргиастикой.

Рассмотрение внебрачных половых отношений учит нас отличать от проституции *половую распущенность женщин*. Половая распущенность мужчин издавна считалась сама собой понятной, она осуждена впервые тремя великими монотеистическими религиями, в иудействе, впрочем, впервые только Талмудом. Первоначально существовавшая половая распущенность *женщин* выражалась в том, что например, у арабов еще во время Мохаммеда продолжали существовать *браки на время* за продовольствие и *пробные браки* (последние имели место также в Египте и в других странах), даже

в то время, когда уже сложился постоянный [illegible] Даже девушки из почетных семейств не хотели подвергаться [illegible] зависимости жены в домашней жизни патриархальной семьи[1]) [illegible] крепко держались за половую свободу и, живя в родительском доме, заключали с мужчинами договоры о половой связи по соглашению на разные сроки. Рядом с этим примером личной половой распущенности можно поставить тот факт, что женщина могла быть отдаваема родом в наем за продовольствие, ради дохода. Упомянем еще о т. наз. браке по гостеприимству, т.-е. обязательной отдаче жены и дочерей особо уважаемым гостям. Наконец, развился конкубинат (гражданское сожительство), который тем отличался от брака, что не считался вполне действительным для определения правового положения детей. Он обуславливался главным образом сословным неравенством и развивался, как форма семейного союза между неравноправными, пока господствовала сословная эндогамия. Во времена Римской империи конкубинат был совершенно признан правом, особенно для солдат, которым запрещались браки, и для сенаторов, у которых брачный рынок был ограничен по сословным причинам. Он удерживается в средние века и впервые только пятый латеранский собор абсолютно запретил его в 1615 г. В реформированной церкви он был запрещен с самого начала. С тех пор он исчез на западе, как признанное правом учреждение.

Дальнейшее исследование социалистической теории материнского права приводит нас к тому, что мы вообще вряд ли можем доказать всеобщую повторяемость устанавливаемых ею последовательных ступеней в половых отношениях. Половое смешение, поскольку оно вообще существует, является или случайным фактом оргиастического характера или продуктом упадка более древнего, весьма сурового регулирования половых связей. Относительно материнского права следует добавить вот какое наблюдение: история анимистических религий вообще показывает, что причинная зависимость между актом совокупления и рождением первоначально не была понятна. Поэтому, именно кровная связь между отцом и детьми не играет вначале никакой роли; еще доныне у отсталых племен внебрачные дети живут по праву матери. Но чистые материнские группы, в которых дети живут только с матерью, без отца, распространены отнюдь не всюду; они появляются только при совершенно определенных условиях. Эндогамия внутри дома встречается, как аристократический обычай для поддержания чистоты крови, напр., у Птолемеев [2]). Преимущественное право рода, чтобы девушка перед браком с чужаком [illegible] отдавалась родовичам или их право было выкуплено, об'ясняется [illegible]венною дифференциациею и является предохранител[illegible] от раздробления родового добра. Левират вырост[illegible] первобытных отношений, но основание его покоится [illegible] группы

---

[1]) (См. J. Ficker. Über nähere Verwandtschaft zwischen got[illegible]hspanischem und norwegisch-isländischem Recht, Mitteilungen des Instituts f[illegible] österreichische Geschichtsforschung. 2. Erg.-Bd., S. 478 ff., und: Untersuchungen zur Erbenfol[illegible] der ostgermanischen Reiche, III, 393 ff., 405 ff., 409 ff.—Н.).

[2]) (Браки между братьями и сестрами практиковались [illegible]гипте уже в древнейшие времена—см. Ed. Meyer. Geschichte des Altertums 3 Aufl 1, 2, [illegible]—еще в римское время они там повсеместно были распространены; ср. U. Wilcken b SB. der Berliner Akad. 1883, стр. 903; E. Weiss, Zeitschrift der Savignystiftung, XLII, 1908, Rom. Abt., стр. 351—Н.).

избегнуть прекращения своей мужской линии из военных и религиозных соображений, чтобы не сиротел земельный „жребий“ воина и не забывалось почитание умерших предков. Когда наступила сословная дифференциация, является и сословная эндогамия, так что дочери предоставляются в первую очередь сочленам по определенному политическому и хозяйственному союзу. То же самое в более широком круге осуществляла греческая демократия, чтобы имущество не ускользало из общины-полиса и шансы на государственную карьеру монополизировались полноправными гражданами, между тем как прием в число последних старались ограничить. Эндогамия встречается, наконец, и как гипергамия там, где выросло очень строгое сословное расслоение, напр., в среде индийских каст. Если мужчина высшей касты обычно вступает в половые сношения с низшими и женится на ком угодно, то девушке из высшей касты это запрещено. Поэтому, женщина низшей касты продается за деньги, а для девушки высшей касты, которую сватают уже в детском возрасте, ищут мужа за выкуп; этот муж женится одновременно на многих женщинах и кормится при переездах рисом их отцов. Только английское правительство положило конец этому порядку, потребовав от номинальных супругов предоставления содержания вверенным их попечению женщинам. Вообще, где имеется эндогамия, можно заранее принять, что она представляет собою явление упадка, а не переходную стадию развития. Эксогамия в доме, за редкими исключениями, существует всегда и повсюду. Она возникает из стремления противодействовать мужской ревности внутри дома и из наблюдения того факта, что совместное воспитание не дает достаточно сильных поводов для развития половому влечению. Как родовая эксогамия, она обычно обусловлена анимистскими представлениями, которые относятся к системе тотемизма. Однако, не доказано, что она распространена во всем мире, хотя и встречается в таких независимых друг от друга областях, как Америка и Индийский архипелаг. Брак умыканием повсюду рассматривается, как беззаконное действие по отношению к затронутому им роду; он дает право на кровавую месть и выкуп, но одновременно считается богатырским деянием.

Признаком законного брака по отцовскому праву является тот факт, что с точки зрения определенного союза полноправными считаются только дети определенной жены данного мужа. Такой союз может быть: 1) Домашней общиной: только брачные дети обладают правом наследования, но не дети побочных жен и конкубин. 2) Родовой группой: только брачные дети участвуют в кровной мести выкупе и наследовании от родовичей. 3) Военным союзом: только брачные дети владеют правом носить оружие, имеют доли в добыче и завоеванной земле, право присвоения земли. 4) Сословным союзом: только брачные дети считаются сословно полноправными. 5) Религиозным союзом: только полноправные потомки способны поддерживать культ предков и только от них боги принимают жертвы. Возможные противоположности законного брака по отцовскому праву таковы: 1) Чистые материнские группы: нет отца, как законно признанного главы; родство существует только между матерью и детьми, а также родственниками матери. Чистая материнская группа встречается в особенности там, где имеются и союзы мужчин (см. ниже). 2) Чистые отцовские группы: все дети одного отца считаются равноценными, также и дети от побочных жен, конкубин и рабынь, равно

и приемные; как они, так и жены, под [illegible] его неограниченной власти. Из этого состояния развивается за[illegible] брак по отцовскому праву. 3) Следование праву матер[illegible] существует домашнее сожительство обоих род[illegible], так что дети принадлежат к роду матери, но не отца; это [illegible]яние встречается там, где господствует тотемизм, и еще как пережиток устройства мужского дома (см. ниже).

В. Хозяйственная и внехозяйственная обусловленность развития семьи.

Чтобы понять эту обусловленность, нужно вникнуть в обстановку первобытного хозяйства вообще.

Прежняя, ходячая в науке, схема трех друг друга закономерно сменяющих ступеней хозяйства—охоты, пастушества и земледелия,—ныне поколеблена. Ни народы чисто-охотничьи, ни чистые кочевники, если они вообще еще встречаются и не вступают в обмен между собою или с народами земледельческими, уже не являются чисто первобытными. Первобытно, напротив, кочевое земледелие, которое выступает как мотыжная обработка обычно в связи с охотою. Мотыжная обработка есть земледелие без домашнего скота, в особенности без рабочего скота. Появление плуга уже обозначает переход к земледелию в нашем смысле. Попытки приручения животных делаются с очень раннего времени. Сначала приручают скот, годный для работ. Позже доходит очередь до молочного скота; еще ныне, особенно в восточной Азии, есть области, которым не известно употребление молока (см. выше, стр. —); потом наступает черед убойного скота. Случайный убой, конечно, явление старое; он происходит в ритуальной форме, при оргиях мясоедения. Наконец, приручаются и дрессируются животные с военными целями. С XVI столетия до Р. Х. мы встречаем лошадь, которая является в степи верховым животным, повсюду же в иных местах упряжным, и открывает своим появлением эпоху богатырских боев на колесницах, общих всем народам от Китая и Индии до Ирландии.

Мотыжное земледелие могло производиться индивидуально малыми семьями или, с накоплением труда, путем соединения семейных общин; в последнем случае оно занимает сотни людей. Этот вид обработки почвы знаменует уже известное улучшение техники. Охота должна была с самого начала производиться сообща; однако, это сотрудничество оставалось случайным. Скотоводство могло и даже должно было практиковаться индивидуально; во всяком случае, скотоводческие общины не могли быть слишком велики, так как при экстенсивном хозяйстве имеет место рассеяние по обширным пространствам. Наконец, экстенсивное земледелие могло практиковаться в любой форме, только расчистка требовала общего труда.

С этими различиями хозяйственных форм переплетается разделение труда между полами. Первоначально, в соответствии с трудностью работ, на женщину падали возделывание пашни и жатва. Когда же тяжелая работа на поле плугом сменила мотыгу, пришлось за пашню взяться мужчине. Работою внутри дома, центр тяжести которой лежал в ткачестве, была занята исключительно женщина. Мужчина же

был занят охотой, содержанием домашнего скота, поскольку речь шла о крупных рогатых породах (за мелким скотом ухаживала опять-таки женщина), работой над деревом, обработкой металлов и, наконец, прежде всего войной. Женщина работала непрерывно, мужчина порывами. Только с большою постепенностью, по мере увеличения тяжести и интенсивности работы, в постоянных видах труда принял участие и мужчина.

Из взаимодействия этих форм образовалось два типа трудовых соединений: с одной стороны, домашняя и пахотная работа, с другой стороны—охота и война. В первых женщина играет решающую роль и на этом покоится часто ее почетное положение; нередко на ее долю выпадает даже исключительное руководительство. Дом женщин с самого начала был домом труда, тогда как сообщество для охоты и войны было делом мужского союза. Но был ли главою дома мужчина или женщина, как у индейцев, всегда существовала в нем традиционная подчиненность, а с другой стороны—патриархальный порядок внутри дома. Напротив, общение для войны и охоты осуществлялось под руководством вождя, избранного для этой цели; выбор вождя определялся не его родственными связями, но исключительно военными и иными личными качествами: это был свободно избранный военачальник со свободно подобранной дружиной.

Рядом с домашней общиной, среди которой совершается хозяйственный труд женщины, существует дом мужчины [1]). В определенную эпоху жизни, примерно от 25 до 30-ти лет, мужчины живут вне семьи, в отдельном доме. Отсюда организуется война, охота, колдовство и выделка оружия или других важных железных предметов обихода. Молодежь нередко похищает для себя женщин, и при том совместно, так что такой брак умыканием носит полиандрический характер. Женщине воспрещен вход в дома мужчин, ради сохранения его тайн; обычно ее предупреждают о близости этого дома разными устрашающими действиями; таков, напр., дук-дук у островитян Южного океана. Обычно с существованием дома мужчин связан обычай авункулата, не всегда, но очень часто счет родства по матери и постоянно родовая эксогамия. Обыкновенно также вся совокупность мужчин делится на возрастные классы. С определенного возраста мужчины уходят назад в деревню к женам. Обычно при доме мужчин развивается новициат. В определенном возрасте мальчиков берут из семьи, подвергают магическим обрядам (в частности обрезанию), посвящают в союз юности и принимают в дом мужчин. Дом этот—казарма, военное учреждение, в период упадка из него могут возникать всевозможные причудливые сообщества, напр., клубы колдунов или полицейские тайные союзы в роде итальянской каморры. Спартанский ἀνδρεῖον, греческая фратрия, римская курия (coviria)—вот примеры домов мужчин.

Это первобытное военное учреждение появлялось не всюду, но там, где оно существовало, оно быстро приходило в упадок, или вследствие потери воинственности, или вследствие усовершенствования военной техники в направлении, которое благоприятствовало единоборству с употреблением тяжелого оружия и требовало специальной тренировки бойца. Особенно повлиял в этом смысле бой на колесницах

---

[1]) H. Schurtz, Altersklassen und Männerbünde, Berlin. 1902.

и на коне. Последствия были обычно таковы: мужчина вступал в семью, соединялся с женою, и военная защита обеспечивалась уже не коммунистическим домом мужчин, но тем, что каждому отдельному воину доставался земельный участок, который создавал средства снарядиться. Тем самым и кровная связь приобретала более решающее значение; вместе с нею повсюду в мире формируется разными путями первобытная теология анимизма, веры в духов.

В доме мужчин вероятно следует искать зарождения тотемизма [1]), покоющегося на анимистской основе, хотя он позднее остается свободным от него. Тотем—это зверь, растение, камень, произведение человеческого труда, вообще какой-нибудь предмет, который считается одержимым духом; сочлены по тотему считаются находящимися в мистическом общении с этим духом. Если тотем—животное, его нельзя убивать, ибо он кровь от крови всего общества; отсюда проистекают определенные ритуальные запреты в пище. Сообщники по тотему образуют культовый союз мира, сочлены которого не должны воевать друг с другом; они соблюдают эксогамию, ибо брак между членами одного тотема считается кровосмешением и тяжко наказуется, а потому они состоят в брачных соглашениях с другими тотемными союзами. Союз тотема в этом смысле есть ритуальный союз, который часто причудливо переплетается с семейными и политическими сообществами. Хотя отдельный отец живет в общем доме вместе с женой и детьми, счет родства почти всюду ведется по матери, так что дети принадлежат к материнскому роду и остаются отцу даже ритуально чужды. В этом-то и заключается фактическая основа так наз. материнского права, которое вместе с тотемизмом является пережитком эпохи домов мужчин. Напротив, где последнего нет, там господствует чисто отеческая группа или отеческая группа с материнским преемством родства.

Борьба между возникавшим отеческим и старым материнским правом решалась порядком, согласно которому присваивалась земля. Присвоение совершалось на чисто экономических основаниях, т.-е. земля считалась местом работы женщины, или на основаниях военных, т.-е. земля рассматривалась как приобретенная и защищаемая копьем, т.-е. добром мужчины. Если женщина несла на себе главное бремя по обработке земли, то земля переходила к брату матери, как опекуну детей. Напротив, если она считалась даром оружия, на нее притязал военный союз; дети считались по отцу, дальнейшим последствием было исключение женщин из права на землю. Союз стремился поддержать экономические основания для боеспособности сочленов, удерживая земельные жеребья внутри отцовского рода. Из такого стремления вырос левират, как и право наследования на дочерей, которое охватывало в себе и право и обязанность ближайшего родственника жениться на единственной оставшейся в живых дочери к.-н. рода, как это особенно практиковалось в Греции. Тот же вопрос о главенстве отеческого или материнского права мог разрешаться и другим путем, т.-е. на основании индивидуальных имущественных отношений. Среди экономически равных людей, вероятно,

---

[1]) J. G. Frazer, Totemism and Exogamy, London. 1910; Varii auctores Das Problem des Totemismus. Anthropos IX (1914), X/XI (1915/16), XII/XIII (1917/18). XIV/XV (1919/20); E. Durkheim, Les formes élémentaires de la vie religieuse, Paris 1912.

древнейшею формою заключения браков был **обмен женщинами** [1]), в особенности между домашними союзами, когда братья одного взаимно обменивались сестрами другого. При дифференцировании владения женщина, как рабочая сила, превращается в об'ект ценности и покупается, как рабочий скот. Кто не может ее купить, должен за нее отслужить или надолго остаться в ее доме. Браки **куплею** и **отработкою**, одни со счетом родства по отцу, другие по матери, могут также существовать рядом друг с другом и даже в одном домохозяйстве; ни один из этих обычаев не наблюдается во всеобщем распространении. Женщина при этом остается всегда под сильной рукою мужа, который ее купил, независимо от того, живет ли она в своей семье или в семье мужа. Браки куплей и отработкой могут быть одинаково как **полиандрией**, так и **полигамией**. Если земельный собственник покупает сколько ему угодно жен, то неимущие, в особенности братья, об'единяются для общей покупки жены.

По ту сторону этих отношений стоит **групповой брак**, который развился, может быть, из постоянных брачных договоров (картелей) с магическою санкциею между различными тотемическими или семейными общинами, при чем мужчина брал последовательно или одновременно в жены нескольких сестер, вообще некоторое количество женщин из другой семейной общины, иногда во владение всей своей общины. Групповой брак встречается только эпизодически и никоим образом не является всеобщей необходимой переходной ступенью в развитии брака.

Купленная жена обычно находится под **неограниченной, патриархальной** властью мужа. Эта верховная власть его исконно древняя. В принципе она никогда не отсутствует и свойственна уже первобытным народам.

Г. Развитие рода.

Развитие „рода“ (Sippe—последнее слово обозначает кровное родство, оно соответствует галльскому слову „клан“ и тождественно римскому *proles*)—протекает следующими путями.

Прежде всего надо различать разные виды родов.

1. Род в смысле **магического** (религиозного) родства его членов между собою, с запрещениями некоторых видов пищи, предписаниями, устанавливающими определенное ритуально поведение друг к другу и т. д. Такими родами являются **тотемы**.

2. **Военные** роды (**фратрии**)—это союзы, которые искони существовали в домах мужчин. Опека над своею молодежью, которую они практикуют, тесно опутывает ее жизнь: тот из юношей, кто не хочет подчиняться правилам новициата дома мужчин и подвергнуться связанным с ними аскетическим упражнениям и испытаниям мужества, становится на языке древних народов „женщиной“ и потому не пользуется политическими и тесно с ними связанными экономическими преимуществами мужчины. Военный род сохраняет следы своего прежнего значения еще долго после исчезновения домов мужчин; в Афинах, напр., фратрия превращается в деление общества, участие в котором дает лицу гражданские права.

---

[1]) См. кн. Бытия 34, 8 слл.

3. Род, как **круг родства** определенной степени. Здесь решающую роль играет мужской состав группы, о котором только и идет речь ниже. Его функции: он осуществляет обязанность кровной мести над чужими обидчиками, он является носителем собственности на землю там, где она является завоеванной мечом; по китайскому еврейскому, древне-германскому праву, родственникам по мужской линии (агнатам) еще в исторические времена принадлежит **право возражать** против отчуждения земли в руки чужих для рода людей. „Мужской род" с таким значением есть, однако, специальное привилегированное и частное учреждение; только боеспособный, т.-е. мужчина могущий физически и экономически защитить себя, тот, кто в состоянии себя вооружить, принадлежит к роду; кто этого не может сделать, отдается покровительству господина, который его защищает, но зато им и распоряжается. Таким образом, принадлежность к роду агнатов практически становится преимуществом состоятельных групп.

Род может быть **организованным** или **неорганизованным**. Первобытное его состояние есть нечто среднее между этими типами. Во главе рода обычно стоял старейшина; впрочем, он часто исчезает в историческое время. В принципе он только первый между равными, он действует как третейский судья при спорах внутри рода, в его руках находится право раздела земли между сородичами; но последнее происходит, во всяком случае, не по его произволу, а согласно традиции, так что сородичи или получают в основе одинаковое участие, или неравенство их урегулировано определенным образом. Тип старейшины рода—арабский шейх, который может воздействовать на своих только убеждением и добрым примером, как и у германцев тацитовские *principes* тоже действовали больше примером, чем приказанием.

Судьбы родового строя были очень различны. На Западе он совершенно исчез, на Востоке удержался почти в полном виде. Еще в античном мире φυλαί и gentes играли видную роль; каждый античный город первоначально составляется из родов, не из индивидов. Индивид в Греции принадлежит к городу только как член рода, военного союза (фратрии) и союза для распределения повинностей (филы); то же наблюдается в Индии, в высших кастах; особенно в касте воинов принадлежность к роду обязательна, тогда как член низших или позже возникших каст является только участником *девака*, т.-е. тотемического союза. Здесь значение рода покоится на том, что наделение землею отдельных лиц совершается в виде пожалования главою рода. Знатность происхождения становится принципом наделения землею: не потому, что люди владеют землей, считаются они знатными, но, наоборот, потому, что принадлежат к знатному роду, имеют они прирожденное право на долю земли. Между тем на Западе в феодальной системе пожалование земли ее господином происходит независимо от рода и родства, и верность вассала есть связь личная. В Китае еще доныне существует полукоммунистическое родовое хозяйство. Род владеет школами и магазинами внутри деревень, наблюдает за правильной обработкой полей, участвует в наследовании и ответствен перед судом за проступки своих сочленов; все экономическое существование индивида покоится на его принадлежности к роду; кредит обычно и всегда основывается на доверии к роду.

Разложение рода совершается под влиянием двух сил. Одною из них была религиозная мощь **пророчества**. Пророк ищет себе

общину, не обращая внимания на родовую связь. Слова Христа: „Не мир пришел я принести, но меч. Ибо я пришел разделить человека с отцем его и дочь с матерью“ (Матф. 10, 34—35) и „Кто приходит ко мне и не возненавидит отца своего, и матери, и жены, и детей, и братьев. и сестер, тот не может быть моим учеником“ (Лук. 14, 26) содержат мысль всякого пророчества относительно родовых связей. В средние века церковь стремилась уничтожить родовое право наследования, чтобы получить себе землю по завещаниям. Этот пример не стоит одиноко. В иудействе определенные влияния действовали совершенно аналогично. Вплоть до плена род у евреев оставался в силе. После изгнания и простолюдины всюду вносятся в родовые регистры, которые уже раньше существовали для знатных родов. Но это родовое деление у евреев скоро исчезло вероятно потому, что такие группы по своему военному происхождению, потеряли всякие корни в „демилитаризованном“ государстве, и оставалась в силе только принадлежность к вероисповедному союзу (по рождению или по личному вступлению в него). Другою силою, которая способствовала разложению рода, была государственная бюрократия. В древности мы находим ее очень влиятельной в Новом Царстве в Египте. Там уже нет никаких следов родовой организации, потому что государство ее не допускало; господствует одинаковое положение мужчины и женщины, свобода полового договора; дети обычно носят имя матери. Власть царя боялась здесь власти рода, как политической конкуренции, и потому покровительствовала возникновению бюрократии, так что результат развития получился иной, чем в Китае, где государственная влась не обладала достаточной силой, чтобы сломить мощь рода.

Д. Развитие домашней общины.

Первобытная домашняя община не стоит необходимо под знаком полного коммунизма. Часто в ней встречается уже широкое присвоение собственности даже на детей; особенно присваиваются, далее, железные орудия и продукты ткачества; встречается и особое право наследования от женщины к женщине и от мужчины к мужчине; может существовать безусловная власть отца, как нормальное состояние или, наоборот, ослабление ее благодаря воздействию других союзов, напр., тотема или материнского рода.

От первобытной домашней общины, поскольку в ней вообще практикуется коммунизм (сфера его ограничивается областью потребления, но не присвоения), ведут разные пути к другим формам развития.

Малая семья может развиться в большое домохозяйство, притом общинное или господское, как домохозяйство, οἶκος, помещика или князя. Первое случалось повсюду, где по экономическим причинам создавалось скопление труда, между тем как развитие в направлении господского хозяйства было обусловлено в значительной степени политическими мотивами.

Из домашнего союза у южных славян развилась задруга, в Альпах общинное хозяйство. В обоих случаях руководитель домохозяйства по большей части выборный и по большей части также сменяемый. Первоначально существует полный коммунизм в приобретенных благах; удалившийся от работы не имеет никакой доли в общем владении. Позже в иных местах, напр., в средневековой Сицилии и на Востоке,

совершается развитие в том направлении, что домашняя община не остается вполне коммунистической, но основывается на разделении частей дохода или имущества до такой степени, что отдельный член ее может в любое время потребовать выдела, получить свою долю и итти, куда хочет.

Типичною формою развития в направлении господского хозяйства является патриархальный строй. Характерно для него, что собственность принадлежит исключительно отдельному лицу, домовладыке, от которого никто не имеет права потребовать отчета; господствует неограниченная пожизненная и наследственная деспотия отца дома. Она простирается на жену, детей, рабов, скот, орудия труда, на *familia pecuniaque* древне-римского права, которое вообще являет нам этот тип в классической завершенности. *Dominium* здесь абсолютно и, если по отношению к жене это право собственности именуется *manus*, по отношению к детям—*potestas*, то здесь только разновидности одного и того же явления. Право домовладыки, в определенных ритуальных границах, доходит до права убить и продать жену, до права убить и отдать в наем детей. Отец дома по вавилонскому, римскому, древнегерманскому праву может присоединить к родным детям и приемных на совершенно одинаковых правах. Между женою и рабынею, женою и наложницею, не существует никакого различия; нет также различия между признанными детьми и рабами; первые только потому именуются *liberi*, что единственным признаком, отличающим их от рабов, является для них возможность со временем стать домовладыками. Наконец, при этом поддерживается чисто агнатическое родство. Такие формы часто встречаются у скотоводов; мы находим их и там, где индивидуально воюющее всадничество превращается в военное сословие или где устанавливается культ предков, который не надо смешивать с культом мертвых[1]) и который является в сущности сочетанием культа мертвых с требованием их принадлежности к роду. На этом, напр., в Китае и Риме покоилась неразрушимость отеческой власти.

В первоначальной цельности патриархальное домохозяйство нигде больше не удержалось. Крушение его совершалось благодаря сословной эндогамии; знатные роды выдавали дочерей только за равных и одновременно требовали, чтобы этим женам отдавалось первенство перед рабынями. Кроме того поскольку женщина переставала быть рабочею силою,—что также совершалось прежде всего среди знати,—мужчина переставал покупать ее, как таковую. Поэтому род, который хотел выдать замуж одну из дочерей должен был давать ей приданое, чтобы обеспечить соответствующий ее сословию образ жизни. На этом воздействии сословного принципа сложилось различие между законным единобрачием и патриархальным правом отца. Брак с приданым стал нормальным браком, причем род ставил условием, чтобы данная жена была главною женою, и чтобы только ее дети наследовали имущество. Не интерес мужа иметь законных наследников его собственности вызвал такое развитие форм семьи, как понимает социалистическая теория,—ибо этот интерес мог быть удовлетворен любым способом,—но интерес женщины обеспечить своим детям собственность мужа. Однако, это никоим образом не приводило необходимо к единобрачию. По большей части, полигамия продолжала практиковаться: рядом с главной женою

[1]) Может существовать культ мертвых без культа предков, как напр., в Египте

были побочные, дети которых пользовались лишь ограниченными правами наследования или не имели никаких.

Моногамия, как исключительная форма брака, насколько мы знаем, возникла впервые в Риме; она была ритуально обусловлена формою римского культа предков и, в отличие от греков, у которых она, правда, была известна, но часто держалась слабо, римляне твердо сохранили моногамию. К укреплению ее позднее присоединилась религиозная сила христианских предписаний. По примеру христианства и иудейство, однако только с эпохи Каролингов, осуществило моногамию. Законный брак отделил наложницу от жены. Но женский род шел еще дальше в ограждении интересов жены. Впервые в Риме была проведена в жизнь полная эмансипация жены от мужа в личном и экономическом отношении; создан был так называемый свободный брак, который мог быть расторгнут обеими сторонами в любое время; женщина сохраняла при этом свободное распоряжение своим имуществом, но зато, в случае расторжения брака, лишалась всяких прав на детей. Даже законодательство Юстиниана не могло устранить этого порядка. Происхождение законного брака от брака с приданым долгое время давало себя знать в том, что в некоторых правовых системах различается брак с приданым и, брак без приданого, напр., у египтян (ἔγγραφος — ἄγραφος γάμος) [1]) и у средневековых евреев.

§ 3. Возникновение господской собственности.

Малая семья могла стать исходным пунктом для развития домашней общины, но из нее же могло образоваться господское крупное домохозяйство. С точки зрения экономической, оно прежде всего является носителем сельскохозяйственной господской собственности и вместе с тем поместной сеньёриальности.

Выделение формы владения, которая лежит в основе этого вида хозяйства. обусловливается различными источниками. Одним из них является значение достоинства вождя, при чем вождь мог быть главою рода или военным предводителем. В руках главы рода лежало право раздела землепользования между сородичами. Из этого традиционно установившегося положения часто рождалось присвоение власти господина, становившейся наследственною. Почтение, которое внушает к себе семья, отличенная такою наследственною благодатью, выражалось в подарках, в помощи при обработке поля и постройке дома; из них развивались податные обязанности. Военный вождь мог стать носителем господской собственности, путем выделения ему особого владения внутри общественной группы или вследствие внешнего завоевания. Повсюду он заявлял притязание на лучшую долю добычи и завоеванной земли; его дружина преимущественно претендовала на отвод ей земли во владение. Эта господская земля была обычно землею, которая (как, напр., в древне-германском хозяйственном строе) была свободна от обязательств нормального надельного порядка владения в общине. Напротив, она обрабатывалась с помощью владельцев остальных полей.

[1]) L. Mitteis und U. Wilcken, Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde. II 1,200 сл.

Внутри общины дифференциация барского землевладения совершалась путем возникновения сословия профессиональных воинов, которое было тесно связано с ростом военной техники и улучшением вооружения. И то, и другое было недостижимо для людей экономически зависимых. Поэтому, выделялись такие слои, которые по размерам своего владения стали носителями военного искусства и могли сами снарядить себя, от тех, которые этого не в силах были делать и потому не могли сохранить полной свободы. Развитие военной техники шло рука об руку с осложнением техники земледелия. Результатом явилось возрастающая связанность обыкновенных крестьян со своим хозяйством. Дальнейшая дифференциация совершалась таким образом, что высшие, сами себя снаряжающие и военно выученные слои в разных размерах накопляли владения-добычу, благодаря своему военному уменью, и заявляли притязание на принудительные или добровольные (через перекупку земельных наделов) услуги и дары или поборы со стороны военно неприспособленных, которые не могли тягаться с ними.

Другим путем подобной внутренней дифференциации видов владения является завоевание и подчинение вражеского населения. Первоначально побежденных врагов убивали, иногда даже в каннибальских пирах. Только позднее развивается применение их рабочей силы и они обращаются в крепостных с обязательством внесения поборов. Так возникает слой господ, владельцев крепостных, которые направляют труд людей, попавших в их собственность, на расчистку и обработку своих земель, что недостижимо для отдельных простых свободных людей. Слой рабов или крепостных мог эксплуатироваться коллективно всею общиною, так что они обращались на возделывание ее земель, как отчасти илоты в Спарте, или это происходило на началах индивидуальных, в результате чего они оказывались прикрепленными к отдельному крепостному владельцу для обработки его собственности. Таков путь возникновения знати завоевателей.

Рядом с завоеванием и внутренней дифференциацией выступает добровольная отдача безоружных под власть вооруженных. Если такие нуждались в защите, они признавали господина своим патроном (в Риме) или сеньером (у франков в эпоху Меровингов) и получали за то от него представительство перед судом, напр., во франкском праве представительство на судебном поединке или свидетельство господина вместо поручительства рода. Зато они оказывали ему услуги и несли обязанности, целью которых, однако, была не прямо хозяйственная их эксплуатация; они могли привлекаться только к выполнению службы достойной свободного человека, к чему также относилась военная служба. В позднейшие времена римской республики, напр., сенаторские фамилии таким путем снаряжали сотни клиентов и колонов против Цезаря.

Четвертой формой возникновения господской собственности было образование помещичьей оседлости или хозяйства. Вождь, который располагает множеством зависимых людей и рабочего скота, в состоянии расчистить пустошь в гораздо больших размерах, чем простой крестьянин. Но расчищенная земля присваивалась тому, конечно, кто ее расчистил, в тех пределах, сколько он мог захватить плугом. Таким образом выделение различий в состояниях по количеству живых рабочих сил, где только оно проявлялось, шло косвенно

на пользу присвоения новых земель господским слоем. (Примером использования преимуществ хозяйственного положения служит использование патрициями права оккупации римского *ager publicus*).

Помещичья земля, которая была вновь расчищена, обычно эксплоатировалась путем сдачи в аренду. Съемщиками являлись чужаки, напр., ремесленники, которые иногда находились под защитой короля или вождя, или люди обедневшие. Поскольку речь идет о последних, мы находим у кочевых народов и сдачу им в аренду скота, но обычай именно укрепляется в форме поселения на господской земле с обязательством оброков и барщин; это так наз. колонат, который встречается на всем Востоке, в Италии, Галлии и, несомненно также у германцев. Ссуды деньгами и зерном также часто становились средством для накопления людей и земли. Поэтому рядом с колонами и рабами играли большую роль в античном хозяйстве и задолженные кабальные люди, *nexi*.

Часто при образовании таких отношений смешиваются вместе категории зависимости, которые первоначально основывались на родовых порядках, с теми, которые возникали из господской власти. Для безземельных и чужаков, стоявших под защитой господина, родовая принадлежность уже не имела значения с самого начала; но и различия сородичей, членов общины или колена, постепенно сливались в одну категорию сидящих на господской земле.

Дальнейшим источником возникновения господской собственности была магическая благодать. Во многих случаях вождь происходил не из военных предводителей, а из заклинателей дождя. Но он также мог налагать заклятие на определенные предметы и тогда „табу" защищало их от всякого нападения. Аристократия магов создала таким путем жреческую собственность и уже жрец совпадал с князем, он пользовался, особенно на островах Южного океана, верою в табу, чтобы обеспечить свою частную собственность.

Шестою возможностью возникновения господской собственности была торговля. Регулирование внешней торговли первоначально находилось всецело в руках вождя, который мог направлять ее в интересах членов союза, но он сделал ее источником собственного дохода, повышая пошлины, которые вначале были только вознаграждением за защиту, оказываемую им иноплеменным купцам, представляя—разумеется, за вознаграждение—права на рынок и охраняя обмен на рынке. Часто затем вождь переходит к собственной торговле, которая становится монопольной, по мере того как он лишает этого права своих сельских собратьев и сородичей. Таким образом, он приобретает средства давать деньги взаймы и тем превращать членов своего собственного рода или общины в кабальных рабов и дальше накоплять в своих руках землю.

Торговля вождя может развиваться в двух направлениях. Или регулирование торговли, а вместе с тем и монополия, остается в руках одного вождя, или выступает совместное поселение многих вождей, образование торговой группы; в последнем случае возникает город с торговым патрициатом, т. е. привилегированным слоем, положение которого основывается на накоплении имущества путем доходного обмена. Первый случай обычен у некоторых негрских племен, напр., на берегах Камеруна; в большом масштабе монополизация торговли в пользу одного лица была осуществлена в древнем Египте:

могущество фараонов основывалось главным образом на их торговой монополии. Нечто подобное наблюдается и у [illegible] царей, позднее отчасти у средневековых крупных феодальных владельцев. Второе, возникновение городского слоя господ, типично для античности и раннего средневековья: в Генуе и Венеции на Риальто поселившиеся там сплоченно фамилии стали единственными полноправными гражданами. Они финансировали купцов, не принимая сами участия в торговле, но только предоставляя кредит и т. п. Последствием этого была задолженность прочих слоев, особенно крестьян, у городского патрициата. Рядом с княжеским землевладением возникает таким образом и патрицианское землевладение древнего мира. Античность предстоит перед нами как сеть береговых городов с патрицианскими крупными землевладельцами-господами, заинтересованными в торговле. Вплоть до эллинистической эпохи античная культура остается береговой культурой. Ни один город этого раннего периода не расположен далее, как на расстоянии дня пути от моря; там именно утверждают жительство земельные магнаты с их зависимыми поселенцами.

Господская собственность может иметь также *фискальные* корни в строе налогов и повинностей государства и в таком случае возникают две возможности. Или образуется *централизованное собственное хозяйство князя с отделением в нем главы управления от средств самого правительственного дела*, так что политическая власть не принадлежит никому, кроме князя, или *управление становится собственностью целого сословия*, и рядом с собственным хозяйством князя возникают хозяйства его вассалов, откупщиков податей или чиновников, которым предоставляется земля и которые оплачивают все издержки управления из своего имущества. В зависимости от преобладания одной или другой из этих систем, совершенно различно формируется политический и социальный строй. Торжество той или другой возможности главным образом зависит от хозяйственных условий. Восток и Запад здесь очень типично различны. Для восточного хозяйства (Китай, Передняя Азия, Египет) решающую роль играла *культура орошения*, для запада *культура лесов*, возникшая через расчистку.

Культура орошения на Востоке возникла непосредственно из первобытной монопольной обработки, без применения скота. Рядом с нею развилась садовая культура, с орошением из великих рек, Евфрата и Тигра в Месопотамии, Нила в Египте. Орошение и его урегулирование предполагало организованное плановое хозяйство, из которого возникло *крупное хозяйство царей переднего Востока*, наиболее последовательно развернувшееся в новом фиванском царстве в Египте. Военные походы ассирийских и вавилонских царей, которые предпринимались ими вместе с дружиной, образовавшейся еще во времена существования домов мужчин, в первую очередь были охотой за людьми, для доставления человеческого материала на постройку каналов и обработку полос в пустыне [1]). Царь держал в руках регулирование пользования водою, но для этого он нуждался в бюрократии. Строительная и водяная бюрократия Египта и Месопотамии, возникновение которой также об‘ясняется экономически, древнейшая в мире. Она остается в составе царского личного хозяйства. Отдельные чиновники—рабы

[1]) Этим об‘ясняется также судьба израильтян в Египте.

и клиенты царя, также и солдаты, на которых нередко налагают клейма, чтобы помешать побегам. Податное хозяйство царя—натуральное хозяйство, т.-е. он налагает на подданных натуральные оброки, которые (в Египте) накопляются в складах и оттуда выдаются чиновникам и рабочим. Древнейшая форма оплаты чиновника есть натуральное продовольствование. Результатом этой системы было в Египте закрепощение сельского населения за царем. Оно выражается в общих барщинных обязанностях всех подданных и круговой поруке деревни за следуемые с нее поступления, наконец, в выросшей отсюда системе, которая при Птолемеях называлась ἰδία: отдельный крестьянин прикрепляется не только к своему участку, но и к своей деревне и, если он не мог показать места своей ἰδία, то считался вне закона (беглым). Эта система господствует не только в Египте, но также в Месопотамии и в Японии, где мы встречаем ее под названием *Ku-bun-den*. И в том, и в другом случае положение крестьян очень похоже на условия, сложившиеся внутри русского „мира“.

Из барщины подданных возникло постепенное денежное хозяйство государя. Его развитие идет также разными путями: то это личное хозяйство и собственная торговля князя, то князь обращает политически подчиненные ему трудовые силы на промышленное производство уже не для собственных потребностей, но на сбыт, как было в Египте и в Вавилоне. Торговля и ремесленное производство на рынок образуют при этом подсобные промыслы большого домохозяйства, нет никакого разделения между домохозяйством и доходным промыслом. Эта та форма хозяйства, которую Родбертус обозначил, как ойкосное хозяйство [1]).

Ойкосное хозяйство могло, в свою очередь, явиться исходным пунктом для различных организационных возможностей. Одною из них была египетская система зерновых жиро-банков. Фараон владел хлебными складами, рассеянными по всей стране. Крестьяне не только приносили туда свои платежи натурою, но сдавали туда весь свой урожай, получая взамен чеки, которые они могли снова обратить в деньги [2]). Другою возможностью было возникновение государевых денежных налогов, которые уже предполагают, однако, значительное проникновение денежного обращения во все частное хозяйство, определенный уровень доходных предприятий и рынок, по крайней мере, для внутренней торговли, как это было в птолемеевском Египте. Трудно было, однако, установить бюджет при тогдашнем состоянии техники управления. Владыка постоянно старался, поэтому, переложить риск просчета на чужие плечи, взимание налогов сдавалось на откуп предпринимателям или чиновникам, а то и просто передавалось непосредственно солдатам, которые сами из этих же налогов брали свое жалованье. Наконец, сбор налогов иногда перелагался на земельных господ. Этот переход права взимать налоги в руки частных властей об'яснялся недостатком удовлетворительного государственного аппарата, причины чего коренились, в свою очередь, в низком моральном уровне служилого персонала.

---

[1]) См. его исследование: Zur Geschichte der römischen Tributsteuern seit Augustus в Jahrb. f. Nationalökonomie u. Statistik IV (1865).
[2]) Preisigke, Girowesen im griechischen Ägypten. 1910.

Откуп налогов предприним... в широких размерах практиковался в Индии [1]). Там кажды... ...дар (откупщик податей) имел тенденцию превратиться в пом... Набор рекрутов тоже поручался предпринимателю, *яджирдару*, ко...орый был обязан поставить определенный контингент, набиравшийся безразлично из всяких элементов; этот яджирдар равным образом старался превратиться в крупного землевладельца. В аналогичном положении находились особые пожалованные землею государственные уполномоченные: являясь совершенно независимыми сверху и снизу, в положении, подобном в свое время Валленштейну, они тоже поставляли рекрутов. При передаче сбора налогов служилым людям владыка договаривался с ними о получении твердой оптовой суммы, всякий излишек принадлежит чиновнику, на него же содержится и исполнительный персонал. Такова система раннего мандаринского управления в Китае (при переходе к новейшей налоговой системе статистика неожиданно обнаружила крайне быстрый прирост числа душ населения, которое мандарины умышленно понижали); таково же было хозяйничанье сатрапов древнего Востока. Третьею возможностью правительственного денежного хозяйства является передача сбора податей солдатам. Такова обычная практика государств-банкротов; происходит это тогда, когда правитель не в силах платить солдатам жалованье. В этом заключалось перерождение отношений в царстве халифов под властью турецких солдат с X столетия. Солдаты выросли там в военную знать, так как центральное правительство действительно не могло больше распоряжаться налогами и нашло выход лишь в том, что передало их сбор воинским отрядам.

Эти три формы присвоения первоначально государственных денежных доходов и поставки рекрутов,—предпринимателями, чиновниками или солдатами—стали основанием на востоке феодальной системы, которая возникла из вырождения денежного хозяйства, из технической неспособности государства осуществить сбор податей через собственнные органы. Результатом был вторичный рационализированный аграрный коммунизм, круговая ответственность крестьянских общин перед откупщиками податей, чиновниками или солдатами, земельная община и прикрепление к земле. Противоположность этого развития западному ясно выступает в том, ... Востоке не возникло никакого господского барщинного хозяйства, но зато утвердилось выжимание поборов. Кроме того, ...стоянно возможен упадочный переход к натуральному хозяйству, как только явятся малейшие затруднения при превращении в деньги поборов, доставляемых крестьянами в натуральных продуктах. Поэтому восточные государства крайне легко падали из состояния по видимости высокой и богато развитой культуры в состояние чистого натурального хозяйства.

Как четвертую и последнюю форму использования правительственных доходов, мы находим передачу их сбора крупному помещику-сеньеру. Государь таким образом избавляет себя от обязанности содержать собственный административный аппарат, но возлагает добывание податных сумм, иногда и поставку рекрутов, уже на готовые силы частного характера. Так было в Римском государстве,

---

[1]) M. Weber, Gesammelte Aufsätze zur Religionssociologie, II. стр. 69.

когда в императорскую эпоху культура переместилась с морских берегов внутрь страны и империя из союза преимущественно приморских городов превратилась в континентальное государство. Внутренние области знали только натурально хозяйствующее помещичье землевладение. В сферу его деятельности перешел теперь сбор податей и поставка рекрутов. Крупные землевладельцы, *possessores*, вплоть до Юстиниана оставались руководящим сословием. Зависимые люди, которыми они распоряжались, давали им возможность вносить налоги, в то время как императорская бюрократия не могла вырасти так, чтобы удовлетворить нуждам выросшего государства. В отношении техники управления этот порядок отличается тем, что рядом с муниципиями выступают территории, во главе которых стоят землевладельцы, ответственные перед государством за подати и рекрутов. На этом основывается развитие колоната в западной Европе, между тем как на Востоке он столь же стар, как указанные выше ἴδια [1]). Мысль, лежащая в основе колоната, была перенесена Диоклетианом на всю империю: каждый приписывался с тех пор к податному округу, который он не мог покинуть самовольно; начальником этого округа в большинстве случаев являлся землевладелец, так как центр тяжести культуры в империи переместился из прибрежных областей внутрь страны.

Особый случай развития тех же форм представляет возникновение господской собственности в колониях. Первоначальный интерес к приобретению колоний был чисто фискальный, именно колониальный государственный капитализм. Цель его, денежная эксплоатация, достигалась, если завоеватель облагал завоеванных туземцев денежными поборами или натуральными оброками, особенно колониальными продуктами и пряностями. Государство при этом обычно передавало непосредственную эксплоатацию колоний частным торговым компаниям. (Примеры: британская Ост‘индская и голландская Ост‘-индская компании). Тогда вожди делались носителями круговой ответственности, а первоначально свободные крестьяне становились их крепостными; развивалось обязательное земледелие, земельная община, право и обязательность переделов. Другою формою развития господской собственности в колониях была индивидуальная раздача земли господам. Типичный пример представляет *encomienda* [2]) в испанской Южной Америке. Она является земельным пожалованием с правом привлекать индейцев к принудительным поборам, работам и барщинам; в такой форме она просуществовала до начала XIX столетия.

Присвоению государственных, денежно-хозяйственных, фискальных прав на Востоке противостоит на Западе (и Японии) натурально хозяйственная феодальная система, возникновение господской собственности путем пожалования ленов [3]). Обычное следствие

---

[1]) L. Mitteis и U. Wilcken. Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde, I, 26 сл.

[2]) A. von Humboldt, Essai politique sur le royaume de la Nouvelle-Espagne, 2. ed., 6 vol., Paris 1826|27, deutsch 5 Bde, Stuttgart 1809—1814; A. Helps, The Spanish conquest in America, 4 vls., London 1855—1861; P. Leroy-Beaulieu, De la colonisation chez les peuples modernes, 3. éd., Paris 1886, 12 ff—Encomienda предполагаем предварительную систему repartimientos, т.-е. раздачу индийцев по определеному числу душ таким „господам“.

[3]) См. M. Weber, Wirtschaft und Gesellschaft, 1922, ст. 724.

феодальной сисмемы—образование всаднического рыцарского сословия, благодаря передаче земельных владений и [illegible]ких прав людям, которые готовы взять на себя вассальные обязанности. Феодальная система встречается в двух формах, в зависимости от того, передается ли господская власть как пребенда или как лен. Как пожалование в виде пребенды характерна система турецких раздач [1]). Она не знает в принципе постоянного присвоения индивидуальных владений, но только их пожизненное предоставление во временное вознаграждение за воинские услуги; пожалование оценивается по доходу и предоставляется в соответствии с рангом, происхождением и военной должностью. Все подробности регулирует Высокая Порта, как нечто в роде верховного ленного управления, на подобие франских майордоматов. К этой системе близка первоначально практиковавшаяся у японцев [2]). Япония с X века перешла от системы Ku-bun-den к пребендной ленной системе. Шогун был королевским вассалом и коронным полководцем императора; с помощью своего управления (*ba-ku-fu*) он расценивал землю по ее доходу в рисе и предоставлял, как пребенды, своим вассалам, деймиосам, которые их в свою очередь передовали своим министериалам, самураям. Позже установилась наследственность ленов. Но как пережиток первоначальной зависимости от шогуна сохранился его контроль над управлением даймиосов, которые тоже наблюдали за своими вассалами.

Русская феодальная система [3]) ближе к европейской. В России ленное пожалование (поместье) давалось за определенную службу царю с ответственностью за поступление податей. Владельцы должны были занимать гражданские должности и командные места в войске; это было правило, которое отменила только Екатерина II. Преобразование поземельной подати в подушную при Петре Великом привело к тому, что помещик стал отвечать за подати по числу душ, которые числились в его имении на основании периодических ревизий. Влияние этой системы на аграрный строй уже описано выше.

Рядом с Японией — средневековой Запад [4]) является областью, где феодализм развился в наиболее чистой форме. Его подготовили отношения поздне-римской империи и земельный строй, который уже там выростал в полу-феодальные формы. Вместе с ними слились земельные права германских вождей. Расширение и значение помещичьего землевладения чрезвычайно усиливается благодаря расчистке и завоеванию (победоносную дружину нужно было снабжать землею) и, наконец, благодаря массовой коммендации; только лишившийся владения или неспособный себя снарядить крестьянин был принужден,

---

[1]) P. A. v. Tischendorf, Das Lehenswesen in den moslemischen Staaten, insbesondere im Osmanischen Reiche. Leipzig 1872; L. v. Ranke, Die Osmanen und die spanische Monarchie im 16. und 17. Jahrhundert, Leipzig 1877 (= Sämtl. Werke 35—36).

[2]) См. отмеченную выше книгу T. Fukuda.

[3]) См. П. Н. Милюкова, Очерки по истории русской культуры (Weber ссылается на немецкий перевод Davidsohn'a 2 Bde Leipzig 1898—1901).

Ср. указанную у него литературу и специально работы Н. П. Павлова-Сильванского о феодальных началах в древней Руси (см. слово Феодализм в России в „Энциклопедическом словаре“ Брокгауз-Ефрона 1 изд. 70-й полутом).

[4]) См. указ. литературы у H. Brunner, Deutsche Rechtsgeschichte II, стр. 207, 242; R. Schröder, Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte, 6 изд., стр. 167, 429; или обобщающие обзоры у P. Vinogradoff, Origins of feudalism в Cambridge mediaeval history II, стр. 631 и „Feudalism“, там-же, III, с. 458.

вследствие возрастания военной техники, отдавать себя в подчинение, obsequium к хозяйственно более сильному. К этому присоединились широкие передачи земли в пользу церкви. Но решающее значение имело здесь вторжение арабов и необходимость противопоставить франкскую конницу арабской. Карл Мартелл предпринял широкую секуляризацию церковных имуществ, чтобы приобрести себе, с помощью этих имений, которые отдавались как beneficia, обученное войско из всадников-вассалов, члены которого могли сами себя снарядить, как тяжело вооруженная конница. Потом постепенно, кроме земли, стали отдаваться в лен также государственные должности и права.

§ 4. Крупное сеньериальное землевладение (поместье-государство) [1].

Внутреннее развитие господской собственности, особенно крупного помещичьего землевладения на Западе, обусловлено прежде всего политическими и сословными отношениями. Власть „господина" складывается из трех составных частей: владения землею (помещичья власть), владения людьми (серваж), присвоения политических прав (узурпацией или пожалованием), в особенности же судебной власти; эта последняя стала всего важнее для развития феодализма во всем Западе.

Повсюду помещик-„господин" (сеньер) стремится к иммунитету от государственной власти. Чиновнику государя запрещается вступать на территорию этого „сеньера", а если и разрешается, он должен обратиться к господину за утверждением своих начальственных полномочий (права собирать поборы и производить военный набор). С этой отрицательной стороною иммунитета связывалась положительная: по меньшей мере, применение части тех прав, какие принадлежали чиновнику по государственному полномочию, оказалось уступлено иммунизированному владыке. В этой форме иммунитет существовал не только во франкском королевстве, но в Вавилоне, древнем Египте, Римской

---

[1]) K. Th. Inama-Sternegg, Die Ausbildung der grossen Grundherrschaften während der Karolingerzeit, 1878; W. Wittich, Die Grundherrschaft in Nordwestdeutschland, Leipzig 1896; G. Seeliger, Die soziale unb politische Bedeutung der Grundherrschaft im früheren Mittelater, Leipzig 1903; M. Sering, Erbrecht und Agrarverfassung in Schleswig-Holstein, Berlin 1908; A. Dopsch, Die Wirtschaftsentwicklung der Karolingerzeit, 2. Aufl., 2 Bde., Weimar 1921—22; P. Vinogradoff указанные работы.—H. Sée, Les classee rurales et le régime domanial en France, Paris 1901.—F. Seebohm, The Englsh village community, 4. ed., London 1890; P. Vinogradoff, Villainage in England, Oxford 1892; он же, The growth of the manor, 2. ed, London 1911; F. W. Maitland, Domesday book and beyond, Cambridge 1897; F. Pollock and F. W. Maitland, The history of English law before the time of Edward I., 2. Aufl., 2 Bde, Cambridge 1895. Библ. указ. см. еще R. Kötzshke, Wirtschaftsgeschichte 80 f. и R. Schröder, Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte 217 ff., 453 ff. Надобно иметь постоянно ввиду труды Фюстель-де-Куланжа (особенно 2-й, 4-й. 5-й и 6-й томы его „История Общественного строя древней Франции и работы Флака (I. Flach, Les origines de l'ancienne France, 4 тома, 1885 и сл). Люшера (Manuel des institutions francaises), общее руководства по истории французского права P. Viollet, A. Esmein (посл. изд. 1913 г.) и других. Указания на французскую литературу по феодальной эпохе в соответствующих томах „Histoire de France" под ред. E. Lavisse. Ст. И. М. Гревса, „Феодализм" в „Энциклопедическом Словаре Брокгауза-Ефрона" (70 полутом. (Дополн. ред. русск. перев.).

империи [1]). Решающее значение имеет присвоение судебной власти. Помещик (Grundherr) и владелец людей постоянно стремится к ней. В царстве халифов это ему не удалось: государственная подсудность действовала здесь постоянно, без перерыва. Напротив, на Западе стремления помещиков достигли гораздо большего успеха. Первоначально господин обладает неограниченной судебной властью только над „своими" людьми, напротив, свободных судит только государственный суд, между тем крепостные, остающиеся подсудными государственному суду по уголовным делам, уже давно не могут обойтись без правовой помощи господина в суде. Это различие между свободными и несвободными стерлось с течением времени; власть господина над сервами слабела, зато власть над свободными крепла. От X до XIII столетия возрастает вмешательство государственных судов в отношения сервов; в уголовных делах они часто являются перед государственным судом. Вообще от VIII до XII столетия их положение неуклонно возвышается. С окончанием больших завоеваний слабеет торговля рабами, затрудняется снабжение невольничьего рынка. Одновременно потребность в рабах, вследствие новых расчисток, возрастает. Чтобы добыть и удержать рабов, помещик вынужден неуклонно улучшать их положение. В отличие от античного possessor'а средневековой помещик был прежде всего не сельский хозяин, а воин; поэтому, ему было трудно наблюдать за своими несвободными слугами, положение которых улучшало уже одно это обстоятельство. С другой стороны, его власть над свободными усиливалась по военно-техническим причинам (см. выше) и вела к расширению домовой власти господина, первоначально ограниченной пределами familia, на всю территорию поместья-сеньерии.

Различию между свободными и несвободными людьми соответствовало различие между свободными и несвободными отношениями при с'емке земли. Сюда относятся прекарий и бенефиций.

Прекарий есть предоставление чего-либо на основании просьбы, исходящей от свободных людей любого социального положения. Первоначально прекарий может быть отнят во всякое время, но постепенно превращается в договор, возобновляемый через каждые пять лет, фактически пожизненный и часто наследственный. Бенефиций есть предоставление земли за службу, первоначально любую, иногда даже за оброк. Позже возникает различие между бенефицием свободного вассала который обязался феодальной службой, и свободного простого человека, который взял на себя службу на барском дворе. К этим свободным отношениям пожалования надобно присоединить третье, уступку земли для поселения [2]), которую помещик отдает под расчистку за твердый ценз и обычно в наследственное владение (Erbzinsleihe) Позже последняя проникала и в города.

Всем этим формам пожалования, которые развились на почве земель, стоявших вне самого барского „домэна" (личного его хозяйства), противостоит непосредственный барский двор с зависевшей от него барщинною землей; образ его на франкской почве дает *Capitulare de*

---

[1]) Фюстель-де-Куланжем показано, насколько такое утверждение преувеличено относительно римской империи: там не было легально признанного иммунитета.

Прим. ред. русск. перев.

villis Карла Великого[1]). В состав барского двора (или, лучше, домэна) входила земля, эксплуатировавшаяся по инициативе самого господина, *terra salica*, на которой велось непосредственно хозяйство барского двора, и *terra indominicata*, господские полосы внутри свободных крестьянских деревень — в отличие от надельной земли крестьян. Крестьянские участки делились на *mansi serviles* с неограниченным количеством поборов и *mansi ingenuiles*, повинности которых были точно определены, выражалось ли это в предоставлении помещику рабочих рук или упряжек в течение целого года, или только в работе по жатве и пахоте у него на полях. Натуральные платежи и весь доход домена, который если он был королевскими имением, назывался *fiscus*, собирались в господские склады и потреблялись в первую очередь для нужд войска и двора, излишек шел на продажу.

Сильное смешение в положении свободных и несвободных людей обнаруживается из факта образования замкнутых округов власти помещичьей и судейской. Этому препятствовала вначале разбросанность поместных владений; например, Фульдский монастырь владел разбросанными поместьями числом около тысячи. Уже в раннем средневековьи помещики-судьи стремятся округлить свои владения. Отчасти это оказалось возможным, благодаря развитию т. наз. реальной зависимости: господин отказывался отдать в обработку кусок земли, если с'емщик не соглашался одновременно закрепоститься [2]). С другой стороны, благодаря тому что в пределах округа, подчиненного помещичьей власти, и в господском дворе жили вместе свободные и несвободные люди, развилось особое „поместное право“ (Hofrecht), которое достигло расцвета в XIII столетии. Между тем как первоначально судебная власть господина распространялась только на несвободных членов его *familia*, а вне ее она получала силу по данной королем привилегии только в иммунитетной области, в своем „дворе“ ему приходилось считаться с людьми разных сословий, которые оказывали ему одинаковые услуги. Свободные, находившиеся среди них, добивались, чтобы господин образовал по соглашению со своими захребетниками особый „дворовый“ суд, в котором зависимые от него люди исполняли обязанности заседателей, шеффенов. Этим у господина отнималась абсолютная свобода налагать тяготы на своих захребетников, повинности были нормированы „обычаем“ (подобно тому, как во время последней революции в Германии солдатский совет пытался определить обязанности по отношению к офицеру). С другой стороны, между X и XII столетиями укрепляется принцип, что уже по самому факту помещичьего владения ipso iure захребетник становится подсуден соответствующему господину.

Последствием такого развития было ослабление свободы одних и несвободы других захребетников. Ослабление свободы было политически обусловлено судебною властью господина и безоружностью свободных, создавшейся благодаря их прикреплению к барскому хо-

[1]) См. против попытки A. Dopsch'a (Die Wirtschaftsentwicklung der Karolingerzeit I 26 ff.) рассматривать Capitulare de villis, как специальный земельный устав для Аквитании, об'яснения G. Baist, Zur Interpretation der Brevium exempla und des Capitulare de villis, Vierteljahrschrift für Sozial und Wirtschaftsgeschichte XII (1914), 22 ff. und von J. Jud und L. Spitzer, Zur Lokalisierung des sog. Capitulare de villis, Wörter und Sachen VI (1914/15) 116 ff. Ср. в русской литературе работу Грацианского о Capitulare de villis.

[2]) F. Rörig, Luft macht eigen см. Festgabe für G Seeliger (Leipzig 1920), стр. 51.

зяйству; ослабление несвободы вызвано было нарастающим спросом на крестьян для расчисток лесов, а в Германии для колонизации на востоке. То и другое давало несвободному возможность ускользать от власти господина и принуждало господ предоставлять несвободным более благоприятные условия. Кроме того прекращалась постепенно работорговля, а значит и привоз рабов, поэтому с остававшимися несвободными слугами приходилось обращаться мягче. В том же направлении, к улучшению положения захребетников, действовало политическое положение помещиков. Господин не был сельским хозяином, но воином по призванию, он был не в силах сам вести хозяйство рационально; он не мог допустить чрезмерного колебания своих доходов, но склонялся к традиционному закреплению платежей со своих захребетников и тем самым к соглашению с ними.

Таким образом, средневековое крестьянское сословие сильно дифференцировалось внутри, но власть господина и поместное право удерживали всех вместе. Рядом с зависимыми слоями крестьянства существовали свободные крестьяне вне связи с хозяйством господского двора, сидевшие на свободной наследственной цензиве (над ними господин не имел судебной власти), существовали и прямо свободные собственники. [1]) Вполне они никогда не исчезали, но большими группами встречались только в отдельных местностях, например, в Норвегии, где никогда не развивалась феодальная система, как „одальбауеры" (рядом с которыми стояли безземельные, несвободные и зависимые от свободных крестьян люди); затем в низменностях у Северного моря (Фрисландия, Дитмаршен), отчасти в Альпах (Тироль, Швейцария), в Англии, наконец в некоторых местах России, как „панцырные" крестьяне и однодворцы; позднее к ним прибавились казаки, как плебейское солдатское сословие, с малыми крестьянскими наделами („ленами").

Последствием развития феодальной (ленной) системы было то, что государи перешли к взиманию налогов; рядом друг с другом оказались дворянская свобода от налогов и обязанность платить их для безоружных крестьян. Чтобы возвысить боеспособность страны, французское ленное право выдвинуло положение: nulle terre sans seigneur, которое первоначально должно было обеспечить известное число дальнейших пожалований для снабжения военных сил; на сходном основании покоилась у германского короля необходимость вновь отдавать каждый освободившийся лен [2]). Эта дифференциация по податным обязанностям послужила исходным пунктом появления интереса к сохранению крестьянской земли у местных государей; они не могли допустить отчуждения из казны свободных крестьянских наделов, потому что оно уменьшало размеры подчиненной государству податной области. Поэтому, государи перешли к системе охраны крестьян и запрещали знати включение крестьянских наделов в свои имения. Хозяйственно это приводило к следующим результатам: 1) крупное домохозяйство помещика и мелкое домохозяйство крестьянина сохранялись рядом. Повинности крестьян первоначально служили только собственным потребностям господина и потому могли быть закреплены обычаем. У крестьян не было никакого интереса хозяйственно

[1]) См. K. v. Amira, Grundriss des germanischen Rechts (3 изд. 1913), стр. 124 и у Kötzschke в цитир. сочинении.

[2]) [В «Wirtschaf und Gesellschaft c. 149 Max Weber об'ясняет это гораздо удачнее, как правило, служившее интересам членов сословия и ими проведенное в жизнь.—Н].

извлекать из земли больше, чем было нужно для их собственного пропитания и сколько было безусловно необходимо для исполнения ими повинностей. Еще менее заинтересован был помещик повышать поборы, пока он не производил на сбыт. Образ жизни помещика и крестьян не очень сильно различались между собою. Поэтому, „емкость его желудка полагала предел эксплуатации крестьян“ (слова К. Маркса). Традициею определенные повинности крестьян были к тому же защищены поместным правом и соглашениями. 2) С тех пор как государство в податных интересах стало поддерживать крестьян, в дело вмешались юристы, особенно во Франции; в Германии же римское право при этом вовсе не привело, как думали многие, к разрушению древнего крестьянского права, но обратно было применено на пользу крестьян против дворянства. 3) Прикрепление крестьян к земле, поскольку существовало крепостное право или в силу податной обязанности, если господин отвечал за их подати, в возрастающей мере узурпировалось дворянством. Право крестьянского отхода всегда означало отход без земли, при чем крестьянин должен был поставить заместителя. 4) Право крестьян на землю чрезвычайно дифференцировалось. По отношению к несвободным господин имел право возвращения земли в свои владения в случае смерти крестьянина. Если он отказывался воспользоваться этим правом, потому что у него было мало крестьян, он собирал, по крайней мере, поборы по смерти, лучшую голову скота и т. п. Свободные крестьяне были или с'емщиками, и в таком случае они могли быть удалены в любой момент, или наследственными оброчниками, и тогда сгонять их было нельзя. В обоих случаях правовое положение было ясно, но нередко вмешивалась государственная власть, воспрещала удаление (т. наз. мызное право). Зависимые, которые передали себя господину, будучи первоначально свободными, находились у господина в отношениях крепостничества; наоборот, господин не мог просто прогонять „ласситов“, но должен был согласно, например, Саксонскому Зерцалу, выплачивать им небольшую сумму деньгами. 5) Обычно господин захватывал общую пустошь, часто также и пастбище. Первоначально военный вождь был распорядителем всей незанятой земли. Присвоение „марки“ и деревенской альменды развилось в течение средневековья из права господина регулировать пользование ими. Крестьянская война XVI столетия в Германии была в первую очередь направлена против этой узурпации, а не против чрезмерной высоты поборов. Крестьяне требовали свободного пастбища и свободного пользования лесом, что не могло быть осуществлено, ибо на земле стало уже тесно и в таком случае дело бы кончилось гибельным обезлесением страны, как случилось в Сицилии. 6) Помещик присвоил себе многочисленные монопольные права на мельницу, пивоварню, пекарню. Такие монополии (банналитеты) возникали первоначально без всякого сопротивления, ибо только помещик был в состоянии построить мельницу и другие мастерские; только позднее применялось угнетающее принуждение при пользовании ими. Кроме того господин владел многочисленными монополиями в области охоты и транспорта. Они выросли из обязательств по отношению к военному вождю, позднее верховному судье, но были использованы для хозяйственных целей.

Использование подчиненных крестьян господином свершалось во всем мире — за двумя исключениями, о которых сказано

будет ниже, при рассмотрении развития капитализма внутри поместья [1]), в том смысле, что на них смотрели не как на рабочую силу, но как на плательщиков ренты. Причина этого открывается в хозяйственной неподвижности господина: ему не хватало инициативы перейти к созиданию собственного крупного производства, в которое крестьяне могли бы войти, как рабочая сила. Кроме того, господин, покуда рыцарская конница образовывала ядро войска, был связан своими вассальными обязанностями и потому хозяйственно непроизводителен, между тем как крестьянин был еще негоден к военной службе. У господина не было своего инвентаря, и риск за его приобретение он охотнее перекладывал на крестьян. К этому, внутри Европы, присоединялась еще связанность господина поместным правом, между тем как в Азии господин, поскольку он перешел к производству на сбыт, не мог более расчитывать на достаточную защиту своих привилегий, так как там не было ничего подобного римскому праву, и потому вообще не развилось барское поместье в настоящем смысле.

Господин получал следующие ренты: 1) Оброки, которые свободными крестьянами вносились с имущества, а крепостными с души. 2) Пошлины за передачу в другие руки, от внесения которых был поставлен в зависимость акт продажи крестьянского имения. 3) Пошлины на наследство и на брачные разрешения, т.-е. за предоставление права передать „выпавшую из рук" умершего в руки высшего владельца землю потомкам или позволение крестьянской дочери выйти замуж вне пределов судебного округа или его поместья. 4) Права на лесные и на пастбищные сборы, напр., на свиной корм в лесу. 5) Косвенно перелагавшуюся на крестьян перевозку грузов, а также устройство мостов и дорог. Собирание всех этих поборов и повинностей первоначально осуществлялось через управителей. Эта система является типичной для поместий южной и западной Германии, Франции и вообще древнейшею формою помещичьего строя. Эта система предполагает разбросанное владение; над отдельными группами крестьянских хозяйств, ему подчиненных, рассеянных по всей стране, господин сажал управляющего („виллика"), который собирал натуральные оброки и денежные платежи с порученных его наблюдению крестьян и принуждал их выполнять свои обязанности [2]).

§ 5. Положение крестьян в отдельных странах Запада до возникновения капитализма.

Франция [3]). Первоначально „рабы" (*serfs*) и полусвободные стоят рядом. Рабы могут быть (*serfs de corps*; они) несут услуги в неограниченных размерах, господину над ними предоставлены все права, кроме прав жизни и смерти; или это—*serfs de main morte*, обязанности

---

[1]) См. § 6.

[2]) W. Wittich, Die Grundherrschaft in Nordwestdeutschland, Leipzig, 1896.

[3]) L. Delisle, Études sur la condition de la classe agricole et de l'état de l'agriculture en Normandie pendant le moyen age, Paris, Évreux 1851; K. Lamprecht, Beiträge zur Geschichte des französischen Wirtschaftslebens im 11. Jahrhundert, Leipzig 1881; E. Bonnemère, Histoire des paysans depuis la fin du moyen age jusqu'à nos jours, 4. Aufl., 3 Bde., Paris 1886; F. Wolters, Studien über Agrarzustände und Agrarprobleme in Frankreich 1700—1790, Leipzig 1905; ср. раньше указанные сочинения H. Sée (Стр. 55 прим. 1), G. d'Avenel и É. Levasseur (Стр. 17).

которых определены и которые сохраняют право ухода, при чем господин при осуществлении ими этого права и в случае смерти может вернуть их землю в свой домен. Полусвободные крестьяне, **вилланы**, имеют право отчуждения земли и несут твердо определенные повинности и платежи, как знак их первоначальной независимости. Эти отношения подверглись сильным изменениям вследствие двух обстоятельств. Сначала значительно уменьшилось число полных сервов, благодаря массовым отпускам на волю, уже в XII и XIII столетиях. Отпуски происходили одновременно с появлением денежного хозяйства и в связи с ним. Этого требовал собственный интерес господина, так как свободные крестьяне могли быть обложены значительно высшими поборами. Другою причиною было возникновение крестьянских союзов. Деревня конституировалась в общину, которая брала на себя круговую ответственность по уплате господину рент, за что ей предоставлялась полная автономия управления, которая была поддержана королями. Обе стороны извлекали из этого выгоду: господин потому, что мог считаться в силу этого только с одним единственным должником; крестьяне потому, что силы их заметно выростали: одно время их союзы даже добились представительства в генеральных штатах. Дворянство принимало перемену тем охотнее, чем больше оно превращалось, в отличие от тогдашнего прусского юнкерства, в придворную знать, образуя слой получателей рент, живущих далеко от деревни. Оно уже не представляло собою организаторов труда, в каком бы то ни было смысле, и было вычеркнуто из хозяйственного строя страны в одну ночь во время революции.

Италия [1]. Первоначальный аграрный строй рано изменился здесь благодаря тому, что городское гражданство скупало землю или экспроприировало собственников во время политических смут. Итальянский город очень скоро отменил крепостничество, ограничил повинности и поборы с крестьян и ввел дольщину (с'емку из части) первоначально не с капиталистическими целями, но для покрытия собственных потребностей. Дольщики были обязаны доставлять продукты к столу городских патрициев, так что на каждого падала доставка особого вида продуктов; инвентарь обычно давал горожанин, владеющий капиталом, но не желавший хозяйничать капиталистически. Дольщина отличает Италию и южную Францию от других стран Европы.

Германия [2]. Северо-западная и юго-западная Германия и прилегающие к ним части северной Франции, составляют главную область

---

[1]) G. **Arias**, Il sistema della costituzione economica e sociale italiana nell'etá dei comuni, Turin 1905; R. **Caggese**, Classi e comuni rurali nel medio evo italiano, 1. Ed., Florenz 1907; G. **Dietzel**, Über Wesen und Bedeutung des Teilbaus (Mezzadria) in Italien, Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft XL (1884), XLI (1885).

[2]) Th. **Knapp**, Gesammelte Beiträge zur Rechts und Wirtschaftsgeschichte, vornehmlich des deutschen Bauernstandes, Tübingen 1902; E. **Gothein**, Die Lage des Bauernstandes am Ende des Mittelalters, vornehmlich in Südwestdeutschland, Westdeutsche Zeitschrift für Geschichte und Kunst IV (1885) 1 ff., он же, Die Hofverfassung auf dem Schwarzwald, Zeitschr. für Geschichte des Oberrheins XL (1886) 257 ff.; Th. **Ludwig**, Der badische Bauer im 18. Jahrhundert, Strassburg 1896; S. **Hausmann**, Die grundherrliche Verfassung Bayerns in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts, Strassburg 1888; H. **Wopfner**, Die Lage Tirols zur Ausgang des Mittelalters und die Ursachen des Bauernkrieges, 1908; W. **Wittich** (см. выше). G. F. **Knapp**, Die Bauernbefreiung und der Ursprung der Landarbeiter in der älteren Teilen Preussens, 2 Tle, 1887; (русск. пер. Г. **Кнапп**, История освобождения крестьян в Пруссии). Дальнейшая литература у Kötzschke, ук. соч., стр. 137, 184.

„виликационной“ системы управления поме[illegible] рассеянным владением. Но в дальнейшем развитие аграрног[illegible] в юго-западных и северо-западных землях пошло совершенно [illegible]. В юго-западной Германии виликационная система [illegible]лась, права господина, как владельца крепостных и обладателя судебных прав, превратились в простые права собирателя рент; лишь относительно небольшие барщины и сборы при наследстве остались за господином, как пережиток старины. Рейнский и юго-западный крестьянин благодаря этому стал фактически свободно располагать собою, мог отчуждать и наследовать свои владения. Произошло это прежде всего потому, что здесь большой силы достигло феодализирование землевладения с преобладанием очень дробных поместий. В одной деревне часто сидело несколько помещиков. Землевладение, суд, крепостное право попадали в различные руки, и крестьяне могли играть на таких противоречиях. Единственное, что удалось провести помещикам западной и юго-западной Германии—это присвоение больших частей общей марки (лесных угодий), в гораздо меньшем об'еме также захват альменды (выгонов). В северо-западной Германии виликационное управление было разрушено самими помещиками. С тех пор, как они увидели возможность сбыта своих продуктов, они были заинтересованы в возрастании доходов и в существовании крестьянских хозяйств, способных работать на сбыт. Во времена Саксонского Зерцала и уже непосредственно перед ним, произошли массовые отпуски „латов“ на волю; освобожденная земля была сдана в аренду свободным с'емщикам, так называемым мызникам; их участки, при сильном содействии государственной власти, которая защищала мызников от неоправданных поборов, стали наследственны. Если помещик хотел „отмызить“ владельца, государство принуждало его поставить на место изгнанного другого мызника, чтобы не уменьшались налоговые поступления. Выгода помещиков увеличивать число больших хозяйств с'емщиков привела к праву наследования с обязательством передавать двор в руки только одного наследника. Обычно ценз мызника был натуральным, а на место барщины выступил денежный оброк. В некоторых частях Вестфалии удержалось крепостничество, но только в том смысле, что помещик имел право забрать себе часть наследства при смерти крестьянина. На юго-востоке (Бавария, Верхний Пфальц, южный Вюртемберг) с укреплением крестьянского владельческого права дело часто обстояло очень плохо. Различали „наследственное поселение“ и „крепостной договор“, подзащитный лен и полный. Последний был только пожизнен и господину принадлежало право, в случае смерти крестьянина, повышать поборы или передавать участок другому. Но господин обладал обычно также и правом ближайшего наследования. Платежи состояли из десятин и поборов за перемену владельца; их высота изменялась в зависимости от того, было ли имение наследственным или ненаследственным. Барщины было очень мало. Крепостничество оставалось общераспространенным вплоть до XVIII столетия, однако, фактически оно выражалось лишь в очень низком, различно вычисляемом обязательстве платежей господину, который часто не совпадал с самим помещиком, владельцем земли, на которой крестьянин сидел. На немецком Востоке вплоть до XVI столетия положение крестьян было особенно благоприятно. Крестьяне обычно сидели на наследственно-цензовом праве, не несли никакой барщины и обладали

личною свободой. Относительно большие массы поместий сосредоточились в руках дворян, которые с самого начала были пожалованы большими участками, часто по три-четыре в одной деревне. Судебная власть и помещичья власть в значительной части совпадали. Эти особенности быта позднее облегчили принуждение крестьян к барщине и дали возникнуть крупным предприятиям из больших „гуф", где дворянство само хозяйничало.

В Англии [1]) существовали *villains in gross*, рабы, и *villains regardant*—зависимые. Они все были крепки земле, но являлись членами судебной общины. Существовало сильно развитое поместное право, которое и затрудняло помещикам угнетать крестьян и повышать их платежи. Помещичья и судейская власть были тождественны и во время нормандского завоевания: вассалам были переданы в лен замкнутые округа. Но в противовес помещику стояла твердая государственная власть; английские короли обладали сильною верховною властью и их ученые юристы пользовалась большим могуществом, которое они прилагали к тому, чтобы защищать крестьян против помещиков.

§ 6. Капиталистическая эволюция помещичьего землевладения.

Поместный (феодальный) строй, возникнув при значительном содействии военных моментов и главным образом расчитанный на то, чтобы обеспечить существование господ путем использования зависимой земли и зависимых рабочих сил, заключал в себе также сильные мотивы для капиталистического развития; оно проявилось в двух формах: плантационном и крупнопомещичьем хозяйствах.

А. Плантаторство.

Плантаторство есть предприятие с принудительным трудом, работающее специально на сбыт и производящее садовые продукты. Плантационное хозяйство возникло повсеместно путем завоевания, особенно в колониях и там, где возможность господского землевладения соединялась с благоприятными условиями для садовой культуры. Продуктами плантаций в новейшее время были: сахар, табак, кофе, хлопок, в древности — вино и масло. Развитие его обыкновенно проходит сначала через стадию полу-плантаторства. Регулируется только сбыт и концентрируется в одних руках, производство предоставляется отдельным несвободным рабочим, как принудительный труд с круговой ответственностью общины, обязательным возделыванием земли и платежами владельцу полу-плантации, в качестве которого выступает колониальная компания. Эти условия господствуют в южной Америке вплоть до революции в начале XIX столетия, в северо-американских колониях Англии вплоть до отпадения от метрополии.

Полное плантаторство встречается, отдельными эпизодами, во всем мире. Но два раза оно нашло себе классическое выражение: в античных карфагенско-римских плантациях и в негрских плантациях южных штатов американского союза в XIX столетии. Полное план-

[1]) См. указания литературы выше, стр. 55.

таторство работает с помощью дисциплинир[illegible]есвободного труда. Здесь не существует рядом, как в барск[illegible]ьи, хозяйство помещика и отдельные малые хозяйства крес[illegible]; зависимые рабочие согнаны вместе и заперты в казарму. Главная трудность предприятия заключается в рекрутировании рабочих. Рабочие бессемейны и не пополняются сами собой. Существование таких плантаций зависит от охот за рабами, от того, существуют ли такие охоты на войне или осуществляются в виде периодических набегов на большую область охоты за рабами, например, эксплуатация, как невольников, негров Африки. Античное плантаторство[1]) сформировалось в Карфагене и там же было научно обосновано (Магоном, как в римской литературе Катоном, Варроном, Колумеллой). Предварительным условием его была возможность постоянно находить покупных рабов на рынке. Продуктами римских плантаций были масло и вино. В барском поместье мы находим рядом колонов, свободных мелких с'емщиков и рабов. Колоны обрабатывают поля инвентарем, который им дал господин, это группа рабочих, а не крестьян в нынешнем смысле. Рабы безбрачны и лишены собственности, они собраны в казармы с ночлежкою, лазаретом, карцером. Они работают под суровой чисто воинской муштрой, выходят на работу утром по вызову сомкнутым строем, а идя с работы сдают утварь и одежду в особое помещение. Единственное исключение составляет *vilicus*, надсмотрщик, который владеет пекулием, и у него есть *contubernalis* т.-е. он может вступать в брак с рабыней и еще имеет право пасти скот на господском пастбище. Труднейшею проблемою была забота о рабском прироста. Так как он не был достаточен, при случайности половых связей рабов, владельцы старались увеличить количество рождений, предоставляя рабыне свободу после третьего ребенка. Это общее правило оказалось тщетным, так как отпущенных на свободу ждала проституция. Затруднения господина, который жил в городе, возрастали пред лицом постоянной нужды в рабах. С тех пор как по прекращении больших войн, в начале империи, возможность постоянного пополнения рабов исчезла, рабская казарма (*ergastulum*) была обречена на исчезновение. Ограничение рабского рынка действовало так же, как недостаток добычи угля на современную индустрию. Римское плантаторство поэтому изменило свой характер, так как одновременно передвинулся внутрь страны центр античной культуры, между тем как существование рабского хозяйства было тесно связано с близостью побережья и возможностями сбыта. Вместе с этим переходом центра тяжести культуры внутрь континента, где господствовало традиционное помещичье хозяйство и соответствующие транспортные условия, и вместе с утверждением мира, который принесла империя, пришлось перейти к другой системе. Мы видим, что во времена поздней империи рабы, поскольку они занимались сельскими работами,

[1]) M. Weber, Die römische Agrargeschichte in ihrer Bedeutung für das Staats- und Privatrecht, Stuttgart 1891; A. Schulten, Die römischen Grundherrschaften, Weimar, 1896; R. His, Die Domänen der römischen Kaiserzeit, Leipzig 1896; Éd. Beaudouin. Les grands domaines dans l'empire romain, Nouvelle revue historique de droit français et étranger XXI (1897), XXII (1898); K. Mitteis, Zur Geschichte der Erbpacht im Altertum, Abhh. der Sächs Gesellschaft der Wissensch. 1901; Специально о колонате см. „Agrargeschichte" (M. Weber) und „Kolonat" (M. Rostowzew) в „Handwörterbuch", 3. Aufl.. с библиографией. Ср. N. D. Fustel de Coulanges, Recherches sur quelques problèmes d'histoire, Paris 1885, (русск. перев. под ред. И. М. Гревса), и M. Rostowzew, Studien zur Geschichte des römischen Kolonates, Leipzig und Berlin, 1910.

получали семью и были посажены на *mansi serviles*; с другой стороны, колоны были обложены рядом с оброками еще и барщиною, и обе группы сравнялись. Крупные *possessores* господствуют в хозяйстве и в обществе империи. Денежное хозяйство и городское устройство приходят в упадок; общие условия приближаются к натурально-хозяйственной стадии.

Аналогичные затруднения возникли в **южных штатах североамериканского союза**. Плантации возникли здесь как раз тогда, когда были сделаны крупные изменения в технике хлопчато-бумажной промышленности. В последней трети XVIII столетия в Англии были изобретены бумагопрядильная (1768—9 г.) и ткацкая машина (1785 г.), в Соединенных штатах машина для очистки хлопка; только последняя дала возможность полного использования хлопчато-бумажных урожаев. Вместе с тем развилось массовое производство льна и шерсти. Однако, возможность массового производства хлопчатобумажного товара, вследствие машинной переработки урожая, привела к совершенно разным результатам в Европе и Америке; там хлопчатая бумага дала толчок к организации свободного труда — первая крупная фабрика развилась в Ланкшире в Англии—здесь она стала носительницей рабства.

В XVI и XVII столетии пытались использовать индейцев для массового производства, но они скоро оказались негодными. Тогда перешли к ввозу рабов-негров. Но безбрачные рабы не размножались, и торговля рабами была запрещена в ряде штатов Новой Англии, так что уже через одно поколение—в конце XVIII столетия — наступил острый недостаток в неграх. Применение труда бедных переселенцев, которые старались возместить своей работой на плантациях значительные издержки по переезду, не дало удовлетворительных результатов. Тогда схватились за другое средство—разводить негров—которое столь систематически практиковалось в некоторых южных штатах, что даже стали различать штаты разведения и штаты потребления негров. Одновременно, однако, возгорелась борьба из-за земли, где должна быть применена работа негров. Необходимою предпосылкою для такого применения была низкая цена на землю и возможность постоянно захватывать в работу новые земли. Ибо если рабочие силы были дороги, земля должа была быть дешева; кроме того, хозяйство с помощью негров было хищническим, так как негры, которым нельзя было доверить никакого нового инструмента, хозяйничали примитивными орудиями. Среди таких условий началась борьба между штатами свободного и несвободного труда. При этом обнаружился удивительный факт, что только дополнительное орудие производства, „раб“, одно приносило ренту, ибо сама земля вообще еще не давала никакой ренты. Политически эта борьба была схваткой капиталистических слоев севера с плантаторской аристократией юга. На стороне первых стояли свободные фермеры, на стороне плантаторов и те белые юга, которые вовсе не владели рабами,—„бедный белый сброд“ („*poor white trash*“),—так как они боялись освобождения негров из соображений сословного престижа и видели в них конкурентов [1]).

[1]) J. E. Cairnes, The Slave Power, its character, career and probable designs, New York 1862; E. von Halle, Baumwollproduktion und Pflanzungswirtschaft in den nordamerikanischen Südstaaten, 2 Bde., Leipzig 1897, 1906; H. J. Nieboer, Slavery as an industrial system, The Hague 1900; B. Du Bois, The suppression of the African slave trade, New York 1904; G. Knapp, Die Landarbeiter in Knechtschaft und Freiheit, 2. Aufl., Leipzig 1909. 1 ff.

Рабство доходно только тогда, когда оно поддерживается строжайшей дисциплиной и связано с безоглядной эксплуатацией. Дальнейшими предпосылками его существования являются возможность дешевого добывания и питания рабов и экстенсивная техническая культура, которая в свою очередь предполагает неограниченный запас земли. Когда рабы стали дороги и порядок их безбрачия больше нельзя было поддерживать, пало античное плантаторство и вместе с ним рабство. Христианство в этом отношении не оказало обычно приписываемого ему влияния, скорее повлияли стоики-императоры, которые начали защищать семью и семейные принципы и вместе с тем допустили браки рабов. В Америке сильно повлияли идейно на уничтожение рабства квакеры. Окончательно судьба рабства негров была, однако, решена с того момента, когда конгресс (1787 года) запретил ввоз рабов после 1808 г. и когда земли, находившейся в распоряжении американских поселенцев, начало не хватать. Превращение рабского хозяйства в систему аренды из части, вероятно, завершилось бы и без гражданской войны, которая вспыхнула только благодаря выходу южных штатов из союза. Неудачная хозяйственная политика северян-победителей, которые открыто давали преимущества неграм, имела то последствие, что после отозвания их войск негры почти повсюду были лишены права голоса, и воцарилось строгое кастовое отделение черных от белых. Негры стали арендаторами-дольщиками и впали в долги. Так как железные дороги зависели от крупного землевладения белых, можно было затруднить неграм обмен, и их свобода передвижения оставалась лишь на бумаге. Таким образом, эмансипация рабов привела беспорядочным образом к состоянию, которое могло бы более органически наступить само собою, когда был бы исчерпан фактор „земля“.

Б. Помещичье хозяйство.

Помещичьим хозяйством мы называем крупное капиталистическое производство на сбыт, которое основывается или исключительно на скотоводстве, или исключительно на земледелии, или на комбинации того и другого.

Если центр тяжести ложится на экстенсивно[illegible]во, то предприятия может существовать без капи[illegible] римской Кампанье. (См. W. Sombart, Die römische Ca[illegible]85). Там господствует латифундиальное хозяйство, начала которого, вероятно, восходят ко временам барониальных распрей в феодальную эпоху церковного государства. Большие римские знатные фамилии являются помещиками Кампаньи, рядом с ними стоят арендаторы, которые разводят большие стада скота, главным образом для снабжения Рима молоком. Крестьяне, напротив, экспроприированы и вытеснены.

Крупное скотоводство с малым приложением капитала господствует также в пампасах Южной Америки и в Шотландии. В Шотландии крестьяне также экспроприированы. Английская политика (после уничтожения шотландской независимости битвою при Куллодене 1746 г.) стала рассматривать древних начальников кланов, как лэндлордов, а членов кланов, как их держателей (tenants). В итоге лэндлорды, как собственники, сочли себя в праве в течение XVIII и XIX столетий прогонять крестьян и превращать землю в охотничьи угодия и пастбища.

Интенсивное капиталистическое пастбищное хозяйство образовалось в Англии вместе с развитием английской шерстяной промышленности и ее поощрения английскими королями (с XIV столетия), которые преследовали при этом податные цели и сначала покровительствовали вывозу шерсти в сыром виде, а потом обеспечению местного потребления шерстяной мануфактурою [1]. Вместе с тем началось в Англии превращение альменды в овечье пастбище (огораживание — enclosure) усилиями помещика, который считал себя верховным собственником альменды. Мало того, он массами скупал земли у крестьян или заключал с ними договоры, в силу которых они делались крупными фермерами и переходили к скотоводству. Результатом этого процесса, который протекает с XV по XVII столетие и против которого в XVIII поднимается агитация как среди населения, так и у писателей по социальному вопросу, явилось возникновение капиталистического класса крупных арендаторов, члены которого брали на себя аренду с минимумом рабочих сил и по большей части разводили овец для шерстяной промышленности.

При другой форме помещичьего хозяйства центр тяжести лежит *в производстве хлеба*. Примером этого служит *Англия* в течение 150 лет, предшествовавших отмене хлебных пошлин при Роберте Пиле. До тех пор при покровительственной системе и премиях за экспорт мелкие крестьяне массами выселялись, чтобы очистить место для рационального производства с арендаторами. Пастбищное фермерское хозяйство и хлебное фермерское хозяйство то стояли тогда рядом обособленно, то практиковались совместно. Это состояние продолжалось, пока не пали хлебные охранительные пошлины, вследствие агитации пуритан и английского рабочего класса. Земледелие больше не приносило дохода и приложение рабочих сил к земледельческому хозяйству стало излишним. Английская деревня сильно обезлюдела, между тем как в *Ирландии* удержалось мелкое арендное хозяйство, при одновременном колоссальном развитии землевладения *лэндлордов*.

Совершенную противоположность Англии представляет *Россия*. [3]) Здесь еще в XVI столетии существовали рабы (холопы), но большая масса крестьян состояла из свободных арендаторов-дольщиков, которые отдавали помещику половину своего дохода. Помещик имел право согнать их ежегодно, но редко пользовался этим правом. Так как, однако, помещики предпочитали прочные денежные получки колеблющимся натуральным сборам, они переводили крестьян на твердый оброк. Вместе с тем они пытались распространить и на свободных с'емщиков барщину, которая первоначально была обязательна только для холопов. Впереди в этом процессе шли монастырские вотчины, которые хозяйствовали особенно тщательно. Развивавшееся денежное

---

[1]). E. *Nasse* Uber die mittelalterliche Feldgemeinschaft und die Einhegungen des 16. Iahrhunderts in England, Bonn 1869; P. *Vinogradoff*. The growth ot the manor, 2. Aufl. London 1911; G. *Brodnitz*, Englische Wirtschaftsgeschichte, 1. Bd., Iena 1918; W. *Hasbach*, Die englischen Landarbeiter in den letzten hundert Iahren und die Einhegungen, Leipzig 1894; H. *Levy*, Entstehung und Ruckgang des landwirtschaftlichen Grossbetriebs in England, Berlin 1904; и еще выше названные работы *Ashley*, *Rogers*, *Cunningham*.

[2]) См. M. J. *Bonn*, ук. соч.

[3]) W. *Engelmann*, Die Leibeigenschaft in Russland, 1884 (Русск. пер. *Энгельманн*, История крепостного права); E. V. *Stern*, Die russische Agrarfrage und die russische Revolution, 1918.

хозяйство имело своим последствием сильную зад[illegible]сть крестьян. Достаточно было одного плохого урожая, чтобы со[illegible]долженность, вместе с которой крестьяне теряли свою свободу. [illegible] XVI столетия цари основывали свою мощь и всю административную организацию государства на службе дворянства. Но этому порядку угрожала опасность, ибо крупные помещики могли предлагать крестьянам наиболее благоприятные условия аренды, так что у мелкого дворянства наступила нужда в крестьянах. Царская политика стремилась защитить мелкое дворянство против крупного. Этой цели послужил указ царя Бориса Годунова от 1597 г., по которому арендный договор был об'явлен нерасторжимым, крестьянин же стал крепок земле. Он был включен в податной список, что привело, в свою очередь, к политике охраны крестьян со стороны господ. С переходом к подушной подати при Петре Великом исчезло прежнее различие между свободным крестьянином и холопом. Оба были крепки земле и над обоими помещик имел неограниченную власть. Крестьянин был столь же бесправен, как римский раб. В 1713 г., помещики приобрели формальное право наказывать крестьян кнутом, приказчик имения соединял брачные пары по своему усмотрению, высота поборов и рекрутский набор также зависели от произвола помещиков. Помещик обладал правом ссылать строптивых крестьян в Сибирь и мог в любой момент отнять добро у крестьянина, хотя некоторым и удавалось утаить свое имущество и достигнуть значительного благосостояния. Суда, где крестьянин мог бы искать управы, не существовало. Крестьянин был эксплуатируем господином, как источник ренты или как рабочая сила; первое в средней России, второе, напротив, в западных губерниях, где существовали возможности экспорта. Таковы были условия, при которых русский крестьянин вступил в XIX столетие.

В Германии западная часть, где продолжается рентное крупное землевладение, резко отличается от восточной части с Австрией, где долго господствует барщинное хозяйство [1]). Первоначально, однако, положение крестьян здесь, как и там, было почти одинаково, на востоке даже несколько благоприятнее. Восток не знал [2]) в начале никакого крепостничества; там развивалось лучшее земельное право Германии, крестьяне сидели на больших „гуфах" (по мере старой королевской гуфы); вытеснение крестьян было запрещено государственной властью со времен Фридриха Вильгельма I Прусского и Марии Терезии, так как крестьянин был плательщиком налогов и рекрутом. Это было также запрещено в Ганновере и Вестфалии; напротив, на Рейне, в юго-западной Германии и в Баварии оно допускалось. И все же это течение приняло громадные размеры именно в Австрии, а не на западе и на юге. Причины этого различны. После тридцатилетней войны, которая страшно уменьшила крестьянское население, крестьянские наделы, гуфы, на западе были заняты сызнова, на востоке, напротив, присоединены к поместью. На западе [3]) и юге господствовала разбросанность владений, на востоке существовали замкнутые большие дворянские участки. На юге и западе, даже там, где существовали большие замкнутые

---

[1]) G. v. Below. Territorium und Stadt, 1900, стр. 1—94; ср. и приведенную на стр.—литературу. Общее обозрение у W. Wittich: Grundriss der Socialökonomie VII (1914), стр. 1 и в „Handwörterbuch" V 3 (1911) стр. 208 (статья „Gutsherrschaft").

[2]) Ср. выше, стр. 62.

[3]) Ср. выше, стр. 61.

владения дворянства, не возникало больших помещичьих хозяйств. Здесь власть над землею, владение людьми и власть судебная были отделены друг от друга и крестьянин мог играть на этой противоположности, между тем как в Австрии право на эти виды власти было единым замкнутым леном. Это обстоятельство облегчало вытеснение или привлечение крестьян к барщине, хотя первоначально на это притязал обладатель судейской власти, но не помещик.[1]) Наконец, на востоке было меньше церковных владений, чем на западе, а церковь по традиции относилась к крестьянам более заботливо, чем светский землевладелец; на востоке, даже где в руках церкви были большие владения, как, напр., в Австрии у монастырей, церковь хотя и хозяйничала рациональнее, чем светские владельцы, но не столь заинтересована была в производстве и сбыте[2]). Решающее значение в такой противоположности между востоком и западом играло различие рыночных отношений. Помещичье крупное хозяйство возникало там, где местный рынок не мог поглотить производимую массу хлебного производства и, поэтому, можно было их экспортировать за границу. Но так как гамбургский купец не мог сам покупать хлеб у отдельных крестьян в Марке или Силезии, переход к крупному хозяйству напрашивался сам собою. От крестьян юга и запада, напротив, близко лежали города, куда они могли сбывать свои продукты. Поэтому, помещик мог здесь использовать крестьянина, как источник ренты, напротив, на востоке—только как рабочую силу; паралельно с постепенным поредением городов на карте, возрастала густота помещичьих экономий. Наконец, сыграло роль еще поместное право запада и юга и порожденный им большой традиционализм, который благоприятствовал раз поселившимся в данной местности крестьянам. Правда, утверждали, что крестьянская война в западной и южной Германии повлияла на это развитие; хотя она кончилась поражением крестьян, но подействовала как проигранная всеобщая стачка, являясь грозным призраком для помещиков. В Англии, однако, была своя крестьянская война в XIV столетии и там дело дошло до полной экспроприации крестьян. Если Польша и немецкий восток не видели крестьянских восстаний, то надо иметь в виду, что эти восстания, как и все революции, не могли вообще вспыхнуть там, где положение нуждающихся в революции совсем угнетенно но, напротив, лишь там, где они уже достигли определенного уровня самосознания.

Техническим выражением для обозначения отношений крестьянина к помещику на востоке была не крепостная зависимость, но наследственное подданство. Крестьянин принадлежит имению, продается и покупается вместе с ним. В Германии, к востоку от Эльбы, рядом с крестьянами княжеских доменов—которые были весьма обширны и, напр., в Мекленбурге занимали половину всей земельной площади—стояли крестьяне частных владельцев. Их владельческие права были очень различны. Немецкие крестьяне искони обладали очень благоприятными владельческими условиями, они сидели на наследственном чиншевом праве на своей земле. Напротив, владельческие права славянских крестьян были очень необеспечены. Последствием было то, что в местностях, где славян было большинство, ухудшались и владель-

[1]) Ср. выше, стр. 62.
[2]) См. L. Brentano, Erbrechtspolitik. Alte und neue Feudalität (Stuttgart, 1899).

ческие права немецких крестьян. Таким образом произошло то, что масса крестьян на востоке в XVIII столетии оказалась на правахласситов, крестьянин стал принадлежностью имения. У него нет никакого прочного наследственного права, не всегда было дано право пожизненного владения, и все же он был крепок земле и мог оставить имение только с дозволения помещика и с одновременным представлением заместителя. У него были обязательные повинности дворового; следовательно, он не только должен был оказывать услуги сам, но и предоставлять своих выросших детей в качестве челяди в дом господина, если даже этот последний был только арендатором домена. Господин мог принудить каждого лассита занять назначенный крестьянский двор. Наконец, господин имел право увеличивать барщинные повинности и когда угодно согнать крестьянина, но по этому пункту против него решительно выступала власть государей. Государи немецкого востока создали охрану крестьян, они запрещали снос существующих крестьянских усадеб в Пруссии и Австрии, конечно, не ради самого крестьянина, а чтобы сохранить крестьянские усадьбы: крестьянин был рекрутом и плательщиком налогов. Однако, охрана крестьян находила место лишь там, где утвердилась сильная государственная власть: в Мекленбурге, в шведской передней Померании, в Гольштинском графстве возникли компактные крупные экономии.

Крупное помещичье хозяйство на восток от Эльбы (ок. 1890 г.)[1] было сезонным производством: сельскохозяйственные работы различно распределялись по временам года; зима давала земледельческим рабочим подсобный ремесленный труд, упадок которого в позднейшие времена был одной из главных причин бедствия рабочих. Работники и девушки для постоянных дворовых услуг находились в имении круглый год. Кроме того была еще другая категория земледельческих рабочих, которые назывались Instleute. То были женатые рабочие с собственным домашним обзаведением; в Силезии они помещались вместе, в больших казармах. Они работали по годовому контракту, который мог быть прекращен каждою из сторон в любое время. Их вознаграждение состояло или в определенном количестве продовольствия с небольшой денежной прибавкой, или в натуральных получках меняющейся величины, в доле продуктов мельничного помола или молотьбы. При молотьбе, которая производилась ручным способом и продолжалась целую зиму, доля эта обычно составляла от шестого до десятого снопа. Эта работа принадлежала им монопольно, помещик не мог передавать ее кому-нибудь другому. Кроме того, пока существовало трехполье, они имели на каждом из трех полей имения по участку пашни, обработанному для них помещиком, и еще садовую землю, на которой они возделывали картофель. Денежное вознаграждение их было ничтожно, но они откармливали свиней на продажу и сбывали излишек своей доли урожая. Благодаря этому они были заинтересованы в высоких ценах на свиней и хлеб и таким образом их экономические интересы отчасти совпадали с помещичьими, между тем как оплачиваемые деньгами сельскохозяйственные рабочие-пролетарии были заинтерисованы в низких ценах. Крупный инвентарь давал барин, но цеп и косу поставлял сам инстман. Для жатвы барин нуждался еще в помощи чужих работников, странствующих батраков (так нас. „ландсбергерских резаков“) или

---

[1] M. Weber, Die Verhältnisse der Landarbeiter im ostelbischen Deutschland, Leipzig 1892.

нанятых в деревне. Но кроме того инстманн, если он не хотел сокращать свою заработную плату, должен был поставить летом по крайней мере одну, во время жатвы даже две вспомогательных рабочих силы. Обычно он выбирал для того свою жену или детей, так что вся семья состояла в наемно-рабочем отношении к помещику. Свобода контракта, которая существовала в индустрии, применялась также к странствующим рабочим и инстманам из наследственно подданных крестьян, места которых были неурегулированы [1]). Значительная перемена в их положении, по сравнению с временами наследственной зависимости, состояла в том, что хозяйничал тогда помещик без собственной упряжки и инвентаря, пользуясь ручным трудом и упряжками крестьян, так что не произошло еще отделения рабочего от средств производства.

Подобным же образом были организованы помещичьи экономии в Польше и Белоруссии, странах экспорта, которые посылали свой хлеб на мировой рынок с помощью судоходства по Висле и Мемелю, между тем как внутри России господа предпочитали сдавать землю в аренду крестьянам, которые таким образом удерживали в своих руках средства производства.

Всем этим сложным формам взаимной зависимости между помещиком и крестьянами, использованию первым последних, как источника ренты или как рабочей силы, наконец, связи крестьянина с землею и в том и в другом случае, прежде всего положило конец распадение поместного аграрного строя. Оно означало собою личное освобождение крестьянина и сельского рабочего и вместе с тем установление свободы передвижения, устранение связанности оборота крестьянской земли крестьянским общинным хозяйством и правами помещика и, обратно, помещичьей земли—правами крестьянина, поскольку они существовали там, где практиковалась защита крестьянина. Это могло произойти или через экспроприацию крестьян, которые освобождались без земли (так было в Англии, Мекленбурге, передней Померании, отчасти в Силезии), или через экспроприацию помещика, который терял свою землю, между тем как крестьяне освобождались с землей (во Франции и в юго-западной Германии, вообще повсюду, где господствовало рентное крупное землевладение, а также в значительной части Польши, благодаря вмешательству русского правительства) или, наконец, путем компромисса, согласно которому крестьяне получали при освобождении только часть земли. Последнее случилось там, где существовала помещичья организация труда, которая не могла быть заменена сразу: так, например, прусское государство пользовалось услугами ландратов, обеспеченных своими имениями, так как оно было слишком бедно, чтобы заменить их чиновниками на жалованьи. Распадение помещичьего аграрного строя сделало, далее, возможным устранение патримониальной юстиции помещика, особых прав помещичьих и господских, наконец, всякой политической или сакральной связанности земли ленными обязательствами или так называемою мертвою рукою. Последнее означало собою: законы об амортизации, которые коснулись церковных владений (напр., в Баварии), устранение или ограничение фидеикомиссов (именно в Англии), наконец, устранение фискальных привилегий барской

[1]) См. ниже.

земли, свободы от податей и других политичес[ких пр]ав, что в Пруссии было осуществлено налоговым законодательс[твом] [illegible]-х годов XIX столетия. Все это были различные возможности; [результ]ат зависел от вопроса, кто будет экспроприирован,—помещик или крестьянин, а если последний,—то с землей или без земли. Решающие силы, приводившие в разложение поместный строй, действовали извнутри поместья и были в первую очередь экономическими. Это были возможности и выгоды сбыта, как для крестьян, так и для помещиков, и постоянное расширение рынка для продуктов земледелия, благодаря развитию денежного хозяйства. Но эти факторы не приводили все же вообще к разложению поместного строя, а если и приводили, то исключительно в интересах барина, который экспроприировал крестьян и пользовался захваченной от них землей, чтобы завести на ней крупное производство. Другие интересы должны были присоединиться извне: интерес к рынку вновь возникшей городской буржуазии, которой было выгодно ослабление и подрыв именно помещичьего землевладения, ибо оно ставило преграду ее стремлениям к сбыту. Город и городская хозяйственная политика, с одной стороны, и помещичье землевладение, с другой, были противниками друг друга не потому, что здесь существовало чистое натуральное хозяйство, а там, напротив, чистое денежное хозяйство; помещичье хозяйство производило в значительной мере на рынок, без возможности сбыта помещики не могли бы получить с крестьян никаких денежных платежей. Однако, помещичье владение, уже благодаря самому факту крестьянских услуг и поборов с крестьян, ставило преграды покупной силе сельского населения, так как оно мешало крестьянам отдавать всю свою рабочую силу производству на рынок и тем самым задерживало развитие у них покупной силы. Поэтому, городская буржуазия стала противником помещиков. К этому присоединилась заинтересованность возникающего капитализма в создании свободного рынка труда, чему помещичье хозяйство ставило препятствия, благодаря прикреплению крестьян к земле, между тем как первые чисто капиталистические промышленные предприятия старались использовать именно сельскую рабочую силу, поскольку они хотели ускользнуть от контроля цехов. Интересы капитала в приобретении земли тоже действовали в направлении враждебном помещикам, поскольку тенденция капиталистических слоев влагать в землю нажитое состояние и тем самым подыматься в сословно-привилегированный слой землевладельцев-помещиков, требовала освобождения земли от ленных обязательств. Наконец, в этом процессе принимали участие еще фискальный интерес государства, которое рассчитывало, что уничтожение помещичьего строя должно повысить податную силу деревни.

Таковы различные возможности разложения поместно-хозяйственного порядка. В отдельных странах оно совершалось очень разнообразно [1]).

В Китае в III столетии до нашей эры была отменена феодальная система и осуществлена частная собственность. Ши-хуанг-ти, первый император из династии Чинг, основал свое могущество не на ленном, а на патримониальном войске, которое содержалось платежами подданных.

[1]) См. статью „Bauernbefreiung“ в „Handwörterbuch“ II^3, 541 (G. Knapp'a и др.) и в „Wörterbuch der Volkswirtschaft“, I^3, 365 (J. C. Fuchs'a).

Китайские гуманисты, предшественники позднейших конфуцианцев, стояли при этом на стороне монархии и сыграли ту же рационализирующую роль, как гуманисты в Европе. С тех пор фискальная политика Китая изменялась бесчисленное количество раз [1]). Она колебалась между противоположными системами податного и литургического государства: государства, которое оплачивает войско и чиновников из налогов, используя подданных, как источник их получения, и такое, которое эксплуатирует их, как рабочую силу, покрывая свои нужды тем, что оно возлагает на определенные классы ответственность за натуральные повинности подобно тому, как делала Римская Империя во времена Диоклетиана, образовывая для этой цели принудительные корпорации. Поскольку проводилась та или другая система, подданные были формально свободны или становились государственными рабочими, которых китайское государство эксплуатировало таким же образом, как в Западной Европе помещики эксплуатировали крестьян, в тех местностях, где они пользовались ими, как рабочею силою, а не как источником ренты. В последнем случае исчезала частная собственность. Вводилось обязательное земледелие, прикрепление к земле и переделы. Конечным результатом этого развития в Китае было в начале XVIII века устранение литургического государственного принципа в пользу налоговой системы с уплатою государству поборов, рядом с которым еще сохранились незначительные остатки государственных барщин. Поборы текли в карманы мандаринов, платежи которых двору были твердо фиксированы, между тем как они сами шли так далеко, как только могли, возвышая налоги с крестьян. Это было, однако, заметно труднее там, где могущество рода было настолько сильно, что каждый чиновник должен был считаться с настроением китайского крестьянства. В результате свобода крестьян значительно расширилась. Конечно, существуют еще держатели, но они лично свободны и платят только умеренный чинш.

В Индии [2]) помещичье землевладение существует поныне. Оно вообще возникло довольно поздно, как спутник откупа налогов. Английское законодательство защищает крестьян, ранее бесправных, подобно тому, как защищало законодательство Гладстона крестьян ирландских, укрепляя за ними владельческие права на их участки и борясь с произвольным повышением традиционных поборов. Однако, в общем оно лишь отчасти разрушило раньше существовавший порядок.

На ближнем востоке также существует еще помещичье землевладение, однако, только в ослабленной форме, так как исчезло древнефеодальное войско. Коренные изменения в Персии и других странах остаются только на бумаге; в Турции до сих пор остается институт „вакуфа“ [3]), который мешает обновлению земельных отношений.

В Японии „средневековье“ доходит до 1861 года, когда совершилось крушение господства знати и поместный строй был устранен отменою феодальных, вотчинных прав [4]). Носители феодальной системы,

---

[1]) См. Н. И. Кохановский, Землевладение и земледелие в Китае (в „Известиях Восточного Института“ 1907/8, том XXIII, 2) А. И. Иванов, Ванг-ан-Ши и его реформы (СПБ. 1906).—Удовлетворительной немецкой литературы не существует. Краткий обзор у М. Weber'a. Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie, I, 350 ff.

[2]) См. литературу в примеч. на стр. 30.

[3]) См. ниже стр. 81.

[4]) C. Rathgen, Japans Volkswirtschaft und Staatshaushalt, 1891; Fukuda (стр. 18); J. Ota-Nitobe, Über den japanischen Grundbestitz, 1890.

самураи, обеднели и обратились к трудовой жизни: из их рядов развились японские капиталисты.

В области **Средиземного моря** помещичье замлевладение было устранено в античном мире [1]) только в области непосредственного владычества больших городов, напр., Рима и Афин. Городское гражданство противостояло сельской знати, рядом с этим развилась противоположность между горожанином-кредитором и сельчанином-должником. Эта обстановка, в связи с необходимостью привлекать широкие массы крестьян к военной службе, привела в Греции к тому, что правительство постаралось обеспечить гоплитов свободным владением землею. Таков был смысл т. наз. законодательства тираннов, напр., солоновского: знатные воинские роды были вынуждены вступать в союзы из крестьян. Законодательство Клисфена (около 500) понимало под демократией такой порядок, когда каждый афинянин, который желал пользоваться гражданскими правами, был обязан приписаться к дему (δῆμος), т.-е. к сельской группе, подобно тому, как в итальянских демократиях средневековья знать была принуждена вступать в цехи. Этим наносился удар помещичьему землевладению с его разбросанными участками и могуществу знатных, которые дотоле стояли вне деревень и над ними. Знатный воин теперь владел таким же правом голоса, как каждый крестьянин. Одновременно везде была устранена чересполосица. К сходным результатам для аграрного строя приводила сословная борьба и в **Риме**. При разделении полей, они распределялись на квадраты по 200 югеров каждый. На границах каждого земельного участка оставлялась дерновая межа, которая не могла быть запахиваема; межи (*limites*) являются общими дорогами, которые также не должны быть уничтожаемы, чтобы сохранить доступ ко всякому полю. Земля чрезвычайно легко передается из рук в руки. Это аграрное право должно было быть осознано в эпоху двенадцати таблиц и вылилось сразу в определенную форму. Оно соответствовало интересам городского населения, которое смотрело на сельскохозяйственное сельское владение знати совершенно так, как на земельный участок городского строителя-спекулянта, и тенденциозно уничтожало всякое различие между землею и движимостью. Вне собственно городских территорий, античное помещичье землевладение остается, однако, неприкосновенным. Так как античная культура (вплоть до Александра В. на востоке и Августа на западе) оставалась береговой культурой, помещичье землевладение продолжало существовать внутри страны, и позже могло выдвинуться вперед и, наконец, завоевало всю Римскую Империю, оставаясь господствующим в Италии в первой половине средневековья. Только **купеческие итальянские городские республики**, прежде всего Флоренция, снова вступили на путь освобождения крестьян. Однако, вскоре они политически обесправили крестьян в пользу городских консулов, совета, свободных профессий, торговых цехов, и только синьории снова оперлись на крестьян поверх городского населения. Но все-таки города освобождали крестьян, чтобы покупать землю и вырваться из-под власти родовитой знати [2]).

В **Англии** [3]) никогда не совершалось освобождения крестьян законодательством. Средневековое право формально существует еще доныне;

---

[1]) См. литературу в статье M. **Weber**, Agrargeschichte („Handwörterbuch“).
[2]) См. выше стр. 61.
[3]) См. библиогр. указ. на стр. 67.

только при Карле II была отменена ленная зависимость и вся подчиненная ленной зависимости земля превратилась в полную собственность, *fee simple*. Исключение составили только земли копигольдеров (*copyholder*), владения прежних крепостных крестьян, на которые в руках помещика не осталось никаких грамот о пожаловании, но копия таковых вносилась в земельную книгу поместья. В Англии помещичье землевладение было уничтожено фактом наличности рынка, и процесс совершался только изнутри. Этому соответствовала экспроприация крестьян в пользу помещиков; крестьяне стали свободны, но лишились земли.

Во Франции[1]) развитие пошло как раз в противоположном направлении. Революция здесь подготовила падение феодальной системы одним ударом, в ночь на 4 августа. Но принятое тогда решение нуждалось еще в истолковании. Законодательство конвента дало это толкование, об'явив, что всякое обременение крестьянского владения поборами в пользу помещика заключает феодальный характер, и провозгласив их уничтоженными без всякого выкупа. Кроме того, государство конфисковало большие массы эмигрантских и церковных имений, которые и были проданы горожанам и крестьянам. Но так как уже задолго до устранения феодальных повинностей существовало равенство прав наследников и раздел натуральных доходов, конечным результатом было то, что Франция в противоположность Англии стала страною средних и мелких крестьян-собственников. Собственность крестьян была укреплена экспроприацией помещиков. Она была возможна, так как французский помещик был придворным, а вовсе не сельским хозяином, он искал средств к жизни в занятии официальных и чиновничьих мест, доходных должностей, на которые сословие отчасти пред'являло монопольные права. Таким образом, была разрушена только система рентных отношений, но не организация труда.

Сходным образом, только менее революционно и с разною постепенностью, совершалось то же развитие в южной и западной Германии[2]). В Бадене освобождение крестьян началось уже в 1783 году, при маркграфе Карле-Фридрихе, находившемся под влиянием физиократов. Решающее значение имело то, что южно-немецкие государства, после войны за освобождение, перешли к системе писанных конституций: крепостничество несовместимо с конституционным государством. Повсеместно были устранены произвольные барщины, поборы и услуги, носившие характер личного закрепощения, в Баварии они отменены уже в 1808 г. (подтверждено конституцией 1818 г.). Установлена была свобода передвижения крестьян и создано благоприятно для них владение почти во всей южной и западной Германии в течение двадцатых и тридцатых годов; только в Баварии пришлось ждать существенных результатов до 1848 г. Тогда были устранены последние остатки обременения крестьян при содействии государственных кредитных установлений, с помощью денежного выкупа. Напр., в

[1]) H. Doniol, La révolution française et la féodalité. Paris 1874; A. Lichtenberger. Le socialisme et la révolution française, Paris 1899; Jos. Schoelkens, Erbrecht und Bodenverteilung in Frankreich vor und nach der Revolution, Neuss 1900; P. Darmstädter, О распределении земли во Франции до 1789. в „Festgabe, K. Th. von Heigel gewidmet“, München 1903; M. Kowalewsky, La France économique et sociale à la veille de la révolution, 1. Bd., Paris 1909; F. Wolters, см. стр. 60, пр. 1. См. Н. И. Кареев, Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции.

[2]) См. вышеуказанную литер., стр. 61.

Баварии все личные повинности были отменены без вознаграждения другие обращены в денежные взносы и об'явлены погашаемыми; одновременно были окончательно упразднены феодальные обязательства. Таким образом, в южной Германии помещик был экспроприирован, земля, занятая крестьянами, перешла в собственность их, все развитие было подобно французскому, только совершалось медленнее и путем законодательства.

Иначе протекал этот процесс на востоке: в Австрии, в восточных провинциях Пруссии, в России и Польше. Если бы здесь взялись за дело так, как во Франции, то был бы разрушен существовавший трудовой строй и водворился бы на его место только хаос. Может быть было бы возможно содействовать распадению барских поместий на крестьянские владения, подобно Дании, но было невозможно просто об'явить уничтоженными все феодальные тяготы. В барских хозяйствах на востоке не было ни инвентаря, ни рабочего скота не было там и сельского пролетариата, существовали только мелкие владельцы, связанные трудовыми и гужевыми повинностями. Их труд обслуживал землю барина и эта организация сельского хозяйства не могла быть отменена сразу. Дальнейшее затруднение состояло в том, что не было никакого чиновничьего сословия для управления областями, регулирование жизни там было возложено на поместное дворянство, которое несло чиновничьи должности, как почетные, бесплатно. Тот резкий переход от одного порядка к другому, который произошел во Франции, облегченный там существованием штата чиновников-юристов, здесь был невозможен, как невозможен он был и в Англии с ее аристократическими мировыми судьями [1].

Если считать охрану и поддержку крестьянина настоящей целью аграрного законодательства, то можно сказать, что реформа была образцовым образом совершена в Австрии, во всяком случае лучше, чем в Пруссии. Австрийские государи, в особенности Карл VI и Мария-Терезия, обладали гораздо большим пониманием положения вещей, чем, напр., Фридрих Великий (о котором его отец утверждал, что он не умеет заключить арендного договора и при этом надуть арендатора).

В Австрии [2], за исключением Тироля, где преобладало свободное крестьянство, существовали рядом наследственное подданство и земельное верховенство. Помещичьи экономии, пользовавшиеся крестьянами как рабочею силою, были особенно широко распространены в Моравии, Чехии, Силезии, нижней Австрии и Галиции; в остальных областях господствовало преимущественно рентное помещичье хозяйство. В Венгрии были перемешаны друг с другом арендные и барщинные отношения. В наибольшей мере личная несвобода господствовала в Галиции и Венгрии. Различались рустикалисты, которые были занесены в кадастр, как обязанные уплачивать оброки, и доминикалисты, которые сидели на непосредственно помещичьей земле (Salland) и были свободны от поборов. Рустикалисты находились отчасти в лучшем положении; они, как и доминикалисты, опять распадались на закупившихся и незакупившихся. Владение последних могло быть

[1]) См. выше стр. 63.

[2]) K. Grünberg, Die Bauernbefreiung und die Auflösung des gutsherrlish-bäuerlichen Verhältnisses in Böhmen, Mähren und Schlesien. 2 Tle., Leipzig 1894; он же, Studien zur österr. Agrargeschichte, Leipzig 1901; Emil Kun, Sozialhistorische Beiträge zur Landarbeiterfrage in Ungarn, Jena 1903.

от них отобрано в любое время, между тем как первые сидели на наследственном праве. Со второй половины XVII столетия начинается натиск капиталистических интересов на этот аграрный строй. В процесс вмешивается государство при Леопольде I, сначала чисто фискальным образом в форме принудительного кадастра: нужно было твердо знать, с какой земли можно вообще собрать налоги. Когда эта мера оказалась бесплодной, перешли к упорядочению барщины путем указов (1680—1738). Это было законодательство об охране труда: было твердо установлено, какое наивысшее количество труда можно требовать с крестьянина. Однако, сноса крестьянских дворов это не прекратило. Поэтому Мария-Терезия перешла к податной ректификации, которая должна была уменьшить соблазн сноса, так как помещик делался ответственным за подати вместо сведенных с земли крестьян. Но и эта мера не оказалась достаточна. Тогда (1750) императрица прямо запретила снос, но ей ничего не удалось добиться. Наконец, в 1770—71 г.г. она провела регулирование уставных грамот: поместья должны были представить обязательные уставные грамоты, в которых было окончательно нормировано каждое крестьянское владение с его обязательствами. Одновременно крестьянам было предоставлено право выкупаться и таким образом приобретать наследственное владение. Эта мера тотчас провалилась в Венгрии, но в Австрии, напротив, имела заметный успех. Она была первою попыткою точно установить число наличных крестьян и защитить их от аграрного капитализма; однако, она не вела к разрушению прежнего аграрного строя: крестьянин охранялся, но и помещики удерживали свою позицию. На революционный путь вступило впервые законодательство Иосифа II. Он прежде всего отменил крепостничество и гарантировал крестьянам все, что вытекало из этого общего принципа: свободу передвижения, свободу профессий и заключения браков, освобождение от принудительной службы в челяди. Он твердо предоставил крестьянам собственность на их наделы и решился на нечто совершенно новое в положении о податях и уставных грамотах 1789 г. Прежнему барщинному и натуральному хозяйству поместий должен был быть положен конец: все барщины и поборы были переведены в неизменно-денежные суммы; впредь и помещик должен был вносить государству денежные платежи. Однако, эта попытка одним ударом перейти к налоговому государству не удалась. Крестьяне оказались не в состоянии выручить со своих продуктов такой излишек, чтобы иметь возможность уплачивать денежные сборы, и хозяйство помещиков было в корне подорвано. Поднялась буря, принудившая императора на смертном одре взять назад большую часть своих реформ. Только в 1848 г. в результате революции, все главнейшие тягости крестьян были отменены, частью с вознаграждением, частью без него. Что касается вознаграждения, то австрийское государство прежде всего приняло очень низкий тариф выкупа повинностей и кроме того создало кредитные учреждения, которые помогли освобождению. Это законодательство было венцом стремлений Марии-Терезии и Иосифа II.

В Пруссии [1]) существовало резкое различие между крестьянами государственных доменов и частно-владельческими крестьянами. Для

[1]) G. F. Knapp, Die Bauernbefreiung und der Ursprung der Landarbeiter in der älteren Teilen Preussens, 2 Tle, 1897; он же, Die Landarbeiter in Knechtschaft und Freiheit, 2 изд. 1909; G. Dessmann, Geschichte der schlesischen Argarverfassung, 1904.

крестьян на доменах уже Фридрих Великий мог достичь очень обстоятельных охранных постановлений. Прежде всего, он отменил принудительные услуги на помещичьем дворе, потом в 1777 г. об'явил наследственными крестьянские владения. Фридрих Вильгельм III в 1799 г. принципиально высказался за отмену барщины; при заключении арендного договора каждый новый арендатор домена должен был определенно отказаться от притязания на них. Таким образом, на доменах постепенно подготовлялся новый трудовой строй. Кроме того, крестьянам было предоставлено право выкупа земли в собственность за относительно скромное вознаграждение. Всем этим мерам сочувствовало чиновничество не только вследствие прибыли, которую приносила государству выкупная сумма, но и потому, что достижение свободной собственности погашало притязания доменных крестьян по отношению к государству и облегчало бремя администрации. Гораздо труднее была задача по отношению к **частновладельческим крестьянам**. Фридрих Великий хотел отменить крепостное право, но натолкнулся на (формально убедительное) возражение, что крепостного права в Пруссии не существует, а есть только наследственное подданство. Королю не удавалось ничего добиться вследствие противодействия дворян и чиновничества, вышедшего из их же рядов. Только катастрофа при Иене и Тильзитский мир привели к решительному повороту. В 1807 г. наследственное подданство было отменено. Вопрос заключался в том, что делать с землею, которая находилась у крестьян в ласситском владении. В прусском чиновничестве мнения разделились. Предстояло выбрать одно из двух. Или постараться получить с каждого участка земли возможно большее количество продуктов, в таком случае осуществлялся аграрный строй по образцу английского, который тогда являл собою наивысшую степень сельско-хозяйственной интенсивности; но это приходилось окупить обезлюдением деревни, такова была мысль обер-президента Шена и его кружка. Или значение придавалось максимальному количеству крестьянского населения, тогда приходилось уже отказаться от подражания Англии и ее интенсивной культуре. После долгих совещаний появился **эдикт о регулировании** 1816 г. Он представлял собою компромисс между политикой в интересах правительства и охраною крестьян. В первую очередь регулированию подлежали крестьяне, обладавшие упряжным скотом, между тем как мелкие крестьяне были фактически исключены из него, так как помещики об'явили, что они не в состоянии обойтись без труда их рук. Но крестьяне с упряжным скотом подлежали регулированию только в том случае, если они сидели на крестьянской земле, внесенной в кадастр, и занимали ее с 1763 г. То обстоятельство, что за основание был принят именно этот год, год окончания Семилетней войны, означало, что регулированию подлежал минимум крестьянских владений. Регулирование производилось по особому ходатайству. Крестьянин получал право собственности на свой участок, освобождался от всяких услуг и поборов, но зато терял все прежние права по отношению к барскому имению. Вместе с тем он отказывался от права на помощь от помещика в случае нужды, при востановлении построек, от пользования пастбищем и лесом, наконец, от помещичьей защиты при взносе податей. Но, главное, крестьянин должен был уступить помещику треть наследственного и половину ненаследственного владения. Этот способ регулирования давал помещику исключительные преимущества.

Правда, ему приходилось раздобывать себе инвентарь и рабочий скот, но зато он удерживал трудовые услуги коссэтов, освобождался от прав крестьянина на пастбище и мог округлить свои владения, так как одновременно было отменено запрещение сноса крестьян. Не подлежавшие регулированию крестьяне с обязательным трудом могли быть сразу лишены своих владений. В Силезии, где дворянство было особенно могущественно, оно обеспечило себе еще разные исключения в свою пользу, между тем как в Познани, где надо было прижать польских помещиков, было об'явлено подлежащим регулированию все крестьянство.

Только после 1848 г. прусское законодательство сделало последний шаг. В 1850 г. все крестьянские тяготы были об'явлены подлежащими отмене. Все крестьяне, за исключением поденщиков, подлежали теперь регулированию, и все тяготы, которые лежали на крестьянских наделах, вследствие ли регулирования или независимо от него, как, например, наследственная аренда, наследственный чин и т. п., были об'явлены подлежащими отмене. Однако, в промежуточный период мелкие крестьянские наделы уже давно были захвачены помещиками.

Общий итог развития Пруссии таков: и число крестьян, и размеры крестьянской земли уменьшались. С 1850 г. совершалась возрастающая пролетаризация сельских рабочих сил. Решающим фактором было повышение цен на землю. Прежнее снабжение инстманнов землей не давало более ренты; отменили участие в молотьбе и помоле и выдали за то денежное вознаграждение. Важно то, что благодаря введению культуры сахарной свеклы сельское хозяйство обратилось в сезонное производство, которое осуществлялось только помощью странствующих рабочих, так называемых „саксонских ходоков“ [1]), также приходивших из польских провинций, из русской Польши и Галиции. Им не надо было ни строить особых рабочих жилищ, ни отводить земли, их можно было пихнуть в казармы и удовлетворить таким продовольствием, от которого бы отказался всякий немецкий рабочий. Так бродячее батрачество все более сменяло прежних крепких земле крестьян и местных рабочих, связанных с землею и помещиком общностью интересов в самом процессе работы [2]).

В России [3]) еще Александр I заговорил об освобождении крестьян, но сделал он так же мало, как и Николай I. Понадобилось крымское поражение, чтобы решительно двинуть вопрос. Александр II боялся революции и после долгих совещаний выпустил великий манифест 1861 г. об освобождении крестьян. Вопрос о наделении землею был разрешен таким образом, что был установлен минимум и максимум земельного владения на душу (надел) для отдельных областей Империи; надел этот колебался между тремя и семью гектарами. Однако, помещик мог отказаться регулировать дело таким образом, если он соглашался уступить даром четверть минимального надела. Таким образом,

---

[1]) См. K. Kärger. Die Sachsengängerei, Berlin 1890.

[2]) См. выше, стр. 62.

[3]) См. W. G. Simkovitsch, Bauerbefreiung (Russland) в Handwörterbuch der Staatswissenschaften, 3 изд., II. По всем пунктам, относящимся к России, необходимо самостоятельно иметь в виду особую русскую научную литературу. См. библиогр. указания у А. А. Корнилова, Русская история XIX в. (2 изд. Москва, М. В. Сабашникова).

он фактически завладевал семьями работников-пролетариев, которые всецело зависели от заработков в его имении. Иначе крестьянин получал надел только за выкуп. Выкуп был тем выше, чем меньше был участок земли, при чем законодательство основывалось на соображениях о лучших качествах почвы и ее доходности. Кроме того, на определенное переходное время были сохранены крестьянские барщины, и выкуп платежей был поставлен в зависимость от согласия помещика. Это стало источником растущей задолженности крестьян по отношению к помещикам. Выкупные платежи были относительно очень высоки, они рассрочивались по 6% на 48 лет и еще платились, когда вспыхнула революция 1905-7 г. Благоприятнее было положение удельных и государственных крестьян, которые были освобождены с полным владением землею. Освобождение крестьян совершилось в России только частичное: они были освобождены от помещика, но не от круговой ответственности перед общиной. По отношению к общине закрепощение осталось. Крестьянин не имел свободы передвижения, мир мог призвать обратно каждого, кто происходил из данной деревни, кем бы он ни стал. Это право продолжало существовать, потому что правительство видело в так называемом аграрном коммунизме консервативное начало и тем самым поддержку для царской власти против либерализма.

Иначе действовало русское правительство в западных губерниях, особенно в Польше[1]), руководясь политическими соображениями. В Польше уже кодекс Наполеона отменил крепостничество, однако, земля, в случае отхода крестьянина, переходила к помещику. Это правило, которое привело к массовому своду крестьян, было снова отменено в 1846 г. Тогда освобождение польских крестьян, как общее правило, было осуществлено русским правительством против польского дворянства, которое было главным деятелем восстания 1863 г. Таким способом надеялись привязать крестьян к русской политике. Поэтому при урегулировании поземельных отношений принимались во внимание исключительно заявления крестьян. Освобождение было фактически ограблением польского дворянства; в особенности повели отсюда начало многочисленные крестьянские сервитуты в лесах и пастбищах.

Результатом разрушения помещичьего землевладения и является современный аграрный строй. Иногда крестьяне освобождались от земли и земля от крестьян (Англия), иногда крестьяне освобождались лишь от помещиков (Франция), иногда применялась смешанная система (в средней Европе, при этом чем дальше к востоку, тем более отношения походят на английские).

На способ окончательного оформления отношений имело существенное влияние наследственное право. В этом пункте заметна резкая противоположность прежде всего между Англией и Францией. В Англии всеобщим правом наследования земли стало феодальное наследственное право с первородством. Старший сын как у помещиков, так и у крестьян, один наследует всю землю. Во Франции уже при старом порядке общим правилом был равный дележ земли, гражданский кодекс сделал его обязательным. В Германии существуют резкие противоположности. Там, где практикуется единонаследие, применяется не

[1]) A. J. F. C. Graf Rostwski, Die Entwicklung der bäuerlichen Verhältnisse im Königreich Polen, Jena 1896; K. v. Gaszczynski, Die Entwickelung der bäuerlichen Selbständigkeit im Königreich Polen. München 1905.

первородство в английском смысле, но право ближайшего наследника; ближайший наследник, к которому переходит земля, должен обеспечить других наследников. Право ближайшего наследника утвердилось отчасти по чисто техническим причинам, напр., в больших имениях или в больших шварцвальдских крестьянских участках, так как здесь невозможен натуральный раздел, или оно обосновано исторически и ведет свое происхождение из времен вотчинного землевладения, которое было заинтересовано в существовании платежеспособных, неразделенных крестьянских дворов. В России мы находим земельную общину вплоть до реформы Столыпина (1907): крестьянин получает свой земельный участок не от родителей, но от сельской общины.

Новейшее законодательство совершенно отменило ленный союз. В некотором отношении он замещен фидеикоммиссами [1]). Они встречаются раньше всего в форме своеобразных учреждений в Византийской империи с XII столетия. Чтобы защитить землю от захватов, императоры ее передавали церкви, и земля получала тем самым сакральный характер. Цель, на которую обращала ее церковь, — напр., поддержка существования определенного числа монахов, — была ясно определена, но остающаяся рента в размере девяти десятых удерживалась навсегда за семьею жертвователя. Отсюда в мире ислама возник вакуф: передача земли якобы в пользу мечети или на другую благочестивую цель должна была на деле обеспечить семье ренту, при чем султан уже не мог облагать землю налогами. Арабы перенесли институт фидеикоммисса в Испанию, откуда его заимствовала Англия и Германия. В Англии поднялся против него протест, но юриспруденция выработала эквивалент в институте *entails*. Так назывались участки, которым особый договор гарантирует неделимость и неотчуждаемость при переходе от одного поколения к другому, так что исключается изменение порядка владения ими на время жизни владельцев. Таким способом в Англии большая часть земли сосредоточивалась в руках небольшого числа семей, между тем как в Пруссии еще недавно на положении фиденкоммиссов находилась одна шестнадцатая часть земли. Во Франции фамильные договоры влияют в сходном направлении. В результате связанное фидеикоммиссами латифундиальное владение существует в Англии, Шотландии, Ирландии, кроме того (до 1918 г.) в некоторых частях Силезии и в пределах прежней австро-венгерской монархии, в малых размерах в некоторых частях Германии, где, впрочем, преобладают более формы среднего землевладения.

Способ, каким развивался аграрный строй и как было разрушено помещичье землевладение, приводит к исключительным, далеко идущим последствиям для развития не только поземельных отношений, но и политических отношений вообще, особенно для вопроса, существует ли в стране землевладельческая аристократия и как она сложилась. Аристократ в социологическом смысле есть человек, который, благодаря своему экономическому положению может в ряде поколений отдаваться политике и жить для нее, не имея необходимости жить от нее, т. е. это владетель ренты; но это последнее условие не осуществимо для тех слоев, которые, трудясь для поддержания самого себя и семьи, остаются привязаны к определенному занятию, будь то пред-

[1]) См. выше указ. соч. L. Brentano, стр. 69.

приниматели или рабочие. В частности, среди сельского общества полным аристократом является только владетель земельной ренты. Страною, в которой существует такая аристократия, является в Европе собственно только Англия, в меньшей мере прежняя Австрия. Напротив, во Франции экспроприация помещиков привела к урбанизации политики, причем уже не сельская аристократия, но городская плутократия оказалась достаточно независимой от заработка, чтобы жить для политики. Аграрное развитие Германии сохранило только редкий слой получателей земельных рент, свободно располагающих собою для политики, особенно в восточных провинциях Пруссии, где дальше всего пошла экспроприация крестьян. Однако, большинство прусского юнкерства отнюдь не представляет собою аристократического слоя, подобно английским лэндлордам. Оно является „бюргерски“ сельским средним сословием с феодальным отпечатком, который оно сохраняет из прошлого. Члены этого сословия, как сельские предприниматели, в повседневной хозяйственной борьбе вплетены в интересы рынка. Вместе с падением хлебных цен с 70-х годов прошлого века и с под‘емом требований бытовой жизни судьба их парализовала, ибо величина „рыцарского имения“ в 400—500 моргенов не может поддержать аристократического, господского существования. Отсюда выясняется чрезвычайная острота борьбы интересов, среди которой стояли и стоят члены этого слоя, и их положение в политической жизни.

Вместе с разрушением поместного строя и также остатков прежнего общинного землевладения, осуществлявшегося помощью связывания и раздела угодий и т. д., — проведена в жизнь полностью система личной собственности на землю. Одновременно с течением веков изменился в выше описанном направлении строй общества, а домашний союз настолько сузился, что носителями индивидуальной собственности могут быть отец с матерью и детьми, между тем как прежде это было технически неосуществимо. Домашняя община и во внутреннем своем устройстве прошла через глубокие изменения, именно в двух отношениях: путем ограничения ее деятельности функциею потребления и постепенным распространением на нее хозяйственного расчета. С развитием наследственнаго права выступало, все прогрессируя, на месте первоначального полного общения в имуществе различение между собственностью мужа и жены и раздел по расчету. Такое двоякое перерождение было связано с развитием промышленности и торговли.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Промышленность и горное дело до наступления капиталистического развития.

К введению в историю промышленности: H. Boos, Gesch. der rheinischen Städtekultur, III[2], Berl. 1899, стр. 3—376; K. Th. v. Inama-Sternegg, Grundriss der germ. Philologie, III[2], Strassburg 1902, S. 23 ff.; W. J. Ashley (см. стр. 17); его же, Early history of the english woollen industry, Lonbon 1887; G. Schmoller, Grundriss der allg. Volkswirtschaftslehre, 1. Bd., 11. und 12 Tausend, München 1913 bis 1919; H. de B. Gibbins, Industrial history of England, 7. Aufl. London 1912; Ср. В. Зомбарт, Современный капитализм (4 тома; готовится русск. перев.).

§ 1. Основные формы расчленения промышленности.

K. Bücher, ст. „Gewerbe“ в Handwörterbuch der Staatswissenschaften; он же, Возникновение народного хозяйства, 1-ый том. Пгр. 1923. 5-ое р. изд.

В техническом смысле под промышленностью разумеют переработку сырого материала, почему первоначальное добывание продуктов, равно как и горное дело, из понятия промышленности обыкновенно исключаются. Однако, нам придется рассматривать в дальнейшем и горное дело, так что определение „промышленность“ будет охватывать те виды экономической деятельности, которые нельзя отнести к сельскому хозяйству, торговле и транспорту.

Промышленность, рассматриваемая экономически, как переработка сырого материала, выступает всюду первоначально как труд для собственной потребности домовой общины. В этом случае речь идет о подсобной промышленной работе. Она начинает нас интересовать с того лишь момента, когда производство поднимается выше потребности домашнего хозяйства. Работа эта может производиться для чужого хозяйства, главным образом для господского, руками зависимых людей; в таком случае нужды производящего хозяйства покрываются продуктами из других (крестьянских) хозяйств. Подсобная промышленная работа может производиться и для деревни. Такой случай наблюдаем в индийской деревне. Ремесленниками являются здесь мелкие крестьяне, которых не может прокормить сполна их собственный надел земли; они назначаются деревней и находятся в распоряжении каждого нуждающегося в ремесленной работе; они подчинены деревне, от которой получают плату натурой или деньгами. Здесь речь идет о работе „демиургов“.

Вторым видом переработки сырья, которое производится не для потребностей собственного хозяйства, является производство ради заработка, т. е. ремесло. Сущность ремесла есть производство в каких-либо размерах промышленной работы, требующей

специальных знаний; работа эта выполняется либо путем расщепления по профессиям, либо путем технической специализации, безразлично, будет ли это свободный или несвободный труд для потребностей господина, общины или за собственный счет.

Первоначально, как мы видим, ремесленный труд возникает для удовлетворения собственных потребностей замкнутого домового хозяйства. Здесь всего чаще встречается, как старейший вид специализации вообще, строгое разделение труда между полами [1]). На долю женщины прежде всего падает исключительно земледелие; она является старейшим земледельцем. Но она отнюдь не занимает столь высокого положения, как это приписывает древним германцам фантазия Тацита: в старой Англии совращение женщины рассматривалось, как простое повреждение вещи, которое можно ликвидировать деньгами. Женщина была сельской рабыней; на ней лежала вся обработка поля и вся деятельность, связанная с утилизацией растений собранных на этом поле; кроме того изготовление посуды, в которой варилась пища и, наконец, широкая область текстильного труда (плетение цыновок, пряжа и тканье). В области ткачества встречаются, правда, характерные исключения: в Египте, как справедливо бросилось в глаза Геродоту, за ткацким станком сидели мужчины (несвободные); такая форма развития выступала всюду, где управление станком требовало большой силы, или где мужчина был освобожден от военных обязанностей. С другой стороны, мужчине доставался весь труд, связанный с войной, охотой и скотоводством, следовательно, также обработка металлов, изготовление кож и, наконец, приготовление мяса. Это последнее занятие считалось ритуальным актом; мясную пищу употребляли первоначально только во время религиозных пиров, на которые принципиально допускались одни лишь мужчины: женщина получала только остатки.

Промышленная работа на соединенных началах встречается искони в случайной форме, особенно при постройке жилищ. Эта работа настолько трудна, что отдельная семья, а в особенности один человек, не в состоянии ее выполнить. Она производилась, следовательно, всей деревней в виде одолжения на началах взаимности (помочи) [2]), за нее угощали выпивкой, как и поныне в Польше; затем, в очень отдаленные времена также устраивалась работа в пользу главы племени, кроме того она применялась к постройке судов союзами, добровольно соединявшимися для этой цели, которые благодаря этому получали удобный случай для пиратства. Наконец, иногда об'единялось значительное количество свободных людей вместе для добывания металлов; обработка железа, впрочем, относительно позднее явление; сначала дома строили без металлических гвоздей; альпийские дома, несмотря на тяжесть снежного покрова, делались с плоской крышей, за неимением металлических гвоздей для постройки остроконечной.

Как видно из распространения помочи (Bittarbeit), при ранней специализации труда еще отнюдь не устанавливались профессии, требующие обучения. На специальные уменья смотрят в первобытное время скорее как на нечто, связанное со сверхъестественными силами; им предшествует вера в вещи, которых отдельный человек может достигнуть только магическим путем. В особенности применимо это к врачебной

[1]) Сравн. выше стр. 34 прим. 3, привед. там литературу.
[2]) „Помочь“ — наше крестьянское название такого рода работ.

профессии: „лекарь"—древнейшая профессия. Вообще всякое ремесло, требующее большой выучки, считалось первоначально находящимся под влиянием колдовства; в особенности кузнецы были окружены магическим ореолом, вследствие того, что часть их искусства кажется чем-то таинственным и сами они облекают его тайной. Профессии, требующие специальной выучки, возникают затем в большом хозяйстве главы племени или крупного владельца; последний был в состоянии воспитывать и обучать людей в определенном направлении и имел потребности, для удовлетворения которых необходима работа, требующая выучки. Профессия, требующая предварительного обучения, могла, наконец, получить развитие благодаря выгоде, получаемой от обмена. Решающим является при этом вопрос: имеет ли промышленность доступ к рынку? Кто продает конечный продукт производства, после того как он прошел через руки целого ряда ремесленников?—Вопросы, с которыми связана борьба цехов и их разложение. Профессиональный работник, специалист, предварительно обученный, может прежде всего работать свободно на рынок. В качестве мелкого предпринимателя он выносит на рынок продукт своего труда. Этот крайний случай мы можем обозначить, как „рыночную работу". Здесь предполагается, что производитель имеет власть распоряжаться сырым материалом и орудиями труда. При этом допускается возможность, что сырье, а иногда и орудия производства, доставляются ему каким-нибудь сообществом; так, средневековые цехи совместно закупали в значительном количестве известные сырые материалы (железо, шерсть) и распределяли их между собой для того, чтобы не нарушить равенства сочленов. В противоположном случае ремесленник находится на службе у других людей в качестве наемного рабочего; это бывает тогда, когда у него нет собственности на материалы и орудия труда, и он выносит на рынок только свою рабочую силу, но не продукт ее. Среднее место занимает ремесленник, работающий на заказ. Он может иногда быть собственником сырых материалов и орудий производства. Тут возможны опять-таки два случая: либо он продает потребителю (который может быть и торговцем, получающим от него продукт), тогда мы можем говорить о „свободном производстве на заказчика" (freie Kundenproduktion); или он работает по заказу предпринимателя, имеющего монополию на его рабочую силу. Очень часто это является следствием задолженности предпринимателю или вызывается фактической невозможностью добраться до рынка, как, например, при экспортной торговле в средние века. Такой порядок называют системою скупки (Verlagssystem): ремесленник является здесь закабаленным кустарем.

Вторая возможность заключается в том, что сырой материал и средства производства или одно из них, но главным образом сырой материал, доставляются заказчиком. Этот заказчик является потребителем; тогда можно говорить о наемной работе на заказ (Kundenlohnwerk). Последний случай состоит в том, что в качестве заказчика выступает предприниматель, который заказывает с целью получить барыш. Это бывает в крупной промышленности с работою, раздаваемою по домам рабочих. Тогда стоят один подле другого предприниматель-купец, закупающий (хотя и не всегда) сырой материал, а иногда доставляющий также и орудия производства, и закабаленный в своей домашней промышленности наемный рабочий, который не может выносить свой продукт на рынок самостоятельно, за отсутствием соответствующей организации ремесла.

По роду отношения рабочего к месту работы можно различать следующие положеня. Работа производится в собственном жилище. Тогда ремесленник может быть „ценопроизводителем" (Preiswerker'ом), самостоятельно устанавливающим цену на свой продукт, или же он может быть „работающим на дому" („Lohnwerk"), „наемным рабочим на заказ" („Kundenlohnwerk"), который действует по заказу потребителя или же, наконец, он трудится у себя как „рабочий домашней промышленности" на предпринимателя. Иначе обстоит дело, если работа производится за пределами собственного жилища. Тогда она может быть „временной работой" (Störarbeit) в доме потребителя, как это и сейчас распространено среди швей и портних, занимающихся починкой; временная работа была первоначально всегда странствующей работой. Или же речь идет о „приходящем" ремесле—(Anbringungsgewerbe), которым по самой его природе нельзя заниматься у себя дома, как например малярное дело. Или же, наконец, мастерская представляет из себя эргастерий и поэтому, как таковая, отделена от жилища рабочего.

Эргастерий не должен быть необходимо „фабрикой" [1]; но может быть базарно-ремесленным помещением, где мастерская и место продажи совпадают, или может заниматься сообща несколькими рабочими или принадлежать, наконец, господину, который в качестве предпринимателя заставляет там работать своих рабов, при чем или сам сбывает продукт, или же предоставляет продажу рабам за соответствующий сбор с них [2]. Характер эргастерия всего чище выражен в современной мастерской предпринимателя, где рабочий работает для предпринимателя, который ему предписывает условия работы и платит ему заработную плату.

Присвоение „оборудования" (Anlage), иначе говоря, основного, постоянного капитала, под которым следует подразумевать помещение и средства производства, если эти последние не входят в понятие инструментов, может производиться различным способом. Возможно, что в оборудовании не встречается никакой надобности; тогда мы имеем дело с чистым ремеслом, как в средневековом цеховом хозяйстве; отсутствие оборудования помещения настолько характерно для этого хозяйства, что как только оно начинает возникать, цеховое хозяйство подвергается опасности распадения. Но возможно, что существует оборудование, построенное и пущенное в ход сообществом (деревенским, городским или ремесленным). Такие случаи часты и встречаются опять-таки в средние века, при чем цехи сами устраивают оборудования. Затем мы встречаем господские оборудованные мастерские, которыми ремесленники могут пользоваться за вознаграждение; например, монастырь строит валяльную мельницу и допускает свободных рабочих пользоваться ею. Далее возможно, что собственник не только предоставляет в распоряжение свободных рабочих господское оборудо-

---

[1]) Как думает Эд. Мейер, Рабство в древности.

[2]) О рабском труде в древности см. ниже стр. 89; об античной промышленности (особенно об эргастерии): K. Grünberg, ст. „Sklaverei" в Handwörterbuch VII[3], 356 ff., K. Bücher, Beiträge zur Wirtschaftsgeschichte. Tübingen 1922. S. i ff., 179 ff.; G. Salvioli. Le capitalisme dans le monde antique. Études sur l'histoire de l'économie romaine. Paris 1906; P. Guiraud, La main d'oeuvre industrielle dans l'ancienne Grèce, Paris 1900; E. Cicotti, Il tramonto della schiavitù nel mondo antico, Turin 1899; A. Mauri, I cittadini lavoratori dell' Attica nei secoli V. et IV. a. C., Milano 1895.

вание, но в силу своей власти принуждает ремесленников изготовлять в нем продукты, которые сбывает сам; тогда это домашнее ремесло (Oikenhandwerk) которое, начинаясь от времен фараонов, встречается в самых различных формах вплоть до средневекового производства князей, помещиков-сеньеров и монастырей. В то время как при „домашнем ремесле" хозяйство не отделено от предприятия и это последнее является лишь подсобным промыслом предпринимателя, совсем иное положение получается при затрате предпринимателем основного капитала. Здесь работа производится с помощью средств производства предпринимателя и вследствие этого требует „мастерской" дисциплины. Оборудование мастерской предпринимателем фигурирует, как основной капитал, составляющий статью в расчетах предпринимателя; сосредоточение его в руках отдельного человека послужило причиной разложения цехового устройства.

§ 2. Ступени развития промысла и горного дела.

Исходным пунктом развития здесь является домовый промысел, служащий для собственных потребностей мелкого или крупного домового хозяйства [1]). Отсюда получается возможность развития промышленности общинно-родовой, которая может возникнуть вследствие того, что род либо племя обладают монополией или на определенный сырой материал или на определенную специальность или профессию [2]). Общинно-родовой промысел практикуется вначале, как желанный побочный доход, позже приобретает более широкие размеры и ведется с целью получения чистого барыша. Это значит, что (как на одной, так и на другой ступени развития) продукт домашнего труда, изготовленный при помощи орудий и из сырого материала, принадлежащих домашней общине, выносится на рынок, так что в стене замкнутого домового хозяйства прорубается окно, ведущее во внешний мир. При этом монополия на сырой материал может образоваться, вследствие исключительного нахождения определенных родов камня, металла или волокнистых веществ (всего чаще залежи соли или металла или глины) в пределах области рода или племени; как следствие использования их может возникнуть прежде всего странствующая торговля. Торговля может производиться самими ремесленниками, как это встречается у некоторых бразильских племен и у русских кустарей, которые в одно время года изготовляют продукт в качестве крестьян, а в другое обрабатывают его и продают его в разнос. Или же приобретается монополия (очень часто в области шерстяной промышленности с художественными достоинствами) на высокие виды изготовляемого продукта, при чем рабочие владеют секретом производства или приобретенной техникой искусства, которые по просту не передаются. Этот случай представляет собою своеобразный вид работы

[1]) K. Bücher, Arbeit und Rhythmus, 5. Aufl., Leipzig 1919; A. Vierkandt, Naturvölker und Kulturvölker, Leipzig 1896, S. 120 ff., 260 ff.; H. Schurtz, Urgeschichte der Kultur, Leipzig 1900, S. 158 ff., 215 ff., 269 ff., 307, 534 ff; E. Hahn, Die Entstehung der wirtschaftlichen Arbeit, Heidelberg 1908; F. Stuhlmann, Handwerk und Industrie in Ostafrika, Hamburg 1910.

[2]) B. K. von den Steinen, Unter den Naturvölkern Zentralbrasiliens, Berlin 1894.

на рынок, при которой ремесло благодаря обла[illegible] землей становится монополией и передается из рода в род и [illegible]мени в племя по наследству, как дар богов. Происходит между[illegible]ая специализация производства. Она может остановиться на это[illegible]ни развития, ограничиваясь обменом продуктов между соседни[illegible]фическими областями,—как это происходит в Африке,—или же может развиваться дальше. Пример одного из возможных путей развития даст *образование каст в Индии*[1]). Племенные промыслы, располагавшиеся первоначально в горизонтальном порядке рядом, теперь вследствие, об'единения отдельных племен под одним владычеством, наслаиваются вертикально друг над другом, и междуплеменное разделение труда происходит между поданными одной и той же власти. Первоначальная этническая обособленность между различными племенами выражается теперь в кастовом строе и отчужденности каст, которые не смеют вместе принимать пищу, заключать между собой браки и в праве принимать друг от друга лишь определенные услуги. Кастовый порядок имел громадное влияние на весь общественный строй Индии потому, что закреплялся обрядностью, а вместе с тем и религией. Он сделал ремесло неподвижным, исключив возможность применения изобретений, и задерживал возникновение промышленности на капиталистической основе. Введение каких-либо технических изобретений возможно было бы только при условии образования новой касты на самом низу кастовой лестницы. И если коммунистический манифест говорит о пролетарии, что он может зовоевать мир, терять же ему нечего, кроме своих цепей, то одинаково можно высказаться об индийце[2]), с тою лишь разницей, что освободиться от своих цепей он может только в потустороннем мире, исполняя свои кастовые обязанности в здешнем. Каждая индийская каста предавалась занятиям, твердо установленным традицией; кто оставлял традиционный способ производства своей касты, тот не только изгонялся из нее и превращался в парию, но терял свои надежды на потусторонний мир, именно надежду возродиться в последующей жизни членом высшей касты. Вот почему индийский кастовый строй превратился в самую консервативную систему в социальном и хозяйственном отношении. Лишь под английским влиянием в нем постепенно были пробиты бреши, и капитализм здесь также совершает свое медленное победное шествие.

Вторая возможность, которая открывается на ступени междуплеменного обмена, это развитие *специализации для рынка*. Так возникает местное разделение профессий, которое уже перестает быть таким образом междуплеменным; оно может происходить *демиургически*, следовательно, пока без приспособления к рынку; деревня или крупный владелец собирает ремесленников, большей частью иноплеменных, и обязывает их работать для деревни или дома (οἶκος). Сюда принадлежат, например, деревенские промыслы[3]) в Индии, а

---

[1]) E. Senart, Les castes dans l'Inde. Les faits et le système, 1896; R. Fick, Die sociale Gliederung im nordöstlichen Indien zu Buddas Zeit, 1897; A. K. Comaraswamy, The Indian craftsman, 1909; B. H. Baden-Powell, ср. выше, стр. 30: „The Indian Empire", 4 т. 1908—09 г., (систематический справочный труд); M. Weber, Ges. Aufsätze zur Religionssoziologie, II, стр. 1, 91 и сл.

[2]) M Weber, Gesammelte Aufsätze, II, 121.

[3]) Сравн. выше стр. 30—31 и след. Нечто подобное относится к польским naroczenicy, несвободным людям, поселенным вместе в деревнях возле королевского замка и обязанным

в Германии еще в 14-м столетии господин поместья принужден заботиться, чтобы его деревенские мастерские были заняты ремесленниками. Здесь мы встречаем местную специализацию для собственных потребностей, с которой связано обыкновенно наследственное присвоение мастерских.

Из нее выходит известный род местной специализации, которая в конечном счете ведет к специализации для рынка. Предварительной ее ступенью является локализованная специализация деревенской или барской промышленности. В деревне[1]) находятся, с одной стороны, крестьяне, с другой господа, которые поселяют в своих дворах ремесленников, чтобы те работали для потребностей барина за вознаграждение (часть урожая и т. д.). Это представляет противоположность специализации для рынка, ибо здесь отсутствует обмен. Кроме того, такая специализация несет еще на себе оболочку междуплеменной специализации, при чем ремесленники являются чужаками, а рядом с ними стоят выбитые из колеи крестьяне, которые не могут более вести самостоятельного крестьянского хозяйства, так как им не хватает для этого земли.

Иным путем производится господская эксплуатация ремесленников в крупном домовом специализированном производстве местных владетельных князей или сеньеров для личных или политических целей. Здесь также имеет место специализация без обмена. На отдельных ремесленников или на целые группы их возлагается определенная работа для нужд господина. В античном мире такое положение было широко распространено; на ряду с officia, местами должностных лиц в крупном хозяйстве, например, с должностью кассира обычно из рабов, появляются artificia, ремесленные мастерские. Они состоят большей частью также из рабов и заключают в себе определенные категории ремесленников среди familia rustica (то есть, земледельческих рабов), которые работают для собственных потребностей больших имений: кузнецов, металлистов, каменщиков, плотников, текстильных рабочих, особенно женщин в гинекеях (γυναικεῖον), мукомолов, пекарей, поваров. Но они встречаются также в городских хозяйствах крупных господ, в распоряжении которых находится большое количество рабов. Известен список императрицы Ливии, жены Августа, который включает портных, работников по дереву, строительных рабочих и других ремесленников, работающих для гардероба и других личных потребностей императрицы[2]). Нечто подобное встречается при индийских княжеских дворах и в Китае, а также в средневековых феодальных поместьях, как светских, так и монастырских.

Рядом с ремесленниками, работающими для потребностей владельца, стоят другие, работающие для его политических целей. Пример в широком масштабе представляет управление фараонов в новом царстве после изгнания гиксов. Мы находим здесь систему складов,

---

исполнять ремесленные работы для населения замка, за что их наделяют землей; ср. F. Rachfahl, Die Organisation der Gesamtstaatsverwaltung Schlesiens von dem Dreissigjährigen Kriege, c. 26; M. J. Warszawski, Entwicklung der gutsherrlich-bäuerlichen Verhältnisse in Polen und die Bauernfrage im 18 Jahrhundert, 1914.

[1]) H. Duncker, Das mittelalterliche Dorfgewerbe nach Weistumsuberlieferungen, 1903; S. Kummer, Das mittelalterliche Banngewerbe, 1907.

[2]) Ср Monumentum libertorum et servorum Liviae Augustae, CIL. VI n. 3926—4826, а также H. Willrich, Livia (Leipzig 1911) 72.

пополняемых натуральной податью подданных, кроме того далеко идущую промышленную специализацию для военных и политических потребностей царя[1]). Чиновник получает из этого склада вознаграждение натурой; ему назначается, следовательно, определенный паек, и ассигновки на него ходят подобно современным государственным облигациям. Эти получки зиждутся отчасти на крестьянском труде, отчасти на специализированной домовой работе. В больших домовых хозяйствах ближнего востока впервые развилось и поддерживалось также ручное производство предметов роскоши. Египетские и месопотамские цари заставляли обученных в своих мастерских и находящихся в их власти ремесленников изготовлять чудесные произведения древнего восточного искусства и тем дали выполнить домовому производству важную культурно-историческую миссию.

Чтобы из этого состояния стал возможен переход к производству на заказчика и на рынок должен был появиться круг платежеспособных покупателей, должно было совершиться, по крайней мере в известных размерах, развитие менового хозяйства. И здесь, при возникновении ремесла в недрах домового производства, произошло то же самое, что и при развитии крестьянства. Князь, помещик, рабовладелец могли по желанию пользоваться обученными рабочими, как трудовой силой, и создавать при помощи их продукт для рынка или же эксплуатировать их, как источник ренты. В первом случае, когда владелец становился предпринимателем и пользовался несвободными людьми, как рабочей силой, мы находим, как в античном мире, так и в средние века, что господин нуждается в ком-либо, кто заботится о сбыте. Таким лицом является negotiator, торговец, занимавший должность назначенного прикащика в княжеском или ином каком-либо хозяйстве. Способы, какими господин может использовать людей, как рабочую силу, в таком случае различны. Он может пользоваться ими, как несвободными домашними работниками Люди остаются жить в своем жилище и должны доставлять определенное количество продуктов. Они могут производить их из собственного материала или из доставляемого господином. В античном мире такие формы были широко распространены: таким путем попадали на рынок продукты ткацкого и гончарного искусства; большей частью они изготовлялись в женской половине дома—γυναικεῖον. В средине века так возникла льняная промышленность в Силезии и Чехии. Господин является здесь, так сказать, „задателем" ремесленника. Или господин может перейти к производству в мастерских. В античном мире в числе побочных промыслов крупных землевладельцев[2]) мы находим кирпичные заводы, добычу песка и каменоломни; далее мы встречаем большие гинекеи, в которых рабыни занимаются пряжей и тканьем, а в эпоху Каролингов так называемый genicium.[3]). Особенно широкие размеры приняло промышленное

[1]) F. Preisigke, (выше, стр. 51) und W. Spiegelberg, Demotische Papyri der Strassburger Bibliothek, Strassburg 1902. Далее: Ed. Meyer, Geschichte des Altertum, I, выше стр. 16; A. Erman, Agypten und agyptisches Keben im Altertum, 2 Bde., Tubingen 1885 bis 1887; neu bearbeitet von H. Ranke, Tubingen 1922; R. Thurnwald, Staat und Wirtschaft im alten Aegypten, Zeitschrift fur Sozialwissenschaft IV, 1901

[2]) H. Gummerus, Der römische Gutsbetrieb als wirtschaftlicher Organismus nach Werken Cato, Varro und Columella, 1906; Th. Mommsen, Röm. Geschichte, I, гл. XII.

[3]) Так называлась подобная же казарма на барском дворе, в которой большие группы женщин усаживались за текстильные работы в пользу барина. (Прим. ред.).

производство в мастерских средневековых монастырских хозяйств, в пивоварнях, валяльнях, винокурнях бенедиктинцев, картезианцев и т. д. Кроме сельского побочного промысла находим мы также городские ремесленные производства с несвободным трудом. В то время как при сельском производстве помещик сбывает продукт, доставляет его при помощи несвободной силы на торговый рынок, в городе обыкновенно купец на свой капитал создает предприятия с несвободными рабочими. В античном мире такое положение вещей было широко распространено. Так, например, Демосфен сообщает [1]), что он получил от отца в наследство два эргастерия, оружейную мастерскую и мастерскую для изготовления кроватей (которые в то время являлись не предметом необходимости, но предметом роскоши)—факт этот об'ясняется тем, что отец его занимался ввозом слоновой кости, которая вделывалась как в рукоятки мечей, так и в кровати; вследствие несостоятельности своих должников, занимавшихся этим ремеслом, он присвоил заложенные ему их мастерские вместе с рабами. Далее Лисий упоминает о „фабрике" щитов с работавшей в ней сотней рабов. В обоих случаях находим производство, с одной стороны, для нужд тонкого высшего слоя общества, с другой стороны, для военных целей. Но ни в коем случае здесь не может быть и речи о „фабрике" в современном значении этого слова, но лишь об эргастерии. Что из себя представляет последний, идет ли речь о несвободном или корпоративном соединении труда, следует внимательно рассматривать в каждом отдельном случае. Если эргастерий является крупным производством при помощи рабского труда для рынка, то в сущности в нем осуществляется скорее скопление труда, чем его разделение или сочетание. Здесь сидело рядом много рабочих, самостоятельно изготовляющих однородный продукт. Над ними стоял надзиратель, который платил своему господину двойной оброк и был заинтересован лишь в том, чтобы продукт по возможности получался однородный. О крупном производстве в современном значении этого слова при таких обстоятельствах не могло быть речи, ибо в эргастерии, который не должен был непременно принадлежать господину, хотя мог и принадлежать ему, не было основного, постоянного капитала; причина, мешавшая превратить такое производство в современную фабрику, коренилась также в особенности рабовладения: капитал в виде живой человеческой силы потребляет в громадных размерах как раз в то время, когда останавливается сбыт, и кроме того в буквальном смысле слова иначе, чем основной капитал, состоящий из машин. Рабы представляют собою материал особенно непрочный и подверженный риску; если раб умирал, то это означало прямую потерю в противоположность современному положению, когда риск за опасности, которым подвержена жизнь человека, возложена на самого рабочего. Рабы могли также убежать, в особенности в военное время и особенно охотно делали это во время военных неудач; когда в эпоху Пелопонесской войны пали Афины, весь капитал, заключавшийся в рабах, был уничтожен. Кроме того цены на рабов колебались удивительным образом во время войн, которые для античного мира были нормальным состоянием. Греческий город ведет постоянную войну; заключение продолжительного мира считалось преступлением; мир заключают на определенный срок, подобно тому, как сейчас заключаются торговые договоры. В Риме война

[1]) A. Schäfer, Demosthenes und seine Zeit I, 1856, стр. 242.

была таким же обыденным явлением, толь... военное время рабы были дешевы, в мирное же время цены на ... сильно поднимались. С этим персоналом, приобретенным иногда о... дорогой ценой, рабовладелец мог поступать по своему выбору: и... рабов в казармы, или содержать их с семьями. Во втором случ... стояло дать женщинам иную работу, чем мужчинам, поэтому господин не мог специализировать своего производства, но должен был устраивать различные отрасли его и соединять их в своем „доме". Если он старался провести специализацию во что бы то ни стало, то каждый смертный случай среди рабов мог явиться роковым. Кроме того имело значение отсутствие личной заинтересованности у рабов; только при самом варварском обращении удавалось извлечь из них то количество работы, которую свободный рабочий по соглашению выполняет теперь шутя. Поэтому крупные производства при помощи рабов являлись редкими исключениями. Они появлялись в истории только в тех случаях, когда данная отрасль производства пользовалась исключительной монополией. Пример России показывает, что фабрики, где работали крепостные, находились в полной зависимости от такой монополии, и как только она падала они погибали от конкурренции свободного труда[1]).

Очень часто, правда, эргастерий в античном мире обозначал нечто иное: господин является не предпринимателем, но получателем ренты и пользовался силою рабов, как источником ее. Он прежде всего заставлял раба обучиться ремеслу, и если не отдавал его в наем третьему лицу, то разрешал работать на рынок самостоятельно или наниматься на работу или же, наконец, предоставлял ему свободно заниматься своим ремеслом, но во всех этих случаях, облагал его сбором; тогда перед нами открывается экономически свободное, но лично несвободное ремесло. В таком случае раб ... сам владел определенным фондом или господин ссужал ем... фонд (peculium), чтобы он мог вести торговлю или заниматься ... ремеслом. Пробуждавшаяся благодаря этому личная заинтерес...ь раба, а стало быть и повышение производительности его т... ...иводила по Плинию, к тому последствию, что господин предост...л ему свободу завещания. Таким путем эксплуатировалась в древнем мире значительная масса рабов. Подобное положение находим мы в средние века, также и в России, и всюду встречаем также техническое слово для обозначения ренты; это и доказывает, что ре... ... не о чем то исключительном, но о совершенно нормальных о... ...ях (ἀποφορά, крепостной ценз, оброк).

Предпосылкой для того, чт... ... такого рода эксплуатации рабов господин их пришел к реше...ю п...доставить им самостоятельный труд, была наличность не какого-нибудь неопределенного, но местного рынка, на котором рабы могли продавать продукт своего труда или свою рабочую силу. Если в античном мире и в средине века способы производства имели одинаковую исходную точку и вначале были подобны между собою, но затем идут совсем различными путями, то основание этого лежит в совершенно различных условиях образования рынка в той и в другой культуре. В древнем мире рабы остались во власти своих господ, в средние века они стали свободными; в средние века существует широкий слой свободных ремеслен-

[1]) М. Туган-Барановский, История русской фабрики.

ников, которых не знает античный мир [1]). Основаниями этого являются: 1. Различие нужд потребления в западной Европе по сравнению со всеми другими странами земли. Надо ясно себе представить, в чем нуждалось японское или греческое хозяйство. Японец живет в доме, построенном из дерева и бумаги; циновки внутри и деревянная подпорка для головы, образующая вместе с тем и кровать, посуда и некоторое количество горшечных изделий составляют все убранство. До нас дошел протокол публичного аукциона имущества осужденного греческого аристократа, может быть, Алкивиада; обстановка отличается невероятно ограниченным количеством предметов; произведения искусства играют в ней главную роль. Домашняя утварь средневекового патриция, наоборот, гораздо более громоздка и носит более утилитарный характер. Такое различие обусловливается разным климатом. В то время, как в Италии и поныне можно обойтись без отоплений, а кровать в античном мире считалась предметом роскоши и ложились спать просто на землю, завернувшись в плащ, на севере Европы употребляли печи и кровати: самой старой цеховой грамотой является грамота цеха ткачей перинного тика в Кельне. Нельзя сказать, что греки ходили обнаженными: часть тела была покрыта; но их потребность в одежде не может идти в сравнение с потребностями средневекового европейца. Наконец, опять же в силу климатических условий, немецкий аппетит был больше, чем у южан: Данте упоминает о „немецкой стране обжор". Как только явилась возможность удовлетворить эти потребности, у нас должно было в силу закона о пределах потребления развиться более обширное производство, чем в античном мире. Развитие это произошло между X-м и XII-м веками.—2. Разнородность рынка по сравнению с античностью (Расширение рынка). В северной Европе от X-го до XII-го столетия было гораздо больше покупателей, имеющих возможность платить за промышленные продукты, чем в античных странах. Античная культура была береговой культурой. Ни один значительный город не находился дальше однодневного пути от берега. Правда, страна, лежащая за этой узкой береговой полосой, была втянута в меновое хозяйство; но она не являлась прилегающею континентальною территориею, которая бы обладала высокою покупательною силою, потому что пребывала в стадии натурального хозяйства. Кроме того, античная культура основывалась на рабстве. Когда она проникла внутрь страны и стала делаться континентальной культурой, прекратился подвоз рабов. Поэтому помещики старались сохранять независимость от рынка, удовлетворяя свои потребности собственными рабочими силами. Эта „автаркия" домового хозяйства, которая, по предположению Родбертуса [2]), была присуща всему античному миру, в действительности представляет собою явление только поздней античности и достигает высшего развития в эпоху Каролингов. Ближайшим образом она приводила к ограничению рынка; позднее к этому присоединились еще фискальные мероприятия [3]). Весь процесс обозначал постепенный возврат к натуральному хозяйству. В средние

[1]) Это положение выражено слишком категорически: они были и в Греции, и в Риме. В первой даже свободное ремесло достигло большого развития. В Риме менее. (Прим. ред.).

[2]) Zur Geschichte der römischen Tributsteeurn seit Augustus I, Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik IV (1865), 341 и сл.

[3]) M. Weber, Agrargeschichte, Altertum.

века, наоборот, рынок с X века начал увеличиваться, ибо покупательная способность крестьян поднялась. Зависимость их становилась менее тяжелой, контроль господина потерял свою действенность и именно потому, что интенсивность сельского хозяйства делала большие успехи, а господин связанный, как рыцарь, военными обязанностями, не имел возможности пользоваться этими успехами; он вынужден был потому предоставлять весь излишек земельной ренты крестьянам. Такое положение дел способствовало расцвету ремесла. Наступил период „рыночных концессий“, основания городов, которые в XII и XIII столетии появляются и на востоке. С хозяйственной точки зрения то были спекуляции владетельных князей: князь стремился приобрести подданных, способных платить хорошие подати, и основывал поэтому города и рынки, как поселения людей, которые покупали и продавали. Не всегда такие спекуляции оказывались успешны. Польской знати, по большей части, они не удались, когда возраставший антисемитизм погнал евреев на восток и она хотела использовать это движение для развития городов.—3. *Малая доходность рабства, как формы производства.* Рабство приносило доход хозяйству лишь в том случае, если содержание рабов обходилось дешево. На севере этого не было и поэтому здесь их неохотно эксплуатировали в качестве источника ренты.—4. *Совершенно особенная неустойчивость условий рабовладения на севере.* Беглые рабы на севере находили себе всегда где-нибудь приют. В то время не существовало уголовного розыска и владельцы сманивали друг у друга крепостных; беглые поэтому немногим рисковали, так как могли найти убежище у другого господина или в городе.—5. *Захват власти городами.* Императоры в особенности дарили городам привилегии, откуда возник принцип: „городской воздух делает человека свободным“. Он гласил, что всякий, откуда бы он ни пришел и к какому бы званию ни принадлежал, становился горожанином, если поселялся в городе. Городское сословие и сложилось отчасти из таких пришлых элементов. Отчасти то были знатные, отчасти купцы, отчасти крепостные, также обученные ремесленники.

Этому развитию благоприятствовала все возраставшая слабость государственной власти и вызванная тем обособленность городов, которые обладали силою и могли позволить себе просто издеваться над своими господами. Но принцип „городской воздух делает свободным“ встречал сопротивление. Императоры, с одной стороны, должны были обещать князьям, что они будут препятствовать городам домогаться все новых привилегий; с другой стороны, нужда в деньгах заставляла их расширять эти привилегии. Это была борьба за власть, в которой политическая сила князей, покровительствовавших городам, в конечном счете восторжествовала над экономическою силою помещиков-господ, заинтересованных в сохранении крепостных, плативших им оброк.

Ремесленники, которые селились в городах в силу таких привилегий, были различного происхождения и находились в различном правовом положении. В редких случаях они становились полноправными гражданами, владеющими свободною от обязательств землей; часть их составляли оброчные крепостные, платящие ценз какому-нибудь господину—в городе или вне города. Третью категорию составляли подчиненные люди, лично свободные, но состоявшие клиентами полноправного горожанина, который выступал за них перед судом и по отношению к которому они несли повинности за его защиту.

Кроме того, в городах были барские дворы, которые владели собственными ремесленниками и устраивали собственный порядок ремесленного производства. Но не следует думать, что организация свободного городского ремесленного труда выросла из помещичьей организации [1]). Обычно ремесленники принадлежали различным господам, кроме того над ним стоял сеньер в городе или в деревне [2]). Только сам город мог сделаться источником самостоятельной, общей ремесленной организации; поэтому случалось так, что сеньер, которому принадлежал город, исключал своих крепостных ремесленников из привилегий, дарованных им городу, не желая, чтобы они перешли в свободное состояние ремесленников городских.

Свободные ремесленники не обладали основным капиталом. Они владели только инструментами; им не доставало, стало быть, капиталистического расчета. Почти всегда они являются наемными рабочими, которые несут на рынок свою трудовую силу, а не продукт своего труда. Но они всегда работают на потребителей, первоначально по заказу. Оставались ли они наемными рабочими или становились товаро производителями, зависело от состояния рынка.

Наемная работа ремесленников распространялась там, где работа производится для очень состоятельного слоя общества, работа на рынок там, где работают на широкие массы. Масса покупает отдельные готовые товары; поэтому, развитие покупательной способности больших масс послужило основанием для возникновения работы на рынок, как впоследствии для капитализма. Здесь нельзя, однако, провести вполне строгого разграничения. Ремесленники на заказ и товаропроизводители встречаются одновременно рядом. Но в массе ремесленники в раннем периоде средневековья, в античном мире, в Индии и Китае, так же как и в Германии, являются наемными рабочими. Они могут при этом заниматься ремеслом у себя на дому, или в доме заказчика; это зависело от дороговизны материала. Золото, серебро, шелк, дорогое сукно заказчики не давали ремесленникам на руки, но заставляли их приходить к себе, во избежание похищения и утаивания материала. Поэтому отхожий труд был особенно распространен в области потребления высших слоев общества. Домашними работниками, наоборот, были те, чьи орудия производства были дороги или трудно переносимы, следовательно, пекари, ткачи, давильщики винограда, мельники: у них мы уже находим начатки основного капитала. Между наемным трудом и производством на продажу существуют промежуточные ступени, которые определяются обстоятельствами или обычаями. Но судя по терминологии, во всяком случае, преобладает ремесленный труд по найму: ἐκδότης, μισθός, mercennarius. Все эти выражения указывают на наем, а не на цену. Также и постановления диоклетиановского „эдикта о ценах" указывают в том же направлении на таксы найма, а не цен.

---

[1]) См. ниже стр. 100 и след.

[2]) Удобные немецкие выражения Stadtherr и Grundherr могут у нас переводиться, собственно говоря, общим словом—сеньер, ибо эти отношения вытекают из феодального права: сеньеры владели и поместьями, и городами. Чаще, впрочем, в роли „господ городов" являлись территориальные князья, либо короли, или даже император. *(Прим. ред.)*.

§ 3. Цеховое ремесло.

Th. Reil, Beiträge zur Kenntnis des Gewerbes im hellenistischen Ägypten, Leipzig 1913; M. Хвостов. Организация промышленности и торговли в греческом и римском Египте. Казань, 1914; U. Wilcken, Griechische Ostraka, 1. Bd., Leipzig 1899; E. Rodocanachi, Les corporations ouvriéres á Rome, 2 Bde., Paris 1894; I. P. Waltzing, Etudes historiques sur les corporations professionelles chez les Romains, Brüssel 1895.1900; A. Doren, Studien aus der Florentiner Wirtschaftsgeschichte, 1. Bd., Stuttgart 1901; G. von Schönberg, Zur wirtschaftlichen Bedeutung des deutschen Zunftgewerbes im Mittelalter, Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik IX (1868); K. Bücher, Die Bevölkerung von Frankfurt a. M. im. 14. und 15. Jahrhundert, 1. Bd., Tübingen 1886; K. Th. von Inama-Sternegg, Deutsche Wirtschaftsgeschichte, 3. Teil, Leipzig 1901; G. Brodnitz, Englische Wirtschaftsgeschichte, 1. Bd., Jena 1918.

Цехом называется союз ремесленников, специализированных по роду их профессии. Деятельность его направлена на две цели: регулирование работы внутри цеха и монополизацию ее вне его. Он достигает этого, обязывая вступать в цех всех, кто в данном месте занимается данным ремеслом.

Цехи, как несвободная организация, существовали в поздней античности, также в Египте, Индии и Китае; это—так называемые литургические цехи. Они сложились в силу того, что удовлетворение политических потребностей отдельного государя или общины было возложено на отдельные промышленные группы и с этою целью промышленность была расчленена по профессиям. Высказывалось предположение, что и индийские касты произошли из подобных цехов. В действительности они возникли из междуплеменных отношений; только существующие касты были использованы таким путем, что государство, ведущее финансовое управление на основе натурального хозяйства, покрывало свою потребность натуральным обложением промышленности. В ранний период античного мира литургический цех устанавливался в особенности для промышленности, важной в военном отношении. В войске римской республики рядом с центуриями всадников стоит *centuria fabrum*, т.-е. ремесленников для его хозяйственных нужд. Позднейшее римское государство нуждалось в подвозе хлеба, чтобы поддерживать в городском населении спокойствие. Для этой цели была создана организация навикулариев, на которую и возложено судостроение. Фискальные причины привели к тому, что в последние столетия существования империи почти все хозяйство было организовано литургически, при помощи принудительных ассоциаций.

Цехи встречаются в форме ритуальной. Не все касты в Индии были цехами в собственном смысле, но очень многие являлись ритуальными цехами. Там, где существовали касты, не существовало кроме них никаких цехов; в них не было и надобности, ибо сущность кастового строя заключается в том, что различные отрасли производства возлагаются на определенные касты.

Третьим видом цеха является свободное об'единение. Оно характерно для средних веков. Начало его лежит, быть может, в позднем античном периоде; по крайней мере, в романизованном позднейшем эллинизме замечаются начатки союзов с цеховым характером. Странствующий ремесленник появляется впервые в начале нашей эры.

Без него сильно замедлилось бы распространение христианства [1]; вначале оно и было религией странствующих ремесленников, к которым принадлежит также апостол Павел. Его слова: „кто не работает, тот да не ест“, являются специфическим выражением ремесленнической этики.

Античный мир знал только начатки свободных цехов; в общем же античное ремесленное производство, насколько мы можем видеть, носит черты наследственно освященного родового производства (поскольку оно не было связано с домовым). Цеховой дух совершенно отсутствует в античной демократии, она является прямой противоположностью демократии цеховой: над колоннами Эрехтейона отдельно друг от друга трудились афинские граждане, свободные метеки и рабы. Причинами являются отчасти политические, по большей части экономические особенности; рабы и свободные граждане не имели также права принимать участие в одном и том же культе. Кроме того, свободный цех отсутствует и там, где держится кастовый порядок, ибо он там является совершенно излишним; ничтожное значение получает он и там, где господствует хозяйство родовой общины (напр., в Китае). Отдельный городской ремесленник принадлежит к какой-нибудь деревне; и наоборот, здесь мы не встречаем особого городского права ни в Пекине, ни в других городах, поэтому нет также и цехов, тесно связанных с городским строем.

Наоборот, цехи встречаются в Исламе; там дело доходило даже до цеховых революций, хотя и редко, как, например, в Бухаре.

Дух западного средневекового цеха всего проще характеризуется выражением: политика цехов есть политика продовольствия. Она означает урегулирование хорошего прокормления членов цеха, несмотря на повышенную конкуренцию, вследствие сужения площади питания: отдельный член цеха должен получать традиционное продовольствие и тем поддерживать существование; это понятие традиционного питания является подобием современных living-wages.

Какими способами старался цех достигнуть этой цели?

Внутренняя цеховая политика стремилась всеми мыслимыми средствами установить равные шансы для всех членов цеха, подобно тому, как стремились этого достигнуть крестьяне путем раздела полей. Чтобы осуществить это равенство, следовало воспрепятствовать развитию мощи капитализма, особенно, не допускать неравномерного роста капитала у отдельных мастеров и вытекающего отсюда неравенства; один мастер не должен был возвышаться над другим. С этой целью регулировался процесс работы: ни один мастер не должен был работать иначе, чем установлено традицией. Цех контролирует качество товаров; контролирует и устанавливает количество принимаемых учеников и рабочих; регулирует, по возможности сообща, получение сырого материала, поскольку уже существовало производство на рынок; кроме того цех или город закупал сырой материал и распределял его между отдельными мастерами; как только произошел переход к производству на рынок, и ремесленник, как капиталист-лиллипут, приобрел возможность самостоятельно закупать сырой материал, цех начал требовать (начиная с XIV столетия) доказательства состоятель-

[1]) В этом смысле гораздо сильнее было влияние передвижения военных сил, ибо передвижения ремесленников были недостаточно численны.

Прим. ред.

ности. Кто не имел состояния, мог быть использован для других, как наемный рабочий. Как только суживалась площадь питания, цех становился замкнутым и устанавливалось предельное число мастеров (но к такому выходу прибегали лишь в некоторых местах). Наконец, были урегулированы взаимоотношения между отдельными ремесленниками. Цех прилагал усилия к тому, чтобы сырой продукт проделывал возможно более длинный путь внутри отдельного хозяйства, и чтобы отдельный рабочий удерживал в своих руках изготовляемый предмет возможно дольше. Работа распределялась, поэтому, на основе расчленения отраслей, а не технической специализации. В производстве одежды, например, производство прокладывало себе путь от сырого льна до готового платья, не проходя в поперечном разрезе через отдельные производства прядильщиков, ткачей, красильщиков, суконщиков и т. д.; но насколько это было в их власти, цехи стремились направить специализацию на конечный продукт: один работник изготовлял брюки, другой куртки. Поэтому, в средневековых списках цехов мы находим двести различных цехов там, где по нашему мнению, с точки зрения техники, достаточно было бы от двух до трех дюжин. Тогда очень справедливо опасались, что при поперечном рассечении процесса производства последний ремесленник, стоящий к рынку ближе всего, низведет остальных на степень наемных рабочих и подчинит их себе экономически.

Вот до какой степени проводит цех продовольственную политику (минимум обеспечения); но он кроме того хочет установить равные шансы дохода для товарищей и укрепить их на долгое время. С этой целью должна быть ограничена свободная конкуренция. Поэтому, цехи регламентировали: 1) Технику производства, точно определяя количество работников, а в особенности учеников, которыми имел право располагать каждый сочлен; именно там, где ученичество угрожало выродиться в пользование дешевой рабочей силой, количество учеников ограничивалось одним или двумя для каждого мастера; 2) Род сырого материала; особенно в производствах, где сплавляли металлы (напр., у литейщиков колоколов), существовал довольно строгий контроль сплава для поддержания высокого качества изготовляемых предметов и для искоренения недобросовестной конкуренции; 3) Технику производства и изготовления товаров, следовательно, напр., способ приготовления солода, изготовления кожи, апретуры, окраски и т. д.; 4) Они контролировали род применяемых инструментов; отдельный цех приписывал себе регулярно постоянную монополию на определенный род инструментов, которыми имел право пользоваться только он один; род этих инструментов устанавливался традицией; 5) Качество продукта, прежде чем он мог попасть на рынок.—Цехи регулировали, кроме того и экономику производства: 1) В смысле ограничения капитала, чтобы внутри цеха не могло развиться предпринимательство, которое превзошло бы остальных мастеров и принудило их служить ему. Этой цели служило запрещение сотрудничества с чужими, стоящими вне цеха; но проводилось это редко. 2) Допущенным в цех мастерам была запрещена работа для других мастеров, чтобы они не низвели их на степень подмастерьев; также и работа для купцов, которая должна была непосредственно привести к системе скупки и закабаления. Цеховой ремесленник, который был наемным рабочим, должен был сдавать свой продукт, как платную работу по заказу. Для товаропроизводителя

идеалом являлось предложение продукта на свободном рынке, в виде товара. 3) Цехи контролировали закупку материала; они запрещали предварительную закупку, т.-е. ни один член цеха не имел права запасаться сырьем раньше других. Нередко существовало право выкупа: всякий член цеха в случае недостатка сырого материала имел право требовать от товарища, чтобы тот ему уступил свой материал по себестоимости. 4) Цехи препятствовали также предварительной продаже; с этой целью они часто прибегали к насилию над рынком и обостряли его тем, что запрещали уступку в цене и сманивание этим заказчиков; этим ставился предел торгу. 5) Они запрещали продажу чужих продуктов; если ремесленник нарушал это запрещение, он считался купцом и не принадлежал больше к цеху. 6) Они регулировали сбыт при помощи установления твердых цен, исходя из той точки зрения, что этим обеспечивается питание.

Внешняя цеховая политика является чистой политикой монополии. 1. Цех стремится и достигает того, чтобы в очень многих случаях в его руки попадала промышленная полиция в делах цеха, и он поддерживает также промысловый суд, иначе ему нельзя проводить контроль техники и производства для поддержки равенства между членами. 2. Та же политика стремится достигнуть и обыкновенно достигает принудительности цеховой организации, по крайней мере, формально, хотя фактически ее часто обходят. 3. В очень многих случаях она же достигает цеховой территориальной власти; такое стремление было повсеместно, но полных результатов цехи добились лишь в Германии, в Англии этого совсем не удалось провести, Франция и Италия остановились на промежуточной ступени. Цеховая власть или юстиция обозначает областную монополию. В пределах территории, на которую цех распространяет силу своей власти, запрещается всякий промысел, кроме цехового. Это мероприятие направлено против странствующего промысла, который в значительной мере искореняется цехами, и против деревенского промысла; как только цехи захватили в свои руки власть в городе, первым стремлением их было уничтожить конкуренцию в деревне. 4 В случае перехода продукта из одного цеха в другой, цехи устанавливали таксу; внутри цехов цена была минимальной, вне цехов устанавливалась на началах монополии. 5. Для того, чтобы цеховые мероприятия могли успешно осуществляться в жизни, дифференциация труда должна была производиться по возможности путем расщепления процесса труда, а не разделения его, т.-е., как уже было указано, один и тот же рабочий изготовлял специализированный конечный продукт с начала до конца собственными силами. Всеми этими мероприятиями цехи препятствовали возникновению крупных производств внутри цехового. Но чему они **не могли** помешать—это было возникновению кабалы, а следовательно, зависимости ремесленника от торговца.

Как поздние результаты цехового развития, к указанному присоединяются еще дальнейшие правила. Они предполагают, что цех уже дошел до крайнего предела в использовании области питания, и только разделение труда между местностями, капиталистическое производство, расширение рынка могли создать новые источники приобретения. Прежде всего цехи все более и более затрудняли доступ к званию мастера. Цели же этой они достигали установлением „образцового продукта" (Meisterstück, chef d'oeuvre). Это явилось результатом сравнительно позд-

ней ступени развития, так как начиная с X[illegible] я для „образцового продукта“ были поставлены очень высокие [illegible]ческие требования. С точки зрения целесообразности произво[illegible] изготовление не имело никакого значения или даже было [illegible] с бессмысленными условиями; но это требование для получения „мастерства“ ставило неодолимое препятствие к вступлению в цех малосостоятельным работникам в качестве полноправных членов. Кроме требования „пробного образцового продукта“, мастера, сделавшиеся товаропроизводителями, достигали монопольного положения тем, что от всякого нового мастера спрашивалось удостоверение в обладании известным минимальным капиталом.

Только в это время появилась организация порядка ученичества и подмастерьев, которая является специальной отличительной чертой цехового устройства в континентальной Европе. Вначале устанавливается срок обучения и постепенно увеличивается в Англии до семи лет (в других местах он достигал пяти, в Германии по большей части трех лет). После того как ученик оканчивал обучение, он становился подмастерьем и на него налагался также обязательный срок пребывания в таком положении. В Германии это правило привело к появлению странствующих подмастерьев. Подмастерья вынуждены были некоторое время переменять место, прежде чем они получали возможность утвердиться где-либо в качестве мастера; учреждение это было неизвестно Франции и безусловно Англии. Наконец, цех прибегал нередко к замыканию (ограничению) количества мастеров определенной наивысшей обязательной цифрой. Это мероприятие проводилось не только и не всегда в интересах экономической монополии цехов, но часто также властью города, городского сеньера или городского совета, именно в том случае, если последние опасались, что слишком большое количество мастеров уменьшит работоспособность в тех отраслях производства, которые имели жизненно важное значение с военной или продовольственной точки зрения. С таким замыканием связана была тенденция к наследственной аппроприации звания мастеров. Вытекающее отсюда предпочтение в пользу сыновей мастеров, а также их зятьев при утверждении их в цехе, представляет собою явление, распространенное во всех странах в средние века, хотя в полной мере оно не проводится нигде. Здесь нашел себе выражение мелко-капиталистический характер некоторых отраслей ремесла в позднем средневековье. Тому же соответствует возникновение института подмастерьев. Правда, он возникает не только там, где ремесло практикуется для продажи на рынке, и где необходима наличность известного капитала для закупки сырья и для производства, но всего чаще там, где происходило замыкание количества мастеров.

§ 4. Возникновение западных цехов.

В крупных хозяйствах территориальных сеньеров и государей, мы видели, наряду с officia стояли artificia, которые должны были удовлетворять хозяйственным и политическим потребностям [1]). Образовались ли цехи из этих землевладельческих организаций? Так наз. „фе-

[1]) Ср. выше стр. 89.

одальная" или „поместная" теория [1]), происхождения цехов отвечает на этот вопрос утвердительно. Ее взгляды сводятся к следующему: в поместьях, как уже было показано, ремесленники держались для собственных нужд—то была феодальная организация, входящая в понятие феодального права. Благодаря разрешению рынков начинается эпоха денежного хозяйства. Землевладельцы считают для себя выгодным устраивать рынки на своей земле, потому что это дает им возможность взимать пошлины с купцов. Отсюда возникает для крепостного, до тех пор работавшего исключительно в пользу землевладельца, возможность сбыта, которой он и пользуется. Дальнейшею ступенью развития является город. Обыкновенно он основывается в силу привилегии, данной императором государю или помещику-сеньеру. Он пользуется им, превращая своих связанных поместным правом ремесленников в источник ренты, Поэтому он организует ремесленников в цехи и, имея в виду политические цели, придает им военный характер или же приспосабливает к потребностям домового хозяйства. Следовательно, цехи являются первоначально официальными организациями городского сеньера (magisteria). Тогда начинается, как третья ступень, эпоха об'единения цехов. Ремесленники, об'единенные этой вотчинной организациией [2]), вступают в союз и становятся экономически самостоятельными, после того как работой для рынка они приобрели себе наличные деньги. Начинается борьба за рынок и автономию; цехи постепенно одерживают верх и, наконец, вследствие воздействия денежного хозяйства, вотчинник теряет свои привилегии. Теория эта в целом неприемлема [3]). В ней упущено из виду, что обладатель политической власти не всегда был тожествен с землевладельцем (вотчинником), а основание города постоянно связывалось с передачей права на юрисдикцию тому лицу, которое получало городскую привилегию. Такой обладатель юстиции (Gerihtsherr), в силу своей публично-правовой власти, имел возможность возложить на обитателей подвластного ему округа точно те же повинности, как и вотчинник (Grundherr) на зависимых людей (хотя с известными ограничениями, поскольку ему приходилось зазывать поселенцев путем возможного уменьшения сборов). Поэтому, часто мы видим в руках политического властителя те повинности, которыми пользуются обычно только вотчинники, имеющие крепостных („Grund-oder Leibherr"); поэтому, уплата в случае смерти крестьянина лучшей штуки скота и уступка части в его наследстве не всегда являются надежными признаками крепостного состояния. Городские сеньеры тоже пользовались такими „правами" и не от крепостных

---

[1]) Самыми выдающимися ее представителями были: K. W. Nitzch, Ministärialität und Bürgertum, Leipzig 1859 и G. Schmoller, Die Strassburger Tucher-und Weberzunft, Strassburg 1879—1881; новейшими ее защитниками можно назвать: R. Eberstadt Magisterium und Fraternitas. Leipz. 1897 и Der Ursprung der Zunftwesens und die älteren Handwerkeverbände des Mittelalters, Leipzig 1900), P. Sander, Zur Verständigung über das mittelalterliche Zunftproblem (Schmollers Jahrbuch XXVIII, 1904), G. Seeliger. Die sociale und politische Bedeutung der Grudherrschaft im früheren Mittelalter, Leipzig 1903, В. Зомбарт, Современный капитализм. и A. Dopsch, Wirtsch. und sociale Grundlagen der europäischen Kulturentwicklung II стр. 394.

[2]) Обращаем внимание, что два термина—„поместье" и „вотчина" не прилагаются здесь в тех специально разных значениях, какие они приобрели в старо-русском праве. Слова поместье и вотчина могут употребляться синонимично для передачи немецкого понятия Grundherrschaft. Слово „вотчинный" лишь сильнее выражает замкнутый характер феодального права. (Прим. ред.).

[3]) G. v Below, Territorium und Stadt, 1900.

или зависимых людей поместья. Ремесленник[illegible]тельно, не должны были принадлежать непременно к числу их [illegible]ных людей. Еще менее фактически оправдано положение, что [illegible] организации возникли на почве „поместного“ права. На сам[illegible] мы встречаем несколько „барских дворов“ в одном и том ж[illegible], но в то же время внутри его чувствуется тенденция к общему об'единению, впоследствии принявшему форму цехов. Не может быть и речи о том, что какая либо форма поместного права послужила основанием для такого об'единения. Часто землевладельцы старались даже исключить из цехов подчиненных им ремесленников, принадлежавших к их мастерским, artificia. Далее нельзя доказать, что союзы, которые мы находим до появления цехов, напр. fraternitates (братства) вошли в состав цехов. Последние были религиозными союзами, цехи же были ассоциациями светского происхождения. Правда, нам известны многочисленные примеры, как религиозные союзы впоследствии послужили ячейками для образования светских об'единений. Но здесь можно доказать, что цехи были светскими организациями первоначально и только в эпоху позднего средневековья, особенно после установления процессии в праздник „тела Господня“, стали обнаруживать притязания на религиозное значение. Наконец, теория „вотчинного“ происхождения цехов вообще совершенно переоценивает власть землевладельцев. Где власть их не была связана с правом юрисдикции, там она была относительно ничтожной.

Фактическое влияние поместного права на развитие промышленности и цехов действовало совершенно в иной области, а не там, где его видит феодальная теория (Hofrechtstheorie) происхождения цехов. В связи с разрешением рынков и при сохранении технических традиций, шедших от античного мира, оно способствовало созданию индивидуально обученного ремесленника, свободного от домашних и родовых связей. Поэтому, оно принадлежит к числу элементов, препятствовавших на западе развитию домашней родовой и племенной промышленности (как в Китае и Индии). Это произошло оттого, что античная культура двигалась от морского берега вглубь страны. Внутри страны возникают города, которые становятся носителями специализированной и работающей на местный рынок ремесленной промышленности, в то время как междуплеменной обмен вытесняется. „Ойкосное“ хозяйство воспитывает хорошо обученных ремесленников; так как они начинают работать для сбыта, крепостные рабочие стремятся в города, чтобы производить для рынка. Цехи проводили эту тенденцию дальше и помогли ей одержать победу. Там, где цехи не одержали верх или же где их вообще не было, сохранилась замкнутая домашняя и племенная промышленность, напр., в России.

На вопрос, кто появился на Западе раньше, свободный или несвободный ремесленник, нельзя дать общего ответа. Несомненно лишь, что несвободный ремесленник упоминается в источниках ранее, чем свободный. Далее, первоначально упоминается очень мало видов ремесла; в Салической правде (lex salica) встречается только faber, который мог быть одинаково кузнецом, столяром или к.-л. другим рабочим. В южной Европе уже в VI столетии упоминаются свободные ремесленники, на севере в VIII; начиная с эпохи Каролингов, они встречаются чаще.

Наоборот, цех появляется впервые на городской почве. Чтобы выяснить его возникновение, мы должны себе наглядно представить, что состав населения в средневековом городе был разнообразен и привилегиями его пользовались не только жители свободного происхождения; большинство их было несвободно. С другой же стороны, повинности, платившиеся господину города, сходные часто с поместными или крепостническими, не были непременно обусловлены несвободным состоянием плательщика. Во всяком случае несомненно, что значительная часть городских ремесленников, быть может, и большинство, произошла от несвободных; в качестве mercator—технически это слово было равнозначно горожанину—допускался лишь тот, кто производил рыночный продукт и доставлял его на рынок, как товар; большинство ремесленников первоначально находилось в состоянии зависимости; наконец, ремесленник, поскольку и пока он оставался несвободным, подчинялся суду помещика-сеньера, но лишь в делах, подлежащих ведению этого суда, следовательно, поскольку и пока он имел надел на земле поместья и обязан был исполнять повинности по отношению к его сеньеру; дела же, касавшиеся рынка, находились в ведении не поместного суда, а суда старост или городского суда, которому был подчинен ремесленник, не оттого, что он был свободным или несвободным, но поскольку он был mercator и, как таковой, являлся участником городской жизни.

В Италии, начиная с поздней римской эпохи, цехи, повидимому, существовали непрерывно [1]). Зато на севере невозможно себе представить цеха, права которого не были бы основаны на привилегиях, данных властью господина города; ведь только он один имел возможность предоставить принудительные права, необходимые для осуществления цеховой жизни. Цехам предшествовали, по всей вероятности, различного рода частные об'единения, но мы о них ничего точного не знаем.

Первоначально сеньеры, которым принадлежали города, сохраняли за собою по отношению к цехам различные права; прежде всего они требовали права назначения старшин в силу того, что цехи несли по отношению к городу повинности военного и экономического характера (подати); имея в виду экономические, полицейские и военные интересы, сеньеры часто вмешивались в самую глубь промышленной жизни цехов. Все эти права сеньера, которому принадлежал город, цехи отвоевывали позднее революционным путем или выкупали за деньги у владельца. Вообще с самого начала им суждена была борьба. Они борются: прежде всего за право самостоятельно выбирать своих старшин и создавать свои уставы, иначе они были бы не в силах вести свою монопольную политику; далее—материально за принуждение вступать в цехи каждого, желавшего заниматься данным ремеслом, что им в большинстве случаев легко удавалось, так как это было в интересах самого господина; борются затем против налагаемых на них тягот, обязательных работ (сеньеру или городскому совету) оброков (земельных и личных), полицейских штрафов (уже в 1099 г. в Майнце борьба ткачей за освобождение от трудовых повинностей окончилась в их пользу); стараются

---

[1]) L. M. Hartmann, Urkunde einer römischen Gärtnergenossenschaft vom Jahre 1030, Freiburg 1892; он же, Zur Wirtschaftsgeschichte Italiens im frühen Mittelalter, Gotha 1904.

они скинуть с себя арендные платы, которые их принудительно облагали; часто борьба кончалась тем, что цех откупался от всего этого денежной суммой, за которую он отвечал [illegible] порукою. Наконец, цехи борются против патронатной зависимости и особенно против заместительства их патронами перед судом и за политическое равноправие с городскими патрициями.

После одержанной в этой борьбе победы начинается специфическая цеховая экономическая политика с тенденцией провести цеховую монополию. Противниками ее являлись прежде всего потребители. Они были неорганизованы, как сейчас и как всегда. Но их представителем мог быть город или местный государь, которые оба сильно противодействовали цеховой монополии. В интересах лучшего снабжения городских потребителей, город часто оставлял за собою право, несмотря на замкнутость цеха, назначать „вольных мастеров". Далее, город подчинил своему широкому контролю пищевую промышленность, учреждая городские бойни, мясные лавки, мельницы и пекарни, очень часто обязывая цеховых ремесленников обслуживать эти учреждения [1]). Такое право было тем легче осуществить, что цехи в первое время работали, во всяком случае, без основного капитала. Город боролся, затем, с преобладанием цехов путем установления максимальной рабочей платы и максимальных цен, между тем как цех устанавливал минимальную рабочую плату и минимальные цены. Цех должен был также бороться и с конкурентами. К ним принадлежали крепостные, в особенности монастырские ремесленники в деревне, но также и в городе. Монастыри, в противоположность светским сеньерам, связанным условиями военной жизни, и благодаря рационально поставленному хозяйству имели возможность устраивать различные мастерские и накоплять значительное имущество. Поскольку они работали на городской рынок, они являлись значительными соперниками для цехов. Последние вели против них ожесточенную борьбу. Еще во времена Реформации конкуренция монастырской промышленности являлась одним из побуждений, толкавших горожан стать на сторону Лютера. На ряду с этим идет борьба против деревенских ремесленников вообще, против свободных и несвободных, занимающихся домашним и отхожим промыслом. В этой борьбе обычно деревенские ремесленники шли против цехового ремесла вместе с купцами. И все же мы наблюдаем в итоге явный упадок промышленности, домашней и родовой. В третью очередь борьба цехов была направлена против рабочих, которые еще не были мастерами, в тех случаях, когда цех принимал меры, чтобы в какой-нибудь форме ограничить число мастеров, замкнуть цех, или прибегал к средствам, затрудняющим получение звания мастера; сюда относится запрещение работать за свой собственный счет, а не для мастера, запрещение жить в собственном жилище (потому что иначе нельзя было контролировать подмастерьев и подчинять их домашней дисциплине) и связанное с этим запрещение жениться, прежде чем подмастерье не сделается мастером. Конечно, последнего нельзя было провести на деле; наоборот, сложился особый разряд женатых подмастерьев. Цех ведет, далее, борьбу с купцами, особенно с розничными торговцами, которые снабжали городской рынок и доставляли продукты оттуда, где

---

[1]) См., напр., B. G. Adler, Die Fleischteuerungspolitik der deutschen Städte beim Ausgang des Mittelalters, Tübingen 1893.

они производились всего дешевле. Розничная продажа была менее рискованной, чем оптовая, и давала верную прибыль. Розничные торговцы, в числе которых суконщики составляли типичную группу, были друзьями деревенских и врагами городских ремесленников, и борьба между ними и цехами является одной из наиболее ожесточенных схваток известных средневековью. Наряду с борьбой против розничных торговцев ведется борьба внутри одного и того же цеха и между отдельными цехами. Прежде всего там, где в цехе встречались наряду с ремесленниками, владеющими капиталом, и лишенные его: в таких случаях открывалась возможность лишенному капитала превратиться в домашнего работника, подчиненного владельцу капитала; затем происходили столкновения между цехами, владеющими капиталом и лишенными его, в пределах одного и того же производства. Родину этой борьбы, которая в Германии, Фландрии и Италии приводила к кровавым цеховым революциям, в то время как во Франции дело дошло только один раз до крупного взрыва, а в Англии переход к капиталистической системе производства произошел почти без революционного насилия— эту родину надо искать там, где производительный процесс дифференцируется слоями, а не путем расщепления на отрасли. Особенно в текстильной промышленности, где стояли друг с другом ткачи, шерстобиты, красильщики, суконщики и т. д., возник вопрос, кто же из этих различных представителей отдельных стадий производства принудит остальных предоставить ему рынок, отдать большую часть прибыли и самих себя в его распоряжение в качестве домашних работников. Очень часто в подобных случаях победителями оставались шерстобиты (валяльщики) и принуждали всех остальных согласиться и на то, чтобы они закупали сырой материал, приготовляли его и выносили на рынок, как готовый продукт. В других случаях выступали суконщики и ткачи, в Лондоне портные принудили представителей всех остальных предшествующих стадий производства пойти к ним на службу. В Англии, поэтому, в „цехах“ появляются и сидят состоятельные господа, которые сами не прикасаются к прямому ремесленному труду. Часто борьба кончалась компромиссом, который все же в конце концов приводил к тому, что рынком овладевали носители которой-нибудь из производительных стадий. Типичным примером в этом отношении являются события, происшедшие в Золингене [1]): кузнецы, выделыватели мечей и их шлифовщики заключили в 1487 г. между собою после долгой борьбы договор, в силу которого для всех трех цехов рынок оставался свободным. В конце концов, рынком все-таки овладел один из них. В большинстве случаев в этой борьбе рынком завладевали специалисты конечной стадии производительного процесса, ибо они легче других могли ознакомиться с потребителями. Это всегда бывало в том случае, если определенный, окончательно обработанный продукт приобретал особенно хороший сбыт; так во время войн седельщики обладали наибольшими шансами подчинить себе простых кожевников. Или же победителем оставалась стадия производства с наибольшим капиталом: кто мог пользоваться самыми дорогими орудиями производства, тот мог принудить остальных работать на него.

---

[1]) A. Thun, Die Industrie am Niederrhein und ihre Arbeiter, 2 Teile Leipzig 1879.

§ 5. Распадение цехов и развитие [illegible] скупки.

G. Schmoller, Die Strassburger Tucher-und Weberz[illegible] [illegible]b. 1879; A. Abram, Social England in the 15. century, London 1909, 1—21, 1[illegible]—130; G. Unwin, Industrial organisation in the 16. and 17. centuries, London 1904; Les métiers et corporations de la ville de Paris. XIII siècle. Le Livre des métiers d'Étienne Boileau, publié par R. de Lespinasse et F. Bonnardot, Paris 1880; É. Martin-Saint-Léon, Histoire des corporations de métiers, 2. изд., Paris 1909; G. Fagniez, L'économie sociale de la France sous Henri IV, Paris 1897; E. Gothein, Wirtschaftsgeschichte des Schwarzwaldes, 1. Bd., Strassburg 1892; L. Brentano, Die Arbeitergilden der Gegenwart, 1. Bd., Leipzig 1871.

Наблюдаемое в конце средневековья разложение цехов совершается в форме разнообразных процессов.

1. Происходит превращение ремесленников внутри цеха в купцов и скупщиков; мастера, обладающие хозяйственными средствами и способностями, закупают сырой материал, поручают работу другим членам цеха, заставляя их выполнять производственный процесс, и продают готовый продукт. Это противоречит цеховой организации. Однако, подобный процесс типичен для английского цехового развития. Особенно в Лондоне и других больших городах, несмотря на ожесточенную борьбу цеховой демократии против „ольдерменов", цехи превратились в торговые союзы (*livery-companies*), в которых равноправными считались только сочлены, производившие для рынка, в то время как опустившиеся на степень наемных и домашних рабочих теряли право голоса при выборах и благодаря этому не могли участвовать в цеховом контроле [1]). Однако, лишь такой поворот давал возможность развития техники, в то время как господство цеховой демократии обрекало ее на застой. В Германии мы не встречаем подобной формы развития; если там ремесленник превращался в скупщика, то он переменял свой цех и переходил к лавочникам, портным или констаблям (знатным купцам, занимавшимся ввозом и вывозом).

2. Происходит усиление одного цеха за счет других. Подобно тому, как внутри многих цехов выделяются мастера-купцы, так и целый ремесленный цех может превратиться в торговый и подчинить себе остальные. Это возможно там, где производительный процесс разделяется как бы в поперечных разрезах. Примеры этого мы находим в Англии (*merchant-tailors*) и в других местах. Именно XIV столетие было временем борьбы одних цехов за свою независимость от других. Часто оба процесса протекают рядом: внутри отдельных цехов часть мастеров превращается в купцов и одновременно некоторые цехи развиваются в торговые организации. Симптомом этого процесса всегда бывает слияние цехов. Оно встречается в Англии и Франции, но не в Германии. Противоположность этого процесса составляет расщепление цехов и образование единого союза купцов, как особенно часто повторяется в XV и XVI столетиях: напр., торговцы шерстобитного, ткацкого и красильного цехов заключают союз между собою и сообща руководят всем данным ремесленным производством; так совершенно разнородные производственные процессы оказываются об'единенными на почве мелкого производства.

3. Там, где сырой материал очень дорог и ввоз его требует значительного капитала, цехи подпадают под зависимость от импортеров.

---

[1]) В. H. Hauser, Ouvriers du temps passé, 2-ое изд. Paris 1906, стр. 119.

В Италии [1]) толчек к этому процессу дал ввоз шелка; так было в Перуджии; на севере повлиял ввоз янтаря. То же действие производит появление новых сырых материалов; таково было влияние хлопка; как только он сделался предметом первой необходимости, наряду с цехами или же путем их преобразования, возникли предприятия для скупки; это имело место в Германии где Фуггеры принимали в этом развитии значительное участие.

4. Цехи попадают в зависимость от купцов-экспортеров. Только в ранней стадии хозяйственной жизни промышленность могла самостоятельно сбывать свои продукты. Но как только промышленность по существу или в сильной степени становилась в зависимость от экспорта, без скупщика нельзя было обойтись. Отдельный цеховой ремесленник не удовлетворял требованиям экспорта. Зато купец, владеющий необходимым капиталом, один только знал условия и возможности сбыта и смотрел на это, как на свою профессиональную тайну.

Гнездом системы скупки сделалась текстильная индустрия [2]); возникновение ее скрывается в глубине раннего средневековья. Начиная с XI столетия, происходит борьба шерсти со льном, подобно тому как в XVII и XVIII столетии будет бороться шерсть с хлопком и последний победит. Карл Великий носил только полотняную одежду, а позднее, вместе с возраставшим ослаблением войн, росла потребность в шерсти, но одновременно с корчеваньем леса под пахотную землю исчезали пушные звери, так что меха становились все дороже. Шерстяной продукт явно преобладает на средневековом рынке; всюду во Франции, Англии, Италии он играет главную роль. Правда, шерсть отчасти перерабатывается в деревне, но она же затем делается основой величия и хозяйственного расцвета средневекового города: во главе городских революций во Флоренции идут цехи суконщиков. Здесь мы уже в раннюю пору встречаем признаки системы скупки. Еще в XIII столетии отдельные скупщики шерсти в Париже работают для определенного постоянного рынка на ярмарках в Шампани. В широких размерах мы встречаем затем ту же систему во Фландрии, позже в Англии, где фландрская шерстяная промышленность вызвала массовое производство шерсти; вообще шерсть в форме сырого материала, полуготового и готового продукта, определяет ход развития английского хозяйства. Уже в XIII и XIV столетиях Англия вывозит неокрашенные и неготовые полуфабрикаты. По требованию красильщиков и заготовщиков одежды английская шерстяная промышленность обращается к экспорту готовых фабрикатов. Своеобразной чертой этого развития является то, что система скупки усиливается благодаря деревенским ткачам и городским купцам. Английские цехи превратились главным образом в торговые союзы и могли себе позволить в конце средневековья привлечь деревенских ремесленников. С этих пор заготовщик и красильщик жили в городе, а ткач—в деревне. Внутри городских торговых цехов возгорелась, наконец, борьба между красильщиками и заготовщиками, с одной стороны, и экспортерами, с другой. Экспортный капитал и капитал

---

[1]) R. Broglio d'Ajano, Die venetianische Seidenindustrie und ihre Organisation bis zum Ausgang des Mittelalters, Stuttgart 1893; H. Sieveking, Die Genueser Seidenindustrie im 15. und 16. Jahrh., Schmollers Jahrb. XXI, 1897.

[2]) L. Dushesne, L'évolution économique et sociale de l'industrie de la laine en Angleterre, Paris 1900; H. Pirenne, Geschichte Belgiens, 1.—4. bd., Gotha 1899—1913; J. Burnley, The history of wool and wool combing, London 1889; A Doren, ук. соч.

предпринимателей-скупщиков разделились в [illegible] шерстяного производства при королеве Елизавете и в XVII ст[illegible] [illegible]ла борьба между их противоречивыми интересами; вместе с тем, [illegible] стороны, капитал скупщиков должен был бороться с цехами, ч[illegible] первою борьбой между проромышленным и торговым капиталом. Это положение, которое впоследствии становится характерным для всех отраслей крупной английской промышленности, послужило причиной того, что английские цехи окончательно потеряли всякое влияние на развитие производства.

Дальнейший ход развития в Англии и во Франции пошел иными путями, чем в Германии, именно вследствие различных отношений между капиталом и цеховым ремеслом. В Англии, особенно же во Франции, переход к системе скупки составляет общее явление. Сопротивление этому процессу прекратилось автоматически без к.-л. вмешательства сверху. Вследствие этого в Англии с XIV-го столетия рабочих сменяют мелкие мастера. Нечто совершенно обратное произошло в Германии. В Англии процесс развития, описанный выше, несет с собою гибель старого цехового духа. Там, где мы встречаем смешение и слияние различных цехов, действительным фактором процесса является купечество, которое не хочет стеснять себя рамками цеха. Поэтому, внутри цехов оно об'единяется и исключает оттуда мастеров, не имеющих капитала. При этом формально цехи сохранялись еще долгое время; избирательное право в лондонском Сити, которое было не чем иным, как организацией богатых патрициев, является остатком цехового строя. В Германии наблюдаем обратный процесс развития. Здесь, вследствие сужения площади питания, возрастала замкнутость цехов; в том же направлении действовали и политические моменты. В Англии нет городского партикуляризма, который направлял всю историю немецкого хозяйства. Каждый немецкий город вел самостоятельную цеховую политику, пока был в состоянии, и даже в то время, когда уже вошел в состав государственной территории. Наоборот, в Англии и Франции города очень рано перестали вести самостоятельную хозяйственную политику, потому что автономия их была урезана. Английские города могли легко удовлетвориться тем, что получили своих представителей в парламенте, а в XIV и XV столетии (в противоположность более позднему времени) даже значительное большинство парламентских представителей происходило из городских кругов. В эпоху столетней войны с Францией, парламент руководил английской политикой, и об'единившиеся в нем промышленники вели рациональную единообразную экономическую линию. В XVII столетии устанавливается единообразная рабочая плата, от мировых судей отнимается право устанавливать таксу на наемную плату и передается в центральную инстанцию, наконец, облегчаются условия вступления в цех; это симптом того, что капиталистическое купечество, преобладавшее в цехах и посылавшее представителей в парламент, захватило власть в свои руки. В противоположность этому в Германии города, вошедшие в состав государственной территории княжеств, сохранили цеховую политику в своих руках; правда, государи в интересах порядка и спокойствия контролировали цехи, но производили этот контроль умеренно и уважая старину, в духе прежней цеховой политики. Поэтому, в решающий период XVI и XVII в. цехи сохранили свое существование; их замыкание могло совершиться, а поток капитализма, освобожденного от уз, пронесшись через Англию и Нидерланды, в более слабой степени через Францию, оставил Германию на

заднем плане: она так же мало принимала участие в раннем капиталистическом движении конца средних веков и начала нового времени, как несколько столетий тому назад в рыцарском движении.

Второе характерное уклонение вытекает из различия в напряженности социальных взаимоотношений. В Германии на исходе средних веков встречаем союзы, стачки и восстания, совершаемые подмастерьями [1]. В Англии и Франции они постепенно становятся все реже, потому что там подмастерьев привлекала к себе мнимая самостоятельность мелкого домашнего мастера, работающего у себя непосредственно на скупщика. В Германии, наоборот, такой кажущейся самостоятельности не было, так как там не существовало скупщиков и последствием замкнутости цехов было установление враждебных отношений между мастерами и подмастерьями.

Ранняя западно-европейская капиталистическая скупочная система не всегда и не обязательно развивалась из ремесла (всего менее в Германии, гораздо более в Англии), но очень часто возникала наряду с ремеслом, причем она привлекала вместо городской деревенскую рабочую силу или же создавала другие отрасли промышленности, благодаря появлению новых сырых материалов (в особенности хлопка). При этом ремесло боролось со скупочной системой, насколько это было в его власти, гораздо сильнее и удержалось дольше, чем в Англии и во Франции.

Типичными моментами скупочного производства (Verlagssystem) являются: 1. Чисто фактическая монополия скупки предпринимателем по отношению к ремесленнику (кустарю). Скупочная монополия возникает вследствие задолженности работника: скупщик принуждает ремесленника отдавать продукт исключительно ему одному на том основании, что он, в качестве купца, лучше знает потребителя. Следовательно, скупочная монополия связана через скупщика с монополией продажи и монополизацией рынка предпринимателем; только он один знает, где окончательно сбывается товар. 2. Доставка сырого метериала скупщиком. Она нередко, но не всегда, с самого начала бывает связана с монополией скупки у предпринимателя. Эта форма развития достигалась на западе по временам, во внеевропейских же странах только редко. 3. Контроль над процессом производства. Скупщик заинтересован в нем потому, что ему нужен, по возможности, продукт одинакового качества. Таким образом нередко доставка сырого материала ремесленнику связывается с доставкой полуфабрикатов, как, например, в XIX столетии вестфальские льняные ткачи должны были изготовлять основу и пряжу установленного образца. 4. С этим нередко, но и не очень часто, была связана доставка скупщиком орудий производства—в Англии уже начиная с XVI столетия, на континенте же это распространялось медленнее. В общем это отношение ограничилось текстильной промышленностью; следует массовый заказ ткацких станков для скупщиков, которые потом отдают их в пользование рабочим на дом; таким путем у рабочего отнимаются все средства производства и вместе с тем предприниматель старается захватить в свои руки монополию сбыта товара. 5. Скупщик переходит к комбинированию различных процессов производства в одних руках (но это случается не очень часто и скорее всего в текстильной промышленности): он закупает сырой материал и передает его отдель-

[1] G. Schanz, Zur Geschichte der deutschen Gesellenverbände, Leipz. 1877.

ным рабочим, у которых продукт и остается [illegible]чательной обработки. Когда эта стадия достигнута, ремесленник вновь попадает под власть хозяина в том же смысле, как и ойкосный ремесленник, с тою лишь разницей, что он получает денежное вознаграждение, а место крупного домового хозяйства занимает крупный предприниматель, производящий для рынка.

Скупочная система просуществовала очень долго благодаря слабому развитию основного капитала: в ткацком ремесле он сводится к ткацкому станку, в прядильном до изобретения механической прядильной машины он был еще ничтожнее. Он оставался во владении отдельных рабочих; отдельные составные его части были децентрализованы, а не концентрированы, как в современной фабрике, и поэтому сам по себе он не имел существенного значения.

Несмотря на широкое распространение такого нового вида домашней промышленности по всему миру, последний момент ее—доставка орудий производства и влияние скупщика на отдельные моменты производства—достигался вне пределов Запада сравнительно редко. Насколько известно, из античного мира до нас не дошло никаких следов такой организации обрабатывающей промышленности [1]), в то время как она встречается в Китае и Индии. Там, где она господствует, может несмотря на это формально существовать и ремесленное мастерство. Может даже сохраняться цех с подмастерьями и учениками; но он лишается первоначального смысла: или он превращается в цех домашних работников (но не в современную мастерскую, а только предвестницу ее), или внутри цеха происходит разделение на домашних ремесленников и наемных рабочих.

Мы находим домашнюю промышленность, в виде использования несвободной рабочей силы предпринимателями-скупщиками, распространенной по всему миру в рамках поместного, монастырского и храмового хозяйства. В свободной форме оно встречается, как эксплоатация ремесленной работы крестьян; крестьянин постепенно превращается в домашнего промышленного рабочего, производящего для рынка. Такую форму развития промышленность получила главным образом в России. „Кустарь" первоначально выносит лично на рынок или продает в розницу по мелочам через третье лицо только излишек своего домашнего производства: здесь мы встречаем крестьянское домовое ремесло, которое не прокладывает пути к промышленности племенной или местной, но переходит в систему скупки. То же явление встречаем на востоке и в Азии; на востоке, правда, оно сильно смягчено системой базаров: мастерская ремесленника отделяется от его жилища и помещается очень близко от общего центрального места продажи, чтобы избежать по возможности зависимости от купца; это, до известной степени, является усилением средневековой системы цехов.

Кроме зависимости крестьян от скупщика, мы встречаем также зависимость от него городских ремесленников. Лучшим примером для этого служит Китай; но здесь род сам продает продукт, произведенный его членами, так что связь с производством родовой общины препятствует развитию скупной промышленности. В Индии касты не допускали полного порабощения ремесленника купцом. Купец не имел возможности уже в очень ранний период захватить в свои руки средства

[1]) H. Francotte, L'industrie dans l'ancienne Grèce, 2 vol., Bruxelles 1900-01.

производства, как в других местах, потому что касты владели ими наследственно. Несмотря на это, система отдачи работы кустарям развилась и здесь в примитивной форме. Последняя и главная причина того, что в этих странах, по сравнению с Европой, дело остановилось в своем развитии, заключается в существовании несвободных рабочих и религиозной традиционности Китая и Индии.

§ 6. Производство в мастерских. Фабрика и ее предшественники.

E. Levasseur, см. выше стр. 17; R. W. C. Taylor, Introduction to a History of the Factory System, London 1886; A. Julin, Les grandes fabriques en Belgique vers le milieu du 18. siècle (Mémoires publiés par l'académie royale des sciences, 63); G. Martin, La grande industrie sous le règne des Louis XIV, Paris 1899; Его-же, La grande industrie en France sous le régne de Louis XV, Paris 1900; O. Pringsheim, Beiträge zur wirtschaftlichen Entwicklungsgeschichte der Vereinigten Niederlande im 17. und 18. Jahrhundert, Leipzig 1890; J. F. Thorold Rogers, Six centuries of work and wages: the history of English labour, 2. изд. London 1912; В. Зомбарт, Современный капитализм. Русс. пер. с 5-го рем. изд 2 т. Пгр. 1923 г. G. F. Steffen, Studien zur Geschichte der englischen Lohnarbeiter, 1. Bd., Stuttgart 1901; A. des Cilleuls, Histoire et régime de la grande industrie en France aux 17. et 18. siècles, Paris 1898; L. Mosnier, Origines et développement de la grande industrie en France. Paris 1898; K. Pribram, Geschichte der österreichischen Gewerbepolitik von 1740—1860, 1. Bd., Leipzig 1907.

Работа в мастерских, под которой в противоположность работе на дому надо подразумевать обособление домашнего хозяйства от промышленности, развивается в истории различными путями. Формы эти следующие:

1. Обособленные небольшие мастерские. Они встречаются всегда и везде; особенно система базаров, с соединением в одном месте большого количества мастерских для облегчения производства, основана именно на таком обособлении. 2. Эргастерий. Он также был широко распространен; в средние века он обозначался словом fabrica. Выражение это многозначно и может одинаково прилагаться к какому нибудь подвалу, нанятому товариществом для мастерской, так же как к поместной ремесленной оборудованной мастерской с правом баналитета. 3. Несвободное производство в мастерских крупных размеров. Оно часто встречается в истории хозяйства и в разнообразных формах; наибольшего же развития достигло в позднюю эпоху египетской истории. Произошло оно, несомненно, из колоссального ойкоса фараона; оттуда же, повидимому, развились отдельные мастерские с наемной работой; первыми подобными производственными единицами были верхне-египетские хлопчатобумажные мастерские в эпоху позднего эллинизма; но более точное суждение можно высказать только после ознакомления с источниками византийской и мусульманской культуры. Возможно, что такие мастерские существовали также в Индии и Китае и они же типичны для России; но здесь они являются подражанием западно-европейским образцам [1]. Прежняя наука, также и Карл Маркс, любили различать между фабрикой и мануфактурой. Согласно такому взгляду мануфактурой называлась работающая мастерская со свободным трудом, не располагавшая механической силой, но соединявшая рабочих в одном помещении и дисциплинировавшая их труд. Но

[1] Сравн. указанный выше на стр. 92 труд. М. И. Туган-Барановского.

вряд ли правильно держаться такого ка[illegible]ского различения. Фабрика является скорее всего промышленно[illegible]скою со свободным трудом и с основным капиталом. Фор[illegible]ющения основного капитала не имеют здесь значения: он може[illegible] и дорогим воротом с конною тягою или водяной силой. Решающим является то, что предприниматель работает с основным капиталом, так как с этим неизбежно связана капиталистическая система. Фабрика в этом смысле представляет собою, следовательно, капиталистическую организацию производственного процесса, т. е. организацию специализированного и комбинированного труда в мастерской с использованием основного капитала и одновременно с капиталистическим расчетом.

Экономически необходимым условием для возникновения фабрики в этом смысле и для ее существования является массовый и постоянный сбыт, следовательно, определенная организация рынка. Непостоянный рынок для предпринимателей неприемлем, так как риск конъюнктуры покоится на его плечах; если ему принадлежат, например, ткацкие станки, то он должен вычислить их стоимость, не рассчитывая на возможность при неблагоприятных условиях выбросить ткачей на улицу. Рынок, на который он рассчитывает, должен быть не только широк, но также относительно и постоянен. Для этого опять необходима известная наличность покупательной денежной силы.

Денежное хозяйство должно достигнуть соответствующей ступени развития, чтобы была возможность рассчитывать на определенный сбыт. Вторым предварительным условием является относительно дешевая техника производственного процесса. Такое требование обусловливается основным капиталом, потому что он вынуждает предпринимателя продолжать производство даже при наличности неблагоприятных условий; если же он дает работу кустарным ремесленникам, то сваливает на них убыток, останавливая (в текстильной промышленности) их станки. Но чтобы найти постоянный рынок, производство должно быть более дешевым, чем традиционная техника домашней промышленности и кустарная промышленность.

Наконец, возникновение фабрики связано с определенной социальной предпосылкой: наличностью достаточного количества свободных рабочих; она не может быть основана на рабском труде.

Необходимую для современной фабрики свободную рабочую силу можно было найти в достаточном количестве только в Западной Европе, так что возникновение фабричной системы была возможно только здесь. Эта масса рабочих образовалась в классической стране позднейшего фабричного капитализма, в Англии, благодаря обезземелению крестьян. Англия, вследствие своего островного положения, не нуждалась в большой армии, но могла довольствоваться небольшим хорошо обученным наемным войском и ополчением, собираемым в нужном случае. Поэтому ей не была знакома защита крестьян, и несмотря на то, что она очень рано сделалась об'единенным государством и могла вести единую хозяйственную политику, она превратилась в классическую страну обезземеления крестьян. Брошенная тем самым на рынок огромная рабочая сила сделала возможным развитие как системы скупки, так и малого мастерства, а позже фабричного производства. Пролетаризация сельского населения еще в XVI столетии создала такую массу безработных, что Англии пришлось уже тогда разрешать проблему призрения бедных. В то время, как в Англии фабричные ма-

стерские возникли до некоторой степени сами собою, на континенте государство вынуждено было создавать их по заранее определенному плану[1]). Начиная с конца XV столетия, одновременно с присвоением всех источников заработка, увеличивается нужда и проблема нищеты выдвигается все более настойчиво. Поэтому в Германии первые фабрики появляются, как учреждения для призрения бедных и рабочих и носят принудительный характер. Возникновение мастерских здесь являлось просто функцией роста народонаселения при тогдашней хозяйственной системе: когда цех оказался не в состоянии обеспечить населению необходимых средств существования, стал возможным переход к системе мастерских.

Предшественники фабричной системы на Западе. Цеховое производство представляет собою промышленность без основного капитала и не нуждается, поэтому, в больших расходах по оборудованию. Но уже в средине века существовали отрасли промышленности, требовавшие такового. Эти производства были так организованы, что оборудование производилось сообща городом или цехом или же одним помещиком-сеньером. До средних веков (и вне Европы) существовали уже оборудования ойкосного хозяйства.

К таким промышленным оборудованиям в типе мастерских, которые стоят рядом с цеховым ремеслом, относятся:

1. Различного рода мельницы[2]). Мельницы первоначально строились сеньерами или господами города; в особенности это относится к водяным мельницам, на которые затем владелец, в силу водной регалии, распространял право собственности. Обыкновенно они соединялись с правом банналитета: иначе не было бы возможным их существование. В большинстве случаев они находились во владении монастырей, светских собственников, городов или территориальных государей: маркграфы Бранденбургские владели в 1337 г. в Неймарке не менее, чем 56 мельницами. Мельницы были небольшого размера; но их постройка все еще превышала средства отдельных мукомолов. Отчасти они приобретались городами. Обыкновенно они отдавались тогда государями или городами в аренду, часто наследственную. Производство было всегда мелким. Все это относится не только к зерновым мельницам, но также к лесопильным, маслобойным, валяльным и т. д. Иногда князь или город отдавали мельницу в наем городским патрициям и так возникал городской мельничный патрициат. Около конца XIII столетия в Кельне патриции, владевшие 13 мельницами, соединились в товарищество, распределявшее прибыль пропорционально участию; однако, от акционерной компании оно отличалось тем, что пользовалось мельницами, отдавая их в наем, следовательно эксплоатировало их, как источник ренты.

2. Пекарни. Только вотчинные, монастырские, городские и княжеские пекарни могли быть оборудованы с техническим совершенством, требующим больших расходов. Сначала они были построены для собственных потребностей; впоследствии же служили, как отдававшиеся в аренду пекарни и составляли банналитет.

---

[1]) Поэтому мы узнаем из английских источников о возникновении мастерских гораздо меньше, чем из континентальных, так как государство не было вынуждено заботиться о их развитии.

[2]) C. Koehne, Das Recht der Mühlen bis zum Ende Karolingerzeit, Breslau 1904; Ed. Schulte, Das Gewerberecht der deutschen Weistümer, Heidelberg 1909.

3. Пивоварни [1]). Большинство пивоварен носило первоначально сеньериальный характер и, снабженные банналитетом, они предназначались для покрытия потребностей хозяйства поместья. Впоследствии князья стали отдавать пивоварни в аренду и вообще повели производство на концессионных началах; это произошло в то время, когда начался массовый сбыт пива и возникла опасность, что большое количество стоящих близко одна от другой пивоварен не будет приносить достаточного дохода для уплаты сбора. В городах, кроме приготовления домашнего пива, существовал пивоваренный банналитет, который обнаруживает, что это предприятие приносило барыш, следовательно, пивоварение было рассчитано на сбыт. Право пользования пивоварней составляло одно из важных преимуществ патрициев. С прогрессом пивоваренной техники, прибавлением хмеля, приготовлением густого пива при помощи более крепкой варки, явился особый вид права на пивоваренье, которое было присвоено отдельным семьям городских патрициев, сумевшим раньше всех перейти к таким усовершенствованным способам производства. Рядом с этим стояло право свободной варки; каждый горожанин, обладавший правом на пивоваренье, мог пользоваться городскою пивоварнею. Таким образом и в пивоваренной промышленности мы видим предприятия без основного капитала, но с производством на общинных началах.

4. Литейная промышленность. Она сделалась крайне важной после изобретения огнестрельного оружия. Италия со своими *bombardieri* шла впереди остальных западных стран. Первоначально литейные мастерские были городскими учреждениями, так как города раньше всех стали применять артиллерию, при чем Флоренция шла впереди всех. От городов артиллерию переняли княжеские войска и таким образом возникли княжеские литейные мастерские. Но как городские, так и княжеские литейные мастерские не были капиталистическими предприятиями, а служили лично хозяйственным и военнополитическим интересам владельца и работали без наличности основного капитала.

5 Молотобойные мастерские. Они возникли вместе с упорядочением обработки железа. Наиболее значительные оборудования появились в области горной промышленности, в рудниках и при добыче соли.

Все эти производственные единицы эксплуатировались общиннохозяйственным, а не капиталистическим способом. Частно-хозяйственные оборудования, соответствующие первой ступени в развитии основного капитала, следовательно, требовавшие сосредоточения в руках одного предпринимателя мастерской, орудий производства и сырого материала (так что для полной картины современной фабрики не достает только еще больших машин и механических источников силы), единично встречаются в XVI, может быть уже в XV столетии, но для XIV они маловероятны. Прежде всего появляется промышленность с концентрацией рабочих в одном помещении без или с незначительной специализацией труда. Такое производство, очень сходное с эргастерием, существовало всегда и во все времена. Но то, о котором сейчас идет речь, в отличие от эргастерия является промышленностью с свободным трудом. Правда, дело нигде не обходилось без давления нужды.

[1]) Ср., напр., J. Grewe. Das Braugewerbe der Stadt Münster bis zum Ende der fürstbischöflichen Herrschaft im Iahre 1802. Leipzig 1908.

У рабочих, вступавших в подобные предприятия, не было свободы выбора, так как они абсолютно не могли доставать самостоятельно работу и орудия производства; впоследствии в целях призрения бедных стали насильно втискивать людей в такие предприятия. Организацию подобной мастерской, а именно текстильной, описывает нам одно английское стихотворное произведение XVI столетия [1]). В мастерской собрано двести ткацких станков; они принадлежат владельцу мастерской, который является и предпринимателем; он доставляет также сырой метериал и присваивает продукт. Ткачи работают за наемную плату, при чем упоминается также о детском труде и работе подмастерьев; это первые зачатки концентрации труда. Для пропитания работников предприниматель содержит целый штаб рабочих, изготовляющих пищевые продукты, мясников, пекарей и т. п. Предприятие прославлялось как мировое чудо; даже король посещал его. Но в 1555 г., по жалобам цеховых ремесленников, он запретил всякую подобную концентрацию. Что подобное запрещение могло воспоследовать, очень характерно для хозяйственных отношений того времени. Уже в XVIII столетии не могло быть и речи о возможности закрытия крупных промышленных предприятий, хотя бы с точки зрения фискальных и экономико-политических интересов государства. Но тогда это было еще возможно; ибо с внешней стороны описанное предприятие отличалось от кустарно-капиталистической промышленности только тем, что ткацкие станки были собраны в помещении владельца. Для предпринимателя это было связано с большими преимуществами; впервые явилась возможность дисциплинировать труд; можно было контролировать однородность качества продукта и его количества. Для рабочего, разумеется, это было невыгодно (что и сейчас составляет причину ненависти к фабричному труду), и он подчинялся только под давлением обстоятельств. Но указанное преимущество было соединено для предпринимателя с большим риском; когда в качестве скупщика он отдавал ткацкие станки в наем, возможность, что они будут сразу разрушены вследствие несчастной случайности или человеческими руками, была гораздо менее вероятной, чем при концентрации их в одном помещении; саботаж и бунт также были менее вероятны. В общем все дело представляло собою, однако, еще только об'единение мелких единиц производства в одном помещении. Поэтому, так легко могло в 1543 году появиться в Англии запрещение держать более двух станков; так разрушался только эргастерий, но не организация специализированного и комбинированного труда.

Новые течения выступили с силою только вместе с *технической специализацией и соединением труда* и одновременно с пользованием *иными источниками силы, кроме живой силы человека*. Предприятия, в которых применяется специализация и соединение труда, в XVI столетии являются еще редким исключением; для XVII и XVIII в.в. стремление к их устройству становится уже типичным. В качестве внечеловеческих источников силы выступает сперва сила животных (конный ворот), позже силы природы, а именно: прежде всего вода, затем воздух; голландские ветряные мельницы служили первоначально для осушения польдеров. Там, где встречаем соединенными вместе рабочую дисциплину в мастерской, техни-

---

[1]) Самое интересное место напечатано в переводе у В. Эшли, Экономическая история Англии. М. 1899.

ческую специализацию, соединение труда и использование источников внечеловеческой силы, мы непосредственно находимся перед возникновением **с о в р е м е н н о й ф а б р и к и**. Первый толчок к этому развитию дала горная промышленность, раньше всех применявшая воду, как источник силы; именно она пустила в ход процесс капиталистического развития.

Необходимым предварительным условием для перехода производства в мастерской к специализации и комбинированию труда, с применением основного капитала, служили между прочим, как мы уже видели, наличность постоянного рынка с определенным минимальным спросом. Этим об'ясняется, почему мы прежде всего встречаем такое крупное специализированное производство с внутренним разделением труда и основным капиталом в предприятиях, работающих для **п о л и т и ч е с к и х ц е л е й**. Первыми предшественниками их являются княжеские монетные дворы в средние века; в виду необходимости контроля это производство отличалось строго замкнутым характером; монетчики, носящие название „домочадцев" (Hausgenossen), работают при помощи очень простых орудий производства; но встречаются мастерские с широкой внутренней специализацией труда. Здесь мы уже открываем отдельные признаки позднейшей фабрики. В крупном размере и с более высокой степенью развития техники и организации подобные предприятия основывались для выделки оружия, затем для изготовления форменной одежды, с тех пор как постепенно входило в обычай, чтобы государь обмундировывал армию. Введение форменной одежды указывает на массовую потребность в военной обмундировке и, обратно, фабричное производство ее могло возникнуть лишь после того, как войны создали рынки. Наконец, к этой группе принадлежат еще другие предприятия для военных нужд, и на первом месте пороховые заводы. На ряду с потребностями войска стоит потребность в **п р е д м е т а х р о с к о ш и**, обеспечивающая верный сбыт. Она создает фабрики гобеленов и ковров (после крестовых походов при княжеских дворах входит в обычай украшать ими, по примеру восточных дворов, прежде остававшиеся голыми стены и полы), золотых и фарфоровых изделий (Китайские императорские эргастерии послужили здесь образцом для княжеских мануфактур на Западе), оконных и зеркальных стекол, бархата, шелка, вообще тонких тканей, мыла (происхождение его относительно позднее; в античном мире его заменяли растительные масла) и сахара— все для потребления высших слоев общества. Второй разряд подобных предприятий служит целям демократизации роскоши и удовлетворению потребностей к роскоши в широких массах путем подражания производству, предназначенному для высших. Кто не может достать гобеленов и не в силах оплатить предметы искусства, захочет все же оклеить стены бумагой. Отсюда весьма рано возникают фабрики обоев. Далее сюда относится приготовление синьки, крахмала и цикория: масса при помощи суррогатов создает себе замену предметов роскоши, которыми пользуются высшие слои общества.

Для всех этих продуктов, за исключением перечисленных в конце, рынок еще очень ограничен. Его составляют рыцарские круги, владеющие замками или домохозяйствами, подобными замковым. Поэтому вся эта промышленность могла быть жизнеспособной, только опираясь на монополию и государственную концессию. Правовое положение новых отраслей промышленности было непрочным по сравнению с цехами. Они

противоречили цеховому духу и казались, поэтому, для цехов подозрительными. Если они не поддерживались государством или, по крайней мере, не получали от него субсидии, то старались приобрести хотя бы значительные привилегии или концессии. Государство их давало, во-первых, для того, чтобы обеспечить потребности господских хозяйств, затем в целях призрения излишка населения, который не мог больше найти приюта внутри цехов и, наконец, на основании фискальных причин, чтобы поднять платежеспособность населения вообще.

Так Франсуа I основал во Франции фабрику оружия в Сент-Этьенне и фабрику обоев в Фонтенбло. Этим начинается серия привилегированных manufactures royales (королевских мануфактур) для удовлетворения государственных нужд и потребностей высших слоев в предметах роскоши. Промышленное развитие Франции, которое здесь начинается, в дни Кольбера принимает другую форму. Роль государства была облегчена тем, что здесь, как и в Англии, существовали места, свободные от цехов, так как цеховая организация распространялась не всегда на весь город, где находился цех; например, значительная часть Парижа лежала вне области цеховых монополий, так что в этом „milieu privilégie“ могли быть основаны предшественники современной фабрики, не вызывая против себя никаких возражений.

В Англии цехи составляли чисто городские организации; за пределы города цеховое право не распространялось. Поэтому, фабричная промышленность, по примеру кустарной промышленности и производства в мастерских, основывалась в местах, которые не были городами, и потому до билля о реформе 1832 г. промышленность не имела представителей в парламенте. Впрочем, в Англии до конца XVII столетия мы не встречаем почти никаких сведений о подобных мануфактурах. Однако, несомненно, они существовали. Причиной этого служит скорее всего то обстоятельство, что мануфактура могла здесь обойтись без государственной поддержки, так как могущество цехов было уже настолько подорвано, что для борьбы с ними не требовалось больше никаких привилегий. Кроме того, надо признать, что переход к фабричному производству совершился бы здесь быстрее, если бы положение дел было таким же, как и в Германии, и если бы не существовало возможности более дешево производить при системе мелкого мастерства.

В Нидерландах нам также почти ничего не известно о государственных привилегиях. Тем не менее в Амстердаме, Гаарлеме, Утрехте в сравнительно раннюю эпоху было основана гугенотами много фабрик (для изготовления зеркал, шелка и бархата).

В Австрии, с одной стороны, правительство в XVII в. пыталось время от времени привлекать фабрикантов при помощи привилегий, которые должны были дать им защиту от цехов; с другой стороны, встречаем фабрики, основанные крупными феодальными сеньерами, из которых первою была шелковая фабрика графов Синцендорфов в Чехии.

В Германии первая мануфактура возникает на городской почве, а именно, в XVI в. в Цюрихе; гугеноты-эмигранты изготовляли здесь шелк и парчу. Затем быстро последовало широкое распространение их в немецких городах. В Аугсбурге в 1573 г. встречаем фабрикацию сахара, а в 1592 золотой парчи, в 1593 в Нюренберге—мыла, в 1649—красильню в Аннаберге, в 1676—мануфактуру тонких тканей в Саксонии, в 1686—суконные мануфактуры в Галле и Магдебурге, в 1698—в Аугсбурге промышленное изготовление золотой проволоки, наконец, в XVIII в. повсе-

местно фарфоровые мануфактуры, отчасти княжеские, отчасти субсидируемые князьями.

Следует обратить внимание на получающийся отсюда общий вывод, что фабрика возникла не из ремесла и не за счет его, но прежде всего наряду с ним. Сперва она захватила новые формы производства или новые продукты, напр., хлопок, фарфор, золотую парчу или же различные суррогаты, все продукты, которые не изготовлялись цеховым ремеслом и которыми она могла составить им конкуренцию. Массовые захваты со стороны фабрики в сфере ремесла, относятся в сущности только к XIX в., подобно тому как захваты ее в области кустарной системы, а именно текстильной промышленности, произошли в XVIII столетии. Несмотря на это, ремесло боролось против фабрики и предшествовавших ей замкнутых мастерских и боролось по принципиальным основаниям, так как видело в новой форме производства угрозу для себя. Фабрика возникла точно также не из системы скупки, но наряду с ней. Вопрос о том, что будет—кустарная промышленность или фабрика, решался основным капиталом. Там, где нет нужды в основном капитале, кустарная промышленность продолжается и до нашего времени. Там, где он был необходим, возникла фабрика, но не из кустарной промышленности, а благодаря тому, что оборудование, принадлежавшее первоначально сеньеру или городу, переходило к предпринимателю, и благодаря тому, что доставка продукта на рынок совершалась путем частной инициативы. В заключение следует обратить внимание, что современная фабрика не создана одной машиной, но что существует взаимодействие между обоими явлениями. Машинное производство прежде всего пользовалось силою животных: даже первая прядильная машина Аркрайта (1768 г.) приводилась в движение лошадьми. Специализация работы и дисциплинирование внутри мастерской составили, однако, условие, даже дали толчек к усиленному применению и усовершенствованию машин. За изобретение новых машин назначались премии. Принцип их—поднятие воды огнем—заимствован у горной промышленности и основан на применении парового двигателя. Экономически появление машины означало установление правильной калькуляции издержек производства.

Возникновение современной фабрики привело к необычайно широким последствиям как для предпринимателя, так и для рабочих.

Образование мануфактур уже до применения машин означало сосредоточение рабочих в мастерской, которая не была ни их собственным жилищем, ни жилищем потребителя. Концентрация рабочих сил в какой-нибудь форме существовала всегда. Но в античности продукт производится по приказанию фараона или территориального господина для его политических целей или потребностей его крупного домового хозяйства. Теперь же хозяином рабочих является собственник мастерской, предприниматель, работающий на рынок. В начале нового времени концентрация рабочих в мастерской происходила отчасти в принудительном еще порядке: на фабрику насильно затаскивали бедных, бесприютных и преступников, а в рудниках Ньюкэстля рабочие носили на шее железные кольца еще до XVIII столетия [1]). Но как раз в XVIII в. несвободный труд всюду был заменен трудом по договору. Это означало:

---

[1]) G. F. Steffen, см. выше стр. 111; L. Brentano, выше стр. 106; L. Lallemand, Histoire de la charité, 4 т. Paris 1912; L. M. Leonard, The early history of english poor relief, London 1900.

сбережение капитала, так как отпадала нужда в капитале для покупки рабов; сваливание риска капиталом на плечи рабочего, тогда как смерть раба для хозяина была потерей капитала; отпадение заботы о потомстве рабов, в то время как рабовладельческое производство потерпело крушение именно в вопросе семейного поддержания породы рабов; возможность рационального разложения труда, которое стремится к чисто технической целесообразности и, несмотря на то, что предвестники его появлялись уже раньше, было возведено в принцип лишь благодаря концентрации труда в мастерской; наконец, утверждается возможность точной калькуляции, которая опять таки могла быть создана только соединением мастерской и свободного труда.

Несмотря на все эти благоприятные обстоятельства для развития производства в мастерских, последнее было и оставалось сначала шатким и во многих местах опять исчезло, напр., в Италии и особенно в Испании, где оно изображено на известном полотне Веласкеса, но где впоследствии, однако, пропадает. До первой половины XVIII в. оно еще не превратилось в неизбежную и необходимую форму для покрытия общих потребностей. Но можно считать твердо установленным, что и до наступления века машин производство нигде не достигло такого развития, как на Западе Европы в начале нового времени. Ниже изложены причины, благодаря которым в других странах развитие пошло другим путем.

Индия обладала высоко развитой техникой производства. Но здесь путь к развитию западной фабрики преграждали касты, которые считались нечистыми одна по отношению к другой. Правда, индийская религия не доходит до того, чтобы запрещать работу членам различных каст в одной и той же мастерской. Господствовал принцип: „мастерская — место чистое“. И если мастерская не развилась однако в фабрику, то виновата здесь отчасти кастовая отчужденность. Ведь подобная мастерская казалась бы верхом аномалии. Все попытки ввести фабричную систему даже в джутовом производстве до XIX в. встречали большие затруднения. Даже после того, как пошатнулись кастовые законы, препятствием служил недостаток у индийцев в рабочей дисциплине. Каждая каста держалась собственных обычаев, соблюдала особенные перерывы в работе, свои праздничные дни.—В Китае деревенская, родовая связь была необыкновенно сильна. Работа в мастерских является там общим семейным хозяйством. Высшей ступенью развития в Китае была только система кустарной скупки. Производство с концентрированным трудом создавали только императоры или ленные князья, главным образом фарфоровые мануфактуры с крепостными рабочими для собственных потребностей, в незначительной мере для сбыта, в большинстве случаев с постоянным производством.— Для античного мира характерной чертой является политическая шаткость рабского капитала. Ему известен был рабский эргастерий, но он был связан с затруднениями и риском. Хозяин предпочитал, поэтому, пользоваться рабом не как прямой рабочей силой, но как источником ренты. Если мы внимательно вглядимся в античные рабские хозяйства, то увидим, что рабы самых различных отраслей ремесла в них перемешаны таким образом, что создать при помощи их современное мануфактурное производство было бы невозможно. Это в конце концов понятно. Как сейчас люди помещают свое имущество в бумаги различных предприятий, так и в древности собственники людей вынуждены были

во избежание риска заставлять работать работников по различным специальностям. В итоге рабовладение препятствовало развитию крупных производств. В раннем средневековье несвободного труда в промышленности или совсем не было или он практиковался в незначительном размере; правда, он вновь стал отдаваться на рынок, но в небольшом об'еме. Далее чувствовался острый недостаток в капитале, и денежное имущество не могло быть превращено в капитал. Наконец, крестьяне и обученные ремеслу свободные рабочие имели возможность приобресть самостоятельность по причинам, противоположным античным, ибо свободные рабочие, благодаря колонизации, могли найти приют в восточной Европе и получить защиту от прежнего хозяина. Поэтому, в раннем средневековье было очень трудно создать крупное производство. Здесь влияла также все возрастающая зависимость от ремесленного права, в особенности цехового права. Однако, не будь даже этих препятствий, помехой являлось бы отсутствие достаточно широкого рынка для сбыта. И даже в тех случаях, когда мы встречаем первоначально крупное производство, оно постепенно приходит в упадок, подобно крупным сельским хозяйствам в эпоху Каролингов. Хотя и было положено основание ремесленному фабричному производству в королевских „фисках" и монастырях, но и оно не удержалось. Всюду производство в мастерских стало еще более редким, чем в начале нового времени, где оно также могло развиться только в виде княжеского предприятия или на основе княжеской привилегии. Во всех случаях отсутствовала специфическая техника мастерской. Она постепенно стала возникать в XVI и XVII столетиях, окончательно же лишь с введением машинного производства. Толчек этому дала горная промышленность.

§ 7. Горное дело до образования новейшего капитализма.

Горное дело начало развиваться на поверхности земли. Дерновой железняк и озерная железная руда, добываемые в Африке, и наносный золотой песок, добываемый в Египте, составляли, вероятно, главные горные продукты в первобытное время. Как только перешли к подземной добыче и начали прокладывать шахты и штольни, явилась необходимость в усиленном труде и значительном техническом оборудовании. Горное производство подвержено всевозможным случайностям и нельзя было никогда предвидеть, насколько выгодна разработка жилы и оправдаются ли значительные текущие расходы, связанные с горной подземной промышленностью. Если такие расходы не производились, горный промысел приходил в упадок и шахтам грозила опасность „захлебнуться". Вследствие этого работа в шахтах организовалась ассоциациями. Там, где это осуществлялось, наряду с правами участников предприятия возникали и обязанности их по отношению к товарищам: отдельный товарищ не мог выйти из предприятия, не подвергнув тем опасности шахту соседа.

Единицы производства были вначале мелкими: в раннем средневековье обыкновенно в одной и той же шахте работало не более двух-пяти рабочих.

Что касается правовых проблем, возникавших на почве горного промысла, то на первом месте стоит вопрос: кто имеет право

на горный промысел в данной местности. Ответы могут быть различны. Возможно, прежде всего, что правом этим располагает „марка", местная сельская община, хотя источники не дают в этом отношении никаких точных сведений. Можно предполагать, далее, что в противоположность племенному производству право на такие чрезвычайные природные богатства присваивалось главе племени; но и этого нельзя утверждать, по крайней мере, для Европы.

В эпохи, о которых мы можем судить не по одним только догадкам, правовое положение может принять двоякую форму. Или право разработки считается *pars fundi*, частью собственности на землю: кто владел поверхностью земли (superficies), тот располагал и тем, что находилось в ее недрах; здесь учитывалось, однако, не крестьянское землевладение, но лишь помещичье. Или все связанное с недрами богатства составляет регалию; политический владыка, следовательно, обладатель судейской власти, королевский вассал или сам король располагает этим правом; никто, даже сеньер-владелец, не мог производить работ без концессии со стороны политической власти; заинтересованность же политической власти в регалии основана была прежде всего на необходимости обладания благородными металлами для чеканки монет. Другие возможности открывались, когда принимались во внимание права первого отыскавшего залежь, кому бы ни принадлежало право на рудные богатства, собственнику земли или составляло регалию. В настоящее время господствует принцип свободы горного промысла. Она дает каждому право делать изыскания, при условии выполнения известных формальностей, уполномочивает нашедшего жилу приступить к разработке пласта и без согласия владельца земли, только за определенное возмещение причиненных убытков. Современная свобода горного промысла могла возникнуть скорее на почве государственной регалии, чем на почве права поместного. Если бы право принадлежало владельцу, то он лишал бы всякого возможности делать изыскания, между тем как государь, обладатель регалии, при некоторых условиях мог быть заинтересован в том, чтобы привлечь к делу возможно больше рабочих сил [1]).

Исторически формы горного права и горного производства развивались, в частности, следующим образом.

Относительно древнейших внеевропейских производств в Индии и Египте мы располагаем очень немногими сведениями, напр., о горном промысле на Синае, который вели еще древнейшие фараоны [2]).

---

[1]) Спор в науке о различных источниках происхождения западной горной промышленности развивался в том же направлении, как и спор о возникновении свободного ремесла. G. Schmoller, Die deutsche Bergwerksverfassung von 1400—1600 («Die geschichliche Entwicklung der Unternehmung X), в Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkwirtschaft» XV (1891) выводит организацию средневековой горной промышленности из сеньериального права: горные предприниматели были „людьми" сеньера. На противоположной точке зрения стоит Ad. Arndt, Zur Geschichte und Theorie des Bergregals und der Bergfreiheit, Halle 1879, который выводит все развитие из регалий. Без всяких предвзятых мнений рассматривают вопрос—E. Gothein, Wirtschaftsgeschichte des Schwarzwaldes, 1. Bd. Strasburg 1892; C. Neuburg, Goslars Bergbau bis 1552, Hannover 1892; A. Zycha, Das Recht des ältesten deutschen Bergbaues bis ins 13. Jahrrhundert, Berlin 1899; он же, Das böhmische Bergrecht des Mittelalters auf Grundlage des Bergrechts von Iglau, 2 Bde., Berlin 1900.

[2]) K. Fietzler, Steinbrüche und Bergwerke im ptolemäischen und römischen Ägypten, Leipzig 1910 (особ. стр. 56 и 110).

Несколько больше известна нам организация античного греко-римского горного промысла. Серебряные рудники Лавриона составляли собственность афинского государства. Оно сдавало их в аренду и делило прибыль между гражданами. Афинский флот одержавший победу при Саламине, был создан на средства, образовавшиеся благодаря отказу граждан получать свою долю дохода в течение целого ряда лет. Как велось производство, мы не знаем. Здесь возможно только обратное заключение, исходя из того факта, что весьма состоятельные лица впоследствии владели рабами, обученными горному делу: Никий, полководец в эпоху Пелопоннесской войны, держал их до тысячи и отдавал в наем крупным арендаторам государственных рудников [1]).

Разноречивы указания источников и о римских формах производства. С одной стороны, пандектам известно осуждение на работу в рудниках в виде наказания, так что, видимо, пользование осужденными или купленными рабами было нормальным явлением. С другой стороны, должен был существовать все же какой-либо подбор; нам известно, по крайней мере, что рабы, совершившие в рудниках какое-либо преступление, подвергались бичеванию и изгонялись оттуда. Во всяком случае, можно считать достоверным, что найденный в Португалии *lex metalli Vipascensis* адриановой эпохи [2]) указывает уже на свободный труд, по крайней мере, не рабский. Рудник этот составлял собственность императора. Отсюда нельзя заключать, что существовала и горная регалия; но императоры свободно распоряжались провинциями и охотно накладывали свою руку на горные промыслы. Техника, обусловленная текстом *lex metalli Vipascensis*, противоречит тому, что известно из других античных источников; напр., у Плиния видим, что для выкачивания воды стояла цепь рабов, через которую передавались ведра со дна рудника до его поверхности. В Випаске, наоборот, для той же цели были уже проложены штольни вместе с под'емными шахтами. К античным традициям восходит и постройка средневековых штолен. Но и во многих других отношениях *lex metalli Vipascensis* напоминает поздние средневековые порядки. Рудники подчинялись императорскому прокуратору, которому соответствует горный мастер сеньера в средние века. Далее, в нем практиковалась обязательная работа. Отдельное лицо получало право рыть в земле пять различных колодцев (*putei*); в средние века им соответствует наивысшее число шахт равное пяти. Мы должны допустить, что он обязан был производить работу во всех пяти. Если он не пользовался своим правом в течение определенного короткого времени (оно было более коротким, чем в средние века), то он лишался права на свою долю и ее мог взять всякий, кто был готов продолжать дело. Мы находим далее, что при начале разработки рудника должна была производиться уплата за право пользования им. Если она не поступала, рудник становился свободным. Часть его площади удерживалась фиском (как позднее и в раннем средневековьи), которому следовало отдавать также часть добытого сырого материала,

---

[1]) K. Riezler, Über Finanzen und Monopole im alten Griechenland, Berlin 1907; U. Wilcken, Alexander der Grosse und die hellenistische Wirtschaft. in Schmollers Jahrbuch XLV (1921).

[2]) Напечатан у Bruns-Gradenwitz, Fontes iuris Romani antiqui I, 239 и сл. только отрывок, который был известен до 1906 г. Ср. Corp. inscr. lat., II, стр. 788 с комментарием. См. I. B. Mispoulet, Le régime des mines à l'époque romaine et au moyen-âge. Paris 1908.

а именно, половину (в средние века доля эта постепенно понизилась до одной седьмой и даже ниже). Предприятие ведется чрез товарищество (*societas*); всякий новый участник мог войти в него. Ассоциация эта была связана с обязанностью делать известные взносы для сооружения штолен и шахт. Неуплата вела за собою потерю права.

В средние века Германия занимала первое место среди других стран в добывании благородных металлов, в Англии же добывалось особенно много олова. Сначала мы встречаем здесь королевские рудники, но не в силу присвоенной ему общей горной регалии, а потому, что королю принадлежала данная рудная земля, как, напр., при Раммельсберге (возле Гослара) в X веке [1]). На ряду с этим в королевских реках производится промывка золота, которая разрешается королем за известную пошлину, но опять все-таки не в силу горной регалии, но в силу его права над большими водными путями. Передача королем горного права встречается впервые при Генрихе II, но опять не в силу горной регалии, а при пожаловании земли монастырям. Обыкновенно монастырям жаловалась часть того, что король мог сохранить себе в силу верховного права распоряжения территорией. Первоначально король получает десятую часть всех горных продуктов. Право это обыкновенно жаловалось частным лицам. Только монастырям уже в XI веке это право передается короной, ибо речь идет о государственном имуществе.

Политика государственной власти в горном деле переходит в дальнейшую стадию при Гогенштауфенах. Понятие горной регалии, которое ложится уже в основание мероприятий Конрада III, ясно формулируется Фридрихом Барбароссой: оно гласит, что никто не может иметь *licentia fodiendi* (права рыть недра земли) без концессии короля, которому отделяется за это известная часть добычи. С тех пор и сеньеры нуждались в королевской концессии. Такое положение скоро упрочилось; Саксонское Зерцало говорит о королевской горной регалии, как о чем-то твердо установленном. Но теоретическое притязание на горную регалию немедленно повело к конфликтам королей с местными князьями. Горную регалию впервые признала за отдельными князьями золотая булла (1356 г.) [2]).

Борьба за рудники между короной и князьями происходит и в других странах. В Венгрии король в этом смысле подчинился магнатам; если он хотел разрабатывать рудники, то должен был покупать соответствующую землю. В Сицилии, где еще Рожер I признавал недра собственностью землевладельца, королевская власть во второй половине XII века провела в жизнь свое притязание на горную регалию. Во Франции и Англии развитие идет в обратном порядке. Во Франции [3]) бароны отстаивали горное право как *pars fundi* приблизительно до 1400 г. Дальше победу одерживает корона и остается абсолютным владельцем регалии до революции, которая об'являет все рудники национальной собственностью. В Англии [4]) король Иоанн об'являет свое притязание на общую горную регалию, особенно на

---

[1]) C. Neuburg, там же.

[2]) Inama-Sternegg, там же, т. II, III,; K. Wutke, Studien über die Entwicklung des Bergregals in Schlesien, Berlin 1896; L. Beck, Geschichte des Eises, 5 т. 1892—1903.

[3]) A. Hanauer, Etudes économiques sur l'Alsace ancienne et moderne, 2 т., Paris 1876—78.

[4]) Ср. выше называвшуюся работу G. Unwin.

важные оловянные рудники. Но в 1305 [illegible] при- знать, что король не имеет права став[illegible] промышленность в зависимость от даваемых им концесси[illegible] при Елизавете регалия ограничивалась фактически благородными металлами; все остальные рудники считались за *pars fundi* и возникающая каменноугольная промышленность оставалась свободна от притязаний королей на регалию. При Карле I развитие еще раз поколебалось; но в конце концов корона была окончательно побеждена: все горные богатства сделались собственностью землевладельцев (лендлордов).

В Германии свобода горного промысла, т.-е. право свободы рудных изысканий, возникло не из прав сельской общины, марки, но из „освобожденных гор" („gefreiter Berg"). Они представляли собою область, содержащую залежи горных пород, в которой добывание руды разрешается сеньером-владельцем. Промыслы на Раммельсберге еще в X веке были королевским предприятием. В XI веке король передал их городу Гослару и монастырю Валькенриду. Монастырь, в свою очередь, раздавал за известную плату право производить разработку и добычу. Подобным же образом в 1185 г. епископ Трентский предоставлял право разрабатывать свои серебряные рудники членам горного товарищества, составленного из свободных рабочих [1]). Эта форма развития, напоминающая городские и рыночные привилегии того времени, покоилась на чрезвычайно сильном положении, захваченном в жизни свободными, хорошо обученными рабочими с XI до XIV столетия. Специалисты горнорабочие были редки и держали в своих руках монопольную ценность. Отдельные территориальные власти конкурировали наперерыв друг перед другом, чтобы привлечь их к себе, обещая им различные преимущества. К таким преимуществам принадлежала также свобода горного промысла, право производить разработку в известном об'еме. На основе этого развития немецкое средневековье можно разделить на следующие эпохи.

Развитие шло, повидимому, от концентрированного собственного производства самой сильной власти, хотя мы встречаем иногда и крестьян, уплачивающих сборы за горный промысел. Первой и наиболее важной эпохой является завоевание горнорабочими крепкого правового положения. Следствием его явилась все расширявшаяся аппроприация рудников рабочими и усиливавшаяся экспроприация территориального властителя, который получает только подать и пользуется своими горными сокровищами как источником ренты. Владельцем предприятия становится теперь товарищеский союз рабочих. Они делят свои барыши, как крестьяне свои гуфы, т.-е. по возможности соблюдая принцип равенства. Возникает „горная община", как союз участников в горном деле, т.-е. тех, кто работает в рудниках (впоследствии тех, кто дает в них работу), впрочем, исключая самого владельца горного участка. Община является представительницей своих членов во внешних сношениях и порукой для хозяина в уплате сборов. В итоге создалась ответственность отдельных членов горной общины, „горных рабочих" за расходы горного производства. Последнее вначале было главным образом мелким производством. Максимум, который мог обслужить отдельный горнорабочий, было семь шахт; самые шахты пред-

[1]) M. v. Wolfstrigl-Wolfskron, Die Tiroler Erzbergbaue von 1301 bis 1665, Innsbruck 1903. Ср. еще O. Hoppe, Silberbergbau zu Scheeberg bis 1500, Heidelberg 1908.

ставляли собою простые ямы. Пока рабочий разрабатывал шахту, он оставался ее владельцем; если же он прекращал производство, хотя бы на короткое время, он терял свою собственность. Так как горная община солидарно гарантировала уплату сбора, высший собственник рудника окончательно бросал собственное производство. Его право на подать, т.-е. его доля, постепенно понизилась с половины всей добычи до седьмой и, наконец, девятой части.

Следующая эпоха — эпоха начинающейся дифференциации между рабочими. Образуется слой горнопромышленников, которые не принимают участия в работе, и другой слой, который работает и находится в зависимости от неработающих; следовательно, появляется форма развития, аналогичная той, какая указана выше в форме работы кустарей на заказ предпринимателей. Такое положение дела мы находим в XIII веке во многих местах, хотя оно и не является еще господствующим. Ограничение участия в получке остается пока в силе. Поэтому, крупный капитализм еще не мог развиться (хотя значительный доход за короткое время был возможен); здесь образуется лишь присвоение мелких рент.

Третью эпоху определяет возрастающая потребность в капитале. Она была обусловлена необходимостью расширять применение штолен. Явилась надобность в целях вентиляции и отвода воды рыть все более глубокие штольни; значение их могло оправдаться лишь впоследствии, но предварительные крупные затраты требовались немедленно. Вместе с этим вступает в среду горнорабочих капиталист.

Четвертой стадией была концентрация торговли рудой. Первоначально каждый отдельный горнорабочий получал свою часть добычи натурой и мог ею свободно распоряжаться. Напротив, торговец рудой имел возможность овладеть всем добытым продуктом. Влияние его росло, и появление крупных торговцев рудой типично именно для XVI в.

Под давлением этих обстоятельств все производство добычи руды переходит в руки союза горнорабочих, как целого, при чем рабочие этим путем стремились найти защиту против власти скупщика руды. Это привело к другому последствию, а именно: союз стал руководителем всего дела, тогда как первоначально отдельный мастер производил разработку по собственному усмотрению. Дальнейшим следствием было то, что товарищество конструировалось в форме ассоциации капиталистов с определенным капиталистическим расчетом, а добыча и взносы мастеров проходили теперь через кассу горного товарищества. Таким образом, пришли к расчету по периодическим бюджетам: каждому отдельному рабочему записывались статьи дохода и расхода.

В подробностях постепенное развитие форм производства вплоть до современного капитализма идет следующим путем [1]). Благодаря об'единению мастеров, владелец (сеньер) вынужден отказаться от вмешательства в производство; они закрывают его управителям доступ в шахты; только товарищества имеют право контролировать друг

---

[1]) E. Gothein, Wirtschaftsgeschichte des Schwarzwaldes, I. Bd., Strassburg 1892; O. Hué, Die Bergarbeiter, I. Bd., Stuttgart 1910; J. Strieder, Studien zur Geschichte kapitalistischer Organisationsformen, München 1914; W. Möllenberg, Eroberung des Weltmarktes durch das Mansfeldische Kupfer, Gotha 1911.

друга. Обязательность продолжать производство остается в силе, но уже не в интересах господина, а в интересах товарищества, несущего ответственность за уплату сборов; здесь замечается большое сходство с русским „миром“, когда отдельные лица, несмотря на уничтожение крепостной зависимости от помещика, остались [illegible] земле. Далее, твердо устанавливается аппроприация горными мастерами прав на добычу. Неясным здесь является вопрос, в какой именно форме выражалось их участие, выделялись ли первоначально каждому реальные участки промысла, которые только впоследствии превратились в идеальные паи („kuxe“), или дело происходило иначе. К горной общине принадлежат все наемные рабочие, к мастерам, наоборот, только собственники паев. Когда стали возникать товарищества, трудно сказать, но достоверно известно, что члены горной общины и мастера, активные участники, не одно и то же.—После того как горнорабочие получили в собственность не только средства производства, но и сырой материал, начался среди них процесс дифференцирования и наступило то разложение, которое привело в конце концов к капитализму. Повысившийся спрос на горнорабочих вызвал большой их приток. Но старые рабочие перестали принимать в свою среду новичков; последние сделались „не товарищами“, наемными рабочими, и находились на службе в качестве подмастерьев у отдельных мастеров, которые их оплачивали за свой счет. Так появляются соработники и после внешнего дифференцирования начинается внутреннее. Из различия в положении отдельного рабочего в горном производстве возникло различие в правах на промысел. Возрастающая потребность в специализации привела к возрастающему спросу на ковщиков руды. Они превратились скоро в наемных рабочих, которые наряду с рабочею платой получали еще установленную долю дохода от производства. Содействовала дифференцированию также и различная доходность шахт. Первоначально имел силу тот цеховый принцип, что товариществу принадлежит право рассматривать особенно доходную шахту как принадлежащую всему целому, чтобы добычею от нее могли пользоваться все его члены. Но такой порядок не утвердился. Шансы отдельных горнорабочих сделались все более случайными. Одни пользовались колоссальными доходами, другие влачили полуголодное существование. Дифференцированию способствовала и все возраставшая свобода передачи отдельными лицами своих долей участия, причем этим правом пользовались члены товарищества, занимающие в деле главенствующее положение. Так в тесную среду горной общины могли проникнуть участниками чистые капиталисты. Завершился же весь процесс благодаря потребности в капитале, которая обострялась вместе с углублением рудников. Все необходимее становилось устройство водоотливных штолен и иные дорогие приспособления для работ. Усилившаяся нужда в капитале привела к тому, во-первых, что одни только состоятельные члены товарищества удержали за собой полное право собственности на горное предприятие, а во-вторых, что новыми участниками дела становились только лица, имеющие капитал. С этих пор и горнопромышленное товарищество само начало накоплять имущество. Первоначально оно было юридическим лицом без всякого имущества; отдельный горнорабочий должен был заботиться о своей шахте и нести расходы; товарищество же вмешивалось в том случае, если он не исполнял своего обязательства продолжать разработку. Теперь оно само, наоборот, должно было удовлетворять потребности в капитале, так как

надо было одновременно сооружать штольни для стока воды и шахты для разработки пластов, в то время как первоначально сооружение штолен и шахт было разделено между различными товариществами, которым за это обеспечивалась часть дохода от горного промысла. Такой раздел дохода был бельмом на глазу у мастеров. Они стремились захватить постепенно в свои руки и самые штольни. Товарищество шахтеров тогда превращалось в капиталиста. Но теперь, как и прежде, отдельный мастер должен был сам нести необходимые для его шахты затраты и издержки; главная функция его и заключалась в содержании шахты, раз он сам уже не принимал прямого участия в непосредственной работе. Как прежде, так и теперь он должен был самостоятельно находить рабочих, заключать с ними договоры и расплачиваться с ними. Положение это становилось все менее целесообразным, ибо разные шахты требовали неодинаковых издержек. Рабочие были в состоянии все вместе сплоченно действовать против отдельных мастеров. Поэтому в конце концов все товарищество взяло в свои руки наем и оплату рабочих, оплату затрат и расходов по разработке шахт и стало вести общий счет, первоначально за неделю, впоследствии за год. Отдельный мастер должен был только производить свой взнос и имел право на долю прибыли, вначале натурой. Процесс развития закончился тем, что товарищества стали продавать весь добытый продукт и выплачивать отдельным членам товарищества долю прибыли.

При такой форме развития отпали те мероприятия, при помощи которых мастера некогда пытались не допускать в своей среде неравенства. Так отпало, напр., запрещение скучения многих участков или паев, которых первоначально в одних руках не могло быть сосредоточено больше трех; все эти ограничения должны были постепенно исчезать по мере того, как товарищество стало брать в свои руки общее ведение дел, по мере того, как площади стали систематически расширяться и все чаще эти увеличенные площади отдавались отдельным участникам, между тем как прежде доступ свободных рабочих к рытью без всякого выбора приводил к нерациональной технике и нерациональному оборудованию шахт. Далее, стало возрастать слияние товариществ с целью систематизирования предприятия и прекращения работы в недоходных шахтах, как, например, мы наблюдаем в Фрейбергской горной промышленности уже в конце XV в. Все это были явления, напоминающие многими чертами историю цехов. Когда процесс развития дошел до этой ступени, в него вмешались в XVI в. государи, владельцы регалий, в союзе с горными рабочими. Последние, которые находились в зависимости от мелко-капиталистических мастеров-предпринимателей, страдали благодаря нерациональности и случайному характеру ведения предприятий, так же как и отдельные мастера, и в то же время благодаря этому уменьшались доходы владельца регалий. В результате вмешательства собственников регалий, что произошло как в интересах доходности предприятия, так и в интересах рабочих, были созданы единообразные своды или уставы для горной промышленности (промысловые законы), которые дали толчек к развитию торговли рудой. Эти законы являются непосредственными предвестниками капиталистического развития; все они стоят на точке зрения чисто технически и экономически построенного крупного производства. Основой для первоначального развития служило своеобразное положение горной общины и цеховая организация рабочих. В противоположность ей владельцами,

регалий теперь было создано рационально ра[illegible]ное горное предприятие, капиталистическая форма эксплуата[illegible] идеальных паях Kuxe, (первоначально число кукс установлен[illegible]28), которое связано было с уплатой взноса и правом на часть прибыли; теперь само предприятие, как нечто единое, нанимает рабочих и имеет дело с скупщиками руды.

Наряду с рудниками самостоятельное положение занимали горные заводы. Как и рудники, они принадлежат к числу предприятий, которые относительно рано приняли крупный характер. Для горных заводов необходим был древесный уголь. Поэтому крупные лесные владельцы, следовательно, светские сеньеры и монастыри, в раннюю эпоху являлись типичными владельцами горных заводов. Иногда, но не в большинстве случаев, горные заводы и рудники вместе принадлежали одному владельцу. До XIV в. господствовало мелкое производство, так что, например, один английский монастырь мог иметь не менее сорока мелких предприятий. Но именно на монастырской почве выросли первые крупные горные заводы. В тех случаях, когда горные заводы и рудники находились в различных руках, между ними протискивались скупщики руды. С самого начала они образуют цех, который ведет войну с товариществами горных мастеров. В своих торговых делах они отличались большой бесцеремонностью; но на их союзы мы должны смотреть, как на зародыш первых гигантских монополий, которые появляются в конце XV и начале XVI в.

В заключение мы должны обратить внимание на каменный уголь, это чрезвычайно ценное минеральное богатство западной Европы, которому предстояла такая богатая будущность. Уже в средние века он постепенно приобретает значение. Мы видим, что первые каменноугольные шахты были созданы монастырями; такие предприятия в Лимбурге появляются в XII веке, в Нью-Кэстле в XIII, и Ньюкэстль уже в XIV перешел к производству для сбыта; в XV веке возникла добыча каменного угля в области Саары. Но все эти предприятия работали еще для нужд потребителя, а не производителя. В Лондоне еще в XIV веке держалось запрещение жечь каменный уголь, потому что это заражало воздух. Запрет не привел к желанному результату: английский вывоз каменного угля так сильно вырос, что должны были быть установлены особые должностные лица для взвешивания его при нагрузке на суда.

Эксплуатация железных заводов с помощью каменного угля (вмесно древесного) стала распространенною только в XVI веке. Тогда началось чреватое блестящею судьбою соединение железа с углем. Очень ясно обнаружилась и необходимость углубления шахт. Тогда в технике дела поставился новый вопрос: как может быть поднята вода огнем? Мысль о новейшей паровой машине выросла из устройства штолен в горном деле.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Товарное и денежное обращение в докапиталистическую эпоху.

F. Eulenburg, Ideen und Probleme in der deutschen Handelsgeschichtsforschung, см.: Die Entwicklung der deutschen Volkswirtschaftslehre, Gustav Schmoller zur 70. Wiederkehr seines Geburtstages dargebracht, 2. Teil, Leipzig 1908.

O. Noël, Histoire du commerce du monde depuis les temps les plus reculés, 3 vol., Paris 1891—1906; Ch. Letourneau, L'évolution du commerce dans les diverses races humaines. Paris 1897 (есть русс. пер.); R. Laricе, Storia del commercio, 2. ed. Milano 1910; G. Luzzatto, Lezioni di storia del commercio, Padua 1921; E. Specht, Die Handelsgeschichte des Altertums. 3. (einz) Bd., Leipzig 1905—1906; N. Reichesberg, Die Entstehung der modernen Verkehrswirtschaft, Bern 1916; H. Pigeonneau, Histoire du commerce de la France, Paris 1887; É. Levasseur, Histoire du commerce de la France, 2 Teile, Paris 1911—1912; H. Pirenne, Villes, marchés et marchands au moyen-âge, Revue historique LXVII (1898); A. Schulte, Geschichte des mittelalterlichen Handels und Verkehrs zwischen Westdeutschland und Italien mit Ausschluss von Venedig, 2 Bde., Leipzig 1900; W. Heyd, Histoire du commerce du Levant au moyen-âge, éd. française par F. Raynaud, 2 Bde., Leipzig 1885; A. Schaube, Handelsgeschichte der romanischen Völker des Mittelmeergebietes bis zum Ende der Kreuzzüge, München und Berlin 1906; G. Yver, Le commerce et les marchands dans l'Italie méridionale au 13. et. au 14. siècles, Paris 1903; G. Schanz, Englische Handelspolitik gegen Ende des Mittelalters, 2 Bde., Leipzig 1881; History of domestic and foreign commerce of the United States, 2 vol., Washington 1915 (с исчерпывающей библиографией по хозяйственной истории Америки).

L. Goldschmidt, Universalgeschichte des Handelsrechts, I. Bd., Stuttgart 1891; P. Huvelin, L'histoire du droit commercial, Paris 1904 (с библиографией); P. Rehme, Geschichte des Handelsrechtes, Leipzig 1914.

§ 1. Исходные точки развития торговли.

В своих начальных ступенях торговля представляет междуплеменное явление; она не производится между членами одного и того же племени или одной общины: обращаясь только к инородцу, она, в древнейших формах общества, оказывается фактом из области внеплеменной жизни. При этом она может возникать как следствие междуплеменной специализации в производстве. В таком случае торговля бывает или торговлей племени самих производителей или разносным торгом продуктами чужого племени. Но все же древнейший вид обмена всегда остается меновым торгом между чужеплеменниками. Если племя само торгует своими продуктами, то обмен может выступать в различных формах. Обычно он развивается в виде побочного занятия крестьян и кустарей, а именно в виде сезонного промысла. Из этой стадии возникает разносный и розничный торг, как самостоятельная профессия. Образуются племенные общины, не занимающиеся уже ничем иным, кроме торговли; но при этом бывает, что потребители и сами являются за продуктами к племени-промышленнику. Другая возмож-

ность — это возникновение кастовой торговли; классическую форму ее дает Индия. Там торговля монополизируется ритуально в руках отдельных каст, в частности особой касты „банья“. Наряду с этой торговлей, производимой на замкнутой этнической основе, стоит другая, тоже ритуально замкнутая, но уже в пределах секты; суть здесь в том, что ритуально-магические действия фактически исключают членов секты из всех других профессий. Так обстояло дело с индийской сектой „джайна“. Ее членам воспрещалось убивать какое бы то ни было живое существо, прежде всего, слабое существо. Поэтому, они не могут быть воинами, не могут заниматься многими ремеслами, напр. такими, при которых употребляется огонь, так как при этом могут погибнуть насекомые; они не смеют выходить в дождь, потому что в лужах они могли бы раздавить червяка и т. д. Таким образом для них не остается никакого другого занятия, кроме оседлой торговли на базаре. При этом их честность пользовалась такой же известностью, как плутовство представителей касты банья.

Мы не найдем существенного различия в развитии еврейского народа, как племени торговцев-париев. До изгнания внутри еврейского народа существовали всякого рода сословия,—воины, крестьяне, ремесленники, а также, в небольшом количестве, торговцы. Влияние пророков и последствия рассеяния превратили оседлый, работающий на своей земле народ в странствующее племя, и ритуал исключал уже впредь всякого рода прочную земледельческую оседлость. Тот, кто строго придерживался еврейского ритуала, не мог быть сельским хозяином. Таким образом евреи превратились в народ горожан-париев, и противоположность между фарисейскими „святыми“ и незнающим закона сельским населением очень ясно заметна еще в евангелии [1]). При этом повороте к торговому делу особенно предпочиталась торговля денежная, потому что она одна предоставляла возможность всецело отдаваться изучению закона. Стало быть, главным образом ритуальные основания толкнули евреев к торговле, в частности, к торговле денежной, которая и явилась для них таким образом ритуально замкнутым племенным или народным делом.

Вторая возможность, представлявшаяся развитию торговли, это возникновение торговли господ, причем общественный слой господ и является ее носителем. Крупные земельные собственники скорее всего могли напасть на мысль—что фактически везде и случалось—сбывать на рынок излишки хозяйственных продуктов своих владений. С этой целью они создали профессиональных купцов в качестве своих подручников. Сюда относится actor в античности, который вел дела от имени землевладельца, а также средневековый negotiator [2]), который за предоставление ему феода, оклада натурой и т. п. сбывал на рынок произведения монастырского поместья; в Германии последнего, правда, с достоверенностью нельзя обнаружить, но в других странах он повсюду встречается. Actor и negotiator не торговцы в современном смысле слова: они зависимые приказчики. Другой вид господской торговли вытекал из бесправия иноплеменного торговца, повсюду нуждавшегося в покровительстве, которое он мог находить только у политической власти. Она предоставляла такое право

---

[1]) Ср. M. Weber, Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie, III, стр. 351 и 403.
[2]) См. выше стр. 90-91.

в виде концессии за вознаграждение. Такие концессии торговцам давали, в самом деле, и средневековые государи, взимая с них за это пошлины Из такого покровительства торговцам часто развивалась и самостоятельная торговля вождей и государей, как, например, на всех берегах Африки, где племенные вожди монополизировали посредническую торговлю и сами занимались ею. На торговой монополии покоилось их могущество; с ее крушением пало и оно. Другою формою торговли, к которой переходили государи, является торговля под видом подарков. В древнем Востоке политические державы, если не находились между собой в состоянии войны, поддерживали друг с другом добрые отношения путем подарков. Особенно ясно тель-эль-амарнские таблицы из эпохи после 1400 г. до Р. Хр. указывают на оживленный обмен подарками между фараонами и властителями передней Азии. Об'ектом правильного обмена служили золото и боевые колесницы, с одной стороны, а с другой—лошади и рабы. Первоначально господствовало свободное дарение. Происходившие при этом многочисленные нарушения чести и верности привели постепенно к установлению определенно равноценных взаимных подарков, так что при обмене их получался точный торговый расчет. Наконец, во многие моменты истории хозяйства находим личную торговлю государей по собственному почину [1]). Очень древние примеры для этого дают в громадном масштабе египетские фараоны, занимавшиеся в качестве судовладельцев ввозом и вывозом, а позднее дожи Венеции в первые времена существования их города и, наконец, правители многочисленных патримониальных государств Азии и Европы, как, например, Габсбурги (еще в 18 веке). Эта торговля могла производиться или в форме собственной регалии, при чем вел ее сам государь, или же он мог передать свою монополию в качестве концессии или отдать на откуп. Последними мероприятиями он давал уже толчек к образованию самостоятельного профессионального купечества.

§ 2. Технические предпосылки товарного транспорта.

Ср. статьи „Verkehrsmittel" und-wege" (F. C. Huber) и „Verkherswesen im deutsch. Mittelalter" (Th. Sommerlad) в „Handwörterbuch" VIII, 3-е изд. (с обильными указаниями литературы); затем: W. Götz, „Die Verkehrswege im Dienste des Welthandels, Штуттгарт, 1888; O. T. Mason, Primitive travel and transportation, Нью-Иорк, 1897; C. Merkel, Die Ingenieurtechnik im Altertum, Берлин, 1899; E. Gasner, Zum deutsch. Strassenwesen von der ältesten Zeit bis sur Mitte des 17 Jhd., Лейпциг, 1839; F. Rauers, Zur Gesch. d. alten Handelsstrassen in Deutschland, Гота, 1908; P. H. Scheffel, Verkehrsgeschichte der Alpen, 2 т. т. Берлин 1908—1913; W. Lotz, Die Verkehrsentwicklung in Deutschl. seit 1800, 4-е изд., Лейпциг, 1920—W. L. Lindsay, History of merchant shipping and of ancient commerce, 4 т. т., Лондон 1874—1876; W. Vogel, Gesch. d. deutsh. Sebschiffahrt, 1 т., Берлин, 1915; F. Podestá, Il porto di Genova dalle origini fino alla caduta della republica Genovese, Генуя, 1913.

Предпосылкой для существования самостоятельного класса профессиональных торговцев является наличие определенных технических условий. Прежде всего должны существовать урегулированные и как-либо заранее определенные возможности транспорта. Правда, первоначально и в течение очень долгого времени

[1]) Она таким образом может возникуть не только из защиты иноплеменных торговцев.

их надобно представлять себе только в чрезвычайно примитивном виде. Не только во времена ассириян и вавилонян в Месопотамии употреблялись для переправы через реки лишь наполненные воздухом козьи шкуры, но еще в эпоху ислама кожаные меха долгое время играли в речном судоходстве первенствующую роль. На суше торговец до глубокого средневековья должен был довольствоваться следующими средствами транспорта: собственной спиной, на которой он таскал товары до XIII века, и вьючными животными или двуколесной тележкой, запряженной одним, много двумя животными, причем ему приходилось пользоваться такими путями сообщения, которые нельзя назвать дорогами в современном смысле. Только на Востоке и внутри Африки, повидимому, уже довольно рано появляется караванная торговля, применяющая в качестве носильщиков рабов. Но обычно и там всего больше в ходу был вьючный скот. При этом типичным вьючным животным на юге является осел или мул, верблюд на египетских памятниках обнаруживается только очень поздно, еще позднее лошадь, которая первоначально служит лишь для войны и только в более позднее время находит применение и в качестве транспортного средства. Подобными же примитивными средствами передвижения должна пользоваться торговля и на море. В античном мире, а также в начале средневековья обычно пользовались лишь весельной лодкой, первоначальное устройство которой мы должны себе представлять очень несовершенным; упоминаются канаты, которыми скреплялись составлявшие лодку или плот отдельные доски либо бревна, чтобы они не распадались. Парусное плавание, правда, восходит так далеко в древние времена, что эпоху его изобретения нельзя установить; но его не следует представлять себе таким, какое практикуется ныне. Первоначально паруса служили лишь вспомогательным средством для плавания на веслах при благоприятном ветре, а лавирование против ветра, повидимому, не было еще известно даже раннему средневековью; в Эдде содержится лишь слабый намек на это, и очень сомнительно, можно ли приписать первое применение лавирования Андрею Дория, как того хочет средневековое предание [1]). Мы знаем из Гомера, а также из более поздних источников, будто корабли были тогда настолько не велики, что их каждый вечер при высадке на сушу можно было вытаскивать на берег. Якорь в античную эпоху лишь очень медленно превращался из простого тяжелого камня в снаряд ныне употребительной формы. Таким образом, плавание на кораблях первоначально было лишь чисто береговым; плавание в открытом море—нововведение александрийской эпохи, которое было связано с наблюдениями над муссонами; причем только арабы первые сделали попытку с их помощью достигнуть Индии прямо через открытое море. Приборы для определения места на море у греков были крайне несовершенны; то были: годометр, который, подобно песочным часам, высыпал шарики, количество которых указывало на число пройденных миль, и затем βολίς для установления глубины. Астролябия изобретена в александрийскую эпоху; в то же время появились первые маяки. Судоходство средневековой

---

[1]) [Первое точно удостоверенное известие о лавировании, повидимому, содержится в реляции о плавании флота немецко-фризских крестоносцев вдоль испанского берега в 1189 г.; она приведена у W. Vogel, Geschichte der deutschen Seeschiffahrt, I, стр. 515, примеч. 5].

Европы, как и у арабов, в техническом отношении далеко отстало от искусства китайской навигации. Буссоль и компас, применявшиеся в Китае уже в III и IV в. в. по Р. Хр., становятся известны в Европе только спустя тысячелетие после того. Правда, после введения компаса начинается быстрое развитие судоходства, как на Средиземном, так и на Северном и Балтийском морях. Постоянный руль за кормой входит в общее употребление лишь с XIII столетия. Правила судоходства являлись тайным искусством; они бывали предметом открытого обсуждения на с'ездах ганзейских городов, которые становились таким образом, поборниками прогресса. Решающим моментом явились, наконец, усовершенствования в судоходной астрономии, введенные арабами и занесенные евреями в Испанию, где в XIII в. Альфонс X приказал разработать таблицы, названные по его имени. Компасные карты стали известными только с XIV в. Когда после этого на Западе открылись плавания через океан, то перед населением его стали задачи, для решения которых имелись тогда лишь очень скудные средства. На севере Полярная звезда была единственною твердою опорою для астрономических наблюдений, в то время как на юге средством для ориентации долгое время служил один Южный Крест. Америго Веспуччи определял градусы долготы по состоянию луны; в начале XVI в. перешли к установлению долготы при помощи часов, уже настолько усовершенствованных, что можно было приблизительно определять градус долготы, руководствуясь различною высотою солнца по сравнению с полднем. Квадрант, с помощью которого удобно было определять широту, был впервые применен, как кажется, в 1594 г.

Скорость плавания соответствовала всем указанным условиям судоходства. Разница, получившаяся после замены весельной лодки парусным кораблем, была чрезвычайно велика. Все же в античную эпоху путь Гибралтар—Остия требовал 8—10 дней, так же как и рейс Мессина—Александрия. Но с тех пор как в XVI и XVII столетиях у англичан развилась рациональное парусное плавание, встречались парусные корабли, которые не слишком отставали от позднейших пароходов средней скорости, хотя быстрота их хода продолжала зависеть от ветра.

§ 3. Формы организации товарного обращения и торговли.

А. Иноземный торговец.

Первоначально морская торговля везде была одновременно и морским разбоем; в древнейшее время военный корабль, разбойничий корабль и купеческий ничем не отличались друг от друга. Дифференциация произошла таким путем, что военное судно выделилось из купеческого, а не наоборот, при чем увеличение числа весельных рядов и другие нововведения поставили его на такую ступень технического развития, что, в виду его стоимости и незначительной вместимости для груза, он не мог уже более служить коммерческим целям. В самой далекой древности в Египте фараоны и храмы были первыми и единственными судовладельцами, так что частновладельческого судоходства там мы вовсе не находим. Зато оно стало отличительной чертой эллинов уже в гомеровскую эпоху; оно же было характерно для финикиян. Первоначально у греков корабли находились,

правда, в руках городского царя и служили как для меновой торговли, так и для морского разбоя. Но он не мог препятствовать тому, чтобы рядом с ним выростали знатные роды, принимавшие также участие в судовладении и, в конце концов, терпевшие царя только как первого между равными.

В Риме в древнейшее время морская торговля была одним из главных источников могущества города. Мы только не знаем точно, каких размеров достигало судостроение и вместе с ним активная торговля. Ясно, во всяком случае, что на этом поприще римляне не могли тягаться с Карфагеном. Позднее торговля их рисуется все же пассивной. После пунических войн впервые появилось римское частновладельческое судоходство. Но римская политика настолько держалась континентальности, что первоначально для сенатора считалось даже неприличным быть судохозяином; во времена республики, даже еще в эпоху империи, ему запрещалось иметь большее количество кораблей, чем было необходимо для сбыта излишков собственного производства его имений.

Мы не знаем, как в древности было организовано судоходство в экономическом отношении. Достоверно только все возраставшее применение рабов в качестве двигательной силы. Руководящие должности на кораблях занимали обученные специалисты-ремесленники. Мы находим на эллинских и римских кораблях капитана, рулевого, флейтиста, который своей игрою задавал гребцам такт. Об отношении между судовладельцами и купцами мы также не имеем ясного представления. Первоначально судовладельцы были одновременно и купцами; но вскоре особая профессиональная группа морских торговцев, занимающихся внешней торговлей,—ἔμποροι—появляется в греческих городах. Впрочем, эта внешняя торговля была, вероятно, очень незначительна, Когда дело касалось предметов массового потребления, особенно доставки хлеба для больших городов древнего мира, забота эта ложилась на государственное хозяйство. В Афинах судовладельцы были обязаны привозить в свой город хлеб в виде обратного груза; в Риме государство приняло на себя оборудование судов и доставку хлеба и регулировало дело до поздних времен империи. Империя, правда, принесла мир и безопасность для мореплавания и тем самым благоприятствовала морской торговле; но такое положение не упрочилось на долго. Дело в том, что финансовые потребности императоров, вызванные необходимостью держать на границах постоянное войско, вынуждали их к организации государственных задач в виде обязательных повинностей (литургий). Все чаще расходы покрывались не столько посредством наложения податей, сколько иным путем: фиск организовывал отдельные профессиональные группы в своего рода принудительные корпорации и возлагал на них различные виды тягловых работ в пользу государства. За это они получали монополию на соответственный промысел. Эта система привела также к литургическому использованию судоходства, и отсюда скоро началось его постепенное падение. В III веке пришел в упадок частный торговый флот, а одновременно с ним и военный, и тогда наступил новый расцвет морского разбоя.

Что касается учреждений, созданных в древнем мире потребностью в правовых формах торговли, то для знакомства с этим вопросом мы располагаем лишь скудными указаниями. Нам известна

lex Rhodia de iactu относительно корабельного сброса [1]). Она показывает, что в большинстве случаев на одном судне перевозились товары многих купцов. Если в случае несчастья с кораблем необходимо было выбросить часть груза за борт, то все участники терпели убыток сообща. Другой институт того же рода, морская ссуда (*foenus nauticum*), перешедшая из античного в средневековый мир, является следствием того, что морская торговля была сопряжена с чрезвычайно большим риском. Если выдавалась ссуда под идущие морем товары, то ни должник, ни кредитор, в случае гибели корабля, не могли рассчитывать на возмещение убытков. Поэтому они делили между собою риск таким путем, что заимодавец получал чрезвычайно высокий процент—вероятно 30%—но зато рисковал всей суммой и должен был соглашаться на соответствующую скидку при частичной гибели груза. Из судебных речей аттических ораторов—Демосфена и других—мы узнаем, что в силу морской ссуды заимодавец получал возможность в широких размерах забирать в свои руки управление судоходством. Он предписывал командиру судна и маршрут, и продолжительность путешествия, и место сбыта товаров. Нашедшая здесь выражение сильная зависимость морских купцов от капиталистов позволяет предполагать, что сами купцы не обладали большими капиталами. Чрезвычайно часто в морской ссуде под один корабль участвует несколько заимодавцев с целью разделения риска. Далее часто случается, что раб кредитора сопровождает транспорт через море в качестве контролера; это тоже признак зависимости транспортного дела от ссужающих деньги капиталистов. Морская ссуда была в ходу на протяжении всего периода древней истории, пока Юстиниан не запретил ее, как особый вид ростовщичества. Это запрещение не могло долго продержаться, но все же привело к тому, что формы морского кредита изменились.

Условия морской торговли в эпоху средних веков остаются неясными. В соответствии с докапиталистическим развитием, верфи являлись городским имуществом и отдавались в аренду цеховым судостроителям. Морская торговля носила менее выраженный капиталистический характер, чем в древности. Она обычно производилась в форме ассоциации всех заинтересованных в одном торговом предприятии лиц и групп. В продолжение всего средневековья, в виду громадности риска, почти ни одно судно не строилось на счет одного предпринимателя, а всегда для компании нескольких лиц: господствует паевое судовладение. Однако, отдельные пайщики участвуют во владении нескольких кораблей. Как судостроительство и судовладение, так и отдельное морское предприятие является об'ектом деятельности целой ассоциации. В состав ее входили хозяин судна, капитан, экипаж и путешествующие купцы. Все они об'единены в одно товарищество, все везут свои товары, при чем купцы, вместо того чтобы ехать самим, иногда отправляют зависимых от них заместителей. Риск несется сообща, барыш и убыток делится по определенной раскладке.

Рядом с таким товариществом, основанным на общности риска, выступала морская ссуда капиталиста. Средневековые купцы любили ею пользоваться; она была им выгодна тем, что давала возмож-

---

[1]) Ср. L. Goldschmidt, Lex Rhodia und Agermanament, в „Zeitschrift für das gesammte Handelsrecht“, XXXV (1889); H. Kreller, Lex Rhodia, Untersuchungen zur Quellengeschichte des römischen Seerechtes, там же LXXXV (1921).

ность закупать товар и одновременно свалива[illegible] на заимодавца. По *constitutum usus* пизанского морского права [illegible]ый процент доходил до $35^0/_0$; с некоторыми колебаниями [illegible]ался около этой нормы и в других местностях. В отдельных [illegible]ях производилась тарификация отдельных товаров по степеням опасности.

Первоначально все купцы, входившие в состав товарищества общего риска, сами ездили со своими товарами; то были мелкие торговцы, продававшие свой товар в розницу. Но этот обычай мало-помалу выходит из употребления. Вместо него появляется *commenda* [1]) и, повидимому, одновременно *societas maris*. Она обнаруживается как в вавилонском и арабском, так и в итальянском праве, а с некоторыми изменениями и в ганзейском, и состоит в том, что из двух членов одной ассоциации один остается в родном портовом городе, а другой везет товар за море. Вначале эти взаимоотношения носили характер личной услуги: один из нескольких купцов по очереди перевозил и сбывал товары остальных товарищей. Впоследствии это превратилось в способ пускать деньги в рост. Капиталистами являлись отчасти профессиональные торговцы, отчасти также, особенно на юге, случайные обладатели денег (напр., знатные), желавшие выгодно вложить свои излишки в торговое дело. Сделка совершалась таким образом, что отправлявшийся в плавание *socius* получал с собою деньги или же товар, оцененный в деньгах; этот вклад составлял торговый капитал и носил техническое наименование *commenda*. Товар сбывался за морем; на выручку приобретался новый и, по возвращении в родную гавань, оценивался и продавался. Дележ барыша производился следующим образом. Если оставшийся дома socius вложил в дело весь капитал, то он получал $^3/_4$ прибыли; если же и путешествующий socius вкладывал свою долю, (обычно практиковалось отношение $\frac{2}{3} : \frac{1}{3}$), то дележ производился поровну. Характерная черта этой сделки состоит в том, что здесь впервые появляется капиталистический расчет; основному капиталу противоставляется конечный итог выручки, излишек которого вычисляется в виде денежной прибыли и делится между участниками. Но по форме своей это еще не длительное капиталистическое предприятие, а всего только отдельная торговая операция, при которой по поводу каждой сделки производится особый расчет. Такой порядок господствовал в морской торговле в течение всего средневековья, даже после перехода к капиталистическому длительному производству расчет производился по отдельным операциям.

Обороты [2]) средневековой торговли, если измерять их современным масштабом, были прямо ничтожны; она велась почти исключительно мелкими торговцами, работавшими с небольшим количеством товаров. В 1277 г. английский вывоз шерсти составлял 30.000 двойных центнеров. В этом общем количестве участвовало 250 купцов, так что на каждого приходилось в год по 120 двойных центнеров. Средний размер фондов, вложенных в одну комменду, в XII в. составлял в Генуе

---

[1]) Ср. W. Silberschmidt, Die Commenda in ihrer frühesten Entwicklung, Würzburg, 1884.

[2]) W. Stieda, Revaler Zollbücher und-Quittungen des 14 Jahrhunderts (Hanseatische Geschichtsquellen, т. V), Галле 1887; Он же, Über die Quellen der Handelsstatistik im Mittelalter, Берлин 1903; R. Kötzschke, Deutsche Wirtschaftsgeschichte (ср. выше стр. 17) стр. 157, 159; A. Schulte (ср. стр. 129) II, стр. 720 след.

1000 германских имперских марок серебром, в XIV в. в пределах Ганзейского союза было запрещено принимать больше одной комменды, а общая сумма и здесь была не выше. Годовой оборот между Англией и Ганзой исчислялся в эпоху высшего расцвета этой торговли в 15.000 марок. Для Ревеля можно проследить эти отношения по таможенным регистрам; в 1369 г. в снаряжении двенадцати отходивших оттуда кораблей участвовало 178 купцов, из которых каждый отправлял товары средним числом на 1600 германских имперских марок (по до-военному курсу). В Венеции типичный корабельный груз заключал цену в 6.000 имперских марок, в области ганзейского союза в XIV в.—5.000. В XV в. число прибывающих судов доходило в Ревеле до 32, а в Любеке, важнейшей гавани Ганзы, в 1368 г.—до 430, причем отбывающих здесь было 870. То была целая толпа мелких капиталистов - торговцев, которые путешествовали сами или отправляли за себя других: этим и об'ясняются об'единения в товарищества. Вследствие опасности от пиратов отдельное судно не было в состоянии самостоятельно определить срок отбытия. Корабли соединялись в караваны, вооружались сами или сопровождались вооруженными конвойными судами. В Средиземном море средняя продолжительность путешествия такого каравана колебалась в пределах от полугода до года; из Генуи такой караван выходил на восток только один раз в год, из Венеции—дважды в год. Необходимость караванных путешествий приводила к очень медленному обращению капиталов. Несмотря на это, не следует слишком низко оценивать общее значение торговли, как источника доходов в ту эпоху. В 1368 г. во всех балтийских гаванях, вместе взятых, оборот составлял 15.000.000 имперских марок серебром, что было в три раза больше всей суммы государственных доходов, получавшихся английским королем. В с у х о п у т н о й т о р г о в л е риск был меньше, так как опасность грозила только от разбойников, а не от сил природы. Но зато путевые расходы были несравненно выше. Меньшему риску соответствовало отсутствие товарищеских об'единений. Точно также отсутствует явление, аналогичное морской ссуде,—сухопутная ссуда. Были попытки ввести ее, но папская курия препятствовала этому, как недопустимому ростовщичеству.

В сухопутной торговле купец тоже по обыкновению сопровождал свой товар. Только начиная с XIII в. у с л о в и я т р а н с п о р т а стали настолько обеспечены что купец уже мог воздерживаться от постоянного сопутствования своему товару — за целость доставки в таких случаях отвечал vectuarius; эта должность уже предполагает существование правильных деловых сношений между отправителем и получателем. Сухопутная торговля страдала от технических трудностей вследствие плохого состояния дорог и трактов. Много хвалебных гимнов пелось римским дорогам. Но порядки на них вовсе не были образцовыми. Катон и Варрон не рекомендовали пользоваться ими, потому что вдоль их шныряет всякого рода сброд, стоянки полны насекомых; они же дают совет не строить себе загородного дома вблизи от проезжей дороги, так как на придорожных жителей возлагается бремя военных постоев. В окраинных провинциях римские дороги могли также служить для торговых сношений. Но первоначально они не были расчитаны на это, и их прямолинейная проводка вовсе не отвечала потребностям торговли. Вообще римская эпоха заботится лишь о тех дорогах, которые имеют целью снабжение столицы с'естными припасами, и еще военные и политиче-

ские нужды. Заботы об их поддержании [illegible] ввиде обязательной повинности на местных крестьян, которые [illegible] того освобождались от податей. В средние века феодальные [illegible] интересовались сохранением путей сообщения с фискальной [illegible] зрения. Они поддерживали их трудом своих scararii, крестьян, на которых возлагалась забота о мостах и дорогах; это была одна из самых тяжелых повинностей феодального строя. За пользование путями сообщения взималась дорожная пошлина. Взаимного соглашения о рациональной проводке дорог между территориальными владельцами не существовало; каждый прокладывал дорогу так, как ему казалось благоприятнее для взимания таможенного сбора и дорожных пошлин. Систематический план проведения дорог встречается впервые в Ломбардии и только начиная с эпохи образования союза ломбардских городов.

Вследствие всех этих обстоятельств, сухопутное товарное обращение в средние века было еше меньше морского. Еще в XVI в. поверенный одного крупного торгового дома путешествует из Аугсбурга в Венецию, чтобы привезти с собою шестнадцать мешков хлопчатой бумаги. Было вычислено, что в конце средних веков товары, проходившие через Сен-Готтард втечение одного года, могли бы наполнить всего лишь 1—1½ современных нам товарных поезда. Ввиду незначительности оборота, барыш должен был быть соответственно высок, чтобы покрыть таможенные пошлины и путевые издержки купцов. В соответствии с качеством путей сообщения продолжительность путешествий была очень велика. И на суше купец также не мог выбирать время для путешествия по своему желанию. Небезопасность дорог заставляла брать с собою конвой; но лицо, ставившее конвой, выжидало, пока соберется побольше путешественников. Таким образом и сухопутная торговля должна была осуществляться караваном. Это очень древнее явление и встречается оно, как в Вавилонии, так и в средние века. В античном мире и на Востоке существовали оффициально назначавшиеся предводители караванов. В средние века об этом заботились города. Только в XIV и XV вв., когда институт земского мира создал условия относительной безопасности, явилась возможность предпринимать торговые путешествия в одиночку. Технически это облегчалось еще тем, что за осуществление сухопутного транспорта брались возникшие тогда извозные организации („Rottfuhren") [1]. Этот промысел получил начало по почину феодальных владельцев различных территорий; лучше всего дело было устроено опять в хозяйстве монастырей. Местный сеньер за вознаграждение ставил лошадей, вьючный скот, подводы и т. д. Повозная повинность по очереди неслась сидевшими в определенных крестьянских дворах людьми, на которых было возложено это тягло; рядом с помещичьими мало-по-мало возникли и профессиональные извозчики, но только тогда, когда города взяли извозное дело в свои руки, из него вырос настоящий постоянный промысел. Извозчики об'единялись внутри города в особый цех. Он находился под строгим управлением выборного „старосты", который договаривался с купцами и распределял извозы между отдельными членами цеха. При этом общепри-

[1] Ср. Joh. Müller, Das Rodwesen Bayerns u. Tirols im Spätmittelalter und zu Beginn der Neuzeit (Viertelejahrsschrift für Sozial-u. Wirtschaftsgeschichte III (1905): он же, Das spätmittelalterliche Strassen-u. Trasuportwesend er Schweiz u. Tirols (Geohraphische Zeitschrift XI (1905); O. Stolz, Zur Gesch. d. Organisation des Transportwesens in Tirol im Mittelalter (Vierteljahrschr. f. Soz. u. W. G. VIII 1910).

знанным основным правилом была ответственность руководителя транспорта.

Во внутреннем (речном) судоходстве [1]) слагались различные формы организации. Плавание на судах и паромах территориальных владельцев и монастырей часто основывалось на присвоенном им суверенном праве в пределах их территорий, так что крупные землевладельцы фактически пользовались монополией транспорта. Но в большинстве случаев они не могли ее осуществлять сами и отдавали в аренду товариществам транспортных предпринимателей. Когда же этот союз высоко квалифицированных рабочих добился монополии для себя, владелец земли тем самым лишился своей привилегии. Рядом с этим уже довольно рано появились, особенно после усиления городов, свободные цехи судовщиков, промышлявшие правильным судоходством в форме поочередных рейсов. Они перевозили товары на собственных лодках, причем шансы заработка точно распределялись цехом. Случалось также, что городская община брала в свои руки организацию речной навигации. На Изере граждане Миттенвальда имели монополию на гонку паромов, причем право транспорта грузов переходило у них друг от друга в круговую по очереди. Из лежащих выше сельско-хозяйственных областей сплавлялись на плотах тяжелые товары, между тем как вверх отправлялся товар высокой ценности. Наконец, возникли замкнутые промысловые товарищества, которые, с своей стороны, держали в руках суда. Они развились из территориально владельческих или цеховых организаций. Землевладельческого происхождения они, например, были на Зальцахе и на Инне. Первоначально монополия транспорта принадлежала архиепископу Зальцбургскому. Затем возникло товарищество судохозяев, об'единившихся для речного судоходства. Оно владело судами, нанимало рабочих и получило от архиепископа монополию, в виде залога под данную ему ссуду. В XIV в. он снова выкупил ее и передал право другим лицам в виде благородного лена. Судоходство по Муру также держалось на работе промыслового товарищества лесных судовщиков, возникшего на почве монополии лесовладельцев. Громадный запас леса в Шварцвальде приводил к тому, что судоходство по Муру распространило свою деятельность и на Рейн, оно разделялось на лесное и рейнское судоходство; в конце концов, оно перешло к тому, что стало перевозить и чужие товары, в целях получения фрахтового дохода. Из цехов же развилось дунайское судоходство в Австрии, а также верхне-рейнское судоходство; точно так же, как практиковалось в горнопромышленных товариществах, суда здесь находились во владении товариществ.

Вызванные этими обстоятельствами потребности купечества состояли тогда прежде всего в необходимости личной охраны. Иногда она носила сакральный характер благодаря тому, что иноземный купец становился под защиту богов или племенного вождя. Другой формой являлось заключение договора о конвое с властителями данной области, как то было в Верхней Италии в эпоху раннего средневековья. Позднее горожане заставляли рыцарей, угрожавших торговле, переселяться в города, разрушая их замки, и отчасти взяли защиту купцов в свои руки.

[1]) Ср. E. Gothein, Zur Gesch. der Rheinschiffahrt (Westdeutsche Zeitschrift für Gesch und Kunst XIV, 1895); R. Bettgenhäuser, Die Mainz-Frankfurter Marktschiffahrt im Mittelalter, Лейпциг, 1895.

При этом плата за конвой была одним из главных доходов придорожных жителей, как, например, в Швейцарии. Второю главною потребностью торговли была п р а в о з а щ и т а. Купец на чужбине не принадлежал ни к какому союзу, он не имел юридических [illegible] действия, одинаковых с членом местной национальности или племени, и поэтому нуждался в особой правозащите. Институтом, первоначально служившим этой цели, является р е п р е с с а л и я: если какой-нибудь должник, например, купец из Генуи или Пизы, не желает или не может платить своих долгов во Франции или во Флоренции, то его соотечественники заключаются под стражу. Это было злоупотреблением, которое в конце концов сделалось невыносимым, и потому уже древнейшие торговые договоры выговаривают отмену репрессалий. Кроме этого грубого средства принудительного взыскания потребность купца в правозащите породила и разные другие установления. Так как купец, в качестве чужестранца, не мог являться перед судом, он нуждался в патроне, который бы выступал вместо него. В древности на этом зиждется явление п р о к с е н и и, представляющей собою соединение связи между гостем и хозяином с взаимной защитой деловых интересов. В средневековье ему соответствует особый п а т р о н а ж (Wirtsrecht): чужеземный купец имел право, и даже был обязан, стать под покровительство одного из граждан; у него он должен был сложить свои товары, патрон, с своей стороны, был обязан контролировать их сбыт в интересах своей общины. Когда, с увеличением числа купцов, создавался из них союз [1])—г а н з а, то это, в сравнении с патронажем, уже было громадным шагом вперед. Сначала то была просто гильдия иностранных купцов, торговавших в чужом городе и об'единившихся в союз для совместной защиты. Само собою разумеется, что подобное об'единение могло совершаться только с соизволения княжеской или городской власти. С этой организацией купцов в чужой земле обычно связывалось возникновение о с о б ы х к у п е ч е с к и х к о л о н и й, которые избавляли купцов от необходимости сбывать свои товары без промедления. Этой цели во всех странах служили караван-сараи для сухопутной торговли и, в средние века, фактории для торговли морской, фондаки—купеческие склады и подворья [2]). Здесь выявлялись две возможности. Или купеческие подворья строились чужеземными купцами, и притом в их собственных интересах; это бывало возможно в тех случаях, когда их деятельность становилась необходимой для данной местности. Тогда они приобретали автономию и сами избирали своих старейшин, как, например, купцы немецкой ганзы в Лондоне. Или же местные купцы заставляли чужеземцев подчиняться подобным институтам, чтобы контролировать их заработки и их самих держать в узде: так было с фондако немецких купцов в Венеции. Наконец, явилась необходимость установить определенные сроки для совершения торговли. Продавцы и покупатели должны были знать, когда и где найти друг друга. Этой потребности служили ярмарки, и из нее же возникли я р м а р о ч н ы е к о н ц е с с и и. Повсеместно в Египте, в Индии, в государствах античного мира, а также и в средние века ярмарки устраивались и концессионировались государями для органи-

[1]) Ср. R. S c h r ö d e r, Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte, 6-е изд. (Лейпциг 1919) I, стр. 704 сл. и указанную там литературу.

[2]) Ср. напр. H. Simonsfeld, Der Fondaco dei Tedeschi und die deutsch-venetianischen Handelsbeziehungen 2 т. т. Штуттгарт 1887.

зации торговли чужеземных купцов. Подобные концессии давались, с одной стороны, чтобы снабжать всем необходимым самого концессионирующего, а с другой, для достижения фискальных целей: государь желал заработать на ярмарочных сделках. Поэтому обычно с ярмарочной концессией было связано установление конвоя за плату, потом создание ярмарочного суда (отчасти в интересах государя, получавшего судебный сбор, отчасти же в интересах чужеземного торговца, не имевшего права являться перед местным судом), далее установление меры, веса, монеты и, в связи с этим, времени и формы торга. Взамен всего этого государь взимал ярмарочную пошлину. Из этой первоначальной связи между посещающими ярмарку купцами и концессионирующей их княжеской властью развились и иные отношения. Купцы нуждались в больших складах для осмотра, взвешиванья и хранения товаров. На этом было основано принудительное пользование краном: в угоду фискальным интересам, купцы обязаны были пользоваться краном государя. Но прежде всего тем же фискальным интересам служили принудительные правила о маклерстве. Обороты купцов обязательно должны были подвергаться контролю, так как с них то и полагалось платить пошлины. Для этой цели и назначались маклеры, которых Запад перенял у Востока (simsarius, sensarius, отсюда „сенсал"). Ко всем этим обязательствам присоединялось еще принудительное пользование дорогами — если государь ручался за безопасность купца, то последний должен был пользоваться его дорогою — и, наконец, принудительное правило о ярмарке: оно гласило, что в интересах контроля чужеземные купцы должны производить торговлю только на виду, на ярмарке или на купеческом подворьи.

Б. Местный оседлый купец.

Условия, подобные вышеописанным, существовали не только в европейских странах раннего средневековья, но также и в Аравии и вообще на всем свете, пока в торговле первенствовал чужеземный купец. Совершенно иные отношения возникли, когда образовалось сословие оседлых в данном месте купцов.

Как типичное явление, оно, конечно, было продуктом городского развития, хотя нет сомнения, что и раньше в рыночных поселках, раскинувшихся вблизи замков, утверждались постоянные купцы. Техническое название для местного купца — mercator [1]). Под этим наименованием в средние века разумелся торговец, который приобрел привилегию на поселение в данном городе, и, в частности, первоначально розничный торговец, безразлично, продавал ли он продукты собственного производства или чужого. В некоторых юридических источниках это выражение, правда, употребляется также и шире, как слово „купец" в современном торговом праве: mercator есть всякий, кто lucri causa покупает и продает. Но отнюдь нельзя думать, чтобы такое понимание, встречающееся главным образом в рейнских памятниках, было распространено повсеместно в средние века; напротив, со-

[1]) P. Nolte, Der Kaufmann in der deutschen Sprache und Literatur des Mittelalters, Геттинген 1909.

ображаясь с структурой населения средневековых городов, можно сказать, что mercator не был крупным оптовым торговцем, но просто так называли каждого, кто приносил что-нибудь на рынок, будь-то ремесленник или профессиональный торговец.

Сословие профессиональных торговцев в городах прошло через следующие стадии развития. Местный купец сначала является странствующим торговцем. Он путешествует периодически, чтобы сбывать товары в чужих местах или привозить оттуда чужой товар; это разносчик, ставший оседлым. Вторая стадия вскрывается тогда, когда он отправляет в торговое странствие другого, доверенное лицо, слугу или же сотоварища; одно из этих положений переходит в другое. Третью ступень представляет система факторий. Торговец уже настолько окреп силою капитала, что основывает собственные выселки в чужих местах или же, по крайней мере, держит там своих служащих, т.-е. кладет начало интерлокальной филиальной системе. В конце концов осевший торговец остается привязанным к данному месту и совершает сделки вне своего города путем корреспонденции. Такое положение стало возможным лишь в позднее средневековье, потому что необходимой предпосылкой для него являлась достаточная обеспеченность интерлокальных условий транспорта, а также достаточная интертерриториальная правовая безопасность.

Центр тяжести средневековой торговли лежит в розничной торговле. Даже купец, привозящий свои товары с далекого Востока, считает важным и нужным продать их непосредственно потребителю. Риск был меньше, барыш надежнее и вернее, а обычно и выше, чем при продаже оптом, и носил монопольный характер. Еще ганзейцы не были купцами в нынешнем смысле слова; они придавали очень большое значение тому, чтобы в чужой стране держать розничную торговлю в своих руках, и старались в России, в Швеции, в Норвегии и в Англии вытеснить чужого розничного торговца. Еще в XVI в. такой политики держатся merchant adventurers, которых Елизавета снабжает привилегиями. Настоящих оптовых торговцев в раннем средневековьи, может быть, вовсе не было; в конце средних веков они существовали в крупных торговых пунктах южной Европы лишь в небольшом, медленно возраставшем количестве, а на севере они составляли настоящее исключение [1]).

Сословию местных оседлых купцов приходится бороться с другими общественными слоями [2]). Эта борьба отчасти направлена против вторжения извне, как, например, борьба за монополию на городском рынке: ее у местного купечества оспаривала пришлая торговля племенная и родовая, особенно же торговля промышленных племен, присылающих свой товар издалека, и торговля иноплеменных торговых наций, не имевших в городе права оседлости. Желание уничтожить подобную конкуренцию явилось побудительной причиной борьбы против евреев. В раннее средневековье в Германии не заметно никакой антипатии против них. Еще в XI в. шпейерский епископ привлекал

---

[1]) G. v. Below. Grosshändler und Kleinhändler im deutschen Mittelalter, в Probleme der Wirtschaftsgeschichte, Тюбинген 1920.

[2]) Ср. по поводу нижеследующего в особенности работы G. v. Below: Über Theorien der wirtschaftlichen Entwicklung der Völker. Der Untergang der mittelalterlichen Stadtwirtschaft, обе в Probleme d. Wirschaftsgeschichte; Mittelalterliche Stadtwirtschaft 1917 (во всех указания на дальнейшую литературу).

евреев в свой город, чтобы, как он говорил, увеличить его блеск. Только во времена крестовых походов через Европу прокатилась первая волна антисемитизма под двойным влиянием религиозной войны и еврейской конкуренции, хотя мы уже в античном мире находим антисемитические наклонности, как видно, например, из Тацита, который обвинял евреев в superstitio и, в качестве римлянина, презирал всякую восточную ἔκστασις, как нарушающую человеческое достоинство. Эта борьба против евреев и других инородцев, кагорцев, ломбардцев и сириян является симптомом возникновения национального купечества. Далее местные городские торговцы борются против деревенских купцов. Эта борьба кончилась в XV в. полной победой городского купечества; так, например, баварский герцог Людовик Богатый (1450—1479) прямо хвалился тем, что в своей стране с целью облегчения контроля, перевел деревенских купцов в города. Затем борьба направляется также против розничной торговли чужих купцов, причем она проводится в различных формах. Городские купцы во многих местах добились того, что чужим купцам разрешалось выставлять товар для продажи только в определенные дни. Непосредственная продажа потребителям была им воспрещена; повсюду также, в целях контроля, им запрещалось торговать между собой, и, наконец, их подчинили принудительным правилам о сбыте: раз они привезли товар на место, они были обязаны и сбывать его здесь же на месте, потребителям или местным купцам. Последние добились также возрастающего усиления контроля над приезжими. Против них установили назначение принудительного хозяина, т.-е. обязательство останавливаться, в интересах надзора, у определенных граждан (см. выше, стр. 140). Но так как вместе с этим надо было опасаться возможности запрещенных торговых сделок между гостем и хозяином, то устроили общественные склады и подворья и обязали чужестранцев жить там. Последние два мероприятия связаны друг с другом не постоянно, но все же очень часто. Пример тому нам дает fondaco dei Tedeschi в Венеции. Там каждый немецкий купец должен был и проживать и складывать весь свой товар. У фондако почти не было самоуправления; администрация ставилась городом, а сами купцы находились под контролем маклеров. Принудительное посредничество маклера, одно из самых действенных мероприятий упомянутого рода, препятствовало совершению торговых сделок между отдельными гостями и осуществляло надзор над сношениями между чужестранцами и туземцами. Таким образом, маклерство обязано своим возникновением монополистским тенденциям местного купечества и желанию города установить контроль над каждой отдельной сделкой чужого торговца. Маклеру не разрешалось совершать сделки за собственный счет и вступать в торговое товарищество; в качестве чиновника, он получал только сбор от сделок, подлежащих его контролю.

Вторым великим предметом борьбы, предпринятой торговцами, было достижение равномерности шансов внутри организации. Из товарищей, одинаково находящихся под защитой сообщества, у одного не должно было быть больше шансов на барыш, чем у другого; особенно это касалось розничных торговцев. Этой цели служили запрещение продажи и право соучастия. Первое препятствовало закупать товар у чужих торговцев, прежде чем он привозился в город. Если же какой-нибудь купец, обладая большим

капиталом, закупил больше товаров, чем другой, то вступало в силу право соучастия; оно гласило, что каждый торговец имел право потребовать, чтобы ему уступили часть этих товаров за возмещение их стоимости. Это предписание было терпимо только для розничных торговцев. Крупная же оптовая торговля, поскольку в ней совершались сделки с отдаленными местностями, не могла подчиняться таким правилам, если не желала отказаться от всякого дальнейшего развития. Отсюда и загорелась борьба, тем более ожесточенная, чем больше льгот крупные торговцы-оптовики сумели обеспечить за собой.

Третья борьба, в которую пришлось вступить местному городскому купечеству, была борьба за предпринимательский простор, как таковой. Дело в том, что купцы старались по возможности широко использовать свободу, которую город предоставлял для наживы. Отсюда возникла борьба за принудительное пользование дорогами и складочными местами, т.-е. за право принуждать чужих купцов ездить в определенное место по определенной дороге и сбывать свои товары в определенном, назначенном для этого городе или гавани. Это принуждение содействовало развитию торговли только в начале; без монополии, созданной им для определенных городов или дорог, при незначительности оборотов не оказалось бы возможным вообще создать техническую основу для торговли и покрыть издержки на устройство гаваней и дорог. Но это ничего не меняет в том, что для всех обеспечивших за собой эту монополию, прежде всего для городских сеньеров и государей, решающим моментом являлись чисто фискальные соображения. Каждый территориальный государь пытался войной приобрести в свою пользу складочное и дорожное право. Возникшие отсюда столкновения были в Германии особенно бурны в течение XIV и XV вв. Право, касающееся складочных мест и дорог (Stapel-und Strassenrecht), при этом составляло одинаково об'ект и средство борьбы. Раз определенный город обладал привилегией складочного места, то его сеньер мог наносить чувствительные удары и в политической борьбе, загораживая дорогу и препятствуя движению; особенно история англофландрских сношений в последние столетия средневековой эпохи полна примеров подобного рода.

Наконец, местное купечество вступает в антагонизм с интересами потребителей и в то же время раздваивается в собственной среде, смотря по тому, заинтересовано ли оно в местном сбыте или в торговле с отдаленными местностями. Для потребителя было выгодно покупать товары чужих торговцев по возможности из первых рук. С другой стороны, громадное большинство местных купцов было заинтересовано в том, чтобы регулировать сбыт с точки зрения выгод розничного торговца и все-таки, на ряду с этим, обеспечить себе возможность получения товаров издали. В конце концов, оказалось невозможно преследовать одновременно обе цели. С сознанием этого начинается отщепление категорий оптовых торговцев; этим вносится раскол в среду купечества, и интересы розничного торговца и потребителя начинают сближаться.

В. Ярмарочная торговля.

Правильная деятельность, как приезжего, так и местного купца, прежде всего имеет в виду потребителя. Рядом с нею выступает перед

нами ярмарочная торговля, представляющая собою первичный вид торга от купца к купцу. Так как в средние века преобладают розничные торговцы, заинтересованные только в местном рынке, то ярмарки, развиваясь, дали важнейшую форму для интерлокальной организации торговли. Характерным для них является то, что они посещаются не местными, а чужеземными купцами, прибывшими ad hoc, а затем, что на ярмарке торгуют только товаром, имеющимся налицо; в этом отношении она отличается от нынешней биржи, где совершается купля-продажа отсутствующих, часто даже еще не изготовленных товаров.

Типичный пример этого рода нам дают ярмарки в Шампани[1]). В четырех главнейших городах Шампани происходило каждый год шесть ярмарок, из которых каждая продолжалась по пятидесяти дней, включая сюда время, нужное для предварительных и расчетных дел, как, например, платеж по векселям и т. д., так что весь год, за исключением праздников, был заполнен этими шестью ярмарками в каждом из четырех городов. Для них выработана особая администрация; существовал ярмарочный суд (custodes nundinarum), составленный из одного гражданина, civis, и по вопросам о конвое товаров из одного рыцаря— miles. Впервые суд этот упоминается в 1174 г.; высшее развитие его значения относится к XIII и XIV столетию. По отношению к посетителям ярмарки суд обладал правом полицейского надзора и наказания и, в виде крайней меры, мог запретить виновному участвовать в торге. Такого права добивались и другие власти, как, например, церковь: не так уж редко случалось, что того или иного по политическим или фискальным причинам присуждали к отлучению, чтобы не допустить его к ярмарке, и такой участи, бывало, подвергались целые общины. Шампань достигла своего торгово-политического значения благодаря тому, что она лежала на путях между Англией, как страной, производившей шерсть, и Фландрией, как обрабатывающей ее, с одной стороны, и Италией, великим посредником в товарном обмене с Востоком, с другой. Поэтому между товарами, которые там продавались и покупались, первое место занимали шерсть и шерстяные изделия, особенно дешевое сукно. С юга взамен этого привозили товары высокой ценности, тонкую овечью кожу, пряности, квасцы, дерево редких сортов для обкладки мебели, краски для сукон, воск, шафран, камфору, резину, лак, другими словами, целый ряд продуктов из южных стран и с Востока. Ярмарка сукон была самая важная из всех ярмарок в Шампани и достигала наибольших оборотов. Там встречались всевозможные монеты со всей земли. Поэтому именно в Шампани впервые расцвела специальность денежного размена; она же была классическим местом, где производились уплаты по долговым обязательствам, особенно по долгам прелатов. Светский вельможа, не уплативший по долговому обязательству, в своем замке был фактически недосягаем для купца. Иное дело прелат, который всегда мог ожидать того, что духовное начальство отлучит его от церкви за нарушение слова. Основанная на этом особая кредитоспособность высшего духовенства нашла выражение в том, что значительная часть векселей выдавалась на имя

---

[1]) Ср. F. Bourquelot, Études sur les foires de Champagne (в: Mémoires de Académie des Inscriptions), Париж 1865; E. Bassermann, Die Champagner Messen, Тюбинген 1911; M. Brésard, Les foires de Lyon au 15 et 16 siècle, Париж 1914.

прелатов, при чем платеж, под страхом отлучения, должен был производиться самое позднее за четыре дня до начала нового расчетного периода на ярмарке. Этот порядок имел целью обеспечить купцов наличными деньгами для совершения ярмарочных сделок. Если давлением со стороны церкви прелата можно было принудить к производству платежа, то этому, с другой стороны, соответствовала большая безопасность денежных посылок на его имя, гарантией чего также являлась церковная кара: все это облегчало развитие кредитных операций между купечеством и духовенством.

Ни одна из других ярмарок того времени не приобрела такого значения [1]. В Германии пытались сделать из Франкфурта ярмарочный центр; правда, город постепенно развился в этом направлении, но никогда не достиг положения шампанских (или также лионских) ярмарок. В восточной Европе Новгород, а впоследствии Нижний-Новгород, являлся местом для товарного обмена между ганзейскими купцами и торговцами мехами и крестьянскими производителями России. В Англии [2]) существовало много ярмарочных городов; ни ни один не мог сравниться с ярмарками Шампани.

§ 4. Экономические формы производства торговли.

Рациональная торговля является средою, в которой принцип строгой отчетности возникает впервые, чтобы, в конце концов, приобрести решающее значение во всей хозяйственной жизни. Необходимость точного счетоводства прежде всего появилась повсюду там, где производилась торговля компаниями. В первое время торговля считалась с такими незначительными оборотами и таким большим барышом, что не было надобности в точном счетоводстве: цена была традиционно установлена, и торговец мог быть уверен в том, что продаст товар с большой прибылью. Только тогда, когда произошло соединение в торговые товарищества, пришлось в целях расчета приступить к тщательному ведению счетных книг.

Технические средства счисления были несовершенными почти до начала новой истории. Цифровая система [3]), которой мы ныне пользуемся, изобретена индийцами, передавшими ее арабам, после чего, вероятно, евреи перенесли ее в Европу. Но только во времена крестовых походов она фактически распространилась так широко, что могла служить общим средством счета. А без этой арифметической

[1]) Ср., напр., F. Rachfahl, Wilhelm von Oranien, I, Галле 1906, стр. 805 и след. (об антверпенской ярмарке); E. Hasse, Geschichte der Leipziger Messen, Лейпциг 1885; G. Wustmann, Geschichte der Stadt Leipzig, Лейпциг 1905; R. Häpke, Brügges Entwicklung zum mittelalterlichen Weltmarkt, Берлин 1908.

[2]) Об организации торговли в средневековой Англии: E. Lipson, An introduction to the economic history of England, I v, Лондон 1915, стр. 196 и след.; N. S. B. Gras, Evolution of the english corn market from the 12. to the 18. century, Кембридж (Гарвард) 1915, с дальнейшими указаниями литературы.

[3]) Ср. F. Woepcke, La propagation des chiffres indiens, в: Journal asiatique XVI (1863); A. Nagl, Über eine Algorismusschrift des XII Jahrhunderts und über die Verbreitung der indisch arabischen Rechenkunst und Zahlzeichen im christlichen Abendlande, в „Zeitschrift f. Mathematik u. Physik“, XXXIV (1889), historisch literarische Abteilung; W. Cantor, Vorlesungen über Geschichte der Mathematik, 3-е изд., Лейпциг 1907, I, стр. 707 и след.; L. Iordan, Materialien zur Geschichte der arabischen Zahlzeichen in Frankreich, Archiv f. Kulturgeschichte III (1905).

системы рациональное исчисление было невозможно. Все народы, производившие счет при помощи цифр, выраженных буквами, как народы античного мира и китайцы, наряду с этим должны были еще располагать механическим пособием для счисления. В античную эпоху и вплоть до последних времен средневековья этой цели служила счетная доска (abacus), употреблявшаяся долго и после того, как арабские порядковые цифры стали известны. Дело в том, что когда порядковая система проникла в Европу, на нее сначала смотрели как на предосудительный способ выигрыша нечистыми средствами, так как она давала преимущество конкуренту даже перед самым дельным купцом, не желающим ее применять. Поэтому сначала пытались запретить ее употребление, и даже передовые флорентинские цехи суконоделов на первых порах наложили на нее запрет. Но abacus затруднял деление, которое поэтому считалось сначала тайным искусством; дошедшее до нас флорентинские счета того времени, поскольку они проведены в цифровых буквах, неверны в составе трех четвертей или четырех пятых своего общего количества. По этой причине римские числовые знаки были сохранены для записей в торговых книгах, а сами счета фактически проводились арабскими цифрами. Около XV и XVI столетия порядковая цифровая система наконец получает и публичное признание. Первые учебники арифметики, пригодные для купца, написаны в XV в., между тем как более древняя литература по этому предмету, восходящая до XIII в., не достаточно популярна. Под руководством знакомства с порядковой цифровой системой развилось западное **счетоводство**. Оно не имеет подобного себе на всем свете, и даже в эпоху античного мира существуют только крайне несовершенные предшественники.

Европейский запад, и только он один, стал местом производства расчетов на деньги, в то время как Восток остался при натуральном счете (напоминаем о египетском переводном счете выражавшемся в зерновом хлебе) [1]). Правда, с счетоводством мы встречаемся и в античном банковом деле (у греческих τραπεζῖται и римских argentarii). Но записи у них носили документальный характер и велись лишь с тою целью, чтобы имегь возможность устанавливать законнным образом правовые отношения; поверка же доходности не входила в расчет. Настоящая бухгалтерия возникла только в средневековой Италии: в XVI в. некий немецкий приказчик отправился в Венецию, чтобы там научиться счетоводству. Бухгалтерия развилась на почве **торгового общества** [2]). Древнейшим носителем непрерывного торгового производства является повсюду семья; так было в Китае, Вавилонии, Индии, в раннем средневековьи. Сын хозяина торгового дома в силу вещей был сначала приказчиком, а позже компаньоном своего отца. Таким образом в течение столетия одна и та же семья могла производить денежные платежи и

---

[1]) См. выше, стр. 51.

[2]) Ср. A. Kleukhohn, Zur Geschichte der Handelsgesellschaften und Monopole im Seitalter der Reformation (b: Historische Aufsätze dem Angedenken an Georg Waitz gewidmet, Ганновер, 1886); M. Weber, zur Geschichte der Handelsgesellschaften im Mittelalter, Штуттгарт 1889; W. Heyd, Beiträge zur Geschichte des deutschen Haudels. Die grossen Rabensburger Gesellschaften. Штуттгарт, 1890; F. Keutgen, Hansische Handelsgesellschaften vornehmlich des 14 Jahrhunderts (Vierteljahrsschrift f. Sozial-u. Wirtschaftsgschichte IV, 1906); E. v. Roon-Bassermann, Sienesische Handelsgesellschaften des 13 Jahrhundert, Маннгейм, 1912.

давать разные ссуды, как, например, уже в Вавилонии дом Игиби в VI-ом веке до Р. Хр. Правда, здесь дело касается не широко расчитанных и сложных предприятий, как ныне, а только сделок несложного свойства. В связи с этим характерно, что у нас нет более подробных сведений о счетоводстве ни вавилонских, ни индийских торговых домов, несмотря на то, что по крайней мере, в Индии была известна порядковая цифровая система. Причину нужно искать, вероятно, в том, что там, как и вообще на всем Востоке и в Китае, торговая ассоциация оставалась семейным делом, и поэтому не было нужды в отчетности. Типичной почвой для торговых ассоциаций с лицами, не принадлежащими к семье, станет только европейский Запад.

Первичной формой соединения в товарищество является форма единичных торговых сделок: это—commenda [1]). Частое заключение подобных сделок могло привести к постоянным предприятиям. Такое развитие действительно имело место, но с характерными различиями между югом и севером Европы. На юге путешествующий купец постоянно является предпринимателем, которому вручается комменда, так как его нельзя было контролировать вследствие многолетних его странствований на Востоке. Он сделался предпринимателем, брал комменды с различных сторон (до десяти или двадцати) и производил особый расчет с каждым лицом, давшим ему комменду. На севере же, наоборот, предпринимателем постоянно являлся компаньон, остававшийся дома; он являлся лицом, стоявшим в связи с несколькими путешествующими компаньонами и давал им комменды. Путешествующему же фактору, напротив, запрещалось принимать несколько комменд; тем самым он очутился в зависимости от товарища по торговле, остававшегося дома и превратившегося по указанным мотивам в руководителя предприятия. Причина такой разницы лежит в разнородности северной и южной торговли; на юге путешествия были сопряжены с гораздо бóльшим риском, так как вели купца на Восток.

С распространением торговых дел в форме комменды развиваются постоянные производительные предприятия. Прежде всего, благодаря торговой связи с лицом, принимавшим комменду и не принадлежавшим к семье, в семью проникает практика счетоводства, так как по поводу каждой отдельной сделки надо было производить расчет, даже если к комменде принадлежал член семейства [2]). В Италии это развитие совершилось быстрее чем в Германии, а здесь, в свою очередь, юг предварил север. Фуггеры еще в XVI столетии, правда, принимали в свое предприятие чужой капитал, но очень неохотно чужих компаньонов [3]). В Италии же ассоциация с чужими на основании общего домоводства распространилась в возрастающей мере уже в XIV веке. Первоначально при этом не происходило никакого разделения между домохозяйством и предприятием. Оно установилось только постепенно на базисе средневекового денежного счета, в то время как в Индии и в Китае, как мы видели, такого разделения не знали. У крупных флорентинских торговых домов, как напр., у Медичи, первоначально расходы по хозяйству и денежные дела с папами вносились в книги вперемежку; расчет производился сначала только с чужими по делам ком-

[1]) Ср. выше стр. 136 след.
[2]) См. выше стр. 136.
[3]) Вельзеры в этом вопросе держались более широких взглядов.

менд, а внутри сем все оставалось в большом котле общего домохозяйства.

Решающим моментом для отделения счетов по хозяйству от делового торгового счетоводства и вместе с тем для развития ранне-капиталистических учреждений стала впервые потребность в кредите. Такой потребности не было, пока покупали только на наличные деньги; когда же вошли в обыкновение сделки, расчитанные на долгий срок, то вместе с тем возник вопрос о гарантиях кредита. Для обеспечения его применялись следующие средства. Во-первых, поддерживалось общее домохозяйство даже с отдаленными родичами, и тем сохранялось нераздельным все родовое имущество; для такой цели и сооружались, например, palazzi крупных торговых семейств во Флоренции. Во-вторых, установили солидарную ответственность участвующих в общем хозяйстве. За каждый долг одного из членов общего домохозяйства отвечали все остальные члены. Круговая порука, вероятно, возникла на почве практики уголовного судопроизводства, так как в случаях, например, государственной измены дом виновного разрушался, и единство семьи, оказавшейся запятнанною, таким образом разрывалось. Вероятно, отсюда круговая порука перешла в гражданское право. Когда в семейное сообщество, в целях торговли, извне проникал капитал или чужие лица, порука возобновлялась на неправильные промежутки времени. Вместе с этим возникла необходимость в договорном установлении того, какая часть потребления должна причитаться каждому отдельному члену, и кто является представителем дома. По существу, семья повсюду ответствует за общего отца; но нигде принцип круговой поруки не развился с такой последовательностью, как в торговом праве Западной Европы. В Италии эта порука выросла на почве общего домоводства; отдельными стадиями ее развития являются общее сожительство, общая мастерская, наконец, общая фирма. Не так происходило на севере, где не знали общения в семейном имуществе в крупных размерах; здесь потребность в кредите удовлетворялась таким образом, что все участники торгового предприятия совокупно подписывали документ, определяющий взаимное ручательство. В таком случае, каждый отдельный компаньон, по большей части, без всяких ограничений, отвечал за долги всей фирмы, а не наоборот, не фирма за обязательства отдельного члена. В конце концов одержал верх тот принцип, что каждый компаньон несет ответственность за другого, даже если он не подписал документа. В Англии для той же цели пользовались общей печатью или доверенностью. Солидарная ответственность всех компаньонов за долги общей фирмы установлена в Италии с XIII, на севере с XIV столетия. Наконец, в качестве прочно утверждавшегося вместо всех остальных и самого действенного средства для обоснования кредитоспособности, устанавливается выделение особого имущества торгового общества, обособленного от частного имущества компаньонов. Это выделение мы находим в начале XIV в. во Флоренции, к концу того же столетия и на севере. Оно стало неизбежным с тех пор, как в торговое общество в возрастающей мере принимались лица, не принадлежавшие к одному семейству; впрочем, оно сделалось неизбежно и внутри семьи, если она продолжала принимать в дело чужой капитал. Теперь в книгах различают между приходом и расходом, с одной стороны, для фамильной торговли, а с другой, для частного домохозяйства, причем в основу предприятия уже кладется определен-

ный денежный капитал: рука об руку с иму[illegible]мы, для которого встречается наименование corpo dell[illegible] развивается понятие капитала. В отдельных случаях это [illegible]шло совершенно различными путями. На юге—и не только [illegible]и, но и в Германии, как напр., у Фуггеров и Вельзеров—его [illegible] были крупные семейные торговые дома, на севере же—более мелкие единицы, семейства в тесном смысле, товарищества мелких торговцев. Решающим моментом было то, что средоточие крупного денежного обращения и финансового могущества находились на юге, так же как и центр тяжести торговли металлами и сношений с Востоком, в то время как север остался местопребыванием мелкого капитализма. Поэтому и формы товарищества, развившиеся здесь и там, совершенно отличались друг от друга. Типом южного торгового общества было **товарищество на вере** (коммандитное), при котором один из участников вел дела под личной ответственностью, а другие участвовали вкладами и получали свою долю из вырученной прибыли. Причина такого развития лежит в том, что на юге путешествующий купец, получавший комменду, являлся типичным предпринимателем; когда он становился оседлым, он превращался в владельца постоянного предприятия, принимавшего форму комменды. На севере все происходило наоборот. Документы ганзейского союза, на первый взгляд, производят такое впечатление, как будто там вообще не существовало постоянных предприятий, и торговля распадалась на массу кратковременных случайных товарищеских соединений и необозримый ряд беспорядочно перемешанных отдельных сделок. В действительности же эти единичные сделки являлись звеньями постоянных предприятий и только вели расчеты по-одиночке, так как итальянская (двойная) бухгалтерия была введена здесь только позже. Эта торговля производилась в формах именовавшихся Sendeve и Wedderleginge [1]. В первом случае, путешествующему купцу дают с собой комиссионный товар за известную долю барыша; во втором, его желают заинтерсовать в деле тем, что в его пользу приписывается капитал из заключенных им сделок.

§ 5. Купеческие гильдии.

K. **Hegel**, Städte und Gilden der germanischen Völker im Mittelalter, 2 т.т., Лейпциг 1891; Ch. **Gross**, The Gildmerchant, 2 т.т., Оксфорд 1890; M. **Pappenheim**, Die altdänische Schutzgilden, Бреславль 1886; A. **Doren**, Untersuchungen zur Geschichte der Kaufmannsgilden des Mittelalters, Лейпциг 1893; Lipson, l. c., стр. 238 след.; дальнейшая литература к истории западноевропейской гильдии у R. **Schöder'a**, Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte, 6-е изд., I т. (Лейпциг, 1919; стр. 689 сл.—H. B. **Morse**, The Guilds of China, Лондон 1909; относительно Индии см. M. **Weber**, Gess. Aufsätze zur Relegionssoziologie, II, стр. 84 и след. и приведенные там работы W. **Hopkins'a**.

Гильдия не была специфически германским явлением. Она распространена была по всей земле; только от античного мира нет точных сведений о ее существовании; во всяком случае, она там не играла политической роли.

По своей форме гильдия является или союзом купцов на чужбине, в целях правозащиты против туземных жителей, или же союзом мест-

---

[1] Ср. W. **Schmidt-Rimpler**, Geschichte des Kommissionsgeschäft in Deutschland (Halle, 1915).

ных купцов; в последнем случае она развивалась на почве племенного промысла и племенной торговли, как, напр., в Китае. Встречается и сочетание обеих форм.

На Западе мы прежде всего находим гильдии чужеземцев, носящие местный характер; так, например, до XIII и XIV века существовала гильдия немецких купцов в Лондоне, создавших себе там особый складочный дом—„Stahlhof". Интерлокальный характер носили ганзы—это наименование встречается в Германии, Англии и Франции—техническое развитие которых в отдельных местностях протекало различным образом. В тесной связи с ними стоит институт ганзграфа, встречающийся в целом ряде городов. Ганзграф—это должностное лицо, назначенное или, по крайней мере, допущенное государственною властью; в его обязанности входило блюсти в сфере интерлокальных торговых сношений правозащиту купечества, представителем которого он являлся, но в форму самой торговли он не вмешивался. Для второго типа гильдии, гильдии оседлых купцов, назначением которой является монополизация местной торговли, мы находим пример в Китае—в гильдии чайных торговцев в Шанхае, другой—в гильдии Ко-хон в Кантоне, тринадцать фирм которой управляли до нанкинского мира (1842) всей внешней торговлей чаем в виде монополии. Китайская гильдия по отношению к своим членам имела права регулирования цен, поручительства за долги и наложения сборов. Ее карательное правосудие носило драконовский характер; неповинующихся членов подвергали суду Линча; еще в XIX веке встречались случаи смертной казни за превышение максимально допущенного числа учеников у мастера. В своей внутренней торговле Китай знал гильдии банкиров и купцов, занимающихся своим делом в пределах страны; такова, например, была банкирская гильдия в Нючване. Китайские гильдии сыграли крупную роль в развитии валюты страны. Ухудшение монеты во время монгольских императоров повлекло за собою упадок всего монетного дела. Обращение кредитных билетов привело к тому, что серебром, как средством обмена в крупных торговых делах, пользовались в виде слитков, штемпелевание которых взяли в свои руки гильдии. Таким образом, гильдия стала носителем валютной политики; ей было предоставлено установление меры и веса; она же присвоила себе право уголовного суда. В Индии гильдии возникают в эпоху буддизма, от VI до IV в. до Р. Хр. и достигают высшего расцвета начиная с III столетия. Они представляют собой родовые об'единения торговцев с наследственными начальниками; высшего развития они достигли тогда, когда сделались кредиторами боровшихся между собой отдельных князей, а падение их последовало благодаря вторичному возвышению каст; последние отчасти были подавлены буддизмом, но княжеская политика, начиная с индийского средневековья, их снова усилила. Таким образом, каста ламани или банджари, бывшая в XVI в. носительницей торговли зерном и солью и поставщиком армии, может быть, является одним из родоначальников нынешней касты бания (торговцев). На ряду с этим в Индии находим распределение видов торговли по конфессиональным группам, представленным сектами. Секта джайна, по ритуальным причинам, ограничивается розничной торговлей на месте; оптовая торговля и торговля с отдаленными местностями на основе кредита находилась в виде монополии в руках парсов, не связанных ритуальными рамками и являвшихся представителями надежности и честности; каста бания, на-

конец, занимается мелочным торгом и везде представлена там, где можно иметь барыш, предосудительный с этической точки зрения; поэтому ее члены занимались откупом податей, служебным ростовщичеством и т. д.[1]).

В противоположность Китаю, на Западе установление монеты, меры и веса всегда является прерогативой высшей политической власти; этим правом она или пользовалась сама, или передавала (жаловала) его другим политическим властям, но никогда не гильдиям. Могущественное положение гильдии здесь вполне основывается на привилегиях, дарованных государственной властью. Виды ее находим следующие: 1) Г о р о д с к а я г и л ь д и я. Это—союз торговцев, управляющий городом и, в частности, контролирующий в интересах хозяйства полицию промышленности и торговли. Она выступает в двоякой форме, представляет собой или военный союз, как, например, compania communis в Венеции и Генуе, или же отдельную корпорацию торговцев внутри города (mercadanza), возвысившуюся совместно с цехами. 2) Г и л ь д и я, к а к п о д а т н о й с о ю з. Это специфическое явление английской истории. Могущество английских гильдий основывалось на том, что они у короля откупали сбор податей (firma burgi). Только тот, кто платил подати, мог быть членом гильдии; кто не участвовал в платежах, стоял вне ее, а также не имел права вести торговлю. На основании такого положения, в функции английской гильдии входило предоставление права гражданства в городе.

В отдельных западно-европейских странах развитие гильдий пошло различным путем. Английская гильдия достигла вершины своего могущества в XIII веке. После этого периода она пережила ряд экономических переворотов. В XIV веке происходит о т д е л е н и е о т р е м е с л а: кто хочет остаться в гильдии, обязан под присягой отказаться от ремесленной деятельности. Одновременно внутри ремесленных цехов возвышаются торговцы и, в качестве livery company, т.-е. единственно полноправных членов, отделяются от более бедных ремесленников, которым не под силу тратиться на livery, на орнат или представительство[2]). Отделение оптовых торговцев от розничных в XVI веке еще не совершилось, но уже получила утверждение первая купеческая гильдия, устроенная для торговли с заграничными городами (merchant adventurers) [3]). Английское законодательство, впрочем, пыталось стеснять гильдии, по образцу цехов, позволяя их членам торговать только о д н и м товаром. Кроме того, в Англии над гильдиями всегда стояла сильная государственная власть, хотя в парламенте были представлены также и интересы купечества. Это привело к тому последствию, что город там никогда не достигал такой власти над негородским населением, как в Германии, и что деревенские торговцы и землевладельцы всегда имели доступ

---

[1]) См. выше стр. 129—130.

[2]) Ср. (кроме новейших резюмирующих трудов W. H e r b e r t, History of the twelve great livery companies of London, 2 т.т., Лондон 1836/7; P. F. F o x, Merschant tailors of Bristol, 1880; Alice G r e e n, Town Life in the 15. century, 2 т.т, Лондон 1894.

[3]) W. E. Lingelbach, The merchant adventurers of England, their laws and ordinances, Филадельфия 1902; S. van B r a k e l, Die Entwicklung und Organisation der Merchant-Adventurers, Vierteljarhrsschrift für Sozial-und Wirtschaftsgeschichte, V (1907); H. F. C r o h n - W o l f g a n g, Der englische Überseekaufmann im Zeitalter der Entdeckungen, Zeitschrift fur die gesammte Staatswissenschaft LXXVI (1921); J. L a t i m e r, History of the Society of the Merchant Venturers of Bristol, Бристоль 1903.

к гильдиям. В Италии развитие протекает внутри отдельных городов-государств. Цехи сохраняют здесь свой чисто местный характер; после того как система отдельных союзов одержала верх над консульским строем, внутри городов начинается борьба ремесленных цехов против купеческих. В Германии мы первоначально находим следы развития, аналогичного итальянскому. Симптомом для этого служит появление должности бургмейстера, который в первое время является незаконным старшиною цехов и в своем положении напоминает итальянского capitano del popolo. На ряду с этим, мы в многочисленных городах северной Германии наблюдаем течение, в силу которого хозяйственная политика города устанавливается гильдией торговцев, как было в Англии. В средней же Германии мы в целом ряде древних больших городов находим гильдию, неофициально управляющую городом; таково, например, было в Кельне положение „Richerzeche", гильдии богатых купцов, финансировавшей восстание против архиепископа, который принял тогда от горожан присягу против господина города, и затем господствовавшей над городом в течение долгого времени, с правом окончательного решения при принятии новых лиц в число горожан. Но наиболее распространенным порядком является в Германии наличность торговых цехов, между которыми выделяются розничные торговцы (Krämer) и так называемые Gewandschneider'ы. Последние, продававшие потребителям в розницу (отрезками) привозные сукна, сделались в маленьких городах севера господствующей гильдией. С ткачами им приходится почти непрерывно вести борьбу из-за рынка, но, по большей части, они одерживают верх, между тем как в больших городах патрицианские роды стоят выше них по социальному положению и значению.

О последовательной торговой политике городов, управлявшихся гильдиями, особенно же о такой политике союзов городов, в средние века не может быть и речи. Города не вели собственной торговли; она возникает только в начале XVI века. Политика немецкой Ганзы [1]) представляет собой исключение. Она одна последовательно проводила торговую политику, отличавшуюся следующими основными правилами: 1) только граждане ганзейских городов имеют право участвовать в торговых привилегиях, приобретаемых Ганзой; 2) союз старается взять в свои руки розничую торговлю в чужих странах и отказывается производить экспедиционную и комиссионную торговлю; в этом стремлении он, правда, потерпел неудачу, как только (в Англии, Скандинавии, России) развилось местное торговое сословие; 3) в торговле ганзейцев должны употребляться только собственные корабли, нельзя нанимать чужих или продавать чужим ганзейские корабли и корабельные паи [2]); 4) ганзейцы занимаются только товарной торговлей, а не денежными и банкирскими операциями, как флорентинцы; 5) Ганза повсюду брала разрешения на устройство поселений и складов, чтобы держать под контролем своих собственных членов; все их деловые сношения были урегулированы строгими предписаниями; мера и вес были заранее установлены, с чу-

---

[1]) E. Daenell, Die Blütezeit der deutschen Hanse, 2 тт.; Берлин 1905—1906; A. Kiesselbach, Die wirtschaftlichen Grundlagen der deutschen Hanse und die Handelsstellung Hamburgs, Берлин 1907; K. Bahr, Handel und Verkehr der deutschen Hanse in Flandern während des 14. Jahrhunderts, Лейпциг 1911.

[2]) Это требование вызывало постоянный протест в Данциге, который боролся против стеснений в судостроительстве.

жими нельзя было производить кредитных операций, чтобы не допускать чужой капитал к действию внутри Ганзы; запрещался даже брак с лицами, происходящими из неганзейского города; 7) Ганза делает первую попытку к „стандардизации", т.-е. к торговле товарами постоянных видов (воском, солью, металлами, сукнами); 7) в отрицательном отношении у Ганзы не было таможенной политики; она знала только пошлины, установленные в целях войны; 8) ее внутренняя политика была направлена на то, чтобы, подавляя цехи, сохранить власть купеческой аристократии. В совокупности, эти правила образуют политическую систему, ориентированную на интересы местного купечества, ведущего торговлю с чужими странами.

§ 6. Деньги и история денег.

W. Ridgeway, The origin of metallic currency and weight standards, Кембридж 1892; E. Babelon, Les origines de la monnaie, Париж 1897; G. Schurtz, Grundriss einer Entstehungsgeschichte des Geldes, Веймар 1898; W. Lotz, Die Lehre vom Ursprung des Geldes в „Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik", LXII (1894), касательно методологии: H. Halke, Handwörterbuch der Münzkunde, Берлин 1909; A. Luschin von Ebengreuth, Allgemeine Münzkunde und Geldgeschichte des Mittelalters und der neuern Zeit, Мюнхен, и Берлин, 1904; W. A. Shaw, The history of currency 1252—1894, Лондон 1895; относящиеся сюда прекрасные статьи („Gold", „Währungsfrage", „Silberwährung" и т. д.) W. Lexis'a, в „Handwörterbuch der Staatswissenschaften", 3-е изд. Обобщающие труды по теоретическим вопросам валюты: J. L. Laughlin, Principles of money, Лондон 1903; F. G. Knapp, Staatliche Theorie des Geldes, 3-е изд., Мюнхен 1921; M. Palyi, Der Streit um die staatl'che Theorie des Geldes, Мюнхен 1922.

Исторически деньги являются творцом индивидуальной собственности; этим качеством они обладают с самого начала, и, наоборот, нет такого об'екта, носящего характер денег, который не представлял бы вместе с тем характера индивидуального имущества.

Древнейшей индивидуальной собственностью являются предметы, которые отдельный человек сам для себя изготовил; это—орудия и оружие у мужчин, предметы украшения у мужчины и женщины. Они переходят от лица к лицу по особому праву наследования; в этой области мы должны прежде всего искать зачаточные формы денег.

У нас деньги выполняют две главных функции: они служат установленным платежным средством и всеобщим средством обмена. С исторической точки зрения, первая функция предоставленного властью платежного средства, является более древней. В этой стадии деньги не являются орудием обмена; такое свойство возможно потому, что и система хозяйства без обмена знает отношения или услуги между отдельными хозяйствами, не основывающиеся на обмене, но все же требующие наличия платежных средств: таковы дани, подарки вождю, выкуп за жену, приданое, вира, пени, штрафы, т.-е. взносы, производимые установленными платежными средствами. Только в качестве вторичного явления, к этому примыкали не подарки вождю от подданных, но дары дружине от вождя, жалованье, которое сеньер дает вассалам в форме дара, и еще позднее плата наемному войску со стороны его предводителя. Даже в таком городе, как Карфаген, тем более в персидском государстве, чеканка монеты ведет свое начало от необходимости изготовлять именно платежные средства для войска, а не просто орудия обмена.

На этой ступени развития нечего искать денег единого образца в нынешнем смысле; в каждой отдельной области хозяйства различным видам услуг соответствуют определенные виды предметов или благ, которым присваиваются платежные функции; вследствие этого, специфические, но разнородные деньги самостоятельно существуют друг подле друга. Например, нигде и никогда нельзя было купить жену в обмен на раковины, но всегда только в обмен на скот, между тем как при мелких оборотах брались и раковины, потому что они представляли более дробные единицы. Деньги, ведущие свое начало от таких мелких платежных обязательств, назовем деньгами внутреннего обращения.

Дальнейшая функция, которая ныне менее характерна для денег, но которую они выполняли в продолжение долгих исторических периодов, это функция их, как средства для накопления казны. Вождь, желавший удержаться в своем положении, должен был быть в состоянии содержать свою дружину и награждать ее при особых случаях подарками. Поэтому везде так высоко ценят thesaurus, которым обладает каждый индийский раджа и каждый меровингский король; сокровище Нибелунгов—не что иное, как такой thesaurus. Как матерьял для образования казны при этом употребляются определенные предметы, которыми государь обычно одаряет своих дружинников, и которые вместе с тем в широкой мере совпадают с предметами, ценящимися в обыкновенной жизни в качестве средств для производства платежей. И в этом случае деньги также не являются орудием обмена, а лишь постоянным имуществом с сословным характером. Кто им владеет, хранит его в целях престижа и для того, чтобы питать им свое социальное самочувствие. При такой функции деньги, правда, не нуждаются в удобопереносимости, одном из самых важных свойств, которые ныне от него требуются; но они должны отличаться прочностью. Слоновые клыки, гигантские камни особой породы, впоследствии золото, серебро, медь, металлы всякого рода,—все это служить в качестве денег и средства накопления сокровищ. Этот сословный или групповой характер денег находит выражение в следующих фактах: на первобытных ступенях развития деньги дефференцированы, смотря по полу обладателя, так как женщина не может владеть тем же денежным благом, как мужчина; так, например, владение определенными арагонитными камнями предоставлено мужчинам, между тем как жемчужные раковины являются исключительно деньгами женщин и даются им в приданое. Далее встречается сословное разделение денежного имущества на деньги, употребляемые вождем, с одной стороны, и обыкновенными членами племени, с другой. Только племенной вождь имеет право приобретать раковины определенной величины, владеть ими и расходовать их в случае войны и в виде подарка.

Функция денег в качестве всеобщего средства обмена получает свое начало в внешней торговле. Одним из ее источников является постоянный обмен подарками между двумя странами; тель-эль-амарнские таблицы свидетельствуют о таких сношениях между Египтом и азиатским Востоком. Состояние мира между двумя державами предполагает регулярные взаимные подарки со стороны их правителей; это обмен между вождями, похожий на торговлю, и из него развивается торговля вождей. Когда подарки прекращаются, это означает войну. Другой источник—это товар иностранного происхождения, при-

обретающий широкое распространение. Типичная родовая и племенная торговля присваивает определенным, не имеющимся на месте и поэтому ценным товарам, функцию менового средства. Эти деньги внешнего происхождения могли обращаться внутри страны в тех случаях, когда нужно было производить платежи, связанные с торговлей; сюда, например, относятся пошлины или подорожные сборы: вождь давал конвой, но он должен был соглашаться на то, чтобы купцы платили теми средствами, которые они привезли с собой. Таким путем деньги внешнего обращения впервые проникли во внутреннее хозяйство.

На такой ступени развития функцию денег принимают следующие разнокачественные предметы: 1) Предметы украшения. Типичными для них являются раковины каури в Африке и в странах, прилегающих к Индийскому океану вплоть до глубин Азии. Рядом с ними стоит множество предметов, употребляемых в различных пределах как платежные средства или орудия обмена: стеклянные бусы, янтарь, кораллы, слоновые бивни, скальпы определенного вида. Первоначально деньги в форме предметов украшения всегда были деньгами внутреннего обращения; только в силу того, что различные племена пользовались одним и тем же платежным средством, они превратились в средства обмена. 2) Предметы потребления. Первоначально такие деньги были, по большей части, деньгами внешнего обращения. В качестве средства, которым определялось каким-либо способом платежное обязательство или измерялось другие блага, встречаются предметы общего потребления, как, например, скот, рабы или, как на острове Ява, зерновой хлеб; но, в большинстве случаев, эту роль исполняют не такие предметы общего пользования, а предметы роскоши: табак, водка, соль, железные орудия, оружие. 3. Предметы одежды, которые первоначально могут функционировать в качестве денег, как внешнего, так и внутреннего обращения. Деньги в форме одежды встречаются в виде мехов, шкур, тканей, не изготовляемых на месте. 4) Денежные знаки. При условиях, которые еще не имеют ничего общего с современным денежным обращением, встречается следующее явление: раз люди привыкли к социальной оценке определенных предметов в качестве об'ектов имущества или к производству ими определенных платежей, то может случиться, что денежная функция пристанет к простым знакам (символам), которые сами по себе не имеют ценности. Так, например, в британском Индо-Китае китайские игральные марки получали курс в качестве денег; в России существовали меховые деньги, кусочки меха, не имеющие ценности предметов пользования; таким же образом на юге вместо полных кусков бумажной ткани пускали в оборот полосы ткани такой формы, которая не могла иметь действительной ценности для обмена, но все же они приобретали способность функционировать в виде денежных знаков.

Так как на такой стадии постоянно находится в обращении не одно платежное средство, а одновременно пользуются несколькими, то становится необходимым производить между ними тарифную расценку. Для них устанавливается скала ценностей, причем обыкновенно это делается не так, чтобы одно из них приравнивалось к нескольким другим, а таким образом, чтобы несколько предметов одного разряда совместно с несколькими другого или различных других разрядов составляли одну платежную единицу. Так, например, на острове Ява платежная единица образуется из известного камня высокой ценности и двадцати перла-

мутровых раковин. Об индейцах, живущих на р. Миссури, рассказывают, что за жену у них давали: два ножа, пару панталон, одно одеяло, ружье, лошадь и кожаную палатку. Это означает, что жена равноценна полному снаряжению индейского воина и за эту цену продается своим племенем. Отсюда следует, что основой для такой расценочной скалы служат не чисто экономические качества, а ценность благ, как предметов пользования, их традиционно-установившаяся социальная значимость и, наконец, потребность в круглых цифрах, с которыми легко обращаться. Среди последних особенную роль играют числа, делимые на десять; так, например, существуют племена, у которых десять кокосовых орехов соответствуют определенному количеству табаку, триста зубов дельфина—цене жены [1]). Равным образом не имеют ничего общего с экономической оценкой виры, пени и всякие другие платежи, фиксированные в деньгах: они связаны исключительно с социальной оценкой. Если вира за убийство свободного франка составляла 200 солидов, то такая сумма назначалась только потому, что ее нужно было установить в определенном отношении к вире за полусвободного или невольника. В этих нормах находит выражение только установленная традицией социальная оценка. Как только распространяются экономические формы меновых отношений—что случилось уже в раннем средневековьи,— вира уже далеко не служит мерилом требований о возмещении потери, но остается типическою формою по старине, причем сплошь и рядом происходит, что пред'является иск на большую сумму. Расценка в денежном благе далеко не всегда означает, что платеж должен производиться в том же денежном благе: это только норма (standart), которой измеряется платежное обязательство отдельного лица. Платеж производится исключительно по мере состоятельности повинного, „in quo potuerit", а не по таксе, которая, в свою очередь, представляет собою только традиционно установившуюся норму платежных обязательств для вознаграждения за понесенные убытки.

Из вышеизложенных условий развивается особое положение благородных металлов, как нормальной основы денежного строя. Оно просто обусловлено технически [2]). Благородные металлы мало окисляются, поэтому нелегко портятся; они в силу своей относительной редкости особенно высоко ценились в виде предметов украшения и, наконец, сравнительно легко поддаются обработке и раздроблению. Решающим оказалось то, что их легко было взвешивать, и что весы по отношению к ним применялись очень рано. В качестве древнейшего противовеса им, повидимому, употреблялось хлебное зерно. Само собой разумеется, что благородные металлы употреблялись также в форме предметов пользования; но, главным образом, они все же служили платежным средством, причем эту роль они исполняли еще раньше, чем стали орудием обмена. В качестве последнего, они впервые встречаются в торговых сношениях вождей: тель-эль-амарнские таблицы доказывают, что государи передней Азии ожидали от фараона, главным образом, посылок золотых предметов украшения. Обыкновенной формой

[1]) Эти превратившиеся в типы и стереотипы скалы ценностей, характерные для внутренней торговли, подвержены были колебаниям, если какая-нибудь из платежных ценностей изготовлялась в количестве, превышающем потребность; такое перепроизводство, например, систематически происходит в бассейне Нигера у определенных племен в обмен предметов, которые у других племен носят характер денег.

[2]) Ср. также W. W. Carlile, Evolution of modern money, Лондон 1901.

княжеского подарка дружине было золотое [illegible] кальдов короля прямо называют дарителем колец. В [illegible] деньги появляются впервые в VII веке до Р. Х. Древнейшие монетные дворы находим в Лидии, вероятно, у побережья; они обязаны своим возникновением взаимным сношениям между лидийским царем и греческими колониями. Предвестником чеканенных денег были слитки благородного металла, частным образом отштемпелеванные купцами; в таком виде они появляются в индийском денежном обращении, а затем также в Вавилонии и в Китае: „шекель"—это не что иное, как кусок серебра, снабженный штемпелем определенной семьи купцов, известной своей добросовестностью при взвешивании, а китайский „таэль" представляет собою серебряной слиток, штемпелеванный купеческими гильдиями. Только впоследствии государственная власть взяла в свои руки чеканку и вскоре также захватила на нее монополию. Это, повидимому, случилось уже в Лидии. Персидский великий царь чеканил свои дарейки в качестве средства оплаты для своих греческих наемников. Монета, как средство обмена, была введена в товарное обращение эллинами. Карфаген, в свою очередь, перешел к чеканению монеты только триста лет после ее изобретения, и даже тогда не с той целью, чтобы приобрести средства обмена, а только в видах получения платежных средств для своих наемных войск. Вообще, вся финикийская торговля была внеденежным обменом, сильнейшая позиция эллинской торговли отчасти обоснована именно техническими преимуществами принятой греками монетной системы. Рим, отличавшийся в древнейшие времена своего существования полной пассивностью торговли, тоже перешел к чеканке монет поздно, а именно на первых порах к чеканке меди. Чеканку из благородных металлов допускали в Капуе, между тем, как в самом Риме обращались различнейшие сорта монеты, пока в 269 г. до Р. Х. не перешли к чеканению серебряных монет. В Индии чеканка встречается впервые в V веке до Р. Хр., причем она была введена под влиянием Запада; но технически действительно годные монеты можно найти только после эпохи Александра Македонского. Как происходило дело в восточной Азии неясно; возможно, что там чеканение изобретено самостоятельно. Вследствие того, что мандарины в течение долгого времени выпускали монету низкого качества, в настоящее время в Китае ограничиваются чеканкой медной монеты.

Техника изготовления монеты [1]) до XVII века имеет мало общего с нашим современным способом. В античную эпоху монету отливали, в средние века „выбивали", т.-е. чеканили. Но до XIII века это было чисто ремесленным производством. Монета постепенно проходила через руки не менее десяти или двенадцати ремесленников, работавших ручными средствами. Расходы по этому производству были чрезвычайно велики. При мелких монетах они составляли четверть действительной стоимости, в XIV и XV веке все еще 10%, между тем, как ныне считают столько то десятых процента. Поэтому даже у лучших сортов монет наблюдалась неточность в весе; даже у английской золотой кроны отклонения достигали 10%, несмотря на относительное совершенство этой монеты. В практике реагировали на этот

[1]) Ср. K. von Ernst, Die Kunst des Münzens von den ältesten Zeiten bis zur Gegenwart, Numismat. Zeitschr. XX (1888); A. Luschin von Ebengreuth и H. Halke (указаны выше, стр. 154).

недостаток в том смысле, что монету, по возможности, принимали только на вес. Что касается чистоты, то относительно верным ручательством за нее являлся оффициальный штемпель (проба). Первой сравнительно точной монетой, которая в то же время чеканилась в более или менее постоянном весе, был знаменитый флорентинский золотой флорин (с 1252 г.). Однако, чеканка, технически действительно надежная, начинается только в конце XVII века, хотя монетные машины применялись уже раньше.

Под термином **металлической валюты** мы ныне подразумеваем, во-первых, установление государством определенных монет в качестве платежного средства, либо в каком угодно количестве (валютная монета), либо до известного максимального предела (разменная монета); а во-вторых, в связи с этим, принцип свободной чеканки валютной монеты: это значит, что каждый получал право отдать валютный металл в монетный двор, чтобы ему там, за вычетом минимальных расходов по чеканке, изготовили монету для производства платежей в неограниченном размере. Валютная система может быть монометаллической и биметаллической. В последнем случае единственно возможным порядком ныне представляется так наз. **двойная валюта**, т.-е. установление твердого тарифного соотношения между обоими металлами (так, напр., в Латинском Монетном Союзе золото относится к серебру как $16^1/_2 : 1$). Вторым, в прежнее время более привычным исходом является **параллельная валюта**. Здесь, при фактически свободной чеканке, или вообще не существовало постоянного соотношения согласно тарифу, или же встречалась только периодическая тарификация, сопряженная с меняющимся соотношением ценностей. При выборе металла руководствовались потребностями соответствующего рынка. Для внутренних и местных сношений можно было пользоваться только валютным металлом не слишком высокой ценности; поэтому мы здесь встречаем серебро или медь или же и то и другую одновременно. При международных сношениях некоторое время можно было удовольствоваться серебром, что фактически и пришлось сделать; но при растущем значении этой торговли предпочли золото. Решающим моментом для установления того, в каком виде золото действительно будет обращаться, является его тарифная расценка по отношению к серебру: если один из этих металлов расценивался по тарифу ниже, чем этого требовал фактический запас, то в результате этого монеты, чеканенные в соответствующем металле, расплавлялись и в этом виде возвращались в оборот.

Развитие отношения ценности между отдельными металлами [illegible]руживает полную противоположность между восточной Азией, с [illegible] и условиями, характерными для передней Азии и Е[illegible] Замкнутость дальневосточных государств явилась причи[illegible]ой тарификации и создала возможность сохранять отношения [illegible]й, никогда не существовавшие на Западе. Так, например, в Японии золото временами расценивалось только пять раз выше серебра. На Западе же связь между отдельными культурами никогда вполне не прерывалась. В Вавилонии счет производился серебром, при чем государственной чеканки не существовало, а в обращении

---

[1]) Ср Ed. Meyer, ст. „Orientalisches und griechiesches Münzwesen в „Handwöterbuch, VI[3], стр. 824 и след.; Fr. Lenormant, La monnaie dans l'antiquité, 3 т. т., Париж 1879: U. Wilcken, Griechische Ostraka I (Лейпциг 1899, стр. 718 и след.).

были серебряные слитки, штемпелеванные ча[illegible] образом—шекели. Ценность золота сравнительно с серебром [illegible]тановлена в отношении $13\frac{1}{3}:1$, и такое отношение обоих ме[illegible] осталось основным для античного мира. Египтяне переняли ва[illegible]ие слитки серебра в форме дебена, но вели счет одновременно м[illegible]еребром и, наконец, золотом, при чем большие суммы уплачивались в золотой монете.

Решающее влияние на последние столетия античного мира и на варварскую эпоху до Меровингов оказала монетная политика Рима [1]. В начале здесь фактически господствует параллельная валюта, медная и серебряная, при чем старались поддерживать отношение 112 : 1. Решающим поворотом явился выпуск серебряного сестерция, равноценного одному фунту меди. Золото чеканилось исключительно в качестве торговой монеты, между тем как медь все более опускалась до степени разменных денег для нужд мелочного торга и тем самым исполняла функцию денежных знаков. Фактически чеканка находилась преимущественно в руках полководцев, имена которых почти всегда значатся на золотых и серебряных монетах уже во времена республики: чеканка производилась из материала военной добычи и служила не для хозяйственных целей, а для выдачи жалованья войскам. Первое окончательное урегулирование валюты началось с того времени, когда Цезарь принял власть. Он перешел к золотой валюте. Его aureus должен был содержать сто сестерциев серебром, при чем в основание исчисления было положено отношение 11, 9 : 1. Серебро, следовательно, немного поднялось в цене; это признак того, что на рынке чувствовалась повышенная потребность в нем. Aureus Цезаря держался до эпохи Константина. С серебром же производили различные эксперименты. Нерон выпустил неполноценный денарий, вследствие чего престиж aureus'а поднялся. Каракалла систематически занимался порчей монеты, как прибыльным делом, и его преемники, поднимавшиеся из солдатской массы, подражали ему в этом. Такая монетная политика (а не мнимый отлив благородных металлов в Индию или иссякание рудников) подорвала римскую денежную систему. Ее восстановление произошло благодаря деятельности Константина Великого. Вместо прежнего aureus'а он ввел золотой solidus, при чем из одного фунта (в 327, 45 гр.) он чеканил 72 монеты; в денежном обращении этот solidus, вероятно, принимали по весу. Золотой solidus пережил римскую империю.

В эпоху Меровингов он в германских государствах пользовался наибольшим престижем на прежней римской территории, в то время как восточнее Рейна обращались римские серебряные монеты более древнего происхождения, как, например, в новое время повторилось с талерами Марии Терезии в Африке. Господство Каролингов ознаменовалось перемещением политического центра тяжести с западной половины государства франков на восток; в отношении монетной политики это было связано с переходом от золотой к серебряной валюте, несмотря на то, что с Востока ввозилось тогда много золота. Карл Великий, после некоторых не вполне ясных мероприятий, положил в основание своей системы монетный фунт в 409 гр.—впрочем, это спорное предположение,—и чеканил из него двадцать серебряных солидов по две-

---

[1] Ср. Th. Mommsen, Geschichte des römischen Münzwesens, Берлин 1860; E. Babelon, Traité des monnaies grecques et romaines, I. 1. Париж 1901; B. Pick, ст. „Römisches Münzwesen в „Handwörterbuch" VI³, стр. 832 и след.

надцати денариев. Официально монетная система Каролингов,—последним остатком которой является английский счет на фунты стерлингов, шиллинги и пенсы,—сохраняла силу до конца средних веков, и вместе с нею почти на всем материке держалась серебряная валюта. Но вопрос валюты не был центральной проблемой при упорядочении монетного дела в средние века [1]; она была поставлена фактами экономического и социального характера, управлявшими монетным производством. Античный мир действительно осуществлял монетную монополию государства. Напротив, в средние века право чеканки передано многочисленным территориальным монетным дворам и их владельцам. Поэтому каролингская монетная система приблизительно с середины XI века сохраняет только обще-правовое значение. Монетная регалия, правда, осталась официально за королем (или императором); изготовление же монеты происходило ремесленно-цеховым путем, и рента от монетного дела шла в пользу отдельных владельцев монетной привилегии. Передача монетной регалии в руки отдельных привилегированных сеньеров была сопряжена с соблазном портить монету, и этим занимались князья в продолжение всего средневековья в крупнейших размерах. В Германии solidus понизился между XIII и XVI веками до одной шестой своей цены; то же самое произошло с английским денарием от XII до XIV века. Во Франции начали выпускать solidus grossus, толстую монету с чеканом на обеих сторонах, успешно конкурировавшую с тонкими денариями, которые в XII и XIII столетиях чеканились в Германии только с одной стороны („брактеаты"); но эта новая монета потеряла от XIV до XVI века шесть седьмых своей действительной ценности. Поэтому, когда Флоренция в 1252 г. выпустила золотой solidus весом $3^{1}/_{2}$ гр. (florenus, florin) и, поскольку это было возможно технически, повторяла его чеканку в том же достоинстве, это явилось крупным событием, составившим эпоху; везде привыкли к новой монете, которая стала всеобщей счетной единицей в торговле. Несмотря на это, наблюдалось сильное повышение цен на серебро; это можно об'яснить только тем, что на рынке, в силу развивавшегося денежного хозяйства, появился усиленный спрос на этот металл. До 1500 г. отношение серебра к золоту повысилось от $12^{1}/_{2}:1$ до $10^{1}/_{2}:1$. Рядом с этим происходили иррациональные колебания в взаимоотношении курсов, и наблюдалась различная расценка металла в слитках и в „pagamente" т. е. (металла в форме монеты). В крупной торговле вели счет по слиткам или флорентинским золотым флоринам; но в надобностях розничной торговли продолжали „обновлять" сорта монеты для данного случая. Причину этой порчи монеты нельзя искать исключительно в алчности владельцев монетной привилегии; она автоматически была вызвана тем, что разница в весе между экземплярами одного и того же сорта вследствие несовершенство техники доходила до 10%: только монеты, наименее удавшиеся, оставались в обращении, между тем, как полновесные тотчас же расплавлялись или же, в крайнем случае, отбирались и копились. К этому, правда, присоединяется алчность

[1] Ср. Th. Sommerlad, ст. „Mittelalterliches Münzwesen" в Handwörterbuch VI³ стр. 839, и след.; A. Soetbeer, Beiträge zur Geschichte des Geld-und Münzwesens in Deutschl. в „Forschungen zur deutschen Geschichte", I (1860), II (1862), IV (1864), VI (1866). K. Th. von Eheberg, Über das ältere deutsche Münzwesen und die Hausgenossenschaften (Лейпциг 1879); K. Th. von-Inama-Sternegg, Deutsche Wirtschaftsgeschiche III, стр. 363 и след.

владельцев монетной привилегии. Они пользо[illegible] своей монополией для того, чтобы выпускать новую монету, об'я[illegible]ельно и отбирать прежнюю. Но монета обращалас[illegible]ти, вн своей родной страны, и владельцам монетн[illegible]огда н удавалось действительно осуществить в пр[illegible] своей страны монополию, на которую они оффициально имели притязаний; только монетный союз (картель) между несколькими государями мог изменит такое положение дел. Таким образом, если не считать чекана и цен ности флорентинского флорина, средние века остались эпохой беспорядка в области монетного дела и денежного обращения.

Именно благодаря такому бессистемному состоянию, в монетном производстве сама собой устраивалась свободная чеканка. Так как владелец привилегии мог взимать монетную пошлину и таким образом получал доход от чеканки, то он старался направлять все запасы благородного металла в свой монетный двор. Лиц, обладавших благородным металлом, приглашали сдавать его для чеканки; запрещение вывоза было обычным явлением, так что горнопромышленники и участники в разработке серебряных рудников, повидимому, не имели выбора, отдать ли им свой металл в привилегированный монетный двор или нет. Но все эти мероприятия оказались безуспешны. Большое количество металла не только провозилось контрабандой, но владельцу привилегии, кроме того, приходилось уступать свой металл на договорных началах монетным дворам других владельцев, не имевших рудников; а затем этот металл опять возвращался в его область в виде чужой монеты. Торговля монетой в иррациональной форме существовала в продолжение всего средневековья, так как заранее нельзя было рассчитать спрос на отдельный сорт монеты, а кроме того, сильные колебания в размерах монетной пошлины препятствовали равномерному обращению, и только взаимная конкуренция владельцев привилегии принуждала их отказываться от повышения монетного дохода.

Начиная с XVI века, возрастающий прилив благородных металлов в Европу создал экономическую основу для установления более устойчивого положения в монетном деле; в этот период абсолютизма государство, хотя бы в западной части Европы, сумело покончить с многочисленностью владельцев монетной привилегии и их взаимной конкуренциею. До указанного момента Европа была областью длительного отлива благородных металлов на восток; только период крестовых походов, продолжавшийся около 150 лет, с его военной добычей, состоявшей из золота и продуктов высшей культуры, образовали собой некоторый перерыв. Теперь открытие морского пути в Индию, происшедшее благодаря деятельности Васко-де-Гама и Альбукерка, разрушило монополию арабов, как торговых посредников. Разработка мексиканских и перуанских серебряных рудников доставила в Европу большие массы американского благородного металла; к этому присоединилось изобретение рационального способа обработки серебра посредством амальгамации с ртутью. Количество добытого в Мексике и Южной Америке благородного металла вычислено для периода от 1493 до 1800 года в размере почти $2^1/_2$ миллионов килогр. золота и 90—100 миллионов килогр. серебра [1]). Увеличившееся производство бла-

[1]) Согласно Собееру и Лексису, не слишком расходящимся в своих вычислениях. Ср. A. Soetbeer, Edelmetallproduktion und Wertverhältnis zwischen Gold und Silber seit der Entdeckung Amerikas bis zur Gegenwart, Petermann's Geographische

городных металлов прежде всего было связано с увеличением числа серебряных монет. Теперь серебряная валюта действительно осуществилась в Европе на всем пространстве денежного обращения и достигла также счетного выражения; в Германии даже выпустили флорентинский золотой гульден, но в серебре (Ioachimstaler). Такое положение удержалось до открытия бразильских золотых приисков. Хотя их разработка продолжалась недолго (от начала первой до конца второй половины XVIII века), это золото всетаки господствовало над рынком и вызвало переход Англии к золотой валюте, против воли английских законодателей и, в частности, вопреки совету Исаака Ньютона. Начиная с середины XVIII века, добыча серебра опять заняла первое место и повлияла на французское законодательство революционной эпохи, явившись причиной французской двойной валюты.

Все же рационализация денежной системы еще не могла совершиться немедленно. Положение, господствовавшее до ее осуществления, можно определить таким образом, что обращались разнообразнейшие сорта монеты, но не деньги в современном смысле слова. Еще имперский эдикт о монете, изданный Фердинандом I (1559 г.), по необходимости разрешил обращение тридцати сортов чужой монеты: техническое несовершенство при производстве монет мелкого достоинства и обусловленный этим неслыханный размер колебаний действительной их ценности, в связи с высотою монетной пошлины, привели к тому, что в XVI веке в Германии ограничили платежную силу мелкой серебряной монеты; но это еще не означало, что ее превратили в разменную монету; создать последнюю рациональным образом удалось только английской валютной политике. Оффициальную счетную единицу представлял собою золотой гульден, выраженный в серебре,— Ioachimstaler. Фактически же в торговых сношениях совершилось следующее развитие. Начиная с XIII и XIV века, торговля эмансипируется от чекана благодаря тому, что вела счет в слитках, принимала монету только на вес, устанавливала платеж в монете определенного сорта (что имперскому правительству пришлось признать, как общую меру) и, наконец, перешла к расчету при помощи переводных банков (Girobanca). Прототип этих банков дал Китай. Здесь порча монеты привела к учреждению для нужд торговли переводных банков, принимавших вклады металлом. Была установлена серебряная единица веса, а платежи производились ордером в виде чека или же чеком на банк, где купец хранил свой фонд серебряных слитков; платили также натурой, раздробленными штемпелеванными слитками серебра (таэль), но этот способ не играл большой роли сравнительно с платежами посредством чеков. Таким образом были созданы банковые деньги, обеспеченные только количеством серебра, находившегося во владении соответствующих купцов, и служившего единственным платежным средством в кругу лиц, примкнувших к такому „переводному обращению“ (Giroverkehr). Этому примеру подражают на западе уже в XVI веке, как, например, в Венеции (банк на Риальто), в 1609 г. в Амстердаме (Wisselbank), в 1621 г. в Нюрнберге, в 1629 г. в Гамбурге. В таких банках счет велся только на вес, в уплату принимали только чеканенную монету. Личные счета

Mitteilungen, 67, дополнит, том, 1879, и W. Lexis, Beiträge zur Statistik, der Edelmetalle, Jahrbücher für Nationaloekonomie und Statistik, XXXIV (1880) стр. 361 и след.— Пятьдесят раз ниже расценивает эту добычу F. de Laiglesias, Los caudales de Indias en la primera metad del siglo XVII, Мадрид 1904.

были постоянно связаны с минимумом влож[illegible] также и платежи. Так, например, в Амстердаме ми[illegible]рдера составлял 300 гульденов; с другой стороны, [illegible]одить ни одного платежа на сумму выше 600 гуль[illegible] при посредничестве банка. В Гамбурге эта банковая [illegible]ота сохранилась до 1873 г. [1]).

Современная валютная политика отличается от валютной политики прошлых времен отсутствием фискальных соображений; все решается исключительно с точки зрения народного хозяйства и обусловлено тем, что торговля заинтересована в прочном базисе для счета капитала. В этом отношении, Англия шла впереди всех народов [2]). Серебро было первоначально в Англии фактическим платежным средством для всех внутренних сношений, между тем как международные сношения базировались на золотой монете, как счетной единице. Со времени открытия бразильских приисков, золото устремилось в Англию в возрастающих размерах, и параллельная валюта приводила английское правительство в все более затруднительное положение. Если золото становилось слишком дешевым, то оно уходило в монету, между тем как благодаря расплавке серебра в то же время подвергалось опасности обращение серебряных монет. Так как все платежи производились серебром, то капиталистические предприятия были заинтересованы в том, чтобы предотвратить отлив серебра. Английское правительство сначала пыталось поддерживать параллельную валюту разными иррациональными мероприятиями, пока оно в 1717 г. не решилось произвести новую, окончательную тарификацию, установив (при содействии Исаака Ньютона) типичную английскую золотую монету, гинею, в 21 шиллинг, хотя золото при этом и было расценено слишком высоко. Когда затем в течение XVIII века золото продолжало прибывать, а серебро постепенно исчезало, то правительство прибегло к решительным мерам противодействия. Золото было об'явлено валютным металлом, а серебро превращено в разменную монету; оно потеряло свою неограниченную платежную силу и всегда „легировалось“ (т.-е. вообще выпускалось не полноценным), так что опасность отлива из страны была устранена. Французское правительство, после различных экспериментов во время революции наконец перешло к двойной валюте на основе серебра; из десяти фунтов серебра чеканили тысячу франков ($222^2/_9$ монеты на килограмм), а тарифная расценка золота и серебра была произведена в тогдашнем отношении ценности $15^1/_2 : 1$. Так как в пределах Франции ощущалась чрезвычайная потребность в монете, большая, чем, например, в Англии, то, в силу этого, отношение ценности между серебром и золотом фактически оказалось очень устойчивым. Германия в течение XIX века, первые десятилетия которого были периодом убывающего производства металлов, была принуждена остаться при крупной серебряной монете, так как не существовало центральной инстанции, которая была бы в состоянии перейти к золоту. Правда, золото чеканили не только в качестве торговой монеты, но и в виде тарифицированной, особенно в Пруссии. Но эти попытки дать золоту

[1]) Ср. E. Levy von Halle, Die Hamburger Girobank und ihr Ausgang, Берлин 1891.

[2]) Ср. Ch. Jenkinson Lord Liverpool, A treatise on the coins of the realm, 3 изд., Лондон 1880; Ph. Kalkmann. Englands Uebergang zur Goldwährung im 18. Jahrhundert, Страсбург 1895; S. P. Breckinridge, Legal Tender. A study in English and American monetary history, Чикаго 1903.

другое положение в валютном деле остались безуспешны. Только военная контрибуция с Франции 1871 г. дала Германии возможность перейти к золотой валюте; этот шаг облегчался тем, что мировой запас золота сильно увеличился вследствие нахождения золота в Калифорнии, между тем как, с другой стороны, отношение ценности $15^1/_2:1$ было только слабо поколеблено. На таком положении основывается установление германской имперской марки$=^1/_3$ талера. Так как из фунта серебра чеканили 30 талеров, то отсюда следовало, что при отношении между обоими благородными металлами, равном $15^1/_2:1$, фунт золота соответствовал 1395 маркам.

§ 7. Денежные и банковые операции в докапиталистическую эпоху.

History of the banking of all nations, Лондон 1896; E. Lattes, La libertà delle banche a Venezia dal secolo XIII al XVII, Милан 1869; П. Sieveking, Genueser Finanzwesen mit besonderer Berücksichtigung der Casa di S. Giorgio, Фрейбург в/б 1898—1899; A. v. Kostanecki, Das öffentliche Kreditwesen im Mittelalter, Лейпциг 1899; R. Ehrenberg, Das Zeitalter der Fugger, 2 т.т. Иена 1896; A. Andreades, Histoire de la banque d'Angleterre, 2 т.т., Париж 1904.

В докапиталистическую эпоху [1]) там, где обращались деньги многих сортов, работа банков сводилась первоначально везде к меняльному делу. К этому присоединялась необходимость операций по производству денежных платежей, особенно платежей на расстоянии. Во всем античном мире, и в частности в Греции, мы, в качестве типичных банковых операций, встречаем прием поручений относительно платежей и выдачу кредитных документов путешествующим, как средство платежа на расстоянии; затем встречаются, правда, еще не современный вексель, но другие платежные средства, напоминающие нынешний чек. Далее, к древнейшим задачам банка относятся операции по хранению денежных вкладов (депозитное дело), как например в Египте [2]) где банкиры в широких размерах являлись управляющими чужими состояниями, а также в Риме. Где не было разных сортов монеты как в Вавилонии (а также в Китае и Индии)—операций по размену не существовало. Зато банкиры там штемпелевали серебряные слитки, обращавшиеся затем, как деньги (так, напр., таэли) и таким образом занимались операциями по производству денег. Затем банки в докапиталистическую эпоху занимались трансфертными операциями (переводами сумм со счета одного клиента на счет другого, во избежание уплаты наличными). Этот перевод предполагал, что клиент держал в банке постоянный фонд, отданный на хранение. В связи с этим мы уже в Вавилонии встречаем банковые билеты. Однако, нельзя думать, чтобы то были банкноты в современном смысле. Нынешний банковый билет обращается независимо от вклада

---

[1]) Ср. литературу, указанную в „Handwörterbuch der Staatswissenschaften", 3-е изд. II, стр. 359 сл. 368 сл.; кроме этого специально для античного мира: L. Mitteis, Trapezitika в „Zeitschrift der Savignystiftung für Rechtsgeschichte, XIX, 1898; J. Hasebrock, Zum griechischen Bankwesen, Hermes LV (1920), и указание литературы у Pauly-Wissowa, Realenzyklopädie der klassichen Altertumswissenschaft, II, стр. 709 сл.

[2]) Ср. литературу, указанную у L. Miteis и U. Wilcken, Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde, II, i, 258.

отдельного вкладчика. Вавилонские же билеты ... о средством для быстрого и надежного перевода плате... лиентов джиро-банка. Размеров этих древнейших ... ений мы не знаем. Во всяком случае надо остерегать... ять себе эти дела в слишком современном освещении [1]). Он... в большинстве случаев, предназначались исключительно для местного оборота и рассчитаны были на то, чтобы все происходило в кругу купцов; поэтому банковые билеты не представляют собою предмета обращения. В качестве специально вавилонской особенности из переводных операций развиваются ссудные операции банкира. Профессиональный банкир давал мелкий кредит (под залог или под поручительство). Это кредитное посредничество вызывалось недостатком монеты. Так как в серебряных шекелях вели только счет, но не платили, то в случаях платежа вступался банкир в качестве посредника, добивавшегося отсрочки (ведь, он также не был бы в состоянии доставить наличные деньги) и получавшего обеспечение, как лица, обязанного в будущем уплатить продавцу должное. Другой особенностью Вавилонии было то, что банкир по своей профессии доставлял кредит для комменд, т.-е. предпринимательский кредит; сохранился целый ряд коммендных актов в клинописи, в то время как в других странах античного мира мы нигде не находим примера таких кредитных операций. Причина лежит в том, что в местах, где господствует монетная система, банковое дело развилось из торговли деньгами, в Вавилонии же из денежно-кредитных операций.

Профессия банкира в Риме обнаруживает две особенности. Во-первых, банкир—что лишено интереса для историка-экономиста—по профессии является устроителем аукционов, а во-вторых, здесь впервые развиваются операции по текущим счетам в современном смысле; мы здесь встречаем вклад (receptum), признанный специфическим средством для уплаты долгов при помощи банкира. Эти операции, вероятно, и в Риме предназначались для того, чтобы создать однородные и надежные средства денежного платежа, так как чеканка серебра была введена только поздно, и количество чеканенной монеты зависело от размера военной добычи. Этой отсталостью римского монетного дела легче всего об'ясняется тот факт, что receptum и actio receptitia, ставившаяся только на наличности по текущему счету, приобрела такое большое значение и счетоводство банкиров там было упорядочено законом по единому образцу. В счетных книгах римских аргентариев говорится о поступлениях по счету и выдачах за счет, но не в смысле современной бухгалтерии. Для каждого клиента ведется особая книга, в которой записывается приход и расход (acceptum ferre, expensum ferre).

Эти записи являлись свидетельством того, что уплата действительно была произведена. Впрочем, о бухгалтерии аргентариев сохранилось слишком мало сведений, чтобы можно было дать более подробные указания.

Но банки античного мира только в исключительных случаях были частными предприятиями. С ними в широкой мере конкурировали храмы и государственные банки.

Античные храмы [2]) служили прежде всего депозитными кассами. Это их первоначальное назначение, поскольку они вообще являются

---

[1]) Как делает L. Goldschmidt, Universalgeschichte des Handelsrechts, I, стр. 51.
[2]) H. Maspero, Les finances de l'église sous les Lagides, Париж 1905.

банками, и в качестве депозитных касс они пользовались несравненно большей известностью, чем частные банкиры. Вклады в храмах были священным достоянием, и их нельзя было разграбить, не совершив святотатства. Дельфийский храм являлся местом хранения состояний для множества частных лиц и, в частности, был обычною сберегательной кассою для рабов. Многочисленные надписи свидетельствуют, что раб был выкуплен на свободу богом, в действительности, это делалось на средства, сбереженные рабом, отдавшим их в храм на хранение, чтобы уберечь их от своего господина. Подобную же функцию депозитных касс выполняли многие храмы в Вавилонии, Египте, Греции, между тем как в Риме они довольно рано утратили эту функцию. Поэтому античные храмы являлись крупными заимодавцами, особенно для государей, которые здесь находили более выгодные условия, чем у частных кредиторов. Правда, крупный заимодавец уже встречается в кодексе Гаммураби. Но, в общем, государственным местом хранения и выдачи денег были храмы, у которых также можно было заключать займы. Эту задачу выполнял в Вавилонии храм бога солнца в Сиппаре, в Египте—храм Аммона; государственной кассой аттического морского союза был храм Афины. Вторым конкурентом частных банкиров являлись государственные банки.

Превращение банкирского дела в государственное учреждение об'ясняется—там, где оно осуществлялось,—не злоупотреблениями (конкурсами) частных банкиров, как в средние века, а фискальным расчетом. Меняльное дело превратилось в весьма доходную статью; кроме того по политическим соображениям казалось выгодным держать в своих руках, по возможности, больше вкладов частных лиц. Поэтому почти во всех эллинистических государствах, особенно в Египте эпохи Птоломеев, практиковалась царская банковая монополия. Задачи современного государственного банка—эмиссия банковых билетов, регулирование валюты, монетная политика—не находились в ведении этих учреждений: это были чисто фискальные институты. Характерным для чрезвычайного могущества капиталистического класса всадников в Риме является тот факт, что им у себя удалось воспрепятствовать такой монополизации банкового дела со стороны государства.

Зачатки банкового дела [1]) в средние века были довольно скромны. В XI веке встречаем менял, campsöres, работающих с значительным барышом. В конце XII века они уже держат в своих руках платежные расчеты на расстоянии; этой цели служит cambium, вексельное письмо, перенятое от арабов. В противоположность античному миру, местные банкиры совершенно не занимались ссудными операциями, или только сравнительно поздно занялись этим делом; они давали ссуды только крупными суммами, и то лишь государственным властям. Мелкие денежные операции находились в руках чужеплеменников, евреев, ломбардов и кагорцев (обоими последними наименованиями обозначали южан всякого рода). Рядом с этим чужеплеменным потребительным кредитом, который первоначально является кредитом в случаях нужды за очень высокий процент под заклад или другое обеспечение, уже рано встречается предпринимательский кредит, кредит на комменды. В кредитовании комменд принимали участие и банкиры, но рядом с ними стояла (в отличие от Вавилонии) конкуренция

[1]) Ср. литературу в Handwörterbuch, II³, стр. 366.

частных заимодавцев и торговцев товарами [illegible]да. Под влиянием продолжающейся порчи монет [illegible]одные операции. Появились банки, созданные [illegible]имавшие вклады металлом или монетой полноценных с[illegible]производившие платежи на основании трансфертных ордеров ил[illegible] (на определенную минимальную сумму). Одно время эти перев[illegible] операции находились в ведении менял; но, в конце концов, [illegible] приобрели достаточно доверия и уступили свое место крупным банкирским обществам. К функциям средневековых банков относится далее **сбор податей**[1]), соответствующий приблизительно откупу их в античном мире. От начала XIII до конца XIV веков этот сбор был главным источником образования крупных имуществ, в особенности у флорентинских банкирских фамилий, у Аччайоли, Перуцци, Медичи. Так как они содержали свои фактории во всех крупных торговых местах, то являлись готовой инстанцией для того, чтобы отовсюду собирать помочи для курии, которая, в смысле размеров своих податных прав, была величайшей державой той эпохи; в то же время курия устанавливала самый точный расчет (бюджет) и принимала только полноценные деньги, какими, например, были флорентинские золотые. Это занятие вручало сборщикам, совершенно так же, как в Китае мандаринам, чрезвычайные шансы к обогащению, так как в их власти было устанавливать тарифное отношение между деньгами отдельной местности и монетой, которую требовала курия. Наконец, из задач средневекового банка нужно еще назвать **операции по финансированию предприятий**. То были, однако, не крупные предприятия в современном смысле. Потребность в предпринимательском кредите крупных размеров появлялась только в виде исключения и, главным образом, только для военных предприятий; но в этом виде мы ее встречаем уже в XII веке (в Генуе). Например, большие морские экспедиции генуезцев в Кипр были финансированы „Маоною": так именовалось акционерно-командитное товарищество, которое образовалось именно для обслуживания завоевания и эксплуатации острова. Средства для постоянных войн между отдельными городами тоже часто доставлялись ассоциациями заимодавцев; в течение почти столетия все управление податями и портовыми пошлинами производилось в Генуе исключительно в интересах такого товарищества (Consortium). Еще значительно больших размеров достигли еще кредитные операции крупных флорентинских банкиров во время англо-французских войн XIV столетия.

Поскольку эти сделки оставались в частных руках, возникал вопрос, из каких источников деньги были почерпнуты, куда деньги уходили и каким образом банки могли производить уплаты по срочным платежным обязательствам. Этим самым мы касаемся вопроса о **надежности средневекового банка**. Надежность описанных предприятий была невелика. Деньги, которыми, например, Перуцци или другие крупные флорентинские банкиры ссужали французских королей для военных целей, брались не из собственного капитала—его далеко не хватило бы,—а из вкладов, которые они на основании своей репу-

[1]) A. Gottlob, Die päpstlichen Kreuzzugsteuern des XIII Jahrhunderts, Гейлигенштадт 1892; J. P. Kirsch, Die päpstlichen Kollektorien in Deutschland während des XIV Jahrhundert. Падерборн 1894; G. Schneider, Die finanziellen Beziehungen der florentiner Bankiers zur Kirche, в Schmollers Forschungen XVII, 1899); A. Schulte, I, 273 и след.

тации получали под значительный процент от широких народных кругов вплоть до низших слоев населения. Но эти вклады были краткосрочными, между тем как военные займы заключались на долгие сроки. Поэтому часто подобные кредитные сделки кончались явным или скрытым банкротством, как только военные предприятия, на которые средства были израсходованы, терпели неудачу. То же относится даже к Фуггерам: испанское правительство удовлетворило их, в конце концов, таким образом, что они не только потерпели громадные убытки, но кроме того остаток их имущества оказался вложенным в ценности, которые нельзя было реализовать.

Так как частных средств больших банкирских домов никогда не хватало для того, чтобы финансировать крупные государственные предприятия, и их надежность часто оказывалась построенной на непрочной основе, то развитие, по необходимости, вело к устройству монопольного банка. Государственная власть, нуждавшаяся в деньгах, получала их уже не иначе, как взамен представления определенных монополий (торговых, по сбору пошлин, монополий на банковые операции вообще). Потому-то правители или города превращали банки в государственные учреждения и уступали их эксплуатацию в виде монополии или давали на откуп частным лицам за денежную ссуду. Самым древним примером такого монопольного банка является banca San Giorgio в Генуе, а самым новым—английский банк. Последний тоже возник не из добровольной ассоциации торговцев, а был чисто государственным предприятием, финансировавшим войну за испанское наследство; но отличие от средневековых банков выражалось здесь только в самом устройстве ведения дел, т.-е. в том, что в основание его был положен вексель.

Современный вексель представляет собою платежное средство, которое, по своей сущности, предполагает соучастие трех лиц: помимо получателя еще векселедателя и лицо, на чье имя вексель дан. Из них отвечает за уплату всегда векселедатель, а с момента акцепта, также акцептант; затем при передаче векселя третьим лицам (индоссамент) ответственным является еще каждый отдельный индоссат. Возражения по поводу основной сделки не допускаются. В случае неплатежа в срок применяется особый исполнительный процесс, сопряженный в средние века с заключением в тюрьму. На этих особенностях векселя покоится его значение для современного банка; они дают ему уверенность в том, что он сможет внести в свою кассу определенные деньги в определенный срок, и тем самым являются базисом надежности банка. В средние века [1]) об этом еще не может быть и речи. Средние века, правда, были знакомы с векселем, но в то время он представлял собою что-то в роде нынешнего чека. Он был только платежным средством, а именно средством уплат на расстоянии; посредством векселя уплачивали долги теми деньгами, которыми можно было располагать в другом месте. Существенным условием являлась разноместность обещания и производства платежа и, в особенности, каноническое право настойчиво боролось против перемены места, как против „ростовщической“ сделки. Типич-

---

[1]) Ср. L. Goldschmidt, Handbuch des Handelsrechts (3-е изд.) I, 1, стр. 417 и след; A. Schaube, Anfänge der Tratte, Zeitschr. f. die gesammte Handelsrecht, XLIII (1895), стр. 1. и след.; его же, Studien zur Geschichte und Natur des ältesten Cambium, Jahrbücher für Natinalökonomie u. Statistik LXV (1895), стр. 153 и след.; C. Freundt, Wertpapiere im antiken und frühmittelalterlichen Rechte. 2 т. т., Лейпциг 1910.

ный средневековый вексель первоначально со[illegible] отдельных документов. Один из них, littera aperta, пре[illegible] собой то, что ныне назвали бы простым векселем с указан[illegible]ного места платежа. Торговец А., в Генуе, обещал уплат[illegible] в Барселоне в определенный день определенную сумму, а имен[illegible]ез посредство С., должника А. Если вексель был выдан государем, то он направлялся на податную кассу, долженствующую доставить двору некоторую сумму. Второй документ, littera clausa, („тратта“), стала основой современного векселя. Она оповещала должника векселедателя о том, что ему надлежит платить по векселю за его (своего кредитора) счет. Litterae apertae должны были регистрироваться нотариально, между тем как ltlterae clausae представляли собой простые письма. Оба документа вручались лицу, которому предстояло получить по векселю. Дальнейший ход развития был таков, что постепенно стали обходиться без litterae apertae вследствие больших нотариальных расходов. Ответственность и поручительство, которое они первоначально содержали, вводилось в тратту и там подразумевалось. Последняя, благодаря этому, приобрела большее значение; но чтобы стать современным векселем, ей недоставало права индоссамента; так было еще в XVII веке. Она, правда, заключала в себе формулу: promitto tibi vel tuo certo nuntio, и в силу этого получатель имел возможность ввести другое лицо во владение векселем и уполномочить его получить требуемую сумму вместо него; но как раз эта прибавочная статья ордера впоследствии опять исчезла, так как типичными местами платежного расчета являлись большие ярмарки. Здесь была дана возможность платить по векселю, избегая риска, сопряженного с транспортом звонкой монеты: стоило только отдать его в расчетную палату (clearing house), для взаимного зачета, а затем рассчитаться в наличных по счету. Вексель фактически был только приказом снять со счета (sconto), при чем молчаливо предполагалось, что по векселю можно будет заплатить в переводном банке или в каком-нибудь местном купеческом обществе. Это было связано с некоторой выгодой для купцов, участвующих в расчетных операциях и заинтересованных поэтому в том, чтобы обеспечить за собою монополию на сбор по передаче векселей; они поэтому препятствовали введению индоссамента, так что еще в XVI в. при каждой передаче приходилось выдавать новый вексель вместо индоссамента. За исключением этого пункта, вексельное право уже в XVI веке достигло своей теперешней высоты, и, в особенности, возражения по поводу правового принципа, лежащего в основании сделки, не допускались согласно юридическому положению „chi acetta, paghi“ („кто акцептирует, плати“). Только это безусловное обеспечение платежа дало векселю возможность занять принадлежащее ему ныне место в качестве банкового документа.

Средневековой банкир, акцептируя вексель, являлся посредником платежа; современный банкир дисконтирует его, т. е. он оплачивает его до истечения срока с вычетом процентов за оставшееся время, чтобы впоследствии получить по нему сполна; он обменивает свой предпринимательский капитал на векселя. Английский банк впервые последовательно начал вести такую вексельную политику.

История банкового дела в Англии до возникновения „Bank of England“ указывает на тот факт, что золотых дел мастера, владея и торгуя благородными металлами, во всех странах представляли собой общественную группу, способную заниматься банкирскими делами; они часто

приобретали исключительное право поверять все монеты, но также и то, что они нигде не играли такой роли, как в Англии. Английские золотых дел мастера принимали вклады, как банкиры средневековья; они финансировали политические предприятия и Стюартов, и Оливера Кромвеля; они занимались переводными операциями и, в связи с ними, выдавали бумажные платежные билеты прежде всего своим клиентам; но кругом клиентов не ограничилось обращение этих „Goldsmithnotes". Всему этому положило конец государственное банкротство 1672 г. В этом году английское государство об'явило, что впредь оно может только выплачивать проценты, но не возвращать самые долги, между тем как вкладчики золотых дел мастеров имели право требовать обратно свой капитал в любой момент: это фактически равнялось разорению золотых дел мастеров. Вследствие этого и в Англии, как прежде в итальянских городах, в среде вкладчиков начали говорить о необходимости монопольного банка. Этим стремлением воспользовалась государственная власть для того, чтобы монополизировать банковое дело и предоставить государству участие в прибыли. Купцы ждали от банка ссуд под низкий процент, ибо государственный банк, благодаря своей авторитетности, должен был привлечь много вкладов, и, кроме того, надеялись, что он их избавит от запутанного положения монетного дела (хотя и нельзя указать, каким образом эта реформа, по их мнению, должна была совершиться).

Напротив, мы не можем переносить на ту эпоху современный взгляд согласно которому крупный эмиссионный банк предназначается для того, чтобы при помощи соответствующей учетной политики привлекать в страну благородный металл для усиления своего кредита или пускать в оборот излишки накопившегося у него благородного металла. Тогда скорее ожидали, что банк будет функционировать в качестве переводного, т.-е. выпустит билеты соответственно определенному вкладу металлом и таким образом будет способствовать уменьшению колебаний, происходивших в соотношении цен на серебро и золото. В конце концов, основание Английского банка в 1694 г. оказалось чисто политическим актом, обусловленным интересами финансирования борьбы Вильгельма Оранского против Людовика XIV. При учреждении его, в виде обычной в таких случаях меры, заимодавцам отдавались под заклад определенные подати, в особенности налог на соль; давшие свою подпись кредиторы об'единялись в качестве правления в государственно привилегированное товарищество. Новое учреждение встретило сопротивление с разных сторон. Противниками проекта прежде всего были тори, как противники самого Вильгельма Оранского, но, с другой стороны, и виги, боявшиеся вообще усиления королевской власти. В силу этого удалось учредить банк только, как самостоятельное частное общество, а не как государственное финансовое учреждение, и в учредительный акт пришлось включить пункт, что государству банк мог выдавать денежную ссуду только на основании особого постановления парламента. Поэтому, с точки зрения тори, банк был совместим только с республикой, а не с монархией; они этим указывали на то, что банк такого устройства предполагает королевскую власть, стоящую под контролем заинтересованных в банке капиталистических кругов. Противниками банка были, наконец, и золотых дел мастера, у которых банк расстраивал дела, и сельское дворянство, боявшееся политического и экономического преобладания купечества. Банк начал свои действия, владея паевым капиталом

в 1.200.000 фунтов стерлингов, которые цели[illegible] карманах государства. Взамен он получил право торго[illegible]ыми металлами, выдачи ссуд под заклад товаров и [illegible] векселями. Последнее было значительно важнее других, [illegible] что находилось в соответствии с правом эмиссии банковых биле[illegible]. Б[illegible]нку впоследствии пришлось широко использовать это право в свое[illegible] учетной политике; но об этом в то время, конечно, никто еще и не думал. Во всяком случае, он первый начал систематически скупать векселя и, учитывая их до истечения срока, тем самым способствовал тому, что продолжительность времени, необходимого для сбыта конечного продукта конечному потребителю, сокращалась и для торговцев и для производителей. Ускорение оборотов капитала является ясно осознанной целью вексельных операций Английского банка; эту цель он преследовал так систематически, как ни один банк до него.

Развитие банкового дела вне Европы представляет только частично аналогию с европейским развитием его. В Индии и Китае банк до последних десятилетий сохранил свой античный и средневековой характер. От банков Запада он отличается чрезвычайными полномочиями в области регулирования валюты. В Китае банкир производит штемпелевание таэлей; он определяет условия кредита, устанавливает указный процент и является решающей инстанцией для всех различных видов платежей, так что установление форм платежного обращения вполне зависит от него. Но это платежное обращение является постолько кридитным обращением, поскольку дело касается внешней торговли, которая, например, в Кантоне находится в руках небольшого количества крупных китайских домов. Пока в Китае существовали отдельные территориальные государства, эти банки совершенно так же занимались финансированием войн, как и европейские. С образованием китайского единого государства, эти возможности отпали. В Индии все банковое дело в своей совокупности строго регулировано сектами или кастами. И здесь во времена крупных отдельных государств банки давали кредит для преследования политических целей, и здесь также этому положило конец единое государство великого могола; с тех пор политические денежные операции возлагались на банк только в виде откупа податей для укрепления бюджета и в виде денежных ссуд под залог государственных доходов. Функции банка в наше время сводятся в Индии и Китае, в сущности, только к операциям по производству платежей и к мелкому или случайному кредиту. Нет какого бы то ни было систематического предпринимательского кредита, нет формы операций, сходной с нашей учетной политикой; это происходит оттого, что азиатское денежное обращение знает только чек и разновидные платежные приказы, но незнакомо с векселем; то обстоятельство, что китайский банкир, кроме того, обладает еще монополией на регулирование валюты, об'ясняется чудовищным злоупотреблением бумажными деньгами в Китае.

§ 8 „Рост“ в докапиталистический период [1].

В своих зачатках, рост представляет собой явление из права о чужеплеменниках или из господского права. Внутри пле-

[1]) J. Kulischer, Zur Entwicklungsgeschichte des Kapitalzinses, Jahrbücher f. Nationalökon. u Statistik LXXIII, LXXIV 1899/1900). M. Hainisch, Die Entstehung des

менной, деревенский ли родовой общины нет ни процентов ни займов, так как не существует платных услуг. Если в хозяйственной жизни применяется чужая сила, то это происходит в форме братской помощи (например, „помочи“ при постройке дома) и одолжения в случаях нужды, основанного на обязанности помогать родичу безвозмездно. Еще римское mutuum, в качестве беспроцентной ссуды, является пережитком древнейших бытовых условий. Обязанность помогать в нужде расширяется, когда она в среде религиозной общины переносится на брата по вероисповеданию. Самый известный пример дают евреи. Бросался в глаза при этом не самый факт, что они брали проценты—проценты брали везде на свете[1]), брали их, например, и средневековые монастыри,—но народы западной Европы поражались и возмущались тем, что евреи, брали проценты с христиан, но не друг от друга. Запрещение ссудных процентов и лихоимства по отношению к брату по торе основано на соображениях и военного, и религиозного характера. С одной стороны, родич не должен был попадать в заключение за долги и тем самым оказаться потерянным для войска, а с другой, еще древнеегипетская религиозность приписывала проклятию бедняка особую силу в глазах божества; это представление перешло и в книгу Второзакония. Установленное тем самым различие между моралью по отношению к соплеменникам и иноплеменникам пережило изгнание; и даже после того, как израильтяне превратились в евреев, взимание роста осталось запрещенным по отношению к соплеменникам и дозволенным по отношению к чужим („гойям“), так что Маймонид мог поднять вопрос о том, не обязан ли еврей брать с них проценты[2]). Запрещение роста в кругу братиев знают и ранний ислам, и религия брагманов. Рост повсюду возник на почве ссуды чужеплеменникам или же членам другого сословия. В последнем случае противоположность между заимодавцем и должником первоначально всегда сопряжена с противоположностью между городским патрициатом и деревенским крестьянством, как, например, в Китае, Индии, Риме; то же воззрение проходит и через Ветхий Завет. Причину того, что запрещение роста вообще могло иметь силу, нужно искать в том, что всякий кредит, как кредит нуждающемуся, первоначально являлся чисто потребительным кредитом, так что идея братской помощи могла восстать против того, что господствующая каста требовала проценты; этот запрет был в сильной мере обусловлен и военными интересами, так как должник подвергался опасности превратиться в безземельного пролетария, не имевшего уже возможности приобретать себе вооружение.

Толчком к нарушению запрещения взимать проценты послужила натуральная ссуда. В первую очередь следует упомянуть о ссуде

Kapitalzinses, Festgaben für Adolf Wagner, Лейпциг, 1905; статьи „Zins im Altertum“ (K. J. Beloch) „Zins im Mittelalter“ (Th. Sommerlad) в „Handwörterbuch“, VIII³ (1911), стр. 1017 след.

[1]) I. Heijcl, Das alttestammtliche Zinsverbot im Lichte der ethnologischen Jurisprudenz sowie des altorientalischen Zinswesens, Фрейбург, в/Б. 1907; G. Billetor, Geschichte des Zinsfusses im griechisch-römischen Altertum bis auf Iustinian, Лейпциг, 1898.

[2]) Даже древнейшему христианству не чуждо такое воззрение. Позднейшее запрещение церкви брать проценты основывалось на Лук. 6, 35. Но здесь, вероятно, испорчено чтение (ср. A. Merx, Die vier Kanonischen Evangelien nach ihrem ältesten bekannten Texte II 2, 1, 223 и след). Этот (повидимому) неверный вариант впоследствии благодаря авторитету Климента Александрийского (Strom. II, c 18) перешел в вульгату и лег в основание позднейшего церковного толкования.

скотом. У кочевников антагонизм между имущ[illegible]мущими чрезвычайно обострялся. Человек, не владеющий [illegible] лишается всяких прав и может восстановить п[illegible]тва только тогда, когда получит заимообразно и [illegible] Сходное значение имеет ссуда семенами, встр[illegible]ся осо[illegible] вилонии, как обычное явление. В обоих слу[illegible]ятое заимо[illegible] приносит многократный плод, так что требование могло показаться справедливым, если заимодавец выговаривал себе часть плода, принесенного скотом или зерном. Помимо этого, запрещение роста нарушалось повсеместно там, где развивалась городская жизнь.

На христианском Западе кредит для доходных целей вначале редко принимал форму ссуды с определенными процентами; чаще он встречается в виде ассоциации. Это было вызвано не церковным запрещением ростовщичества, а величиной риска при заморских предприятиях, так что в расчет принимались не столько определенные проценты, сколько участие кредитора в прибыли в виде вознаграждения за риск, которому подвергался ссуженный капитал. Отсюда происходит итальянская коммендa (*commenda*), способ „*dare ad proficuum de mari*" под проценты, установленные согласно твердому тарифу, смотря по гавани, куда товар назначался. Этих примитивных кредитных операций на предприятия не касалось запрещение ростовщичества церковью. Зато при перевозке по суше утвердился постоянный кредит под определенные проценты, так как риск здесь был меньше, чем при морской торговле. Формула „*salvum in terra*" означала, что полученный заимообразно капитал надо было возвращать вне зависимости от исхода предприятия. Но в этот же момент церковь усилила свою борьбу против ростовщичества. Запрещение роста таким образом не вытекало из отношений, образовавшихся в период чисто натурального хозяйства; напротив, движение достигло кульминационного пункта только по миновании этого периода, во время начинавшегося денежного хозяйства: папа Григорий IX об'явил лихоимством даже морскую ссуду. Так же неверно утверждение, будто церковь вела оппортунистическую политику по отношению к ростовщическому проценту и таким образом благоприятствовала развитию капитализма [1]). Напротив, борьбу против роста она продолжала упорно и принудила не одного купца, лежавшего при смерти, к возвращению процентов, как она ныне принуждает исповедующихся к возвращению украденного хозяйского имущества. Но чем более денежное хозяйство развивалось, тем чаще запрещение роста обходилось, и церковь была принуждена считаться с этим при всеобщих отпущениях грехов. Наконец, в виду господства крупных флорентинских банкиров в XV веке, она очутилась сама лицом к лицу перед фактами, которые делали всякую дальнейшую борьбу безнадежною. Богословие тогда попыталось, как возможно было, смягчить толкованием запрещение роста; но трагедия заключалась, главным образом, в том, что сама церковь,

---

[1]) W. Endemann, Studien in der romanisch-kanonistischen Wirtschafts-und Rechtslehre, 2 Bde., Berlin 1874—1883; Nr. Keller, Unternehmung und Mehrwert. Eine sozial-ethische Studie zur Geschäftsmoral (Schriften der Görres-Gesellschaft, Sekt. f. Rechts- und Staatswissenschaften 12. Heft), Paderborn 1912; A. de Tarde, L'idée du juste prix, Paris 1907; L. Cibrario, Della economia politica del medio evo, 2 vv., 5. ed Torino 1861; F. Schaub, Der Kampf gegen den Zinswucher, ungerechten Preis und unlauteren Handel im Mittelalter. Freibg. 1905; J. Seipel, Die wirtschaftsethischen Lehren der Kirchenväter, Wien 1907. (Есть русск. пер.).

как мирская держава, принуждена была обращаться к ссудам за проценты. Прежде всего, пока она сама не взяла на себя создание ссудных учреждений, montes pietatis, ею найден был для мелких ссуд обход в виде „еврейского кредита“ [1]). Характеристично при этом, что так открывалась возможность для государственной власти вести политику как бы вбирающей влагу губки, эксплуатировать население еврейским процентом, а потом через неправильные сроки прибегать к конфискации как прибыли, так и капиталов евреев-заимодавцев и к изгнанию их самих. В силу этого евреев гоняли из города в город, из страны в страну. Устраивались настоящие союзы для их ограбления между князьями, так между епископами бамбергскими и бургграфами нюренбергским из гогенцоллернского дома, на условиях раздела добычи в случае, если евреи бежали с территории одного в область другого. Впрочем, образ действий церкви в вопросе о росте был осторожен. Полной отмены запрещения роста никогда не было дано; но в течение XIX в. церковные постановления несколько раз допускали приемлемость взимания процента при известных условиях. В северной Европе запрещение роста пало вместе с протестантизмом, хоть и не сразу. Однако на кальвинистских синодах опять не раз возобновляется указание, что „ломбардствующего“ и жену его нельза допускать к причастию; но рядом сам Кальвин об‘яснил в своей „Institutio christiana“, что запрещение процента имеет в виду лишь защиту бедных против бездушия, а отнюдь не защиту богатых, которые ведут торговые дела на занятые деньги. Наконец, именно кальвинист Клавдий Салмазий, глава филологов XVII в., в своем сочинении „De usuris“ (1638) и нескольких последовавших за ним трактатах [2]) окончательно похоронил теоретические аргументы в пользу запрещения роста.

---

[1]) Ср. O. S t o l b e, Die Juden in Deutschland während des Mittelalters (Braunschweig 1866; Ineue Aufl. Leipzig. 1902);—G. C a r o, Sozial und Wirtschaftsgeschichte der Juden im Mittelalter und in der Neuzeit, 1 Bd (Leipzig, 1908).

[2]) Ср. W. L e x i s, статью „Wucher“ в Handwörterbuch der Staatswissenschaften, VIII.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Происхождение современного капитализма.

J. A. Hobson, Evolution of modern capitalism, 2. ed., London 1906; L. Brentano, Die Anfänge des modernen Kapitalismus, München 1916; В. Зомбарт, Современный капитализм. G. Schmoller, Die geschichtliche Entwicklung der Unternehmung, Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft. XIV—XVII (1890—1893); P. Mantoux, La révolution industrielle au 18. siècle, Paris 1905; R. Haynen, Zur Entstehung des Kapitalismus in Venedig, Stuttgart 1905; J. S. Lewinski, L'évolution industrielle de la Belgique, Brüssel 1911; А. Тойнби, Промышленный переворот в Англии. W. Sombart, Die deutsche Volkswirtschaft im 19. Jahrhundert, 3. Aufl. Berlin 1913.

§ 1. Понятие и предпосылки капитализма.

Капитализм имеется налицо там, где производственно-хозяйственное покрытие потребностей некоторой группы людей, независимо [illegible] рода этих потребностей, осуществляется путем предприятия [illegible] рациональное капиталистическое производство есть прои[illegible] основе капиталистического расчета, т.-е. такое промышленное [illegible]ство, которое ведет счетный контроль своей доходности посре[illegible]ом новой бухгалтерии и составления баланса (необходимость которого впервые указана в 1608 г. голландским теоретиком Симоном Стевином). Само собой разумеется, что отдельное хозяйство может приближаться к капитализму в весьма различной степени. Так, одна часть его потребностей может удовлетворяться капиталистическим способом, другая же часть обходиться без капитализма, обращаясь к ремесленному или поместному производству. Например, в Генуе уже в давние времена часть ее государственных потребностей—ведение войны—удовлетворялась капиталистическим путем с помощью акционерных обществ [1]). В римском государстве снабжение населения столицы хлебом производилось правительственными чиновниками, которые для этой цели располагали подчиненными им должностными лицами, равно как и средствами транспортных обществ. Правительственная организация работала здесь в сочетании с обязательною повинностью, возложенною на определенные ассоциации. В настоящее же время, в отличие от большинства прошлых эпох, все наши повседневные потребности удовлетворяются капиталистическим способом, а государственные—литургически, т.-е. путем налагаемых на население повинностей в виде воинской службы, обязанностей судей, присяжных заседателей и т. п. Целая эпоха может быть названа, однако, типично-капиталистической лишь в том случае, когда покрытие потребностей капиталистическим путем совершается в таком об'еме, что

---

[1]) Ср. стр. 168.

с уничтожением той системы пала бы возможность их удовлетворения вообще.

Хотя капитализм в тех или других формах существовал во все периоды человеческой истории, однако, капиталистический способ удовлетворения повседневных потребностей присущ только европейскому Западу и притом лишь со второй половины XIX столетия. Начатки капитализма в предшествующие эпохи являются лишь предвестниками его, а немногие капиталистические предприятия XVII в. могли бы быть вычеркнуты из тогдашней хозяйственной жизни, не вызывая в ее течении разрушительных перемен.

Самою общею предпосылкою этого новейшего капитализма является рациональный расчет капитала, как норма для всех крупных промышленных предприятий, работающих на удовлетворение повседневных потребностей. Дальнейшими предпосылками являются: 1) Присвоение автономными частными промышленными предприятиями свободной собственности на вещные средства производства (землю, приборы, машины, орудия и т. п.). Это явление известно только нашему времени; одно лишь военное дело повсюду представляет исключение. 2) Вольный рынок, т.-е. свобода рынка от нерациональных стеснений обмена, напр., от сословных ограничений, возникающих в тех случаях, когда известному сословию предписывается определенный образ жизни, или когда для отдельного сословия установился особый тип потребления; наконец, когда сложились сословные монополии, напр., если горожанин не может владеть дворянским имением, дворянин или крестьянин не могут заниматься ремеслом и т. д., словом, если не существует ни свободного товарного рынка, ни свободной рабочей силы. 3) Рациональная, т.-е. строго рассчитанная и поэтому механизированная техника как производства, так и обмена, при чем не только в области издержек выработки, но и обращения благ. 4) Рациональное, т.-е. твердо установленное право. Чтобы капиталистический порядок мог функционировать рационально, хозяйство должно опираться на твердые правовые нормы суда и управления. Этого не было ни во времена расцвета древне-греческих политий, ни в патримониальных государствах Азии, ни в западных странах до эпохи Стюартов. Королевский „справедливый суд" с его „милостивым" освобождением от уплат вносил постоянную путаницу в хозяйственные расчеты; дух того времени вполне характеризует изречение: „английский банк к лицу только республике, а не монархии" (ср. выше стр. 171). 5) Свободный труд, т.-е. наличность таких людей, которые не только имеют право свободно продавать на рынке свою рабочую силу, но и экономически вынуждены к этому. Отсутствие такого неимущего общественного слоя, вынужденного продавать свою рабочую силу, стоит в противоречии с сущностью капитализма и делает его развитие невозможным точно так же, как и наличность одного несвободного труда. Рациональный капиталистический расчет мыслим лишь на почве свободного труда, т.-е. лишь в тех случаях, когда наличность рабочих, с формальной стороны добровольно предлагающих свой труд, фактически же вынужденных к тому бичем голода, дает возможность, на основании условленной заработной платы, заранее определенно вычислять издержки производства. 6) Коммерческая организация хозяйства, под которою здесь разумеется широкое применение ценных бумаг

для установления прав участия в предприяти[illegible]ество, словом: возможность исключительной ориен[illegible]окрытии потребностей на рыночный спро[illegible]ость предприятия. В той мере, в какой коммерче[illegible]становка прибавляется к указанным другим признакам капитализма, выступает с большей силой значение еще одного, до сих пор не затронутого момента, именно—спекуляции. Значение последней, впрочем, обостряется лишь с того времени, когда имущество принимает форму легко передаваемых из рук в руки ценных бумаг.

§ 2. Внешние факты развития капитализма.

Коммерческая постановка дела тесно связана с появлением акций на участие в частных предприятиях, а также рентовых бумаг, главным образом в форме государственных долговых обязательств и закладных листов.

Это наблюдается только в государствах современного Запада. Предвестниками такого течения в древности были акционерно-коммандитные компании римских publicani, которые допускали публику к участию в их прибылях. Эти компании, однако, представляют собою единичное явление, не оказавшее влияния на способ удовлетворения потребностей в римском хозяйстве. Характер последнего нисколько не изменился бы и при отсутствии этих обществ.

Выпуск ценных бумаг является для современного хозяйства средством рационального образования капитала. Сюда прежде всего относятся акционерные общества [1]). Им присущи два исходные начала.

Акционерный капитал может быть образован с целью получения некоторых предполагаемых доходов: государственная власть хочет располагать определенным размером капитального дохода или знать, на какую сумму поступлений она может рассчитывать, если оно уступит сбор этих доходов, а акционерное общество купит или арендует их. Грандиознейший пример подобной финансовой операции представляет собою банк св. Георгия в Генуе; на ряду с ним можно поставить рентовые письма немецких городов и рентовые письма мастеров, особенно во Фландрии. Эта система указывает, что вместо старых приемов собирания средств, когда экстренные государственные потребности удовлетворялись обычно путем беспроцентных и зачастую даже безвозвратных принудительных займов у богатых, теперь обратились к займам, рассчитанным на добровольное участие всех желающих получить доход на свой капитал. Ведение войны государством стало теперь для имущих доходной статьей. Военные займы под высокие проценты античности были совсем неизвестны. Если собственные подданные не в состоянии были доставить необходимые средства, то государству приходилось обращаться к иностранному финансисту, которому обе-

[1]) В. Зомбарт. Современный капитализм. II, 139 и сл. Русск. пер. 1923 г. J. Strieder, Studien zur kapitalistischen Organisationsform. Kartelle. Monopole und Aktiengesellschaften im Mittelalter und zu Beginn der Neuzeit, München und Leipzig 1914; J. Klein, The Mesta. A study in Spanish economic history, 1273—1836, Cambridge 1920; J. and S. Davis, Essays in the earlier history of American corporations, 2 vls., Cambridge (Harvard), 1917.

щалось возмещение его аванса из военной добычи; неудачный конец войны означал потерю им своих денег. Добывание денег на государственные, главным образом военные, нужды, путем обращения ко всем интересующимся получить доход на капитал, было изобретением средних веков, преимущественно практиковавшимся в городах.

Другой экономически более важный вид соединения капиталов— это ассоциация для финансирования торговых предприятий; именно из нее постепенно развилась столь привычная теперь для нас форма ассоциации с целью хозяйственного предпринимательства— акционерное общество. Необходимо различать два вида подобных организаций: крупные предприятия для внутренней торговли, превышающие средства отдельного торгового дома, и международные колониальные предприятия.

Для финансирования предприятий, захватывающих разные местности и превышающих силы отдельных предпринимателей, типичным является осуществление дела с помощью союзов, а в XV и XVI столетиях—главным образом городов. Последние часто и сами вели внешнюю торговлю. Однако, в истории экономического развития несравненно большее значение имеет другая, более распространившаяся система, когда город обращался к населению и допускал его к участию в организованном им торговом предприятии. Если город обращался к частной инициативе, то на учреждаемое общество налагались обязанности принимать всех желающих; таким образом, размер акционерного капитала оказывался неограниченным. Часто единовременный взнос капитала бывая недостаточным и требовались дополнительные взносы, между тем как теперь ответственность акционера определяется лишь его добровольным участием. Часто город устанавливал высший предел взноса, дабы все граждане могли вступить в общество; иногда это участие нормировалось следующим образом: граждане группировались по имущественной состоятельности или по размерам уплачиваемых ими налогов, и каждая группа получала право записаться на известное количество акций. В противоположность современным акционерным обществам тайна вкладов часто не соблюдалась, а передача пая одним лицом другому была затруднена. Таким образом, мы видим здесь акционерное общество в его еще зародышевом состоянии. Для надзора за ведением дел городские власти устанавливали свой административный контроль. В этой форме так называемого „регулируемого общества" была организована прежде всего торговля железом (в Штирии), а иногда также (напр., в Иглау) и торговля сукном. Результатом описанной структуры этих обществ являлось отсутствие точно определенного капитала, сходство с цехом, шаткость капиталистического расчета в современном смысле слова. Участниками являлись не только купцы, но и владетельные князья, профессора, придворные—вообще „публика", в собственном смысле этого слова, которая охотно и весьма успешно участвовала в деле. Распределение дивидендов производилось совершенно нерациональным способом—прямо по общему доходу, без каких-либо отчислений. Требовалась только отмена правительственного контроля, чтобы отсюда в готовом виде выросло современное акционерное общество.

Другой прообраз современного акционерного общества представляют собою крупные колониальные компании, из которых самыми значительными были нидерландско-остиндская и англо-остиндская

компании [1]); однако, и они не были еще [illegible] ствами в современном смысле. Капитал [illegible] нии был образован путем распределения [illegible] и провинциями „Генеральных Штатов [illegible] составление всего капитала предприятия одним городом не допускалось; правительство, т.-е. совокупность штатов, участвовало в управлении предприятием в порядке контроля уже потому, что нуждалось в кораблях и орудиях компании для собственных целей. Хотя компания и развила на деле широкую торговлю, однако, современный капиталистический расчет и свободная передача акций в ней отсутствовала. И тем не менее, именно эти крупные, получавшие богатые доходы общества впервые сделали широко известной и популярной систему акционерных обществ. Отсюда ее восприняли все государства европейского материка и осуществили в следующей форме: акционерное общество определяло условия участия членов и ведения самого дела [illegible]вании пожалованной государством и ad hoc установленной им [illegible]легии; но государство, в качестве надзирающего органа, вме[illegible]сь в мелочные частности ведения дела. Лишь в XVIII в. был п[illegible] принцип ежегодного составления баланса и инвентаря, да и здесь только страшное банкротство заставило признать его необходимость.

Наряду с финансированием своих потребностей при помощи акционерных обществ, государство и собственными мерами осуществляло финансирование прямых государственных предприятий. Оно прибегало к принудительным займам под долговые обязательства, обеспеченные залогом ожидаемых доходов. Средневековые города получали огромные суммы путем выпуска заемных писем под залог их недвижимых имуществ или финансовых рессурсов; эти заемные письма могут считаться прототипом современного консоля, но с некоторым отличием в том, что они частично являлись обязательствами выплаты личного пожизненного дохода, частично же заключали в себе и другие условия. Наряду с такими вспомогательными средствами необходимость изыскания денег еще до XVII столетия вызвала к жизни самые разнообразные формы. Так император Леопольд I п[illegible] пытался раз провести „кавалерский заем", посылая верховых посл[illegible] к членам знати с просьбой о ссуде; однако, почти везде он получ[illegible] ответ, что лучше пусть он обращается к тем, у кого есть деньги.

Чтобы понять обращение к таким средствам и общее финансо[illegible] состояние германского города еще на исходе средних веков, на[illegible] вспомнить, что в то время еще не существовало никакого правильно[illegible] бюджета [2]). Город (как и территориальный государь) хозяйничал [illegible] дня в день, как это происходит теперь в маленьком частном домашн[illegible] хозяйстве. Расходы то и дело устанавливались заново, т.-к. колебали[illegible]

---

[1]) E. J. J. van der Heyden, De ontwikkeling van de naamloose Vennootscha[illegible] Nederland voor de codificatie, Amsterdam 1908; S. van Brakel, De hollandsche Han[illegible] compagnieën der 17e eeuw, s'Gravenhage 1908; G. Cawston and A. H. Keane, E[illegible] chartered companies, London 1896; R. Muir, The making of British India 1756 to 1[illegible] Manchester 1915; H. Mertel, Les colonies et leurs grandes compagnies commerci[illegible] Gent 1898; P. Bonnassieux, Les grandes compagnies de commerce, Paris 1[illegible] I. Cheilley-Bert, Les compagnies de colonisation sous l'ancien régime, Paris 189[illegible]

[2]) L. Schönberg, Die Technik des Finanzhauchalts der deutschen Städte im Mi[illegible]alter, Stuttgart 1910. Дальн. указания на литературу у J. Stammhammer, Bi[illegible]graphie de Finanzwissenschaft, Iena 1903 и W. Lotz, Finanzwissenschaft, Tübingen 1917, стр. 30.

поступления. Уст[illegible] такую неурядицу безбюджетного хозяйствования старались при помощи системы откупов[1]). Последние давали государственной власти уверенность в ежегодном получении определенных сумм и помогали ей наладить соразмерное распределение расходов. Таким образом система откупов, как самое лучшее тогда средство рационального ведения финансового хозяйства, скоро—сначала временно, а потом иногда и постоянно—стала применяться многими европейскими государствами. Она открыла возможность получения вперед и как бы учета (эсконта) государственных доходов, что имело особо важное значение для военных целей. Рациональная постановка налоговой системы является достижением итальянских городов в эпоху, последовавшую за потерею ими самостоятельности. Итальянская „синьёрия" является первой политической властью, организовавшею свои финансы на основах тогдашней коммерческой бухгалтерии хотя еще и не двойной [2]). Отсюда эта система широко распространилась и через Бургонь, Францию и Габсбургские владения достигла германских земель. Первые подняли голос за упорядочение финансов сословные сеймы.

Вторым исходным средством для рационального упорядочения финансов была английская система—exchequer [3]), о которой еще и теперь напоминает, как последний остаток, слово „чек"; это было приспособление в виде шахматной доски, при помощи которого (за неумением должным образом оперировать с цифрами) подсчитывали государственные платежи. Обычно и здесь, однако, полного бюджета, который обнимал бы все расходы и доходы, еще не составляли, но прибегали просто к системе касс специального назначения, т.-е. те или другие доходы твердо предназначались исключительно для покрытия точно указанных расходов. Причину возникновения такой практики можно видеть в борьбе между княжеской властью и сословиями. Сословия, не доверявшие князьям, думали таким образом предохранить ссуженные ими деньги от растраты их на личные нужды князей [4]).

В XVI и XVII столетиях к этим мерам рационализации финансовой политики князей присоединилась еще их политика монополий. Она выражалась частью в монопольной торговле самих князей, частью же в концессиях торговых монополий, которые связаны были обязательством выплачивать государственной власти значительные премии. В качестве примера приведем разработку ртутного рудника в Идрии (в Крайне); добыча от него предназначалась для амальгамирования серебра, и он попеременно составлял собственность то одной, то дру-

[1]) Ср. обзор у В. Зомбарта, Современный капитализм. I, 628 и след. Русский пер. 1923 г.

[2]) Ср. все же примеры из более ранней эпохи, которые В. Зомбарт (Современный капитализм, II, 111 и сл) дает по G. Brambilla, Storia della ragioneria italiana, Mailand 1901; далее O. Meltzing, Das Bankhaus der Medici und seine Vorläufer, Iena 1906.

[3]) W. Lotz, Das Aufkommen der Geldwirtschaft im staatlichen Haushalt, Berlin, 1908; R. L. Pohle, The exchequer'in the twelfth century, Oxford 1912; J. K. Mitchell Studies in taxation under John and Henry III, New-Haven 1914; E. Lipson (см. стр. 146).

[4]) W. Lotz, Finanzwissenschaft, 26 сл. 104 сл, 121 сл.; E. Fournier de Flaix, L'impôt dans les diverses civilisations, 2 т. Paris 1897; W. Stubbs, The constitutional history of England, 2 т. 4-ое изд. Oxford, 1896, гл. XVII; G. v. Below, Die landständische Verfassung in Jülich und Berg, ut e, Düsseldorf 1885—1891; J. J. Clamagéran, Histoire de l'impôt en France, 3 т., Paris 1867—1876; A. Vuitry, Etudes sur le regime financier de la France avant la revolution, 2 т., Paris 1878—1883; R. Stourm, Les finances de l'Ancien Régime et de la Révolution, 2 т. Paris 1885; он-же, Bibliographie historique des finances de la France au 18-e siécle, Paris 1895.

той ветви Габсбургского дома, доставляя к[illegible] та[illegible]н-ской весьма значительный доход [1]). Первы[illegible] мо-польных концессий была попытка императ[illegible] [illegible] установить монополию хлебной торговли в Сицилии. [illegible] вилась в Англии, где применялась особенно упорн[illegible] Здесь же она была и отвергнута прежде, чем в [illegible] твах,—под влиянием протеста со стороны парламента. Все новые предприятия и мастерские, возникавшие в эпоху Стюартов, организовывались на основе королевской концессии и монополии; за привилегии монополисты обязаны были отчислять в пользу короля значительную часть прибыли и доставлять ему средства для борьбы с парламентом. Все такие чисто фискальные, монопольные предприятия после победы парламента почти без исключения прекратили свое существование. Уже одно это ясно показывает, насколько неосновательно связывать [illegible]новение специфического новейшего западного капитализма с мо[illegible]ной политикой князей [2]).

§ 3. Первые большие спекулятивные кризисы.

W. R. Scott, The constitution and finance of English, Scottish and Irish Joint stock companies to 1720, 3 Bde., Cambrieqe 1910—1912; C. Juglar, Des crises commerciales, 2. Aufl., Paris 1889; A. Aftalion, Les crises périodiques de surproduction et leur retour périodique en France, en Angleterre et aux États-Unis, I. Bd., Paris 1913; M. Туган-Барановский, промышленные кризисы в Англии; M. Bouniatian, Geschichte der Handelskrisen in England, München 1908.

Предпосылками развития капиталистического производства мы признали: [3]) присвоение предпринимателем собственности на материальные средства производства, свободу рынка, рациональную технику, рациональное право, свободу труда и, наконец, коммерческую постановку хозяйства. В дальнейшем привходит еще один момент, а именно спекуляция. Она приобретает значение с того времени, когда капитал выливается в форму свободно передаваемых ценных бумаг. Ее развитию сопутствуют крупные кризисы во всей хозяйственной жизни, ею именно вызываемые.

Сюда не следует относить тюльпаноманию в Голландии (в 1630 годах), которая так часто причисляется к большим кризисам, вызванным спекуляцией. Тюльпаны были предметом роскоши, вошедшими в моду у разбогатевших на колониальной торговле патрициев, и цены на них вздувались до баснословной высоты. Публика соблазнилась возможностью легкой наживы, пока вся афера вдруг не рухнула, погубив массу личных состояний. Однако, все это не оказало влияния на развитие голландской хозяйственной жизни: ведь безделушки всегда становились предметом спекуляции и тем самым вызывала кризисы. Совершенно иначе должна быть оценена личность Джона Ло, организованная им огромная спекуляция во Франции и одновременно с ней южно-океанская спекуляция в Англии во втором десятилетии XVIII века.

---

[1]) J. Strieder, Studien zur Geschichte kapitalitalistischer Organisationsformen (ср. стр. 178, прим. 1) 292 сл.

[2]) H. Levy, Die Grundlagen des ökonomischen Liberalismus in der Gesschichte der englischen Volkswirtschaft, Jena 1912.

[3]) См. стр. 177.

В финансовс . ‹рактике больших государств уже давно вошло в обычай досрочно получать свои доходы посредством выдачи обязательств, подлежавших последующей оплате. Вследствие войны за Испанское престолонаследие, в Англии и во Франции нужда в деньгах приняла острую форму. Финансы первой поддержало основание Английского Банка. Но во Франции правительство было страшно обременено долгами и по смерти Людовика XIV никто не находил средства, как выйти из этого положения. И вот во время регентства появился шотландец Джон Ло [1]), который считал себя опытным финансистом, благодаря знакомству с постановкою дела в только что основанном Английском Банке. Он построил собственную теорию денег, но в Англии она не имела успеха: он усматривал в „инфляции", т. е. в возможно большем выпуске платежных знаков, лучшее возбуждающее средство к развитию производства. В 1716 году Ло получил концессию на открытие частного банка, организованного сначала на общих основаниях с тою лишь особенностью, что государственные кредитные билеты должны были приниматься как взносы в капитал, а бумаги банка должны были зачисляться в уплату налогов. Но в отличие от Английского Банка здесь отсутствовал ясный план того, каким путем банк Ло мог бы обеспечить себе постоянный и верный доход, вложив свои средства в надежное предприятие. С помощью банка Джон Ло основал общество эксплоатации Миссисипи. Решено было финансировать Луизиану в сумме 100 миллионов ливров; общество приняло на себя оплату соответственного количества государственных долговых обязательств и получило за это право монопольной торговли во вновь открытой для разработки области. Рассматривая планы Ло, сразу можно заметить, что потребовалось бы, по крайней мере, сто лет, пока Луизиана стала бы приносить доход, достаточный для возвращения влагавшегося в дело капитала; сначала Ло предполагал организовать предприятие вроде Остиндской компании, но совершенно не принял здесь во внимание, что Луизиана не была, подобно Индии, страною древней культуры, а представляла собой населенную индейцами лесную пустыню. Когда в 1718 г. ему стала угрожать опасная конкурренция со стороны одного акционерного общества, которое хотело откупить косвенные налоги, Ло слил общество Миссиссипи с вновь основанной тогда им Индийской Компанией. Последняя должна была вести торговлю с Китаем и Ост-Индией, но для участия в азиатской торговле Франции не хватало той политической мощи, которою как раз располагала Англия. Однако, регентство дало себя увлечь в рискованное предприятие и предоставило Ло монетную регалию, а также откуп всех налогов; таким образом оно вверило в его руки судьбы государства под условием получения от него 3%-ой ссуды, которая должна была пойти на уплату колоссально растущего долга. Публика была охвачена безумною спекуляциею. В первый год было выдано 200% дивиденда, и курс акций поднялся с 500 до 9.000 ливров. Это повышение курса об'ясняется тем, что никто не спекулировал на понижение, так как еще не существовало рациональной биржевой торговли. В 1720 г. Ло добился назначения его генеральным контролером финансов. Но скоро все предприятие

---

[1]) A. Thiers, Law et son systeme des finances, Paris 1858; S. Alexi, J. Law und sein System, Berlin 1885; A. W. Wiston-Glynn, J. Law of Lawriston, London 1908; P. Bonnasieux (ср. стр. 180).

рухнуло. Напрасно правительство предписывало, чтобы все платежи производились только банкнотами Джона Ло; напрасно правительство старался поддержать их курс всевозможными ограничениями обращения золотых и серебряных денег. Крах [illegible] обусловлен тем, что ни торговля с Луизианой, ни дела с Китаем и Ост-Индией не приносили прибыли, достаточной для уплаты процентов хотя бы на часть капитала. Банк принимал вклады, но не располагал никакими реальными фондами для их возвращения. Дело разрешилось полным бонкротством: курс банкнот упал до нуля; в результате—продолжительный упадок духа у французской публики; и все же именно в это время сделались популярными свободно передаваемые акции на пред'явителя.

Приблизительно в то же время параллельное явление отмечается в Англии, но здесь оно не приняло такого бурного хода, как во Франции. Вскоре после учреждения Английского Банка возникла мысль основать конкурирующее с ним предприятие (1696). То был проект земельного банка, основанный на идее, впоследствии частью выдвигавшейся немецкими аграриями: вместо векселей использовать для обеспечения банкнот земельный кредит. Этот проект, однако, не осуществился, так как в Англии очень хорошо поняли, что у подобного предприятия совершенно отсутствовали бы твердые фонды. Но это не помешало ториям после падения правительства вигов в 1711 г. вступить на тот путь, которым несколько лет спустя пошел Джон Ло во Франции: английское дворянство пожелало создать для себя особый центр финансового могущества в противовес основанному почти исключительно пуританами Английскому Банку; вместе с тем ими должен был быть погашен огромный государственный долг. С этой целью была учреждена Южно-океанская Компания[1]), предложившая государству значительные ссуды и за это получившая право торговой монополии в Южном Океане. Английский Банк оказался недостаточно рассудительным, чтобы воздержаться от участия в проектируемом предприятии: он даже предлагал условия, выше установленных основателями Компании. В том, что его предложения не прошли, виною нужно считать исключительно позицию, занятую ториями, которые из политической антипатии не желали дать банку возможность достигнуть успеха. Дело приняло тот же оборот, что и предприятия Джона Ло; и здесь банкротство было неизбежно, так как торговля в Южном Океане была недостаточно развита, чтобы даже отдаленно оправдать проценты на занятые деньги. Однако и тут, как во Франции, акционерным предприятием овладела спекуляция. Результатом была гибель бесчисленных состояний, между тем как шайка авантюристов вышла суха из воды; но все же произошло облегчение—правда, не совсем почтенным путем,—долгового бремени государства. Один лишь Английский банк сохранился незатронутым в его прежнем могуществе, так как он был единственным финансовым учреждением, основанным на рациональном учете векселей, и поэтому обладал всегда необходимыми реальными платежными средствами. Так как вексель—не что иное, как проданный товар, он держался основного принципа допускать лишь достижимый и правильный товарный оборот, который в то время мог развиться лишь в таком центре, как Лондон.

Вызываемые спекуляцией кризисы повторялись и прежде, но никогда не достигали подобных размеров. Первые, настоящие (рацио-

---

[1]) N. A. Brisco, The economie policy of R. Walpole, № 4, 1907, стр. 41.

нальные) кризисы этого рода наступили уже столетие спустя после окончания войны за освобождение Европы от Наполеона и с тех пор регулярно повторялись приблизительно через каждые десять лет— в 1815, 1825, 1835, 1847 годах и т. д. Основываясь именно на них, Карл Маркс предсказывал в своем коммунистическом манифесте крушение капитализма. Первые из этих периодических кризисов явились следствием спекуляции, иначе говоря, проникновения в крупные предприятия чуждых интересам производства мотивов. Крахи происходили потому, что вследствие сверх-спекуляции не столько самое производство, сколько средства производства возрастали быстрее спроса на предметы потребления. В 1815 г. перспектива отмены континентальной блокады вызвала в Англии буквально безумную горячку основания фабрик. Между тем войны сильно понизили покупательную способность континента, и последний не мог поглотить английских изделий. Едва миновал этот кризис и покупательная способность континента стала повышаться, как в 1825 г. разразился новый, потому что не запас товаров, но средства производства были раздуты спекуляцией до таких размеров, которых они никогда раньше не достигали, и которые не соответствовали спросу.

Возможность такого необычайного увеличения средств производства об'ясняется тем, что XIX столетие открыло собою век железа[1]). Изобретение процесса коксования, доменные печи, огромное развитие горного исскуства и добыча руд из шахт на неслыханной дотоле глубине сделали железо основным материалом для выделки орудий производства, между тем как машины еще в XVIII столетии выделывались из дерева. Тем самым производство освободилось от естественных препятствий, которыми их до тех пор стесняла природа. Но с тех пор, впрочем, и кризисы сделались неизбежным спутником хозяйственного порядка. Кризисы в более широком смысле слова—хроническая безработица, голодовка, затруднения сбыта, политические события, нарушающие течение всей хозяйственной жизни—все это бывает всегда и везде. Открывается, однако, разница между голоданием китайского или индийского крестьянина, полагающих, что божество к нему неблагосклонно или духи находятся в смятеньи и поэтому природа неравномерно распределяет солнечный свет и дождь, и дефектами общественного строя, при которых именно на него можно возложить в случае кризиса ответственность перед последним рабочим. В первом случае имеет место религиозное об'яснение; в последнем—виновником является создание рук человеческих, из чего рабочий и выводит заключение о необходимости перемен; рациональный социализм никогда не возник бы без этих кризисов.

§ 4. Свободная оптовая торговля.

См. обзор у Зомбарта, Совр. капитализм, II, стр. 429; статья „Börsenwesen“ (R. Ehrenberg) и „Märkte und Messen“ (K. Rathagen) в „Handwörterbuch“, 3 изд, Bd. III и VI.

В течение XVIII столетия крупные торговцы-оптовики окончательно отделяются от розничных, образуя в купеческом сословии особый слой. Крупные торговцы предшествующих эпох, например, ганзейцы, еще не были типичными оптовиками.

---

[1]) L. Beck, Geschichte des Eisens, 5m. 1884—1903.

Оптовая торговля, прежде всего, со[illegible] формы торга вообще; одной из этих форм является аукцио[illegible] [illegible]вля; она является средством быстрого сбыта для импо[illegible] [illegible]овых торговцев, занимающихся ввозом товаров, и облегчает им расчеты с заграницей. Типичной формой экспортной торговли, заменяющей в то же время торговлю ярмарочную, является торговля консигнационная. Она состоит в отправке товаров с целью продажи некоторому третьему лицу, консигнатору, который должен сбыть их согласно указаниям консигнанта. Эти два лица не встречаются на ярмарке, как торговцы в прежние времена, а товары отправляются на внешний рынок для спекуляции. Положительною предпосылкою возможности консигнационной торговли является наличность определенного вексельного курса на соответствующий пункт консигнации, иначе нельзя было бы выдержать ее риска, отрицательной же предпос[illegible] является отсутствие практики пробной торговли, вследствие [illegible] перед покупкой каждый раз необходим осмотр приобретаемого то[illegible]. Консигнационную форму облекает обычно заокеанская торговля; [illegible] обладает в тех случаях, когда оптовый купец не имеет никаких [illegible] с розничными торговцами. Дальнейшее видоизменение ее состоит в том, что на ряду с консигнатором, являющимся как бы комиссионером по продаже, выступает еще комиссионер по закупке, продающий полученные издалека товары без предварительного осмотра их. Старейшей формой такой торговли является пробная торговля. Однако, торговля издалека существовала и до ее возникновения; торговалось „купеческое добро“, которое должно было соответствовать освященным традициею качествам; вопрос о том, обладает ли оно ими в действительности, решался купеческими третейскими судами. Пробная же покупка является специфически свойственной новому времени формой дальней торговли. Она играла первенствующую роль в конце XVIII и XIX столетий и была замещена стандартной торговлей по типичным образцам, которая позволяла избегать посылки пробных товаров. Для установления последнего вида торговли необходима выработка определенных товарных типов. Лишь на основе стандартной торговли могли развиться в XIX столетии товарная спекуляция и биржевая торговля товарами вообще.

Предшественницею биржи является ярмарка. Обе тем похожи друг на друга, что сделки заключаются только между купцами; различие же состоит в том, что на ярмарках товары оказываются налицо и самые ярмарки происходят периодически. Промежуточным звеном между постоянной биржей и периодической ярмаркой была так называемая „вечная ярмарка“: в период между XVI и XVIII столетиями в крупных торговых центрах возникают здания под названием „бирж“; но производимая в них торговля еще не может быть названа биржевой в собственном смысле слова, во-первых, потому, что большинство ее представителей составляют не местные, но иногородние купцы, приходящие на „биржу“, как на ярмарку, а во-вторых, потому, что имеются налицо товары или пробы, и сделки заключаются на основании таковых, а не на основании типов и образцов. Биржевая торговля в современном смысле развилась на почве торговли ценными бумагами и видами денег, а не на почве товарной торговли, так как ценные бумаги и валюта сами по себе имеют характер типов. Лишь в течение XIX столетия оборот биржи расширяется введением в круг ее операций то-

варов, типы которых во[illegible]можно установить. Новым моментом в биржевой торговле является рац[illegible]ональная *спекуляция* à la baisse (на понижение), т.-е. продажа заранее в расчете, что к наступлению срока доставки об[illegible]можно будет купить дешевле; если ожидание не оправды[illegible] кризисы, как то оказалось при спекуляции с тюльпана[illegible]вом эксплоатации Миссиссипи. Факты запродажи п[illegible]овара происходили и прежде, но они обычно запрещалис[illegible] скупки товаров во вред интересам потребителя. Нигде они не могли так войти в систему, как на современной бирже, где спекуляция на повышение всегда сталкивается со спекуляцией на понижение. Первым об'ектом спекуляции на понижение была валюта, в особенности бумажные деньги, банкноты, государственные ренты и колониальные бумаги. Можно было придерживаться различных мнений относительно влияния политических событий на курс таких ценностей, а также относительно их доходности, и именно поэтому они были как бы предназначенным предметом для спекуляции. Бумаги промышленных предприятий, однако, совершенно не попадаются в старых курсовых бюллетенях. Гигантские размеры биржевая спекуляция приняла вместе с постройкой железных дорог; последние выпускали ценные бумаги, впервые вызвавшие постоянную и безграничную биржевую спекуляцию. Из товаров в XIX столетии первыми попали в круг биржевой спекуляции зерно и некоторые колониальные массовые продукты.

Необходимейшим условием развития в таком направлении оптовой торговли, именно спекулятивной оптовой торговли, является наличность удовлетворительной организации *осведомления* и *транспорта*.

Широкая осведомительная служба [1]), как она существует теперь в биржевом деле, развилась сравнительно недавно. В XVIII столетии не только английский парламент держал втайне свои прения, но и *биржи*, как купеческие клубы, поступали точно так же со сведениями о своей деятельности: они боялись, как бы знание иностранных цен не привело к неблагоприятным для них последствиям и не испортило им предприятий. *Газетное* дело проникло в сферу торговли необыкновенно поздно. Газеты не могут быть названы детищем капитализма [2]); сначала они ограничивались политическими известиями, по преимуществу же сведениями о необычайных происшествиях во всем мире. Об'явления (инсераты) появляются в газетах очень поздно. Если они и попадались раньше, то вначале по преимуществу были интимного семейного характера; коммерческие об'явления с целью увеличения сбыта сделались обычным явлением лишь в конце XVIII века и как раз в той газете, которая в течение целого столетия занимала первое место среди других в мире—именно в „Таймсе". Официальные *курсовые бюллетени* вошли в обычай лишь в XIX столетии, так как первоначально биржи повсюду были закрытыми клубами, какими они и оставались в Америке до очень недавнего времени. Таким образом, в XVII и XVIII столетиях все сводилось к *сношениям письмами*. Рациональная внешняя торговля без верной доставки письменных со-

---

[1]) См. к последующему: P. D. *Fischer* и M. *Aschenborn*, статья „Post" в „Handwörterbuch" VI³, особенно J. C. *Hemmeon*, History of the British post office, 1913; дальн. литература у В. *Зомбарта*, Совр. капитализм II, стр. 364, 396 и Dahlmann-Waitz (см. выше стр. 17) Nr. 2592, 6823—6825, 8925—8927, 10458—10467.

[2]) L. *Salomon*, Allgemeine Gaschichte des Zeitungiwesens, Lpz. 1907; он-же, статья „Zeitungen" в „Handworterbuch" VIII, 3 изд.

общений была, конечно, немыслима. Эта доставка производилась в средние века частью купеческими гильдиями, частью мясниками, извозчиками и т. д. Наконец, была организована правильная доставка корреспонденции в виде учреждения почты, которая принимала письма для доставки на основании особых договоров с заинтересованными фирмами. В Германии фамилия Турн и Таксис, которой принадлежала почтовая регалия, сделала очень много для упорядочения доставки корреспонденции. Однако, обращение писем, особенно деловых, было сначала весьма незначительно: в 1633 году во всей Англии был сдан один миллион писем, в то время как теперь такое же число их насчитывает небольшое местечко с 4000 жителей.

Что касается способов перевозки[1]), то в них до самого проведения железных дорог, по крайней мере в принципе, ничего не изменилось. Мореплавание почти не увеличилось и еще в VIII в. оставалось таким же, как в Венеции к концу средних веков. Возросло лишь число и размеры военных судов. Это обстоятельство побуждало увеличивать число и вместимость также и торговых кораблей, но дело не могло быть осуществлено в эпоху деревянного судостроительства. Судоходство по озерам и рекам, несколько улучшенное благодаря устройству системы шлюзов, сохраняло все же до XIX столетия цеховую организацию и потому не подверглось коренным изменениям. Сухопутный транспорт также сохранялся в прежнем виде. Почта ничего в нем не изменила, ибо она доставляла лишь письма да маловесные посылки и совершенно не обслуживала крупного производства, столь важного в хозяйственной жизни. Только дороги необычайно улучшились благодаря проведению шоссе. Первый пример показало непосредственно французское правительство (при Сюлли), в то время как в Англии дороги были сданы в аренду предпринимателям, взимавшим за пользование ими шоссейный сбор. Проведение шоссейных путей произвело в развитии сношений небывалый переворот, превзойденный только появлением железных дорог. Современная густота передвижений по грунтовым дорогам не может быть сравнима с положением дела в прежние времена. Напр., через такое маленькое местечко, как Люнебург, в 1793 г. прошло 70.000 лошадей, в то время как вместе с распространением железных дорог, уже в 1846 г. во всей Германии для перевозки грузов их находилось в распоряжении только 40.000. Издержки по перевозке на лошадях в десять, двадцать раз превышали издержки железнодорожного транспорта; с другой стороны, они были в три—четыре раза выше и тогдашних водных фрахтов. Самое большое количество груза, которое могло быть перевезено в Германии на лошадях, равнялось пол-миллиарду тонно-километров, в то время как в 1913 г. по железным дорогам было перевезено 67 миллиардов.

Железные дороги вызвали не только в области общения между людьми, но и в хозяйственной жизни величайший из переворотов, какие совершались в истории. Их возникновение было связано с наступлением века железа; до того времени они могли бы явиться и оставались бы только забавой князей и придворных, как и многое другое.

[1]) Литература у В. Зомбарта, ук. с. II. 236 и сл. и выше стр. 177.

§ 5. Колониальная политика с XVI по XVIII столетие.

H. Merivale, Lectures on colonisation and colonies, 2 ed. London 1861; H. E. Morris, History of colonisation from earliest times to present day, 2 vls., London 1904; E. T. Belgano, Storia coloniale dell' epoca antica, medioevale e moderna, Florenz 1916; A. Helps, The Spanish conquest in America, 2. ed. London 1902; The English people over seas, 6 vls., London 1911—1914; G. B. Hertz, The old colonial system, Manchester 1905; G. L. Beer, The old colonial system 1600—1754, 2 vls., New York 1912; P. Darmstädter, Geschichte der Aufteilung und Kolonisation Afrikas seit dem Zeitalter der Entdeckungen, 2 Bde., Berlin und Leipzig 1913—1920.

Здесь как раз уместно поставить вопрос: какое влияние на возникновение современного капитализма оказали завоевание и эксплоатация обширных внеевропейских земель, хотя мы можем наметить здесь лишь наиболее характерные черты древнейшей колониальной политики.

Приобретение европейскими государствами колоний повело к накоплению в метрополиях колоссальных богатств. Средствами такого накопления явились монополизация колониальных продуктов, а также права снабжения колоний, т.-е. как вывоза товаров в колонии, так и доходов, получаемых от транспортирования товаров из метрополии в колонию и обратно, что особенно подчеркнуто в английском Навигационном акте 1651 года.

Возможность такого накопления богатства во всех без исключения странах опиралась на *власть*. Она могла воплощаться в различных формах: то государство само непосредственно извлекало из колоний прибыль, организуя все колониальные предприятия как регалию, то оно сдавало это право на откуп различным компаниям. Здесь мы встречаемся с двумя главными типами эксплоатации: *феодальным* — в испанских и португальских колониях и *капиталистическим* — в английских и голландских.

Прототипами феодальных форм колонизации были венецианские и генуэзские колонии в Леванте и колонии ордена тамплиеров. В обоих случаях возможность получения дохода обеспечивалась посредством организации эксплоатируемых областей, как феодов (в Испании—encomiendas).

Хозяйство в капиталистических колониях выливалось обычно в формы *плантаций*. Рабочую силу поставляли туземцы. Одно время считали, что перед этой системой труда, давшей блестящие результаты в Африке и Азии, открываются необыкновенно широкие перспективы применения ее в заокеанских колониях. Однако, индейцы оказались абсолютно непригодными для работы на плантациях [1]). Тогда начался ввоз в Вест-индию черных невольников, принявший характер правильной, широко развитой торговли [2]). Она велась на основе высоко оплачиваемых монопольных привилегий на торговлю невольниками (assiento); первая из них была предоставлена в 1517 г. императором Карлом V фламандцам. Привилегии на торговлю невольниками играли большую роль в между-

---

[1]) Параллельно с этим интересно отметить, что долгое время негры оказывались неспособными к работе на фабриках и к обращению с машинами: нередко они впадали в состояние каталептического сна. Здесь впервые в истории хозяйства ясно проявляются расовые различия.

[2]) Главными носителями торговли невольниками были вначале арабы, и доселе остающиеся таковыми в Африке; в средние века таковыми являлись евреи, генуэзцы, затем португальцы, французы, наконец—англичане.

народных договорах до начала XVIII столети[illegible]кому же миру Англия получила исключительное право пр[illegible]ников в южно-американские испанские владения с устране[illegible]льных держав и с обязательством поставлять известный минимум та[illegible] человеческого товара. Размеры торговли невольниками [illegible]тельны. К началу XIX столетия в европейских колони[illegible] жило приблизительно 7 миллионов негров-невольников. Смертность [illegible] них б[illegible] необыкновенно высока и еще в XIX столетии достигала 25%, в предыдущие же столетия она стояла еще гораздо выше. С 1807 по 1848 г. из Африки было ввезено еще 5 миллионов невольников; таким образом, общее число их, вывезенных в заокеанские области рабовладельческого хозяйства, достигало цифры населения крупной европейской державы XVIII столетия. На ряду с черными существовали также и белы[illegible] полуневольники („indented servants“), которых было особенно много [illegible]о-американских английских колониях, где число их в XVIII сто[illegible] превышало число негров. Это были частью сосланные преступник[illegible]ью же бедняки-эмигранты, которые таким образом отслужива[illegible]имость переезда, что составляло почти неоплатный долг[1]).

П р о и з в о д и т е л ь н о с т ь т р у д а н е в о[illegible]ь н и к о в была весьма невысока: в Англии в XVIII столетии ее оценивали в 15—20 фунтов стерлингов на одного невольника в год. Неизбежными следствиями невольничьего труда были: суровая дисциплина на плантациях, беззастенчивая эксплоатация невольников, постоянный ввоз их—ибо они не поддерживались размножением—и, наконец, вообще хищническая система хозяйства.

На развитие современного капитализма накопление богатства, являвшееся результатом колониальной торговли—здесь мы совершенно расходимся с В. Зомбартом [2])—оказало только незначительное влияние. Правда, накоплению средств колониальная торговля способствовала в чрезвычайно сильной степени; однако, на систему организации труда в ее специфически западно-европейском смысле она не повлияла, что будучи сама основана на начале добычи, а не на расчете доходности, вытекающей из оценки условий рынка. Далее, нам известно, например, в Бенгалии содержание английской гарнизонной службы стоило в пять раз больше общей стоимости доставленных туда товаров. При таких условиях доходность сбыта в колонии изделий отечественной индустрии была чрезвычайно низкая и главнейшие выгоды падали на долю организации транспорта.

Конец капиталистической формы эксплоатации колоний совпадает **с п р е к р а щ е н и е м р а б о в л а д е н и я**. В факте отмены последнего этические соображения играли далеко не первую роль. Единственной христианской сектой, все время непрерывно и упорно боровшейся против рабовладения, были квакеры [3]); никакие другие секты, а равно ни католики, ни кальвинисты не стремились так настойчиво и неуклонно к отмене рабства. Решающим событием в истории отмены рабовладения было отпадение северо-американских колоний от метрополии. Еще во время борьбы за независимость рабовладение уже было запрещено

---

[1]) A. S a r t o r i u s von W a l t e r s h a u s e n, Die Arbeitsverfassung der englischen Kolonien in Nordamerika, Strassburg 1894.

[2]) „Современный капитализм“ (3 изд.), II, 1071 и сл.

[3]) St. B. W e e k s, The southerrn Quakers and slavery, Baltimore 1898; A. J ö r n, Studien über die Socialpolitih der Quäker, Karlsruh[illegible] 1912, стр. 121.

в северных колониях и притом из чисто политических соображений демократического характера: этим хотели воспрепятствовать укреплению частновладельческих плантаций и возникновению земельной аристократии; к этому присоединился религиозный момент—наследственное отвращение пуритан ко всякому виду феодализма. В 1794 г. во Франции Конвент высказался за отмену рабовладения из буржуазно-политических соображений, прикрашенных соответствующей идеологией [1]). В 1815 г. Венский Конгресс запретил торговлю невольниками. В то же время упал интерес к ней и со стороны Англии вследствие потери ею североамериканских колоний—областей, куда главным образом невольники и ввозились. Постановление Конгресса дало, однако, Англии возможность одновременно с борьбою против иностранной торговли невольниками самой широко заниматься ею контрабандным путем. Таким образом, с 1807 по 1847 г. при фактическом попустительстве государства из Африки в английские колонии было ввезено 5 миллионов человек. Лишь после парламентской реформы в 1833 г., под влиянием буржуазно-демократических взглядов, рабовладение в Англии и английских колониях было действительно запрещено; запрещение на этот раз строго проводилось в жизнь. Итак, рабовладение XVI—XVIII столетий, столь сильно повлиявшее на накопление состояний внутри Европы, на ее хозяйственный строй почти не оказало никакого действия; оно породило, правда, значительное количество богатых людей, живущих рентою, но лишь в незначительной степени содействовало развитию капиталистической организации промышленности.

§ 6. Развитие промышленной техники.

A. Riedler, Uber die geschichtliche und zukünftige Bedeutung der Technik, Berlin 1900 O. Kammerer, Die Ursachen des technischen Fortschritts, Leipzig 1910; он-же, Die Technik der Lastenförderung einst und jetzt, München 1907.—Ch. Babbage, On the economy of machinery and manufactures, London 1832; A. Ure, Philosophy of manufactures. Exposition of economy of the factory system of Great Britain, 2. ed, London 1835; A. Graziani, Studj sulla teoria economica delle macchine, Torio 1891; G. v. Schulze-Gaevernitz, Der Grossbetrieb ein wirtschaftlicher und sozialer Fortschritt, Leipzig 1892; C. Ergang, Untersuchungen zum Maschinenproblem in der Volkswirtschaftslehre, Karlsruhe 1911.

К. Маркс, Капитал, 3 т., 1867—1894; L. Brentano, Uber die Ursachen der heutigen sozialen Not, Leipzig 1889.

Ср. далее исчерпывающий обзор у В. Зомбарта, I, 181 сл., II, 609 сл.

Не легко дать точное определение понятию „фабрика". При этом слове нам прежде всего рисуется паровая машина и общее механизирование процесса труда. Однако, предшественниками машины были так называемые аппараты, орудия производства, так же, как и машины, нуждавшиеся в управлении, но обычно приводимые в движение водяною силою. Отличие состоит здесь в том, что аппарат служит человеку, в то время как про современную машину можно сказать как раз обратное. Но наиболее резким отличительным признаком современной фабрики являются главным образом не применяемые орудия, не характер процесса труда, но соединение владения мастерскою, орудиями, источником силы и сырым материалом в одних руках—предпринима-

[1]) В 1802 г. во французских колониях рабовладение было снова разрешено.

теля. До XVIII столетия подобное соединен... в немногих отдельных случаях.

В Англии—этом классическом примере к... ...олюции, хотя она кое в чем и следовала примеру ... Италии—намечается следующая линия развития[1]. 1) Ста... ...дей фабрикой, хотя приводившейся в движение еще вс... является, несомненно, учрежденная в 1719 г. шелковая ... ...венте (около Дерби), работавшая в силу патента на изоб...ние, которое на самом деле украдено было владельцем в Италии. Там издавна существовали шелковые фабрики на различных условиях собственности; они служили, правда, для производства предметов роскоши и принадлежали к эпохе еще не характерной для современного капитализма; однако, они должны быть упомянуты здесь, так как орудия произв...тва и все прочее принадлежало уже там одному предпринимателю. ...ерстяная мануфактура возникает на основании патента в 1738 ... ...ого после изобретения аппарата, приводящего, с помощью в... ...лы, в движение 100 шпулек.—3) Далее идет развитие полу-... производства.—4) Начинается систематическое развитие гонч... ...ла после опытов в Стаффордшире; работы над глиною производ... с помощью водяной силы, с разделением труда; орудия труда и ...стерская составляли собственность предпринимателя.—5) С XVIII столетия возникает производство бумаги, но оно развивается прочно лишь вместе с расширением газетного дела, письменного делопроизводства и деловой переписки.

Решающим моментом при проведении рационализирования и механизирования процессов производства являются судьбы хлопчато-бумажной мануфактуры, которая в XVII столетии в широком масштабе была занесена с континента в Англию и там должна была выдержать такую же тяжелую борьбу со старой, существовавшей с XV столетия национальной отраслью производства—шерстяной промышленностью, какую эта последняя вела с производством полотна. Могущество шерстяных заводчиков было настолько велико, что им удалось провести ограничение, даже запрещение полульняного производства, вновь разрешенного лишь Манчестерским актом в 1736 году. Фабричное производство хлопчато-бумажных изделий сначала было затруднено в своем развитии тем, что на ряду с улучшением системы и увеличением ткацких станков веретена сохранили свою старую средневековую конструкцию и не могли поставлять во-время для станков надлежащего количества пряжи. С 1769 г. целый ряд технических улучшений в системе веретен изменил положение в обратную сторону: при помощи водяной силы механическим путем нитки стали производиться в таком количестве, что ткацкие станки не успевали их перерабатывать. Это несоответствие было устранено в 1785 г. благодаря изобретению механического ткацкого станка Картрайтом, который один из первых изобретателей применил к технике положения науки и решал ее проблемы на основании теоретических исследований и построений.

Но даже при таком перерождении орудий производства развитие остановилось бы и капитализм не принял бы его современных форм,

---

[1]) L. Darmstaedter, Handbuch zur Geschichte der Naturwissenschaften und Technik, Berlin 1908; F. M. Feldhaus, Die Technik der Vorzeit, der geschichtlichen Völker und der Naturvölker, Leipzig 1914; K. Karmarsch, Geschichte der Technologie seit der Mitte des 18. Jahrhunderts, München 1872; C. Matschoss, Die Entwicklung der Dampfmaschine, 2 Bde., Berlin 1908.

если бы у г о л ь и ж е л е з о не обеспечили ему победу. Нам известно, что каменный уголь, как горючее вещество, употреблялся уже в средние века—в Лондоне, Льеже, Цвикау[1]). В технике же производства при обработке и переработке железа до начала XVIII столетия употреблялся древесный уголь. Обезлесение Англии, которого Германии удалось избежать благодаря случайным обстоятельствам, привело к тому, что в XVII и XVIII столетиях развитие капитализма почти совершенно приостановилось. Уничтожение лесов в известный момент повсюду тормозило индустриальное развитие. Лишь благодаря введению в дело к а м е н н о г о у г л я обработка железа освободилась от такого подчинения наличности природою данных материалов растительного царства. Правда, первые доменные печи начали появляться уже в XV столетии, но они топились дровами и работали не на частную промышленность, но на нужды военные и, отчасти, на потребности мореплавания. Далее, в XV столетии была изобретена железо-сверлильная машина для выделки пушечных дул. Одновременно с нею появились большие тяжелые железные молоты до 10 центнеров весом, приводимые в движение водяной силой (гидравлические молоты), так что наряду с сверлением оказалась возможной механическая ковка литого железа. Наконец, в XV столетии возникли прокатные мастерские в современном смысле этого слова. Дальнейшее развитие поставило на очередь две трудные проблемы, выдвигавшиеся о п а с н о с т ь ю о б е з л е с е н и я и п р о р ы в а м и в о д ы. Разрешение первой проблемы было тем настоятельнее, что, в противоположность под'ему текстильной промышленности, английская металлургическая промышленность начала приходить в упадок и к началу XVIII столетия, казалось, готова была окончательно замереть. Затруднение было устранено изобретением способа п о л у ч а т ь и з у г л я к о к с, в 1735 г., и применением с 1740 г. кокса для доменных печей. Этот успех был еще более закреплен применением с 1784 г. процесса пуддлингования. Опасность, грозившая рудному делу, пала вместе с изобретением п а р о в о й м а ш и н ы. Первые робкие попытки показали возможность поднимать воду при помощи огня, а потом за период времени с 1670 г. до 1770 г. и далее до конца XVIII столетия паровая машина достигла такой степени совершенства, что добыча угля сделалась возможной в количестве, необходимом для современной индустрии.

Вышеописанный ход развития оказал влияние на промышленность в трех направлениях. Прежде всего у г о л ь и ж е л е з о о с в о б о д и л и т е х н и к у, а в м е с т е с т е м и в о з м о ж н о с т ь п р о и з в о д с т в а о т р а м о к, с в я з а н н ы х с п р и м е н е н и е м о р г а н и ч е с к и х м а т е р и а л о в; пала зависимость также от животной силы и роста растений. Хищническая разработка дала в изобилии ископаемый горючий материал и железную руду—основу такого широкого развития промышленности, о котором раньше нельзя было и подумать. Таким образом, железо явилось важнейшим фактором в развитии капитализма, и мы не можем себе вообразить, как без этого пошло бы дальше его развитие, какой вид приняла бы культура Европы вообще. [2]). Далее механизация процесса производства благодаря применению паровой машины о с в о б о д и л а е г о о т п о д ч и н е н и я о р г а н и ч е с к и м р а м к а м

[1]) См. выше стр. 128.

[2]) С другой стороны и хищническая эксплоатация недр земли имеет свои границы во времени: век железа может продлиться самое большее тысячу лет.

человеческого труда. Конечно, не [illegible] живания машины труд, само собою разумеется, [illegible], механизация всегда проводилась именно [illegible] Каждое новое изобретение приводит к [illegible] рабочих небольшим числом людей, обслу[illegible] при содействии науки производ[illegible] устарелых, традиционных его [illegible] производство вступило в союз с свободно открывающим новые пути интеллектом. Тем не менее, большинство изобретений XVIII столетия было сделано отнюдь не в результате специальных научных изысканий: когда был открыт процесс превращения угля в кокс, то и не подозревали, что он означает в химическом отношении. Лишь связь с современной наукой, систематическая работа в химических лабо[illegible]риях со времени Юстуса Либиха, сделала индустрию тем, что он[illegible] теперь представляет, и содействовала полному расцвету кап[illegible].

Новая форма производства, развившаяся [illegible]ии в XVIII столетии и основывающаяся на соединении в руках [illegible]ного предпринимателя всех средств производства, вначале рекр[illegible]ровала рабочую силу искусными принудительными [illegible]ерами, хотя и не прямого характера. Сюда относится прежде всего закон о бедных и закон об учениках королевы Елизаветы. Появление их было вызвано громадным количеством бродячего люда в стране, обезземеленного аграрным переворотом населения. Вытеснение мелких оброчных крестьян крупными арендаторами и превращение пахотных полей в пастбища для овец (хотя это явление часто переоценивалось) приводили к тому[1]), что число народа, занятого в сельском хозяйстве, постепенно уменьшалось и одновременно увеличивалось количество безработных, которые и были подвергнуты принудительному труду. Тот, кто не подчинялся этому добровольно, заключался в рабочий дом с его строгой дисциплиной. Кто оставлял работу без разрешения хозяина или предпринимателя, считался бродягой. Единственной формой помощи безработным была отправка их в рабочие дома. Именно таким способом и рекрутировалась в первое время рабочая сила для фабрик. С большой неохотой подчинялись рабочие дисциплине труда. Но власть имущего класса была слишком велика: она опиралась на мировых судей, решавших дела не на основании определенных законов, но в зависимости от массы отдельных предписаний и по собственному усмотрению; до второй половины XIX столетия предприниматели произвольно распоряжались рабочей силой, загоняя ее во вновь возникающие предприятия. Но вместе с тем уже с начала XVIII столетия в процессе урегулирования взаимоотношений между предпринимателем и рабочими начали выявляться элементы современного нормирования условий труда. Первые truck-законы были изданы при королеве Анне и Георге I. Они устанавливали систему оплаты рабочих товарами. Если в течение всех средних веков трудящийся боролся за то, чтобы самому сбывать на рынок свой продукт, то теперь законодательству приходилось защищать его от навязыванья ему чужих продуктов за его труд и обеспечить ему денежное вознаграждение[2]).

---

[1]) H. Bradley, The enclosures in England, № 4, 1918, а также приведенная на стр. 87 литературу (особенно Эшли, II, 275 и сл., по немецкому изданию).

[2]) P. F. Aschrott, Das englische Armenwesen, Lpz. 1886, далее см. указ. на стр. 159 сочинения Брентано и др.

Другим источником рабочей силы явились в Англии *мелкие ремесленные мастера*, в огромном числе превращавшиеся в фабричный пролетариат.

Главными источниками сбыта изделий новой промышленности на *рынке* являлись—война и роскошь, нужды армии и создание придворной пышности [1]).

Армии становились все более и более крупными потребителями фабричных изделий по мере того, как возрастали размеры оплачиваемых войск, прогрессировала в них дисциплина и совершенствовались вооружение и военная техника. Для текстильной промышленности важным обстоятельством явилось введение военной формы, как средства установления дисциплины и облегчения надзора; для железной индустрии -потребность в орудиях и снарядах; для торговли—потребность в жизненных припасах. К сухопутному войску присоединяется и флот. Увеличение размеров военных судов открыло индустрии новый рынок для сбыта. В то время, как размеры торговых судов почти не изменились до самого конца XVIII столетия, составляя в среднем для приходящих в Лондон судов еще в 1750 г. всего 140 тонн, военные суда уже в XVI столетии достигали вместимости в 1000 тонн, а в XVIII это сделалось нормальным. Потребности армии и флота возрастали с увеличением числа и протяжения путей военных судов (а также и торговых) в особенности начиная с XVI столетия. Если до тех пор длительность пути на восток обычно равнялась году, то теперь суда оставались в плавании гораздо большее время. Одновременно передвижение войск на более далекие расстояния во время сухопутных походов вызвало необходимость усиленного снабжения их аммуницией, провиантом и т. д. Наконец, начиная с XVII столетия, постройка судов и производство орудий идет необыкновенно ускоренным темпом.

В. Зомбарт полагает, что однообразные массовые потребности войны явились одним из основных условий развития современного капитализма. Эту мысль надобно ограничить должною мерою. Действительно на нужды армии и флота ежегодно расходовались огромные суммы: в Испании 70% всех государственных доходов, в других государствах—$^{2}/_{3}$ и более. Однако, помимо европейского Запада, напр., в царстве Великого Могола и в Китае, мы встречаемся с громадными, хотя и не обмундированными, но снабженными орудиями армиями; тем не менее там это не привело к развитию капитализма. Кроме того, и на Западе, помимо участия капиталистической промышленности, потребности армии все в большей и большей степени удовлетворялись силами самого государства, учреждением государственных мастерских и мастерских для производства предметов вооружения и аммуниции. Поэтому думать, что именно война, как таковая, создавая потребности армии, является одной из определяющих сил при возникновении современного капитализма, представляется нам неправильным. Война, и не только в Европе, является, конечно, проводником капитализма, но вовсе не служит основной причиной его возникновения. Иначе с ростом удовлетворения потребностей армии собственными силами государства капитализм должен был бы падать, но этого мы отнюдь не наблюдаем.

---

[1]) W. Sombart, Studien zur Entwicklungsgeschichte des modernen Kapitalismus. I Bd. Luxus und Kapitalismus.—2 Bd. Krieg und Kapitalismus. 1913.

Наиболее яркую картину того влияния, [illegible]о на развитие промышленности стремление двора и [illegible] роскоши, мы видим во Франции [1]). В XVI столетии еж[illegible] короля на предметы роскоши зачастую доходили до 10 [illegible]ов. Такие огромные траты династии и высших слоев нас[illegible]бствовали возникновению громадного числа предприятий. Важне[illegible] предметами производства были (помимо лакомств, как шоколад, кофе и т. п.): кружева (XVI стол.), тонкое белье (для стирки и глаженья которого возникли специальные мастерские XVII ст.), чулки (XVI ст.), зонтики (XVII ст.), индиго-краски (XVI ст.), гобелены (XVII ст.), фарфор (XVIII ст.), набивные материи (XVII ст.), обои (XVIII ст.). По количеству сбыта наиболее важными оказывались две последние отрасли производства. Они означали демократизи[illegible]ние роскоши и тем представляли собою решитель[illegible] поворот к капитализму.

Придворная роскошь существовала в Кит[illegible] Индии в размерах, никогда и нигде в Европе не виданных. И[illegible]я на это, она не послужила толчком к развитию капитализма и к[illegible]стического производства, так как эти потребности удовлетворялись на основе принудительных повинностей подданных. Эта система установилась так прочно, что даже в наше время крестьяне окрестностей Пекина обязаны поставлять ко двору те же предметы, что и триста лет тому назад, и так как они уже не умеют выделывать их сами, то им приходится покупать их у соответствующего предпринимателя. В Индии и Китае и потребности войска удовлетворялись путем повинностей и барщины. В Европе также известны были, подобно Востоку, принудительные литургии, хотя и в несколько иной форме. Здесь князья косвенными мерами превратили рабочих, занятых в производстве предметов роскоши, в крепостных, наделив их землей, дав им привилегии, связав долгосрочными контрактами и тем прикрепив к мастерским. Однако, мы не видим этого во Франции, классической стране производства предметов роскоши: здесь скорее сохранилась ремесленная форма производства— частью в виде мастерских, частью в виде сдачи на дом. Ни техника, ни экономика такого производства не потерпела коренных изменений. Вследствие демократизирования роскоши и пред'являемых требований на ее суррогаты, известная часть предприятий, вырабатывающих предметы роскоши, обратилась к производству изделий массового сбыта, что и явилось поворотом к капитализму. Это движение отличалось стремлением дать наиболее дешевый продукт, в то время как предприятия по производству предметов роскоши для двора, как и цеховое ремесло, обращали главное внимание на качество изделий. Первою вступила на путь стремления понижать цены путем государственной политики Англия, в исходе XV столетия; желая вытеснить с рынка фландрскую шерсть, правительство установило всевозможные запрещения вывоза.

Революция цен в XVI и XVII столетиях дала решительный толчок для осуществления чисто капиталистической идеи— получать прибыль путем удешевления производства и

---

[1]) H. Baudrillart, Histoire du luxe privé et public, 4 m. Paris 1880. И. Тэн, Происхождение современной Франции. 1 т. „Старый порядок" (Русск. пер. под. ред. Г. Лопатина).

понижения цен[1]). Причиной этой революции с полным правом можно считать постоянный приток благородных металлов, явившийся последствием открытия заокеанских стран. Революция эта длилась с 30-х годов XVI столетия до 30-летней войны, но различно повлияла на отдельные отрасли хозяйственной жизни. Почти все продукты сельского хозяйства повысились в цене[2]), что открыло возможность производства их для сбыта. Совершенно иначе шло развитие цен на промышленные изделия. Цены на последние остались теми же или повысились в самой незначительной степени; таким образом, по сравнению с ценами на продукты сельского хозяйства, они скорее упали. Это относительное падение цен сделалось возможным лишь вследствие перемен в технике и экономике и, в свою очередь, породило стремление увеличить прибыль путем удешевления производства. Таким образом, не развитие капитализма предшествовало понижению цен, но, наоборот, сначала относительно упали цены, а затем уже появился капитализм.

Стремление к усовершенствованию техники и экономики с целью понижения цен уменьшением издержек производства породило в XVII столетии лихорадочную погоню за изобретениями. Все тогдашние изобретатели имели в виду удешевление производства; мысль о perpetuum mobile, как источнике энергии, является лишь одной из иллюстраций этого общего движения. Конечно, фигура изобретателя не чужда и более ранним временам. Однако, при рассмотрении конструкций самого замечательного из изобретателей докапиталистической эпохи, Леонардо да-Винчи—ибо эксперимент впервые возник на почве разрешения вопросов искусства, а не науки—мы замечаем, что раньше изобретатели имели в виду не удешевление производства, но разрешение той или иной технической проблемы. Изобретатели докапиталистической эпохи работали эмпирически. Их изобретения являлись большею частью делом случая. Исключение составляет горное дело: на выдвигавшихся им задачах выработалось разрешение их сознательным научно-техническим путем. Для развития изобретательности очень важным и содействующим нововведением явился первый определенно поставленный закон о патентах, именно в Англии в 1623 г., заключавший в себе все основные положения современного законодательства о патентах. Если до тех пор право пользования изобретением предоставлялось на основании ad hoc выданной за деньги привилегии, то закон 1623 г. ограничивает защиту изобретения 14 годами, обусловливая дальнейшее его использование уплатою предпринимателями определенной премии первоначальному изобретателю. Без этого поощрительного закона не были бы возможны те чрезвычайно важные для развития капитализма изобретения в области текстильной промышленности, которые имели место в XVIII столетии.

---

[1]) G. Wiebe, Zur Geschichte der Preisrevolution des 16 und 17 Jahrhunderts, Lpz. 1895; M. J. Bonn, Spaniens Niedergang während der Preisrevolution des 16 Jahrhunderts, Stuttgart, 1896.

[2]) Это об'ясняется не только увеличением народонаселения; в Китае в XVIII и XIX веках народонаселение увеличилось в 10 раз, и однако не последовало общего под'ема цен на сельско-хозяйственные продукты. О движении народонаселения ср. статьи (K. Inama-Sternegg и Ed. Meyer) „Bevölkerungswesen. II. Bevölkerung des Mittelalters und der neueren Zeit bis Ende des 18 Jahrhunderts in Europa. III. „Die Bevölkerung des Altertums" в Handwörterbuch, II³, стр. 852 сл.

Резюмируя еще раз отмеченные нами выше особенности западного капитализма и причины его возникновения, получим следующие отличительные черты. Лишь он создал покоящуюся на расчете, рациональную организацию труда, которой раньше нигде не встречалось. Торговля существует повсюду, во все времена—она восходит к каменному веку; точно так же в самые различные эпохи и в разных странах встречаем мы финансирование на военные нужды, казенные поставки, откупа, аренду должностей и т. д. Но нигде не видим мы рациональной организации труда. Далее, мы встречаем повсюду примитивное, обставленное всевозможными ограничениями внутри-племенное хозяйство, при котором не может быть и речи о какой-либо свободе хозяйственных сношений между членами одного племени, одного рода, а наряду с этим абсолютную свободу внешней торговли. Внутренняя и внешняя этика были различны, и это порождало полное невнимание к устройству финансов страны. Нет ничего более связанного традициями, чем родовое хозяйство в Китае или кастовое хозяйство в Индии, и рядом нет никого более беззастенчивого, чем индийский внешний торговец. Второю особенностью западного капитализма является как раз уничтожение различий между внутренним и внешним хозяйством, внутренней и внешней моралью, проведение принципа торговли во внутреннем хозяйстве и соответствующая организация труда. Уничтожение первоначальных хозяйственных стеснений замечается, правда, и в Вавилоне; но там нигде мы не встречаем такой организации труда предпринимателями, какая известна современному Западу.

Причину такого хода развития хозяйства только на Западе можно усматривать в некоторых лишь ему одному свойственных чертах культурного развития. Одному лишь Западу известно государство в современном смысле этого слова, с твердыми основами управления, ведомственной администрацией и государственно-гражданским правом; зачатки этого встречаются, правда, в древности и на Востоке, но нигде они не достигли полного развития. Лишь Западу известно выработанное юристами рациональное право, разумно толкуемое и применяемое. Лишь на Западе встречаем мы понятие гражданина (civis romanus, citoyen, bourgeois, Bürger), так как лишь на Западе существует город в специфическом смысле этого слова. Далее, лишь на Западе мы видим науку в современном смысле этого слова: теология, философия, размышления о высших проблемах жизни известны и китайцам, и индийцам и, быть может, отличаются глубиной, недосягаемой для европейцев; но рациональная наука и рациональная техника этим народам неизвестны. Наконец, западная культура отличается от всякой другой еще наличностью людей с рациональной нравственностью: магия и религия встречаются повсюду, но религиозная основа жизнедеятельности человека, которая в конце концов должна была привести к специфическому рационализму, своеобразно обнаруживается опять-таки лишь на одном европейском Западе.

§ 7. Городское гражданство.

M. Weber, Wirtschaft und Gesellschaft, Tübingen 1922, с. 513 сл.; далее R. Maunier, L'origine et la fonction économique des villes, Paris 1910; Фюстель-де-Куланж, Гражданская община древнего мира. Paris 1864. (Есть русск. пер.); R. Pöhlmann, Die Wirtschaftspolitik der Florentiner Renaissance und das Prinzip der Verkehrsfreiheit, Lpz. 1878. М. Вебер. Город (русск. перев. под. ред. Н. И. Кареева. Петрогр. 1923).

С термином „гражданство“ в социальной истории связываются три друг от друга отличные понятия. Прежде всего „гражданство“ включает в себя определенные категории классов, связанных общими экономическими интересами специфического рода; в этом смысле класс горожан не составляет единого целого: сюда относятся одинаково и богатые и бедные горожане, предприниматели и ремесленники; далее, в понятие „граждан“ в политическом смысле входит все население государства, как носитель определенных политических прав; наконец, под буржуазией в сословном смысле мы понимаем те слои населения, которые бюрократией, пролетариатом, но всегда вне их стоящими слоями населения, обозначаются как „люди с состоянием и просвещенностью“: предприниматели, рантье и, наконец, вообще все, обладающие высшим образованием, все люди с определенным общественным положением и уважением.

Первое из этих понятий—экономическое развилось только на Западе. Везде и во все времена были и ремесленники и предприниматели, но нигде и никогда они не об'единялись в понятие одного класса. Второе понятие гражданства мы встречаем в древнем и средневековом городе. Здесь гражданин выступал, как носитель известных политических прав; в то же время вне Европы мы встречаем лишь намеки на это, как, например, в Вавилонских патрициях и в иохеримах—полноправных городских жителях времени ветхого завета. Чем дальше на Восток, тем эти следы реже: „гражданин“ совершенно не известен мусульманскому миру, Индии, Китаю. Наконец, третья—сословная классификация гражданина, как человека с состоянием и образованием или только с состоянием, только с образованием, отличающегося этим и от дворянства и от пролетариата, точно так же является исключительно современно-западным понятием, выраженным в слове буржуазия. Однако, и в древности, и в средние века слово „гражданин“ обозначало не только экономическое, но и сословное понятие: так называли только человека, принадлежащего к определенным сословным группам. Но там он обладал частью положительными, частью же отрицательными привилегиями. Положительными в том отношении, что ему разрешалось заниматься определенными ремеслами; отрицательными же в том, что он был лишен некоторых прав, как то: права быть вассалом, принимать участие в турнире, вступать в привилегированные духовные учреждения.

Гражданин, как человек, принадлежащий к определенной сословной группе, всегда является вместе с тем обитателем определенного города, а город в настоящем смысле этого слова существует только в западной Европе; в других странах, например, в древней Месопотамии рождались лишь зачатки его.

Роль городов в истории культуры огромна. Города создали партии и демагогов. Повсюду в истории встречаем борьбу между

кликами, группами знати, искателями должностей и т. п. Но нигде, за исключением западного города, мы не встречаем партий в современном смысле этого слова, а также демагогов, как ее руководителей, и претендентов на министерские кресла. Город [illegible] также характерные особенности в развитии искусства. Греческое и готическое искусство, в противоположность микенскому и романскому, является специфически городским. Город создал и науку в современном ее виде: в городской культуре греческих городов возникла дисциплина, на которую опирается все дальнейшее научное мышление—математика в том ее виде, в каком она, постепенно развиваясь, существует до наших дней. Точно также городская культура Вавилонян положила начало астрономии. Далее город является носителем религии—не только иудейство, в противоположность религии Израиля, было от начала до конца городским явлением (крестьянин не мог исполнять ритуального закона), но и раннее христианство связано с городом: чем больше был город, тем выше поднимался процент граждан, присоединявшихся к христианству [1]). То же самое можно сказать относительно пуританизма и пиэтизма; крестьянина стали рассматривать, как образец религиозности—только в наше время; в эпоху раннего христианства слово paganus означало одновременно и язычника, и жителя деревни [2]). Точно также городские фарисеи после возвращения из изгнания с презрением смотрели на незнающих закона жителей деревни (Am ha-arez), а Фома Аквинский, оценивая общественную роль различных сословий, говорит о крестьянах с снисходительным пренебрежением. Наконец, только город создал теологическое мышление и наряду с этим также, обратно, свободную от господствующей религии мысль. Платон, когда ставил основной вопрос: как сделать из людей хороших граждан, не мог отделить своей мысли от образа города.

Вопрос о том, следует ли назвать данный населенный пункт городом, решают конечно, не пространственные его размеры [3]), но соображения хозяйственного свойства. С этой точки зрения как в Европе, так и вне ее, городом называется торговый и ремесленный центр, нуждающийся в постоянном подвозе жизненных припасов. Крупные населенные места разделяются в хозяйственном отношении на несколько категорий, именно в зависимости от того, откуда они получают припасы и чем их оплачивают. Крупное место оседлости, не располагающее собственными сельско-хозяйственными продуктами, может оплачивать ввоз таковых или предметами собственного ремесленного производства, или посредством торговли, или из ренты (она может доставляться или содержанием служащих, или поземельными доходами) или, наконец, из пенсий (таков, например, Висбаден, где потребности жителей покрываются пенсиями их, как чиновников и офицеров). В зависимости от источника оплаты с'естных припасов и намечается разде-

[1]) A. Harnack, Die Mission und Ausbreitung des Christentums in den ersten drei Iahrhunderten, 2 изд., II, стр. 273.

[2]) Тут автор смешивает: деревенское население в известные эпохи было так же религиозно, как и городское, только по разному. Что же касается слова paganus (что значит „деревенский житель"), то оно применялось к понятию „язычник" (отсюда „поганый" потому, что язычество дольше всего хранилось в деревне. (Прим. ред.).

[3]) В противном случае Пекин с самого своего основания был бы „городом" еще в то время, когда в Европе не существовало ничего похожего на города. Оффициально же он называется „пять местечек", которые управляются отдельно, как пять больших деревень. Таким образом „гражданина" города Пекина не существует.

ление крупных населенных мест на группы. Это имеет силу по отношению ко всем странам, и именно для таких крупных населенных мест, но не для городов. Дальнейшим отличительным признаком городов является то, что в прежние времена все они служили *крепостями*. В продолжение долгого времени город признавался за таковой в зависимости от того, был ли он крепостью и до тех пор, пока оставался таковою. В качестве города он является обыкновенно *местопребыванием власти*, светской и духовной. На Западе иногда словом *civitas* называли город, в котором жил епископ. В Китае основным признаком города считалось проживание в нем мандарина [1]) и города подразделялись в зависимости от рангов находящихся в них мандаринов. Даже во времена итальянского возрождения города разделялись в зависимости от того, к какому рангу принадлежали должностные лица синьории, в нем действовавшие, и какие категории знати жили там постоянно. Конечно, и вне Европы существуют города, как крепости и места пребывания светской и духовной власти. Но нигде, кроме Запада, мы не видим города в качестве *общинного союза*. Отличительными чертами его в средние века является собственное право, собственный суд и до известной степени автономное управление. Средневековой горожанин был гражданином, потому и поскольку он принимал участие в этом суде и в избрании этого управления. Теперь возникает вопрос, почему же вне Европы не существовало городов в виде такой общинной единицы. Сомнительно, чтобы причины тут были хозяйственного характера. Точно также нельзя их искать в каком-то специфическом германском духе" создавшем будто бы такое об'единение [2]), так как Китай и Индия знают примеры еще более тесной союзности, чем Запад, хотя там и не встречается городского союза. Обратимся поэтому, к историческим фактам. Источниками общинного единения не могли быть ни привилегии, шедшие от средневековых феодальных сеньеров или князей, ни в более древнюю эпоху исходившие от Александра Македонского попытки основывать города на пути в Индию. Уже древнейшие упоминания о городах, как о добровольных союзах, отмечают присущий им *революционный характер*. Западный город возникает на основании клятвы в братском союзе,—συνοικισμός в древности, coniuratio—в средние века. Нельзя, однако, упускать из виду, что под часто внешней юридической формой, в которую облекалась столь нередко происходившая в истории городов вооруженная борьба на почве таких coniurationes, лежали определенные и неотделимые от нее фактические основания. Направленные против городов указы Штауфенов, протестуют не против тех или иных требований граждан, но против самого coniuratio, вооруженного „побратания" в целях защиты и наступления, тем самым—ради захвата политической власти. Первым примером этого является в средние века революционное движение 726 г., центром которого была Венеция, и которое привело к отпадению Италии от Византии. Оно было вызвано недовольством против иконоборческих тенденций императоров, проводившихся под давлением войска, и если религиозный элемент не был единственным, который вызвал движение, то он был ближайшею причиною его

[1]) В Японии до момента современной европеизации чиновники и князья жили в укрепленных пунктах; местечки разделялись по своей величине.

[2]) O. Gierke, Das deutsche Genossenschaftsrecht, 4 т., Berlin 1868—1913, т. 1—2.

вспышки. До тех пор венецианский dux ([illegible])чался императором: далее, существовали фамилии, чл[illegible] наследству занимали должности военных трибунов (ком[illegible]ами). Теперь был проведен закон о выборе трибунов [illegible]бязанными, то-есть, теми, которые несли рыцарскую [illegible] послужило толчком к возникновению движения. Однак[illegible] четыре столетия, до 1143 г. пока впервые появилось на[illegible] commune Venetiarum. Не иначе слагался синойкисм в древности, например во время деятельности Неемии в Иерусалиме. Он призывал отдельные роды и свободную часть сельского населения к заключению клятвенного союза в целях управления городом и его защиты. То же самое должны мы сказать и о возникновении античных городов. Πόλις—всегда является плодом синойкисма—если не всегда фактического совмест[illegible]селения, то во всяком случае фактического клятвенного об'е[illegible] это означало установление общего культа, основание религи[illegible] союза, членами которого могли быть лишь те, у кого имелись [illegible]ы в Акрополе и дома в городе.

Есть две причины того, почему такая фо[illegible]ития встречается только на Западе. Первой причиной является [illegible]чие в организации военного дела. Европейский город [illegible]ал, прежде всего, как союз для обороны, как об'единение экономически способных организовать оборону людей, которые могли вооружаться, снабжаться и развивать военное искусство собственными силами. Таким образом возникает различие в организации военного дела в зависимости от того, вооружается ли войско своими силами, или лошади, оружие и жизненные припасы доставляются военачальниками. Это различие так же важно для социальной истории, как и то, составляют ли средства производства собственность рабочего или капиталиста - предпринимателя. Повсюду за пределами Европы развитию города мешало княжеское войско, которое было древнее его. Раннему китайскому эпосу совершенно не известны гомеровские герои, отправляющиеся на войну на собственной колеснице: ему известен лишь командир, стоявший во главе отряда войска. Точно также и в Индии Александр Македонский встретился с войсками, находившимися под командой таких лиц. В Европе снабжение и вооружение войска военачальниками, т. е. отделение солдата от средств осуществления войны, является такою же новостью, как отделение рабочего от средств производства продуктов; в Азии—мы видим это с древнейших времен. Ни египетское, ни вавилоно-ассирийское войско не представляло собою ничего похожего на гомеровские вооруженные группы, рыцарские войска Европы, городские ополчения древнего Πόλις'а или цеховые войска средневековья. Общей причиной этого различия в организации военного дела является в Египте, Передней Азии, Индии и Китае оросительный вопрос, игравший столь важную роль в их культурном развитии. Оросительная система создала бюрократию, повинности подданных и полную зависимость их существования от деятельности царской бюрократии. Использование рядом с этим и на почве выработанных таким путем отношений царем своей власти и для установления военной монополии явилась основною причиною различия между азиатской и европейской организацией военного дела. В Азии царский чиновник и царский „офицер“ существует с самой глубокой древности, в то время, как в Европе мы их сначала не находим. Религиозное братство и военное

самообслуживание способствовали возникновению и существованию городов. Нечто аналогичное этому встречаем мы также и на востоке: в Индии мы видим возникновение города почти в европейском смысле слова; города, где военное самообслуживание тесно связано с правом гражданства: тот. кто поставит в войско слона, становится полноправным гражданином свободного города Vaiçali. В древней Месопотамии знатные фамилии вели между собою войны и основывали города, которыми сами и управляли. Но здесь эти явления исчезли, когда на почве организации системы орошения возникла сильная царская власть. Поэтому лишь на Западе развитие достигло своего полного расцвета.

Другим препятствием к возникновению города на Востоке была магия. В Индии касты не смогли создать единого общего культа и вместе с ним городского союза, так как ритуалы их были различны. Этим об'ясняется также особое положение евреев в средние века: собор и таинство причащения были символами городского союза; евреи не могли ни молиться в первом, ни участвовать во втором, и поэтому принуждены были основывать отдельные общины рассеяния (диаспоры). Особенно способствовала возникновению европейского города существовавшая в древности широкая свобода священнослужения: священник не являлся обязательным посредником между верующими и богами, как то было в Азии—отправление культа в европейской древности возлагалось на городских должностных лиц. Возникшая таким образом власть Πόλις'а над имуществом богов и доходами храмов повела к замещению жреческих должностей путем аукциона, и этому не препятствовал, как в Индии, магизм. Для Европы позднейшей эпохи крайне важными по своим последствиям оказались три обстоятельства: иудейское пророчество и уничтожение пророками старого иудейского магизма, после чего колдовство, хотя и продолжало считаться реальным, скорее представлялось чем-то дьявольским, а не божественным; затем—чудо сошествия св. духа, т.-е. братство во Христе, сыгравшее колоссальную роль для под'ема древне-христианского энтузиазма; наконец, антиохийский день (к Галатам 2, 11 и сл.), когда Павел (в противоположность Петру) провозгласил религиозное общение с необрезанными. Таким образом, устранены были рамки, поставленные магизмом между родами, племенами и народами, отчасти существовавшие еще в античном „полисе", и открылась возможность развития города в западном смысле.

Если „город" в собственном значении слова представляет собою специфически европейское явление, то это, конечно, еще не исключает существенных внутренних различий между античным и средневековым городом, между городами южной и средней Европы.

В первоначальной стадии развития городских союзов сходство между античным и средневековым городом чрезвычайно велико. И там, и здесь активным и единственным элементом городского союза являются знатные, ведущие „рыцарский" образ жизни, в то время как все остальное население обязано беспрекословно им подчиняться. Обоснованию этих благородных фамилий в городе сильно способствовало принятие ими участия в торговой деятельности. После успешного исхода освободительной борьбы против Византии часть венецианских благородных фамилий осела на Риальто, так как оттуда направлялись корабли на Восток, а Венеция, хотя и ставшая политически независимой, все еще входила в византийскую государственною систему, благо-

даря участию в морской торговле и в морски[illegible]ах. Точно так же и в древности знатные фамилии принимали уча[illegible] торговле не в качестве купцов, но как судовладельцы и капит[illegible]ьно, что в древности не мог приобрести значения ни о[illegible]женный на расстоянии более одного дня пути от мор[illegible]лько те города, которые по политическим и географическим условиям могли принимать деятельное участие в торговле на морях. Поэтому принципиально неправильна мысль В. Зомбарта[1]), будто земельная рента является родоначальницей города и торговли. Справедливо обратное: обоснование в городе об'ясняется возможностью и намерением использовать в торговле земельную ренту, чем, в свою очередь, об'ясняется решающее влияние торговли на пер[illegible]ачальное образование города. В начале средних веков карье[illegible]зь выдвигающегося человека в Венеции протекала следующи[illegible]ом: он начинал в качестве лавочника, т.-е. розничного торгов[illegible]ом переходил к поездкам за море, получая в кредит товары [illegible]ги от знатных фамилий и продавая товары на Востоке, чтобы [illegible]ращении разделить прибыль с заимодавцами. Если обстоятель[illegible]му благоприятствовали, то по истечении нескольких лет он [illegible]етал в Венеции собственность в виде земли или кораблей; после этого ему открывался доступ в привилегированное сословие. Лиц, путем торговли добившихся причисления к знатным фамилиям, обладателей земельной и денежной ренты, в Италии называли scioperati, а в Германии—„почетными бездельниками" (ehrsame Müssiggänger). Конечно, и среди венецианской знати существовали фамилии, занимавшиеся торговлей, как постоянной профессией, подобно тому, как во время реформации многие обедневшие рыцари принуждены были снискивать себе пропитание ремесленным трудом. Однако, обычно полноправным гражданином или членом городской знати назывался человек, обладавший землями и торговым капиталом доходами с которых он жил, но лично не занимавшийся торговлей или ремеслом.

Здесь кончается сходство между средневековым и античным городом: различие между ними возникает с образованием д е м о к р а т и и. Правда, и здесь есть некоторые общие черты. Δῆμος, plebs, popolo, Bürgerschaft, „народ"—это все слова, обозначающие нарождавшуюся демократию. Они подразумевают собою массу населения, не ведущую „рыцарского" образа жизни. За знатным человеком (nobile) рыцарского уклада устанавливается надзор; его лишают права избирать и отнимают другие права, подобно тому, как русская буржуазия потеряла их вместе с октябрьской революцией 1917 года. Причина демократизации всюду носит чисто военный характер; она заключается в появлении дисциплинированной пехоты, гоплитов в древности, цехового войска в средние века: поединок между рыцарями заменяется правильно устроенным войском[2]).

---

[1]) Современный капитализм, I, стр. 149.

[2]) В индийских войсках, согласно древнейшим греческим источникам времен Александра Великого, мы уже видим тактическое их подразделение и построение перед боем; но наряду с этим продолжали практиковаться поединки отдельных бойцов, а в войске Великого Могола, кроме ратников, набранных и экипированных военачальником, сражались бойцы, являвшиеся с собственным вооружением и на социальной лестнице стоявшие выше первых.

Военная дисциплина вела к победе демократии, так как путем привлечения не рыцарских масс этим последним давалось в руки оружие и тем самым они приобретали политическую власть [1]).

Наряду с этим как в древности, так и в средние века большую роль играла власть капитала. Сходны также и средства, при помощи которых демократия пробивала себе дорогу. Как первоначально город, так и popolo вели борьбу в качестве особого союза с своими особыми правительственными лицами. Спартанские эфоры, как представители демократии перед царями, римские народные трибуны, capitano del popolo или della mercadanza в итальянских средневековых городах явились именно такими должностными лицами. Характерной чертой их было то, что они представляли первые заведомо незаконные, т.-е. созданные революцией, должности. Консулы итальянских городов еще ставят перед своим титулом dei gratia, но capitano del popolo—никогда. Как раз такая „внезаконность" и была источником власти римских трибунов. Они sacrosancti только потому, что явились незаконными должностными лицами, и поэтому охранялись лишь божественным вмешательством (и народной местью), а не чем другим. Сходство видится здесь и в цели. Преобладают и решают дело сословные, не классовые интересы: здесь вскрывается прежде всего борьба со знатью. Popolani, чувствуя себя богатыми, сражаясь в городском войске, обладая оружием и видя себя, несмотря на это, оттесненными на задний план,—не хотят больше быть об'ектом презрения со стороны других сословий. Сходство сказывается, наконец, и в средствах, к которым прибегают не законом, а революциею установленные должностные лица особого союза демократии. Повсюду они захватывают право вмешательства в процессы между простыми и знатными; этой цели служит право интерцессии в руках римских трибунов, а также флорентийского capitano del popolo, право, осуществлявшееся путем отмены вынесенных обычным путем судебных приговоров [2]). Демократия требует, чтобы постановления города были обязательными лишь в тех случаях, когда плебеи принимают участие в голосовании. Наконец, она добивается того, что законом признаются только ее постановления. Основное положение римского права „ut quod tributim plebs iussisset, populus teneret" сродни флорентинскому „ordinamenti della giustizia" и исключению „большевиками" нетрудового элемента от участия в „диктатуре пролетариата". Другое средство, применяемое демократией для закрепления своего господства, состоит в принудительном зачислении в состав plebs или popolo. В древности знать обязана была записываться в трибы, в средние века—в цехи, хотя это крайнее средство сплошь да рядом не осуществлялось. Наконец, повсюду замечается внезапное и чрезвычайное увеличение числа должностей: наступает переизбыток чиновничества, вызванный необходимостью для победившей партии доставить хорошо оплачиваемые должности своим приверженцам. Таковы черты сходства между античной и средневековой демократией. На ряду с этим мы видим, однако, и существенные различия. Самое заметное из них—разделение города на составные элементы; в средние века являлись таковыми цехи, в древности же мы не наблюдаем ничего подобного.

---

[1]) Здесь сама собою напрашивается параллель с германской революцией 1918 года.

[2]) Точно так же во время германской революции солдатские советы стремились захватить право утверждения судебных приговоров.

Изучая средневековые цехи, мы замечае[illegible] кормила правления становятся то одни, то другие слои. Во [illegible]ции, классическом городе цехов, старейшим из этих слоев был [illegible]й своей совокупности назывался arti maggiori в отли[illegible] — arti minori. Этот первый слой обнимал собой, с о[illegible] сторо[illegible]в, менял, ювелиров, т.-е. предпринимателей, нуждаю[illegible] в [illegible]ых оборотных средствах; с другой стороны — юристов, врачей, аптекарей, т.-е. вообще „людей с состоянием и образованием", в смысле современной буржуазии. Предпринимательские цехи включались в этот слой в расчете, что, по крайней мере, 50% их членов были или скоро должны стать носителями ренты. Эта категория людей „с состоянием и образованием" называлась также popolo grasso [illegible]ным народом"). То же выражение встречаем мы и в Псалмах—сб[illegible]е обличительной поэзии добродетельного и благочестивого авто[illegible]ально направленном против привиллегированного слоя бога[illegible]атных, против „жирных", как они не раз и там называются.

За arti maggiori следуют мелкие капиталист[illegible]minori: мясники, пекари, ткачи и т. д., стоявшие почти на грани[illegible]ра[illegible]чим сословием (в Германии, но во Флоренции часть их сост[illegible] довольно крупных предпринимателей). Наконец, настоящие рабочие—ciompi—лишь крайне редко становились у кормила власти, обыкновенно лишь в тех случаях, когда знать заключала с ними союз против среднего сословия.

Средневековый город в эпоху господства цехов выработал в своей политике особое направление, так называемую городскую хозяйственную политику[1]). Целью ее было сохранение сложившихся условий заработка и дохода промышленного труда. При этом город обычно стремился подчинить окружающие сельские местности своим промышленным интересам путем установления привилегий и принуждения продавать и покупать только на рынке данного города. Далее город стремится препятствовать конкурренции и развитию крупного производства. Однако, все более и более возрастала противоположность между торговым капиталом и ремесленной цеховой работой, все более и более развивалась домашняя крупная промышленность, а также росло сословие подмастерьев, как предшественников современного пролетариата. Ничего подобного не замечаем мы в древности при господстве демократии. Лишь в древнем Риме находим некоторые намеки на это: Fabri в сервиевом устройстве, государственные ремесленники, военные кузнецы были, повидимому, остатками подобной организации [2]). Во времена расцвета демократии уже не находим ничего подобного, и лишь в Риме позднейшей эпохи такие следы появляются вновь. Таким образом, в древности нет цеха, как владыки города, нет, вместе с тем, цеховой политики и, наконец, нет противоположности между капиталом и трудом в том виде, как она определилась в исходе средних веков. Ей соответствует в древности противоположность между землевладельцами и безземельными. Proletarius это вовсе не человек, служащий государству только воспроизведением потомства,

---

[1]) Указания на литературу см. стр. 99, 104, 142; далее Gierke, ук. с, 1 т.; из литературы о средневековом городе см. особенно: G. Fagniez, Etude sur l'industrie et la classe industrielle à Paris au 13 et siècle. Paris 1877; Kötzschke, ук. с. стр. 123 с библиографией (подробнее Dahlmann-Waitz, nr. 2276, 5653, 6845 и сл.).

[2]) См. выше стр. 128.

как полагает Моммзен[1]); это—лишенный наследства потомок землевладельца и полноправного гражданина, assiduus. Вся политика того времени была направлена к тому, чтобы помешать появлению таких proletarii, для чего ограничивалось обращение в рабство за долги и смягчалось долговое право: коренная противоположность в древности выявлялась именно между горожанином-кредитором и крестьянином-должником[2]). В городе жили ссужающие деньги патриции; в деревне—занимавший эти деньги мелкий люд. При особенностях античного долгового права такие взаимоотношения легко приводили к потере собственности и пролетаризации населения. Вследствие этого античный город выработал не продовольственную политику, как то было в средневековом городе, но военную политику поддержания κλῆρος, fundus, из которого можно было черпать все необходимое для жизни и вооружения. В Риме больше всего боялись ослабления военной мощи. Таким образом, даже коренные реформы Гракхов не были вызваны классовой борьбой в современном смысле слова: они основывались на чисто военных соображениях и были последней попыткой спасти систему вооруженного гражданского ополчения от замены ее оплачиваемым войском из добровольцев. В средние века против знатных фамилий выступали, с одной стороны, предприниматель, с другой—ремесленник; в античном мире - всегда крестьянин. Этому различию содействовало и другое различие античного города от средневекового—иное деление его населения. В последнем знатные фамилии должны были вступать в цехи, в первом—в деревни, δῆμοι, tribus, земельные округа, где они обосновывались на одинаковых с крестьянами-землевладельцами правах. Их превращали в ремесленников в средние века, в крестьян в древности.

В античной демократии, как и в средневековой, мы также видим деление ее на известные слои. Сперва возвысился один classis—слой ὅπλα παρεχόμενοι, тяжело вооруженных (гоплитов), которые имели собственный панцырь и щит и потому ставились в первых рядах войска. Позже, в некоторой части Аттики, особенно в Афинах, большое значение получили неимущие классы, так как для создания обширного флота и его обслуживания потребовалось привлечение всех слоев населения. В конце концов афинский милитаризм привел к тому, что в народном собрании власть захватили матросы. В Риме то же самое имело место после нашествия кимвров и тевтонов, но не в форме предоставления солдатам гражданских прав, а в виде образования профессионального войска с „императором“ во главе.

Кроме указанных выше, мы видим между средневековым и античным городом еще различие в сословном строе.

Типичным гражданином цехового города в средние века является купец или ремесленник; он становится полноправным, если является домовладельцем. Наоборот, в античности полноправным гражданином являлся сельский землевладелец. В цеховом городе господствует сословное неравенство. Неимеющий собственности внутри города и желающий приобрести ее должен обращаться к какому нибудь владельцу, как к своему поручителю. Кроме того, в судопроизводстве он находится в менее выгодном положении. Эти правовые стеснения исчезали лишь

---

[1]) Römisches Staatsrecht III, с. 237, 840, прим. 2.

[2]) Р. Пельман, История античного коммунизма и социализма. 1894—1901 (Есть русск. пер.).

постепенно и не везде одинаково быстро. [illegible] личность, средневековой гражданин был свободен. Выражени[illegible]дской воздух освобождает", надо понимать в том смысле, ч[illegible] одного дня никакой господин не имел пр[illegible]дач[illegible] бежавшего от него крепостного. Хотя это поло[illegible] далеко не повсюду и было сильно ограничено за[illegible] штауфенов, однако, оно точно соответствовало правосознанию городских граждан, совпадая с их военными и фискальными интересами. Таким образом, основной тенденцией в истории средневековых городов является уравнение сословий и борьба за свободу. Подобные сословные различия мы видим и в античном мире: здесь су[illegible]вует противоположность между патроном и клиентом, который, [illegible]но оруженосцу обязан следовать за рыцарем-воином; здесь такж[illegible]твуют крепостные и рабы. Но, с усилением городов и ростом [illegible]тии, сословные различия не сглаживаются, а увеличиваются. Раб[illegible]аются и привозятся в громадном числе и образуют в крупны[illegible] все растущий низший слой населения. Наряду с этим появ[illegible]яют[illegible]ноотпущенники. Таким образом в античном городе, в противополо[illegible] средневековому, сословные различия возрастают. Наконец, в [illegible] мире мы не встречаем ничего подобного средневековой цехо[illegible]полии. В эпоху господства афинской демократии в отчетах о постройке колонн для Ерехтейона мы находим указания на то, что свободные афиняне и рабы работали в одних и тех же группах, причем рабы как лучшие работники, были поставлены над свободными афинянами—положение, совершенно немыслимое в средние века при наличности мощного свободного ремесла.

Все это неизбежно приводит к следующему заключению: демократия античного города представляла собою политический цех. У нее также были монополизируемые ею материальные выгоды; но они носили военный характер: дань, добыча, сборы с союзников распределялись только между гражданами. Поэтому как ремесленный цех конца средних веков, так и демократический гражданский цех античного города одинаково были заинтересованы в том, чтобы замкнуть круг своих членов возможно теснее. Вытекающее отсюда ограничение числа граждан было одною из причин падения греческих городов-государств. Монополией этого политического цеха были „клерухии", распределение завоеванных земель между гражданами, затем раздел военной добычи, и, наконец, возмещение из государственной казны расходов граждан по театру, бесплатная раздача хлеба, оплата участия в суде присяжных и в народном собрании. Поэтому для греческого гражданина хроническая война была нормальным состоянием, и демагог, подобный Клеону, прекрасно знал, зачем он призывал к войне: он обогащал город, так как сословие граждан не вынесло бы длительного мира. Тот, кто занимался мирным ремеслом, не получал доли в этих благах; таковыми были вольноотпущенники и метеки, и в них мы впервые находим нечто похожее на современную, не имеющую земельной собственности, но состоятельную буржуазию.

Если античное государство-город в его наиболее характерной форме—не создало ничего, подобного ремесленному цеху, если вместо этого оно создало для сословия граждан военно-политическую монополию и развилось в солдатский цех, то причина этого носит чисто военный характер: Античный город создал высшую форму военной

техники того времени: мы не можем указать ничего равного войску гоплитов или римским легионам. Этим об'ясняется то свойственное античности обстоятельство, что стремление к обогащению осуществлялось главным образом военной добычею, а также другими преимуществами, извлекаемыми из политики. Гражданину противопоставляется всякий, занимающийся мирным заработком в современном смысле слова. В начале средних веков, в противоположность древнему миру, города не обладали высшей военной техникой—она находилась в руках рыцарей. Ничто не могло противостоять облеченному в панцырь рыцарскому войску. Этим об'ясняется, почему городские войска никогда не действовали наступательно, но всегда только оборонительно, единственным исключением была битва при Куртрэ в 1302 г. Поэтому, средневековые войска городов не могли выполнять и приобретать завоевательных функций, составлявших как бы профессию античных гоплитов и легионов, организовываться в военные цехи.

В средневековой Европе видим резкую противоположность между городами Севера и Юга. На Юге рыцарские фамилии большей частью были оседлы, жили в городе; на Севере—как раз наоборот, они не только обитали вне его, но иногда им даже прямо, запрещалось жительство внутри его стен. Одною из привилегий северных городов являлось право запрещать пребывание в них королевским чиновникам или рыцарям. С другой стороны, северное рыцарство с пренебрежением относилось к городскому патрициату и рассматривало его, как низшую породу людей. Причину этого различия можно видеть в неодинаковости эпох, с которыми совпало возникновение города на севере и на юге. В эпоху возникновения итальянских коммун рыцарская техника стояла на большой высоте; город принужден был, поэтому, приглашать рыцарей на службу или вступать с ними в союз. Городские войны гвельфов и гибеллинов представляют собою в сущности лишь борьбу различных рыцарских групп. Город был заинтересован в том, чтобы рыцари обосновывались в нем; они подвергались принудительному вселению в город, inurbamento, с одной стороны, потому, что тем самым достигалась безопасность дорог от рыцарских набегов, а с другой—потому что так обеспечивался заработок от них городскому населению. Совершенно особую картину представляет собою английский город, который, в отличие от германского и итальянского, никогда не был городом-государством и за редкими исключениями никогда не господствовал над близлежащей сельской областью, не пользовался в этом отношении никакими монопольными правами. Для этого у английского города отсутствовала военная сила, не появлялось и воли к этому. Его самостоятельность основывалась на откупах королевских налогов, ибо гражданином был только тот, кто принимал в них участие, и кто платил сам налоги, посредством которых возвращалась сумма, выплачивавшаяся городом при заключении таких откупов. Особое положение английского города об'ясняется, с одной стороны, необыкновенной централизацией государственной власти в Англии со времен Вильгельма Завоевателя, а, с другой стороны, тем, что начиная с тринадцатого столетия английские коммуны об'единились в парламенте, и рыцари, замышлявшие что либо против короны, оказывались в денежной зависимости от городов, как последние зависели от первых в военном отношении. С того момента, как город получил право посылать своего представителя в парламент, у него не осталось ни желания, ни возможности проведения собственной политики. Разли-

чие между городом и деревней исчезло рано. Г[illegible] массами принимал земельное дворянство в число своих граждан. [illegible] в стране начала играть городская буржуазия, хотя ф[illegible] времени руководство делами оставалось в рук[illegible].

Если нас спросят, какое влияние оказало все [illegible] развитие капитализма, то прежде всего мы должны обратить [illegible] на различие в способах получения дохода в древности и в средние века, и на различие видов капитализма там и здесь.

Прежде всего, повсюду и во все эпохи встречаем различные виды нерационального капитализма: капиталистические предприятия с целью откупов (на Западе, в Китае и в Перед[illegible] Азии) и с целью финансирования войн (в Китае, Индии во времена, [illegible]м существовали отдельные государства), торговый спекулятив[illegible]ализм (врядли можно назвать какую-нибудь историческую эпо[illegible] он не существовал), ростовщический капитализм, путем ссуд [illegible]ирующий затруднительное положение людей; все эти форм[illegible]лизма базируются на военной добыче, налогах, доходах по д[illegible], должностных злоупотреблениях (когда должностное лицо получает вперед известные авансы, как Цезарь и Красс, и для погашения занятых сумм прибегает к злоупотреблениям по должности) и, наконец, на данях и на людской нужде. Все эти обстоятельства носят хозяйственно-нерациональный характер и из них никогда не могла возникнуть рациональная система организации труда. Рациональный же капитализм базируется на положении рынка, т.-е. на чисто хозяйственных условиях; он является тем более рациональным, чем более опирается на массовом производстве и сбыте. Лишь на современном Западе этот капитализм развился в прочную систему, между тем как в древности существовал лишь единственный капиталистический класс, рационализм которого может быть приравнен к рационализму современного капитализма, это был класс римских всадников. Когда греческий город нуждался в кредите, сдавал в аренду общественную землю или вызывал охотника выполнить какой либо подряд, он принужден был обращаться к конкурирующим иногородним капиталистам. В Риме же существовал класс рационально действующих капиталистов, который со времени Гракхов играл в государстве выдающуюся роль. Капитализм этого класса черпал свою силу в использовании государственных предприятий и доходов, в аренде ager publicus, т.-е. завоеванной земли, и казенных имений, в откупах податей, в финансировании политических честолюбцев и военных расходов. Некоторое время он играл в римской политике главную роль, хотя постоянно наталкивался на сопротивление служилой аристократии.

Различие между античным капитализмом и капитализмом конца средних веков, из которых только последний опирается на условиях рынка, проявляется и в самом ходе общего развития после утраты городами их самостоятельности. В древности самостоятельность города была поглощена бюрократически организованным мировым государством, в котором политическому капитализму уже не находилось места. Мы видим, как сначала императоры зависят в финансовом отношении от всадничества, но потом постепенно освобождаются от этой зависимости, лишая всадников откупов и таким образом отнимая от них главный источник богатства; таким же образом раньше египетские фараоны сумели обойтись в конце концов без откупщиков,

как посредников по сбору податей, создав самостоятельную организацию для удовлетворения политических и военных потребностей государства и превратив откупщиков в финансовых чиновников [1]). В эпоху римских императоров аренда казенных имений всюду заменяется наследственным владением. Вместо сдачи государственных подрядов предпринимателю организуются принудительные трудовые повинности подданных. Отдельные классы населения делятся по специальностям, и на эти вновь образованные профессиональные группы возлагаются государственные тяготы с круговою порукою. Это явление равносильно гибели античного капитализма. Место оплачиваемого войска занимает рекрутский набор; устанавливается повинность службы на судах; весь избыток урожая распределяется между отдельными городами, в зависимости от их потребностей, без участия частной торговли; проведение дорог и вообще все общественные работы возлагаются на плечи определенных групп населения, наследственно прикрепленных к своему ремеслу или к клочку земли, на котором они сидят. Наконец, римские городские общины, со своими должностными лицами во главе, тяготеют над отдельными гражданами и их имуществом с широкими правами надзора и иска, так как за выполнение государственных повинностей и за уплату налогов население общины (муниципия) отвечает круговой порукой. Основанием для всех этих повинностей был принцип origo, происхождения, наследственного тягла, для которого образцом в свою очередь служило египетское ἰδία эпохи Птолемеев: подданные должны выполнять свои повинности только в той общине, к которой принадлежат по рождению. Развитие этой системы уничтожило политические условия, необходимые для развития капитализма. Ему не было места ни в Египте, с его системой барщины, ни в Риме, с его позднейшей системой повинностей, обязательных литургий.

Совершенно иные были судьбы города в новые времена. Его самоуправление и здесь подверглось постепенному ограничению. Английский город XVII и XVIII столетия был лишь союзом гильдий, имеющим чисто финансовое и сословное значение. Немецкие города той же эпохи за исключением вольных имперских, были окружными центрами, у которых все права были октроированы сверху. Для французских городов этот момент наступил еще раньше; свобода испанских городов была уничтожена Карлом V во время восстания communeros. Итальянские города находились во власти синьорий; русские никогда вообще, за немногими исключениями, не пользовались такой свободой, как западные. У городов было отнято право иметь войско, собственная юрисдикция. Формально в старых уложениях ничего не изменилось; но фактически новейшие города были настолько же мало свободны, как и античные времен римского владычества. Различие состоит только в том, что теперь они подпали под власть конкурирующих между собою национальных государств, ведущих непрерывную мирную и военную борьбу за господство. Эта конкуренция создала в высшей степени благоприятные условия для развития современного капитализма. Каждое государство стремилось привлечь к себе свободно обращающийся капитал, и этот последний диктовал условия, на которых он соглашался служить. Из вынужденного необходимостью союза государства и капи-

[1]) U. Wilcken, Papyruskunde I, „ с. 169; 329; он-же, Alexander der Grosse und die hellenistische Wirtschaft, Schmollers Jahrbuch XLV (1921).

тала возникло сословие граждан в национальном масштабе—буржуазия в современном смысле слова. Таким образом [illegible] государство создает обстановку для дал[illegible] талызма и последний сохраняется до тех [illegible] государство не уступит места мировому.

§ 8. Рациональное государство.

A. Рациональное государство. Право и чиновничество.

Государство в рациональном смысле слова существует только на Западе Европы. В Китае при старом порядке [1]) над сохранившими свою силу родами, гильдиями и цехами располагал тонкий слой чиновничества так. наз. мандаринов. Мандарин—это прежде всего гуманитарно и литературно образованный человек, обладающий бенефицием, нисколько не подготовленный к делам управления, незнакомый с юриспруденцией, но хороший каллиграф, пишущий стихи, знающий всю литературу Китая за тысячу лет и умеющий ее толковать. Он не придает никакого значения политическим обязанностям. Такой чиновник не управляет самостоятельно: все дела находятся в руках канцелярских служащих. Мандарина переводят с одного места на другое, чтобы он не закрепился в управляемой области; он даже не может управлять той провинцией, откуда происходит родом. Так как он не понимает наречия управляемой им страны, то и не может вступать в непосредственные сношения с населением. Государство с подобными чиновниками представляет собою нечто совершенно отличное от западного государства. В нем все основывается на религиозно-магической вере, что при нормальных условиях добродетель императрицы и ее чиновников, т. е. совершенство их литературного образования, вполне способны все держать в порядке. Если же наступает засуха или другое бедствие, то издается эдикт об увеличении строгости при испытании в искусстве писания стихов или об ускорении делопроизводства, ибо в противном случае духи приходят в смятение. Китай—аграрное государство, поэтому здесь вполне сохранилось господство крестьянских родов,—на которых покоится $^{9}/_{10}$ всего хозяйства,—а также гильдий и цеховых союзов. В сущности же все предоставлено собственному течению. Чиновники не управляют, они выступают лишь при беспорядках и из ряда вон выходящих происшествиях.

Другое дело—рациональное государство, в котором одном только господствует современный капитализм. Оно отличается разделением чиновничества на отдельные ветви и развитием рационального права.

К разделению управления на ведомства с профессионально подготовленным чиновничеством, вместо предоставления дела гуманитарно-образованным людям, в Китае пытались перейти уже в VII и XI столетиях. Но это было лишь мимолетным явлением: наступало очередное лунное затмение и все шло прахом. Нельзя серьезно утверждать, что китайский народный дух не терпит профессионального чиновничества. Но появлению последнего, а вместе с тем и развитию

---

[1]) M. Weber, Gesammelte Aufsätze zur Religionssociologie I, Tübingen, 1920, стр. 276 и приведенная здесь литература.

рационального государства, препятствовала непобедимая вера в волшебство. Поэтому оказался невозможным тот распад родовых союзов, который на Западе явился последствием развития городов и распространения христианства.

Рациональное право нового европейского государства, которое применяют специально подготовленные чиновники, в отношении формы, но не содержания, берет свое начало от римского права. Последнее является продуктом творчества римского города-государства, в котором никогда не устанавливалось господство демократии и ее юстиции, как в городе греческом. Юстиция греческого суда гелиастов походила на суд кади: стороны пытались воздействовать на суде путем патетических речей, слез и очернения противника. Этот способ, как показывают речи Цицерона, применялся и в Риме, правда—в политическом процессе, но не в гражданском, где претор назначал iudex'а, снабжая его точными указаниями условий осуждения виновного или оставления жалобы без удовлетворения. При Юстиниане это рациональное право было кодифицировано византийской бюрократией; этого требовал прямой интерес чиновника получить систематизированное, фиксированное и потому легко изучаемое и применяемое право. С падением римского государства, на Западе правовые традиции хранились итальянскими нотариусами. Им, а также университетам обязаны мы возрождением римского права. Нотариусы сберегли и старые формулы договоров римского права, изменяя их сообразно требованиям времени. Наряду с деятельностью нотариусов, в университетах преподавался систематический курс права. Однако, самым важным фактором было рационализирование судопроизводства. Подобно всем примитивным процессам, старо-германский отличался строгим формализмом. Сторона, произнесшая неправильно хотя бы одно слово из формулы, проигрывала дело, так как формула имела как бы сакраментальное значение, и судьи боялись мести со стороны таинственных сил. Магический формализм германского процесса имел нечто общее с формализмом римского права и постепенно был вытеснен последним. Этому прежде всего содействовала французская королевская власть—путем создания института защитников (адвокатов), в задачу которых прежде всего входило правильное произнесение судебной формулы. Сильное влияние оказало также каноническое право. Мощная организация церковного управления нуждалась в твердых правовых нормах, как для дисциплинарных целей в отношении мирян, так и для собственного внутреннего порядка. Она также мало удовлетворялась „божьим судом“, как и сословие городского гражданства. Как последнее никогда не соглашалось разрешать торговые споры битвой и повсюду требовало для себя отмены обязательности поединка и божьего суда, так и церковь, после временных колебаний, пришла к убеждению, что подобный способ ведения процесса является языческим и не может быть терпим. Поэтому, она старалась возможно рациональнее построить канонический процесс. Такое рационализирование судопроизводства со стороны светского и со стороны духовного государства происходило по всей Европе.

Некоторые в рецепции римского права[1]) усматривают причину упадка крестьянского сословия и возникновения капитализма.

---

[1]) G. v. Below, Die Ursachen der Reception des römischen Rechts in Deutschland, 1915.

Конечно, бывали случаи, когда применение [illegible] римского права вредило крестьянам. Так, например, переиме[illegible] прав в сервитуты означало, что тот, кто [illegible] общины, как бы и являлся собственником [illegible], и владение общинников оказалось обремен[illegible] [с]ервитутами. [illegible] с другой стороны, во Франции королевская [вла]сть, при помощи изучивших римское право законников (леги[стов]), поставила крестьян в правовое положение, крайне невыгодное [для] [крестья]щиков. Точно так же ошибочна мысль, что римское право является непосредственной причиной возникновения капитализма. Англия, [родина] капитализма, никогда не рецепировала римского права, так как [там] рядом с королевским судом стояло адвокатское сословие, не до[пускавшее] изменения национальных правовых институтов. Оно же руководило преподаванием права, из его среды выходили (и еще выходят) судьи; [таки]м путем оно препятствовало проникновению римского [права] [в] [англ]ие университеты и получению судейских мест лица[ми], [в]ы[шедш]и[м]и не из его рядов.

Точно так же все характерные для сов[ремен]ного капитализма институты отнюдь не вытекают из римского права: [проц]ентовые бумаги (долговое обязательство, военный заем) возникли [из] средневекового права под влиянием германской правовой мысли. [Равн]о так же акция выросла из средневекового и нового права: др[евн]ости она была неизвестна; затем—вексель создан арабским, итальянским, германским и английским правом; далее—торговое товарищество [явл]яется продуктом средних веков, так как в античном мире лишь [из]редка встречались одни коммандитные предприятия; наконец—ипотека, официально регистрируемая и обеспеченная залогом, [а] также [з]аместительство, все это—институты средневекового, но отню[дь] [не] [ан]тичного происхождения. Главным следствием рецепции римского [пр]ава было то, что оно приучило к формально-юридическ[ом]у [м]ышлению. Структура каждого права основывается или на [форм]ально-юридических, или на материальных принципах, прич[ем] [по]д [по]следними понимаются принципы утилитарности и деше[визны]. Эти последние принципы лежали в основе юрисдикции му[сульманс]кого кади. Юстиция теократии и абсолютизма базируется [на] материальных принципах, юстиция бюрократии на формально [юр]идических. Фридрих Великий ненавидел юристов, так как они [постоянно] толковали все его указы, основывающиеся на материальных [принципах], строго формально, что приводило к самым нежелательным [для] него [р]езультатам. В данном случае (как, впрочем, и везде) римское [прав]о являлось средством превращения материального права в форма[льное].

Но это [фор]мальное право дает возможность предварительного точного учета. В Китае случается, что человек, продавший дом другому лицу, чер[ез] некоторое время снова возвращается в него и просит принять его [в]следствие его разорения. Если покупщик не выполнит древне-китайского завета братской помощи, то духи приходят в негодование; таким путем обедневший продавец снова насильственно вселяет[ся] в до[м], не платя ничего за помещение. При таких законах капита[ли]зм не[]мыслим: для него необходимо право, работающее по заран[е]е опре[д]еленному плану, как машина; обрядо-религиозные и магические соображения не должны играть никакой роли. Созданию такого [прав]а содействовал союз с юристами нового государства, которое

видело, что это содействует укреплению его мощи. В XVI столетии оно временно пыталось обратиться к гуманистам, и первые классические гимназии были основаны в надежде, что получившие в них образование молодые люди будут хорошими государственными чиновниками: политическая борьба велась главным образом путем обмена официальными грамотами, а этим заниматься могли лишь люди, знакомые с латинским и греческим языком. Иллюзия скоро рассеялась: пришлось убедиться, что воспитанники гимназий, как таковые, еще не способны заниматься политикой, и поэтому пришлось обратиться к юристам. В Китае, где господствовали гуманитарно-образованные мандарины, у монарха не было в распоряжении кадра юристов, и борьба различных философских школ из-за вопроса о том, которая из них дает лучших государственных людей, шла с переменным успехом, пока победителем не оказалось ортодоксальное конфуцианство. В Индии также существовали писатели, но не было образованных юристов. Европа, наоборот, располагала формально разработанным правом—плодом римского гения, и изучившие это право чиновники в отношении техники управления заняли первое место. С хозяйственной точки зрения это обстоятельство имело то значение, что союз между государством и формальной юриспруденцией косвенно содействовал развитию капитализма.

Б. Хозяйственная политика рационального государства.

Государственная хозяйственная политика, заслуживающая такого названия, т.-е. последовательная и неизменная, возникла лишь в новейшую эпоху. Первой выработанной ею системой является так называемый меркантилизм. До него всюду господствовало два направления: фискальная политика и политика общественного благосостояния; последняя понимается в смысле обеспечения населения необходимым количеством продуктов насущного продовольствия.

На Востоке планомерному развитию хозяйственной политики препятствовали причины религиозно-обрядового характера, а также подразделение на касты и роды. В Китае резко противоположные системы сменяют одна другую. Страна знала эпоху широкой внешней торговли с соседними странами до Индии включительно. Затем направление китайской хозяйственной политики изменилось, и она привела к полному отмежеванию страны от внешнего мира, так что весь ввоз и вывоз попал в руки тринадцати фирм и производился только через порт города Кантона. Внутренняя политика находилась под сильным влиянием религии; лишь при катастрофических явлениях пытались исследовать причины бедствия. При этом главное внимание обращалось на настроение провинций, а главную проблему составлял вопрос, должны ли государственные издержки быть покрыты налогами или повинностями. В Японии феодальная организация страны привела к тем же результатам: к полной отрезанности от внешнего мира; здесь главным образом преследовалась цель сохранения сословий в их неприкосновенности. Боялись, что внешняя торговля изменит сложившиеся имущественные взаимоотношения сословий. В Корее причины замкнутости были религиозного характера: если чужеземцы, т.-е. „нечестивые",

являлись в страну, то следовало опасаться ги[illegible]ов. В средневековой Индии видим греческих и римских купц[illegible]ке римских наемников), находим переселившихся евреев и с[illegible], [illegible] отсюда не последовало никакого дальнейшего [illegible] застыло там в кастовой неподвижности, и п[illegible] политика оказалась невозможна. К этому еще п[illegible]давалось запрещение для индийцев покидать пределы их страны. Тот, кто уезжал на чужбину, по возвращении должен был заново просить о принятии его в касту.

На Западе до XIV столетия планомерную хозяйственную политику вели лишь города. Некоторые попытки в этом направлении, правда, мы замечаем и у носителей государственной власти. Во времена Каролингов видим таксацию цен и политику поддержания народного благосостояния в различных формах. Но большая часть мероприятий в этой области осталась на бумаге и, за исключением монетной реформы и системы веса и мер Карла Великого, — все безусловно исчезло в следующую эпоху. Торговая политика, которую он стремился установить по отношению к востоку, не могла быть проведена за отсутствием флота.

Если средневековое государство отказывалось от вмешательства в хозяйственную жизнь, то этим занялась церковь, пытаясь привнести в нее известный минимум законности, честности и церковной этики. Одной из важнейших ее заслуг было поддержание внутреннего (земского) мира (Landfriede): первоначально она старалась установить определенные мирные дни и сроки, затем постепенно выдвинула идею общего мира. Далее носителями рационального хозяйства явились крупные церковные хозяйственные союзы, по преимуществу монастыри; если оно и не было капиталистическим, то все же являлось самым планомерным хозяйством того времени. Позднее влияние церкви начало падать—по мере того, как она снова начала выдвигать старый аскетический идеал, лишь отчасти примиряя его с новыми условиями эпохи. У императоров мы также находим некоторые хозяйственные начинания; таковыми являются таксирование цен при Фридрихе Барбароссе и таможенный договор с Англией, благоприятствовавший германским купцам. Фридрих II провел постановление о соблюдении внутреннего мира, но в остальном вел чисто фискальную политику, покровительствовал богатым купцам, давая им различные, прежде всего таможенные привилегии. Единственным крупным мероприятием германских императоров в области хозяйственной политики была борьба против рейнских пошлин, не приведшая, впрочем, ни к какому результату вследствие противодействия бесконечного числа мелких державцев, занимавших берега Рейна. Вообще же планомерная хозяйственная политика и здесь еще отсутствует. Мероприятия, по внешности представляющие сходство с нею, как-то блокада Венеции императором Сигизмундом или временное запрещение торгового движения по Рейну (в борьбе против Кельна) являются по существу мероприятиями чисто политического характера. Таможенная политика находилась в руках владетельных князей и, за некоторыми исключениями, не вносила в хозяйственную жизнь планомерности. Ее главными принципами были[1]: покрови-

---

[1] A. Braunholz, Das deutsche Reichzollwesen während der Regierung der Hohenstaufen und des Interregnums, Berl. 1890.

тельство внутренней местной торговле за счет торговли с другими областями, в целях поощрения обмена между городами и окружающими сельскими местностями; установление более высоких, по сравнению с ввозными, вывозных пошлин; покровительство собственным купцам во таможенном вопросе; установление дифференциальных пошлин для дорог, так как князь хотел покровительствовать определенной дороге, чтобы удобнее использовать ее в фиксальном отношении; с этой целью он даже принуждал ездить только по ней и систематизировал вместе с тем складочное и рыночное право; наконец, выдача особых привилегий городским купцам, как делал, например, Людвиг Богатый Баварский, хвалившийся тем, что совершенно уничтожил сельских купцов[1]. Покровительственные пошлины были неизвестны за редкими исключениями, как, например, пошлина на вино в Тироле для затруднения ввоза из Италии. Вся таможенная политика основывается на соображениях фискального и продовольственного характера. Те же соображения имелись в виду при заключении многочисленных торговых договоров, восходящих до XIII века. Техника таможенного дела при этом подвергалась значительному изменению. Первоначально высота пошлины составляла $^1/_{60}$ общей стоимости товара. В XIV столетии она поднялась до $^1/_{12}$, так как пошлина одновременно играла роль и акциза. Мероприятия современной торговой политики, как-то покровительственные пошлины, отсутствовали; их роль играли прямые запрещения торговли, практиковавшиеся весьма нередко в тех случаях, когда того требовали продовольственные интересы ремесленников, а позднее—работников на дому; иногда разрешалась оптовая торговля с одновременным запрещением розничной.

Первые следы рациональной правительственной хозяйственной политики мы видим в XIV веке в Англии; они вылились в систему, которая со времен Адама Смита названа была меркантилизмом.

B. Меркантилизм.

Меркантилизм[2] есть возведенное в принцип политики поддержание предпринимательского производства для обогащения. Государство рассматривается как бы состоящим исключительно из капиталистических предпринимателей; внешняя политика государства основывается на стремление преодолеть противника в получении максимальной прибыли—наиболее дешевой закупки и наиболее дорого сбыта, и тем самым достигнуть преобладания над ним. Целью является здесь укрепление внешней мощи государства. Таким образом меркантилизм означает образование современного могущественного государства, каковое дости-

[1]) См. выше стр. 143.

[2]) Ср. E. Leser. Статья «Merkantilsystem» в Handwörterbuch der Staatswissenschaften, 3. Aufl., VI, 650 ff. и английская статья («Balance of trade» usw.) у R. H. J. Palgrave, Dictionary of political economy, 3 vol., London 1895, далее Ад. Смит, О богатстве народов, 4 книга; G. Schmoller, Das Merkantilsystem in seiner historischen Bedeutung, Jahrb. f. Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft VIII (1884) 15 ff.; W. Sombart, Der Bourgeois, München und Leipzig 1913; K. Häbler, Die wirtchaftliche Blüte Spaniens im 16. Jahrhundert und ihr Verfall, Berlin 1888; W. A. S. Hewins, English trade und finance chiefly in the 17. century, London 1892; P. Clément, Histoire du système protecteur en France, Paris 1854; A. P. Usher, History of the grain trade in France 1400—1710, Cambridge (Harvard) 1913, 223 Brisco (ср. стр. 184).

гается, с одной стороны, непосредственно—пу[illegible] увеличения государственных доходов, а с другой стороны—по[illegible] повышения налогоспособности населения.

Предпосылкой политики меркантилизма [illegible] возможно больших источников денежного дох[illegible]. [illegible] думать, что теоретики меркантилизма и государственные [illegible] проводившие его в жизнь, отождествляли богатство страны [illegible]обладанием драгоценными металлами. Они прекрасно понимали, что источником этого богатства является налоговая способность населения, и [illegible] этому единственно для поднятия ее стремились удержать в стране деньги, грозившие исчезнуть из обращения. Дальнейшим програмным пунктом меркантилизма, стоящим в непосредственной связи с политикой расширения мощи государства, служат мероприятия для поддержки роста народонаселения. Чтобы доставлять последнему все увеличивающиеся жизненные средства, считали необходимым завоевание [illegible]зможно большего числа внешних рынков для сбыта изделий внутр[illegible] промышленности и именно не сырых материалов, но готовых [illegible]ов, в которые вложен был максимум народного труда. Наконец, [illegible]ля должна была вестись главнейшим образом через посредство о[illegible]ственных купцов для того, чтобы вся прибыль могла стать предмет[illegible] обложения. Теоретически эта система находила себе поддержку в теории торгового баланса, которая усматривала симптом обеднения страны в факте повышения ввоза над вывозом; это теория впервые утвердилась в Англии в XVI столетии.

Родиной меркантилизма вообще является, по преимуществу, Англия. Первые признаки его замечаем там в 1381 году. При слабом короле Ричарде II, когда наступили денежные затруднения, парламент назначил специальную комиссию, которая сначала работала, исходя из понятия торгового баланса со всеми его существенными особенностями. Прежде всего было издано несколько отдельных частных законов: запрещение ввоза, поощрение вывоза; однако, английская политика в целом еще не получила тогда характера позднейшего последовательного меркантилизма. Моментом решительного поворота к последнему надлежит считать 1440 год, когда был издан один из многочисленных statutes of employments, направленных на борьбу с переживавшимися экономическими затруднениями. Этот статут возвел в принцип два положения, которые иногда и раньше не без последовательности применялись на практике: 1) иностранные купцы, привозящие в Англию товары, должны все полученные за них деньги обращать в английские товары, и 2) английские купцы, отправляющиеся за границу, должны привозить в Англию хотя бы часть своей выручки в наличных деньгах. На этих двух положениях основывалась и по их пути постепенно развивалась вся система меркантилизма, до „акта о мореплавании“ 1651 г., которым стеснены были права иностранного судоходства.

Меркантилизм, как союз государства с капиталистическими интересами, выступал в двух формах: одною из форм его проявления был сословно-монополистский меркантилизм, характерно выраженный в политике Стюартов и англиканской церкви, особенно же в политике обезглавленного впоследствии епископа Лоуда [1]).

[1]) H. Bell, Archbishop Laud and priestly government, London 1907.

Эта система стремилась к разделению всего населения на сословия в социально-христианском смысле, к сохранению неприкосновенности сословий для проведения в жизнь принципа христианско-социальной гармонии, она покровительствовала бедным в противоположность пуританизму, видевшему в каждом бедняке преступника или лентяя. Фактически меркантилизм Стюартов носил преимущественно фискальный характер: все вновь возникавшие предприятия могли ввозить только на основании предоставления им королевской монополии и в течение долгого времени оставались об'ектом бдительного контроля и фискальной эксплоатации со стороны короля. Менее последовательной, но в общем сходной была политика Кольбера во Франции. Он стремился к искусственному насаждению обрабатывающей промышленности на основе покровительственной монополии. В этом мысль его совпадала с стремлением гугенотов, и поэтому он с неудовольствием смотрел на их преследование. В Англии политика англиканской церкви и королевской власти потерпела поражение в Долгом Парламенте, благодаря пуританам. Последние в продолжеине десятков лет вели войну против короля под девизом: „долой монополии“; последние предоставлялись чаще всего иностранцам и придворным, а колонии попали в руки королевским любимцам. Немногочисленные группы мелких предпринимателей, возникшие частью из цехов, частью же из вне их стоящих слоев, также ратовали против королевских монополий, и Долгий Парламент провел закон о лишении монополистов избирательных прав. В этой борьбе пуритан с необыкновенной ясностью обнаружилось поразительное упорство, с которым здравый хозяйственный смысл английского народа боролся против всяких хартий и монополий [1]).

Второй формой меркантилизма является меркантилизм национальный, покровительствующий не тем предприятиям и индустриям, которые создаются на основе монополий, но тем национальным предприятиям, которые уже существуют.

Почти все созданные меркантилизмом индустрии не пережили его; предприятия, вызванные к жизни политикой Стюартов, так же, как и предприятия континентальных государств Европы, включая и Россию, все погибли. Поэтому национальный меркантилизм отнюдь нельзя назвать исходным пунктом развития капиталистического хозяйства. Последний развивался в Англии на ряду с фискально-монопольной политикой, при чем предприятия, возникшие независимо от государственой власти, получали, после крушения монопольно-фискальной политики Стюартов в XVIII столетии, систематическую поддержку парламента. Это было последнее столкновение в борьбе между рациональным и иррациональным капитализмом, капитализмом, основывающимся на условиях рынка, автоматически создающихся извнутри внаружу в силу торговли в процессе обмена товаров, и капитализмом, основывающимся на фискальных и колониальных интересах и государственных монополиях. Ареною, где произошло это столкновение был „Английский Банк“. Он был основан шотландцем Паттерсоном, одним из тех авантюристов капитала, которых породила и вышколила система монополий эпохи Стюартов [2]). Однако, среди участников банка были также

[1]) H. Levy, Die Grundlagen des ökonomischen Liberalismus in der Geschichte der englischen Volkswirtschaft, Jena 1912.

[2]) S. Bannister, William Paterson, 2-е изд. London 1860.

и дельцы-пуритане. Последним предприятием, с которым банк подд... по направлению авантюристского капитализма был ... попытка принять участие в „Южно-океанской Компании". Но за... мы ... можем проследить, как в нем падало влияние П... ... мышленников, уступая место влиянию рациона... группы членов банка, которая почти целиком состояла из пуритан и по происхождению, и по образу мысли.

Однако, и в дальнейшем меркантилизм продолжал играть роль, известную из политической экономии. В Англии ... эта кончилась с установлением свободы торговли, проведенной ... пуританских диссентеров, Кобдена и Брайта, в союзе с интересами промышленников, не нуждавшихся уже более в политике меркантилизма [1]) для поддержания своих, достаточно окрепших предприятий.

§ 9. Развитие капиталистического миро...ения.

Существует довольно распространенное заблуждение, будто одним из существенных условий развития европейского капитализма является быстрый рост населения. В противоположность этому Карл Маркс утверждал, что в каждом хозяйственном строе наблюдаются свои законы движения народонаселения. Это положение, в общем не вполне верное, оказывается правильным в приложении к нашему случаю. Население Европы чрезвычайно быстро увеличивалось с конца XVIII по конец XIX столетия. Столь же сильный рост населения мы замечаем в это время и в Китае—от 60—70 миллионов до 400 миллионов (учитывая возможные преувеличения), что приблизительно пропорционально соответствует приросту населения в Европе. Несмотря на это умножение, развитие капитализма в Китае не только не шло вперед, но даже регрессировало, так как там прирост замечался в других слоях населения, нежели у нас. Китай оказался страной, переполненной мелким крестьянством; об увеличении же того класса, который соответствовал бы нашему пролетариату, там может итти речь лишь постолько, поскольку становилось возможным использование кули [2]) иностранным рынком. Увеличение народонаселения в Европе в общем лишь постольку содействовало возникновению капитализма, поскольку он не мог бы развиться при незначительном числе населения и при отсутствии вследствие этого необходимого количества рабочей силы; но не самое это увеличение вызывает его к жизни. Противоположное положение было бы также неправильно, как утверждение Зомбарта [3]), что приток благородных металлов является единственной причнной возникновения капитализма. Конечно, при известных обстоятельствах приток благородных металлов может вызвать революцию цен (как, например, в Европе с 1530 г.); при благоприятных условиях он может дать толчок к дальнейшему

---

[1]) A. Prentice, History of the Anti-cornlaw-league, 2 т. London 1853; A. Mongredien, History of the free-trade movement in England, London 1881; J. Morley, Life of Richard Cobden, 3 изд. 2 т. London 1902; Palgrave, ук. соч.

[2]) Кули—слово, заимствованное с индийского языка и, собственно говоря, означает соседа или вошедшего в род. G Oppert, The original inhabitants of India, London 1893, с. 131, цитировано в статье „Kuli" в „Handwöterbuch".

[3]) Современный капитализм I, с. 577.

развитию уже намечающейся формы организации труда, как следствие сосредоточения крупных наличных средств в руках известного слоя. Примером того, что один приток благородных металлов не вызывает капитализма, может служить Индия. В эпоху римской империи туда притекало огромное количество благородных металлов — ежегодно до 25 миллионов сестерциев — в обмен за вывозимые индийские товары; однако этот приток вызвал лишь торговый капитализм, и то в незначительном размере. Большая часть притока исчезла во дворцах раджей, вместо того, чтобы быть обращенной в наличные деньги и способствовать созданию рациональных капиталистических предприятий. Это означает, что все зависит от формы организации труда в той стране, куда благородный металл притекает. Благородные металлы из Америки, после ее открытия, шли прежде всего в Испанию. Однако, там наряду с этим притоком замечался регресс капиталистического развития; с одной стороны, мы наблюдаем падение communeros и торговой политики испанских грандов, с другой стороны видим использование благородных металлов для военных целей. Поэтому поток благородных металлов прошел через Испанию, едва затронув ее, и оплодотворил те страны, которые уже с XV столетия находились в состоянии переорганизации системы труда, представлявшем благоприятные условия для возникновения капитализма [1]).

Таким образом, европейский капитализм был вызван отнюдь не увеличением народонаселения и не притоком благородных металлов; в н е ш н и е причины его развития были скорее г е о г р а ф и ч е с к о г о характера. В Индии и Китае, при чрезвычайно равитых внутренних сношениях, колоссальные издержки транспорта ложились тяжелым бременем на тот слой, который был бы способен вырабатывать торговую прибыль и создать капиталистическую систему на базе торгового капитала; в то же время центральный характер Средиземного моря и удобства речных сообщений от него благоприятствовал последнему. Но не следует переоценивать значения этого элемента. Культура античного мира была определенно культурой прибрежных местностей. Мореплавание по Средиземному морю представляло большие удобства (в противоположность китайским водам с их тайфунами) и однако там в то время не возникло капитализма. И в позднейшее время капиталистическое развитие шло интенсивнее во Флоренции, чем в Генуе или в Венеции. Капитализм возник в лежащих внутри страны индустриальных городах, а не в приморских торговых центрах Европы. Затем ему благоприятствовал спрос на войну но не как таковой, а в силу образования специфических особенностей в потребностях европейских армий; далее имело значение стремление к роскоши, при чем опять не как таковое: во многих случаях оно привело к возникновению иррациональных форм, в виде мелких мастерских во Франции и принудительного прикрепления рабочих к дворам некоторых владетельных князей в Германии. В конце концов создателями капитализма были: рациональное постоянное предприятие, рациональная бухгалтерия, рациональная техника, рациональное право; но даже и не они одни: мы должны отнести сюда р а ц и о н а л ь н ы й о б р а з м ы с л и, р а ц и о н а л и з и р о в а н и е о б р а з а ж и з н и, р а ц и о н а л ь н у ю х о з я й с т в е н н у ю э т и к у [2]).

[1]) См. указанную выше книгу M. B o n n, Spaniens Niedergang.
[2]) M. W e b e r, Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie I, c. 30.

В основе всякой этики и вытекающих и... хозяйственных отношений всегда лежит известная традиционн... святость преданий, сохранение способов ведения торговли и хоз... как они перешли к нам от праотцев. Эта особенно... и в наши дни. Еще несколько десятков лет то... шенно напрасной тратой увеличивать вдвое плату ...езскому рабочему нанятому за „аккордное" вознаграждение выкосить кусок луга,—с ... повысить его работоспособность; он просто стал бы работать впол... ибо и так мог бы заработать вдвое. Эта неспособность и нежелание отказаться от рутины есть основа всякой традиции. Присущая человеку склонность к рутине может быть усилена еще двумя обстоятельствами: прежде всего с соблюдением традиций могут быть связаны материальные интересы; когда в Китае попытались ... транспорт товаров по другим путям и перейти к устройству ... рационал... его средств, то это создало угрозу интересам цел... чиновников получавших в связи с прежней системой известн... ные доходы Нечто подобное имело место и в средневековой ..., а также ... вейшее время при проведении железных дорог. Так... заинтересован... помещиков и купцов в получении побочных дохо... решит... препятствовала замене „традиционализма" „рационализмом". Еще ... сильное влияние оказывало суеверное стремление сохра... все привычные способы деятельности из глубокого опасения, что малейшее изменение в обычном ходе жизни вызовет враждебные действия со стороны руководящих нами таинственных сил. Обычно ... этим скрываются материальные интересы духовенства; но основной предпосылкой все же является широко распространенная вера в таинственные силы [1]).

Склонность держаться рутины не может быть побеждена од... стремлением к наживе. Было бы ребячеством думать, что наша рационалистическая и капиталистическая эпоха отличается более ...ным стремлением к наживе, чем другие эпохи. Представители с...менного капитализма не больше горят желанием получить при..., нежели прежние торговцы Востока; и как раз необузданное ничем стремление к наживе само по себе приводило зачастую к хозяйственно ...циональным результатам: люди, подобные Кортесу и Пизарро, ник... не помышляли о рациональном хозяй...

Если, таким образом, стремление к наживе универсально, то, спрашивается, при каких именно услови... рациональн... хозяйственные последствия в виде ...

Первоначально стремление к нажив... друг с другом связанными препятствиями: с одн... так сказать, внутренняя мораль, а именно подчинение ... традициям и пиэтет по отношению к членам своей семьи, рода ... мени, что препятствовало возможности беззастенчивой наживы в к... лиц, связанных известными узами; с другой стороны,—внешняя мораль, а именно беззастенчивость в средствах получения торговой прибыли вне этого круга, во внешнем обмене, где каждый чужеземец рассматривался, как враг, по отношению к которому не обязательны ни какие этические рамки. Устранение этих препятствий начинается с ...

---

[1]) Ср. для Китая: Chen Huan-Chang, The economic principles of Confucius and his school, New-Jork 1911.

пор, как в таких традиционных союзах по чьей либо инициативе возбуждается вопрос о взаимных расчетах и прежние патриархальные отношения нарушаются. Как только в каком-нибудь семейном союзе начинаются взаимные расчеты, появляются возражения против общего ведения хозяйства [1], — исчезает наивная патриархальность, а вместе с нею и препятствие к наживе. Такую картину мы наблюдаем главным образом в Европе. При этом, одновременно с проникновением духа наживы во внутреннее хозяйство, замечается стремление до известной степени ограничить безудержное стремление к прибыли. Результатом является регулированное хозяйство с известным простором для стремления к наживе.

В отдельных местах развитие шло различными путями. В Вавилоне и Китае не ставилось других об'ективных пределов стремлению к наживе, кроме норм, устанавливавшихся внутри рода, в котором хозяйство велось на коммунистических или общинных началах. Несмотря на это, там не развился современный капитализм. В Индии границы в способах извлечения дохода устанавливались только для двух высших слоев— брахманов и раджпутов; члены этих двух каст не могли заниматься некоторыми профессиями. Брахман, правда, мог быть харчевником, так как только у него были чистые руки; но, подобно раджпуту, он был бы исключен из касты, если бы ему вздумалось давать деньги в рост. Наоборот, последнее вполне разрешалость касте купцов и в их операциях наблюдаем нигде невиданную беззастенчивость. Наконец, древний мир знал лиш законное ограничение процентов и только положение „caveat emptor" характеризует вполне всю римскую хозяйственную мораль. Однако и здесь не развился современный капитализм.

В результате мы приходим к удивительному выводу: зародыши современного капитализма надо искать не в культурах Востока и античного мира, но как раз в тех странах, где официально господствовали явно враждебные ему теории.

Хозяйственная этика, проповедывавшаяся церковью, выражается в следующем, перенятом, предполагают, от ариан суждении о купце: „Homo mercator vix aut nunquam potest Deo placere" [2])—купец может действовать безупречно, но не может быть угодным Богу. Такое воззрение сохраняло силу до XV века, когда, наконец, впервые во Франции, стало смягчаться под влиянием изменения условий хозяйственной жизни. Глубоко отрицательное отношение католической и за нею лютеранской этики ко всякому капиталистическому начинанию об'ясняется главным образом страхом перед безличностью создаваемых капиталистическим хозяйством отношений. Эта безличность мешает церкви этически влиять на людские отношения. Отношения между господином и рабом могут быть непосредственно урегулированы этикой; но чрезвычайно трудно, если просто не невозможно, этически влиять на отношения между залогопринимателем и имуществом, обеспечивающим ипотеку, или между индоссаторами на векселях [3]). Результатом такого воззрения церкви было то, что средневековая хозяйственная этика основывалась на правиле iustum pretium, т.-е. справедливой цены и отсутствия свободной конкуренции, она требовала для каждого человека права на существование.

¹) Ср. выше стр. 82, 148.
²) Dist. LXXXVIII, c. 11 Декрета, по Ps.-Chrysostomus, super Matthaeum.
³) M. Weber, Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie I, 544.

Виновниками разрыва этого круга понятий отнюдь не могут считаться евреи, как полагает Зомбарт [1]). Социальное положение евреев в средние века можно сравнить с положением одной из индийских каст, которая бы жила во внекастовом строе; это было племя париев. Есть, однако, различие: по индийским верованиям кастовый порядок распространялся и на будущую жизнь; отдельная личность могла достигнуть рая лишь путем последовательного переселения души, в зависимости от заслуг человека, но такие перерождения совершались в рамках кастового устройства. Последнее было вечно и тот, кто отважился выйти из касты, становился бы отверженным, попадал в ад, заключался во внутренности собаки... В противоположность этому еврейская вера говорит о том, что наступит время, когда роли изменятся: в настоящем евреи являются париями или в наказание за грехи отцов, как говорит Исайя, или для спасения мира: такова была предпосылка для явления Иисуса Назарянина; из такого положения их должна была вывести социальная революция. В средние века евреи являлись пришлым народом (Gastvolk): они стояли вне гражданского общества и не могли быть членами городских союзов, так как не принимали участия в таинстве евхаристии и не могли принадлежать к coniuratio. Они были, правда, не единственными гостями: кроме них таковыми были, например, „кагорцы"—христианские купцы, которые, ведя денежную торговлю, занимали то же положение, находились под охраной князей и платили за право заниматься этой торговлей определенные налоги. Но евреи решительным образом отличались от гостей-христиан тем, что не могли поддерживать с христианами commercium и вступать с ними в connubium. В противоположность евреям, избегавшим вкушать пищу у христиан из опасения, что последними не будут соблюдены предписания их закона, христиане вначале без всяких колебаний пользовались еврейским гостеприимством. При первых вспышках средневекового антисемитизма церковь стала призывать христиан не унижать своего достоинства и не вести знакомства с евреями, которые с своей стороны гнушались гостеприимством христиан. Connubium с христианами был совершенно немыслим со времен Ездры и Неемии. Дальнейшей причиной бесправного положения евреев было то, что хотя были евреи-ремесленники, даже евреи-рыцари (в Сирии), однако евреи-крестьяне встречались лишь в виде исключения, так как занятие сельским хозяйством было трудно совместимо с соблюдением всех еврейских религиозных обрядов. Именно эти обрядово-религиозные соображения привели к тому, что вся хозяйственная деятельность евреев была направлена на торговлю и по преимуществу на торговлю деньгами [2]). Признаком набожности еврея считалось знание им закона, а основательное изучение его легче всего можно было соединить с торговлей деньгами. К этому присоединилось еще то обстоятельство, что, в виду запрещения церковью ростовщичества, христиане не могли заниматься торговлей деньгами; однако, она была необходима, и ею занялись евреи, не подчинявшиеся законам христианской церкви. Наконец, еврейство сохранило первоначально общий для всех дуализм внутренней и внешней морали в том, отношении, что с иноверца разрешалось брать проценты. Этот дуализм позволил евреям заняться экономически-иррациональными предприя-

---

[1]) W. Sombart, Die Juden und das Wirtschaftsleben, 1911.
[2]) Ср. стр. 130.

тиями, как, например, откупами и всякого рода финансированием государства. В течение нескольких столетий евреи достигли в этих областях такого искусства, что их специально повсюду приглашали и зазывали. Но то был капитализм париев, а не рациональный капитализм, как он впоследствии установился в Европе; поэтому среди крупных предпринимателей, творцов современной хозяйственной организации, почти нет евреев; это был христианский тип, оказавшийся возможным только на почве христианского общества. Фабрикант-еврей—это чисто современное явление. Евреи не могли принимать участие в возникновении рационального капитализма уже по одному тому, что не состояли в цехах. Но даже и там, где цеховое устройство им не препятствовало, они не проявили деятельности в этом направлении, как, например, в Польше, где к их услугам был многочисленный пролетариат, который они могли организовать в качестве фабрикантов и давая работу на дом. Наконец, как показывает Талмуд, национальная еврейская этика глубоко традиционна. Набожный еврей так же боится всяких новшеств, как и представитель дикого народа, опасающийся за это мести таинственных сил.

Однако, иудейство имело важное значение для современного рационального капитализма постольку, поскольку оно передало христианству свое о т р и ц а т е л ь н о е о т н о ш е н и е к м а г и и. За исключением иудейства, христианства и двух или трех восточных сект (из коих одна находится в Японии), нет ни одной религии с ясно выраженным отрицательным отношением к магии. Это об'ясняется, повидимому, следующим образом: придя в Ханаан, израильтяне нашли там поклонение богу земледелия, Ваалу, в то время, как их Иегова был богом землетрясений, вулканов и моровой язвы. Борьба между этими религиями закончилась победой израильтян, они изгнали поклонявшихся плодородию жрецов Ваала и заклеймили эту религию печатью низости и безбожия. Подготовив христианство и придав ему характер свободной от магии религии, иудейство оказало тем самым огромное влияние на историю хозяйственной жизни; ибо магия, господствующая повсюду вне сферы влияния христианства, является одним из главных препятствий для рационального развития хозяйства. М а г и я р а в н о с и л ь н а р у т и н е в о б л а с т и т е х н и к и и э к о н о м и к и. Когда в Китае стали строить фабрики и проводить железные дороги, возник конфликт с геомантией: во имя ее требовалась неприкосновенность определенных гор, лесов, рек, могильных курганов для того, чтобы не возбудить неудовольствия духов [1]). Такое же значение в судьбах капитализма имел в Индии ее к а с т о в ы й с т р о й: каждое техническое нововведение, применяемое индийцем, ведет к исключению его из высшей касты с переводом в низшую. При вере в переселение душ это означает, что он может очиститься от греха только при следующем рождении и это вряд ли его может удовлетворить. К этому присоединяется еще то обстоятельство, что каждая каста оскверняет другую. При таком положении вещей, когда один рабочий не может принять от другого даже

---

[1]) Впрочем, когда мандарины поняли, какие выгоды они могут получить, все эти препятствия быстро устранились; теперь мандарины являются главными акционерами железных дорог. Никакие религиозно-этические убеждения не могли долго задерживать вторжение капитализма, во всеоружии стоявшего перед воротами. Однако, тот факт, что ему удалось преодолеть поставленные магией преграды, не означает еще, что капитализм мог зародиться в этой стране, где она играет такую громадную роль.

сосуда с водой, они, конечно, не могут совместно работать в одном фабричном предприятии. Лишь в последнее время после почти столетнего владычества англичан удалось побороть этот предрассудок. Но из хозяйственной группы, действия которой были связаны подобными суевериями, капитализм, конечно, не мог возникнуть.

Во все времена к уничтожению магии и суеверий и к рационализированию образа жизни приводило только одно средство—великое рациональное пророчество. Конечно, далеко не всякое пророчество разрушает силу суеверий. Однако, может случиться, что пророку, заставившему путем чудес и других средств уверовать в себя, удастся разрушить перешедшие от предков священные заветы. Такие пророчества освободили мир от тьмы суеверий и тем самым заложили основание современной науки, техники и капитализма. В Китае не создалось такого движения; раздававшиеся там пророчества, например, Лао-Дзе и Тао-Дзе, приходили извне. Индия знала религию избавления: в противоположность Китаю здесь появились великие пророчества. Но то были проповеди, дававшие лишь примеры религиозного совершенства; таков, например, типичный индийский пророк, Будда; являя образец праведной жизни, ведущей к избавлению, он не об'являл себя посланником бога и не предписывал обязательных правил для земной жизни, но лишь одним своим примером показывал, как должен жить тот, кто своей целью ставит спасение. Не каждый, однако, ставит себе целью спасение и переход после смерти в нирвану; лишь истинные философы могут принять стоическое решение отказаться от этой жизни, исчезнуть из нее в силу отвращения к ней. В результате пророчества в Индии приобрели значение только для интеллектуально развитых слоев. Последователи Будды стали лесными жителями и неимущими монахами. Для массы же утверждение буддийской религии имело совсем иное значение—оно открыло возможность поклонения святым. Появились святые, считавшиеся чудотворцами, которых всячески ублажали, в надежде заслужить через них переход, путем следующих рождений, в высшую касту, достигнуть богатства, долголетия и т. п., то есть благ земной жизни. Таким образом, буддизм в его чистом виде сохранился в сравнительно небольшом слое монахов. Для мирян не существовало никаких моральных правил, в соответствии с которыми они должны были бы устраивать свою жизнь. Правда, у буддизма были и свои „заповеди", но в отличие от еврейских они не были обязательными требованиями, а только советами. Особенное значение придавалось буддийской религией оказанию материальной поддержки монахам. Естественно, что такая религия была не в силах разрушить магию; скорее она способна была породить еще новые ее проявления.

Полную противоположность индийской аскетической религии избавления с ее ничтожным влиянием на массы представляют собою иудейство и христианство, которые с самого начала были плебейскими религиями и всегда стремились остаться таковыми. Борьба древней церкви против гностиков знаменует собою не что иное, как знакомую всем религиям Востока борьбу против интеллектуальной аристократии с целью помешать ей захватить в свои руки руководство церковью. Эта борьба очень содействовала укреплению влияния христианства на массы и именно в том отношении, что магизм в массах был подавлен, насколько это вообще осуществимо. Уничтожить его вполне не удалось

и до наших дней; однако, колдовство стало считаться чем то нечестивым, дьявольским. Зачатки такого отношения к магии находим еще в ветхозаветной этике. Она в свою очередь близка к воззрениям, лежащим в основе собрания изречений и так называемых пророческих текстов египтян. Но самые строгие предписания египетской этики не могли уничтожить обычая класть на сердце покойника скарабея с той целью, чтобы он помог умершему обмануть судью мертвых, утаить от него грехи и таким путем дать умершему проникнуть в рай. Иудейская этика не знает таких софистических обходов. Неизвестны они и христианству. Правда, в евхаристии магия была возведена в таинство, однако, и оно не давало в руки верующего средства обмануть высший суд, как то было в религии Египта. При оценке влияния какой-либо религии на жизнь надо прежде всего строго проводить различие между ее официальным учением и тем, как оно, подчас вопреки всему его духу, преломляется в действительности и главным образом во взгляде на настоящую и будущую жизнь. Далее, нельзя опускать из виду различия между высшей религиозностью духовно развитых последователей и религиозностью широких масс. Высшая религиозность играет для обыденной жизни роль идеала: ее строгие требования не обязательны для повседневной этики. Соотношения между этими двумя видами религиозности в отдельных религиях складываются различно. В католицизме требования высшей религиозности не включаются в круг обязательных для мирянина религиозных предписаний (praecepta), но преподносятся ему, как consilia evangelica. Христианином в полном смысле слова является только монах; от мирянина не требуется полного подражания ему и лишь часть добродетелей об'является обязательной и для повседневной жизни. Выгода такой уступки состояла в том, что этика не оказалась совершенно оторванной от жизни, как то было в буддизме. В то же время лица с высшей религиозностью могли осуществлять ее требования, удаляясь от мира и образуя особые монашеские общины.

Это явление отнюдь не свойственно исключительно христианству; оно часто встречается в истории религий, и наиболее яркой его формой является аскетизм. **Аскетизм** означает твердое проведение в жизнь определенного строгого уклада. На примере Тибета мы видим, к каким грандиозным результатам приводит широкая и последовательная практика аскетизма. Эта страна самой природой была, казалось, осуждена навеки оставаться пустыней. Однако, община безбрачных аскетов создала в Лхассе колоссальные памятники архитектуры и пропитала страну религиозным учением буддизма. Аналогичное явление наблюдаем мы и в средневековой Европе. Монах является первым рационально живущим человеком той эпохи, методически и сознательно стремящимся к одной цели—блаженной жизни за гробом. Только для него звучали колокола, только для него день делился на часы молитвы. Хозяйство монастырских общин было рациональным хозяйством. В начале средних веков из монахов набирались даже чиновники: власть дожей в Венеции пала, когда спор из-за инвеституры лишил их возможности использовать духовенство для своих заокеанских предприятий. Однако, сознательно-последовательный образ жизни ограничивался только монашеством. Францисканцы, путем учреждения ордена терциариев, пытались было распространить его и на мирян. Но все их попытки разбились об церковный институт покаяния в грехах. С помощью исповеди и церковного покаяния церковь повелевала всей средневековой Европой. Однако,

возможность легко очиститься от грехов путем исповеди и налагаемого церковью покаяния притупляла у человека эпохи средних веков сознание своей виновности и греховности. Таким образом единство и строгость методического уклада жизни фактически разрушились. Великолепно зная людей, церковь, конечно, не рассчитывала на возможность из каждого человека сделать этически законченную личность; она была совершенно уверена, что, несмотря на все увещания при исповеди и на самую строгую эпитимию, этические принципы будут вновь нарушаться. Иначе говоря, она расточала свою благодать, не разбирая правых и виноватых.

С этой системой решительно порвала реформация. Лютеранская церковь прежде всего отменила consilia evangelica, что знаменовало собою уничтожение дуализма в этике, различения между обязательной для всех моралью и моралью немногих избранных. Вместе с этим пал и уходящий из мира аскетизм. Глубоко религиозные натуры, прежде бежавшие спасаться в монастыри, теперь должны были выполнять все заповеди в миру. Для такого мирского аскетизма протестанство создало новые соответственные правила: безбрачие не обязательно—брак ведь является просто институтом рационального воспроизведения потомства. Бедность не является необходимым условием; однако и богатство—только как средство к беззаботной жизни—также не рекомендуется. Весьма удачно Себастиан Франк характеризовал смысл реформации в следующих словах: „ты думаешь, что убежал от монастыря—нет, теперь каждый всю свою жизнь должен быть монахом". Влияние этого переложенного понятия об аскетизме в классических странах протестантски-аскетических вероучений можно проследить и до наших дней. Оно особенно заметно в религиозных сектах Америки. Несмотря на уже состоявшееся тогда отделение церкви от государства, там еще 15—20 лет тому назад каждого банкира, врача и т. п., желавших поселиться и работать в той или другой местности, захваченной указанными выше учениями, настойчиво допрашивали, к какой религиозной общине или секте он принадлежит. От характера полученных ответов зависел радушный или холодный прием. Дело в том, что принятие в ту или другую секту предписывало строгое испытание каждого с этической стороны, и при таких условиях принадлежность к секте, не делающей разницы между внутренней и внешней моралью, служило гарантией честности и добросовестности в деловых отношениях; и это обеспечивало успех. Отсюда поговорка—„Honesty is the best politic"—честность лучшая политика; отсюда же проистекает выражение, которое так любят повторять квакеры, баптисты и методисты: „бог благословляет своих: безбожники сами ни на ноту друг другу не верят; по каждому серьезному делу они сами обращаются к нам; набожность—самый верный путь к богатству". Это вовсе не ханжество, не лицемерие; это просто слияние в представлении человека религиозности с ее последствиями, первоначально ей совершенно чуждыми и вовсе не имевшимися ею в виду. Однако, богатство, приобретенное даже как плод строгой религиозности, не спасает от той дилеммы, которая всегда вставала перед средневековыми монастырями: богатство религиозного цеха приводило к внутреннему упадку его членов; приходилось изыскивать меры для борьбы с последним и т. д. Кальвинизм пытался избежать этого, представляя человека не собственником, но лишь управляющим теми благами, которые послал ему бог. С одной стороны, порицая наслаждение, а с другой—не разрешая отрекаться от мира, он религиозной

задачей каждого человека считал сознательное подчинение себе внешних условий. Из этого мировоззрения возникло наше современное понятие „призвания" (Beruf), слово, известное только тем языкам, на которые оказал влияние протестантский перевод Библии [1]). Это понятие дает оценку рационально поставленному капиталистическому предпринимательству, как угодному богу делу. Именно в этом то и заключался корень расхождения между пуританами и Стюартами. Те и другие эволюционировали к капитализму. Но пуританину еврей внушал отвращение, такое же, как и фавориты двора, по той причине, что он, как и те, занимался нерациональными, „недозволенными" предприятиями, напр., ростовщичеством на военные цели, откупами податей, арендой должностей и т. д. [2])

Такое понимание „призвания", с одной стороны, совершенно успокаивало совесть предпринимателя, с другой — побуждало рабочих к труду; при этом в качестве награды за исполнение своего призвания рабочими (иными словами—за согласие их подвергаться в капиталистических предприятиях самой безудержной эксплоатации) последним обещалось ни больше, ни меньше, как вечное блаженство—награда, которая в то время церковной дисциплины, державшей общественную и даже частную жизнь человека в полном порабощении, конечно, представляла совершенно другую ценность, чем сейчас. Церковная дисциплина существовала и в католической и в лютеранской церквах; но только в протестантских аскетических общинах допущение к причастию обусловливалось нравственной безупречностью. Последняя, в свою очередь, отождествлялась с деловой честностью: о самом содержании в е р ы не поднималось вопроса. Такой могущественной, бессознательно утонченной организации для обуздания представителей капитализма не было ни в какой другой церкви или религии, и по сравнении с нею слабеет все, что сделано для развития капитализма Возрождением. Его художники, занимавшиеся и техническими проблемами, были первоклассными экспериментаторами. С искусства и горного дела эксперимент был перенесен и в науку. Однако, несмотря на все то влияние, которое оказало Возрождение, как м и р о с о з е р ц а н и е, на политику государей,—оно отнюдь не наложило такого глубокого отпечатка на человеческой душе, как нововведения Реформации. Почти все крупные научные открытия XVI и начала XVII столетий сделаны на почве католицизма. Коперник был католик, и как Лютер, так и Меланхтон не признавали его открытий. Вообще отнюдь нельзя отождествлять прогресс науки с протестантством. Правда, католическая церковь зачастую препятствовала развитию науки; однако и аскетические секты в протестантизме не признавали чистой науки—интересовались знанием лишь постольку, поскольку оно содействовало удовлетворению повседневных потребностей: стремление направить науку на использование технических и экономических задач было специально свойственно протестантизму [3]).

---

[1]) M. W e b e r, Gesamm. Aufsätze zur Religions-Sociologie. стр. 63, 93, 163, 207.

[2]) Эту противоположность в целом можно формулировать, за неизбежными оговорками, следующим образом: еврейский капитализм был спекулятивным капитализмом п а р и я, пуританский — организацией труда граждан". M. W e b e r, Gesamm. Aufsätze I. стр. 181, прим. 2.

[3]) См. также E. Tröltsch, Die Soziallehren der christlichen Kirchen und Gruppen. 2 т. 1912. Против изложенной точки зрения Макса Вебера на значение кальвинизма: L. B r e n t a n o, Die Anfänge des modernen Kapitalismus, 1916, стр. 117 и S. B r o d n i t z, Englische Wirtschaftsgeschichte I, стр. 282.

Этот религиозный корень современной экономической жизни уж отмер. Теперь понятие „призвания" представляет собой в мире caр mortuum. Аскетическая религиозность сменилась пессимистически отнюдь не аскетическим мировоззрением, как оно представлено в басн Мандевилля о пчелах: грехи и пороки отдельных лиц при известны обстоятельствах могут послужить всеобщему благу. Оптимизм „пр свещения", доказывавший всеобщую гармонию интересов, отброси самым решительным образом все остатки протестантского религиозно пафоса, заимствовал от протестантского аскетизма лишь его взгляд на хозяйство; он именно руководил деятельностью правителей, гос дарственных людей и писателей конца XVIII и начала XIX столети Хозяйственная этика, возникшая на почве аскетического идеала, лиши лась теперь своего религиозного обоснования. Если бы рабочий клас не утерял веру в вечное блаженство—возможно, что он и по сейча был бы доволен своим жребием. Но надежда на награды в будуще пала и на первый план выдвинулись все возрастающие противоречи интересов. Здесь кончается эпоха раннего капитализма и начинаетс железный век XIX столетия[1]).

---

[1]) Попытка автора поставить вопрос о влиянии религиозного начала на хозяйственное развитие интересна по существу, но сделанный им здесь беглый заключительный набросок представляет задачу в слишком упрощенном виде.

(Прим. ред.).

МАКС ВЕБЕР,

КАК ИСТОРИК-СОЦИОЛОГ.

Русский читатель впервые услышал имя Макса Вебера уже много лет тому назад, в связи с его сокрушительной критикой известной работы Р. Штаммлера „Хозяйство и право“. В той же области социологических проблем М. Вебер снова заставил нас говорить о себе и позднее, когда неожиданно сопоставил и блестяще связал между собой „дух“ современного капитализма и протестантскую этику. Этот интерес к работам немецкого ученого на первых порах ограничился, однако, рядом отзывов и рефератов и только в наши дни мы увидели на русском языке его „Город“, за которым следует предполагаемая ныне „История хозяйства“. И не подлежит никакому сомнению, что этот живой, глубокий и всесторонний ум заслуживает близкого с ним знакомства. Постараемся же в кратких чертах обрисовать сначала общенаучное наследие М. Вебера, чтобы в дальнейшем подчеркнуть некоторые из его основных мыслей, как историка-социолога.

За свою непродолжительную для немецкого ученого жизнь (1864—1920) М. Вебер оставил глубокий след на целом ряде научных дисциплин в качестве профессора и писателя. Его исследования не ограничиваются теоретической политической экономией и ее методологией, но касаются также экономической истории вообще и экономики античного мира в частности, организации банков и биржи, сельско-хозяйственного и отчасти промышленного труда; равным образом они затрагивают вопросы философии, этики, религии и психологии.

Первые работы М. Вебера связаны с классической древностью, с аграрной историей Рима (1891 г.), которая в дальнейшем была дополнена и переработана им в „Аграрную историю древнего мира“. Вся античная культура есть культура, покоющаяся на рабстве—такова основная мысль этой замечательной работы. Война в древнем мире является охотой за рабами; рабский же труд создал ту общую дешевизну людского материала, которая лишила античный мир возможности перейти к свободному труду и техническому прогрессу. Рабская казарма, в которой жили лишенные семьи „говорящие орудия“, неизбежно ограничивала и тормозила естественное размножение рабского населения; а потому это рабовладельческое хозяйство и рушится, как только закончились войны Рима во втором столетии. Резко изменившаяся политика народонаселения заставила вернуть раба к семье и превратить его в колона.

Одновременно с занятиями по истории далеких от нас хозяйственных отношений М. Вебер живо интересуется и вопросами современной жизни, обсуждение которых быстро выдвинуло его в качестве одного из наиболее видных германских политиков [1]). В начале 90-х годов он дает теоретическое исследование о бирже, освещает положение восточно-

---

[1]) *Любопытно, что, зная русский язык и интересуясь, как политик, нашими делами.* М. Вебер написал две статьи, посвященные нашей революции 1905 г.: „Zur Lage der bürgerlichen Demokratie in Russland» и „Russlands Uebergang zum Schein-Konstitutionalismus“.

...ейских батраков, чтобы перейти в дальнейшем к вопросу о положении рабочих в промышленности. Так доходит он и до задач экономической психологии в широком смысле слова, которые и освещает в своих работах: „Zur Psychophysik der industriellen Arbeit“ и „Die Grenznutzlehre und das physychophyssische Grundgesetz“.

Однако, широкой известности своего имени М. Вебер обязан тем своим работам, где с полной убедительностью он сумел установить ...иданную и строгую связь между религией и экономической психологией в истории, между этикой протестантизма и духом капитализма (Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus). Отметим прежде всего, что М. Вебер примыкает здесь к одной из центральных мыслей К. Маркса, а именно, к выпукло очерченному им духу капитализма. Какова же характерная особенность капиталистического духа? Какой чертеж человеческих отношений предлагает здесь К. Маркс? Точный и убедительный ответ дает нам следующее место из I-го тома „Капитала“. „Капиталист лишь настолько имеет историческое значение и историческое право на существование, насколько он олицетворяет капитал; но поскольку он олицетворяет капитал... стимулом его деятельности служат не потребительные ценности и пользование ими, а ценности меновые и умножение их. Как фанатик созидания новых ценностей, он, не обращая ни на что внимания, побуждает человечество к производству ради производства, следовательно, к развитию общественных производительных сил и созданию материальных условий производства. В этом смысле он разделяет с собирателем сокровищ страсть к обогащению ради обогащения, ради увеличения стоимости. Но то, что у одного является манией индивидуальной, у другого является результатом действия механизма, одно из колес которого он представляет собой.. При начале капиталистического производства единственные страсти—это стремление к обогащению и скупость... На известной высоте развития условная степень расточительности, служащая в то же время средством выказать богатство, а следовательно, полезная для получения кредита, становится деловой необходимостью для капиталиста... Но в основании ее скрывается грязное скряжничество и заботливый расчет... Накопляйте, накопляйте! Вот Моисей и пророки! Накопление ради накопления, производство ради производства“ [1]).

Таков „дух“ капитализма, этого сложного хозяйственного механизма. Основным признаком этого капиталистического духа служит экономический рационализм, который проявляет себя в точном количественном учете, упорном достижении известной хозяйственной цели без оглядки по сторонам, методическом применении средств к раз поставленной цели. Этот рационализм капиталистического строя отчетливо сказался в технике, где личные навыки уступили место научно-техническому расчету, а исполнительная роль все больше передавалась машине, этому типическому выразителю новейшего строя. И если рационализм хозяйственной жизни достиг в наше время своего полного и законченного развития, то спрашивается, как он складывался, где истоки его и основные предпосылки. Здесь то и выступает М. Вебер, доказывая в своем блестящем этюде, что промышленные успехи тесно связывались в ряде протестантских групп (кальвинистов, баптистов, методистов) с аскетическим отношением к жизни, с этической выра-

¹) Капитал, т. I, стр. [illegible]—2[illegible]. Спб. [illegible] г.

боткой личности, с глубоким религиозным одушевлением [1]). В этом странном на первый взгляд сочетании набожности и аскетизма с духом приобретения и наживы ярко сказывается характерная особенность развивавшегося капиталистического строя, а именно, рационалистический характер религиозного убеждения, утилитарная основа миропонимания. Отыскивая корни современного капитализма, М. Вебер ведет нас от хозяйства к хозяину, от системы хозяйственных отношений к самому хозяйствующему суб'екту. В чем же заключается внутренняя историческая связь между капитализмом и протестантизмом? Этот вопрос можно поставить и в иной, более конкретной форме: откуда взялась та характерная особенность капиталистического духа которая заставляла капиталиста, а иногда заставляет еще и теперь, признавать своим долгом увеличение имущества путем производительных затрат. Почему для капиталистической этики высшим благом стало увеличение богатства и откуда ее идея о профессиональном долге перед своим имуществом? За ответом автор ведет нас к протестантизму, с его понятием Beruf'а, как религиозном призвании к определенной светской профессии. В русском языке, равно как у католических народов, слово „призвание" (Beruf) лишено религиозного оттенка и оно часто передается или переводится у нас словами—труд или профессия. В протестантизме же „призвание" (Beruf) представляет собой вероисповедный стержень. В противоположность средневековому католицизму протестантизм решительно отвергает противопоставление церковного и мирского. Провозгласив же самостоятельность мирской жизни, он стал вместе с тем все мирские занятия и дела рассматривать, как исполнение религиозных обязанностей. А потому наибольшая роль в деле выработки капиталистического духа и выпала на долю тех протестантских сект, которые особенно строго проводили религиозный контроль над мирской жизнью. Главное же значение получил здесь кальвинизм в его английском преломлении, т.-е. пуританизм. Почему же выдвинулся именно он? Мы знаем, что, по основному догмату кальвинизма, бог одних предопределяет к вечному блаженству, других же к вечному мучению, и человек не может отклонить того, что ему предопределено. Казалось бы, этот мрачный фатализм должен лишить человека всякой силы и уверенности, на деле же он привел к выработке характера и энергии тех железных кальвинистов, которые выступили на исторические подмостки в XVI в. Каждому человеку извечно предопределена особая дорога. Но кто избран к спасению и кто обречен на гибель—этого никак нельзя определить. Все люди разделены между собой этим предвечным избранием, отсюда и „чувство неслыханного внутреннего уединения отдельного индивидуума". Каждый за себя и каждый должен считать себя избранным. А потому и необходимо строгое и неустанное за собой наблюдение. Необходима аскетическая выдержанность мирской жизни, которая является испытанием избранных. Потусторонняя цель как бы взнуздала жизнь посюстороннюю, земную. „Христианская аскеза—говорит М. Вебер—пошла на рынок жизни, заперла за собой двери монастыря и стала насыщать своей методикой именно мирскую, повседневную жизнь в целях преобразования ее в рациональную жизнь в миру, но вместе с тем не от мира сего и не для этого мира". Так

[1]) Впрочем, еще Маркс заметил в I т. „Капитала", что „протестантизм играет важную роль в происхождении капитализма, хотя бы только благодаря прекращению важных традиционных праздников в рабочие дни".

ляется проповедь неустанного, строго размеренного труда, труда рационального, а в качестве полезности дела или профессии оказывается его прибыльность. Так избранный свидетельствует о себе в той христианской деятельности, которая проявляется им в труде, профессии, словом, в „призвании“. Но работать, чтобы разбогатеть, нужно не в целях плотского удовольствия или греха, но для бога; человек только распоряжающийся теми дарами, которые доверил ему бог: он тот библейский раб, который должен господину своему дать отчет в каждом гроше. И чем больше имущество, тем тяжелее за него ответственность. Если упорное накопление, методическое обогащение—дело богоугодное, то расточение имущества—тяжелый грех. Так, развязывая руки для увеличения имущества, кальвинизм связывает человека в его потреблении. Повседневный самоконтроль пуританина является как бы прообразом хозяйственного баланса. Так создается тот „капиталист-еретик“, который рассматривает человека и вещи чисто рассудочно, с точки зрения своей бухгалтерской книги. Так фарисейски спокойная совесть при наживании денег легла затем в основу буржуазной профессиональной этики.

Строгое самообладание, холодная рассудочность внутренней и рациональная размеренность внешней жизни, враждебность ко всему чувственному и инстинктивному, привычка полагаться только на самого себя—все это воспитывало в пуританах самостоятельность не только хозяйственную, но политическую. Еще Монтескье заметил в „Духе законов“, что „англичане в трех важных вещах превосходят все народы мира: в благочестии, торговле и свободе“. М. Вебер и показывает нам, как и почему „благочестие“ содействовало „торговле“, как мирской аскетизм установил единообразие жизненного стиля, об'единил производство, ущемил потребление и освободил приобретательство.

Такова колыбель современного „экономического человека“, который быстро, однако, ее перерос. Теперь—так заканчивает М. Вебер свою „Историю хозяйства“—хозяйственная этика, возникшая на почве аскетического идеала, лишилась своего религиозного обоснования. Если бы рабочий класс не утерял веру в вечное блаженство—возможно, что он и посейчас был бы доволен своим жребием. Но надежда на награды в будущем пала и на первый план выдвинулись все возрастающие противоречия интересов“.

Работа о протестантской этике и духе современного капитализма послужила М. Веберу как бы исходным пунктом для дальнейших однородных исследований, которыми он занялся во время мировой войны и за работой над которыми его застигла смерть. „Хозяйственная этика мировых религий“—такова была тема нового большого замысла, осуществить который автору удалось только частично в отношении конфуцианства, буддизма и юдаизма. Так создался его известный трехтомный труд: „Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie“.

Глубоко систематический ум, М. Вебер не мог удовлетвориться, однако, чисто историческими исследованиями, а стремился восполнить их рядом методологических соображений, которыми он хотел облегчить и выровнять дорогу к систематическим построениям, социологическим обобщениям. Здесь, в области логики общественных наук, ясно сказывается его родство с неокантианством, в частности его особая близость к известному учению Г. Риккерта о науках о природе и науках о культуре. А раз так, то у многих, наверное, сам собою возникает ряд недоуменных вопросов. Что могут дать работы М. Вебера русской науке,

которая находится ныне под воздействием таких реалистических и материалистических систем, которые чужды всякому идеализму? В частности, где могут быть точки соприкосновения между историческими работами М. Вебера и тем обобщением всего исторического опыта, которое дает нам марксизм? Вопрос этот тем более уместен и недоумение тем более естественно, что уже самый ход исторической мысли М. Вебера в слегка набросанной нами схеме предрасполагает к отрицательному ответу. Действительно, вводя в круг изучения экономической жизни религию, разве он не вынуждает нас к выводу, что политическая экономия вообще и история хозяйственного быта в частности не представляют собой автономной области, раз они испытывают разнообразное воздействие со стороны духовной культуры [1]).

Словом, здесь встает перед нами вопрос, насколько велики расхождения М. Вебера не только с теорией исторического материализма, но и с вытекающими из нее историческими построениями? Ответить на этот вопрос—значит выяснить, что может дать М. Вебер марксизму в области изучения исторических явлений вообще и фактов экономических в частности. Читателю настоящей книги ясным становится уже с первого взгляда, что нашего автора решительно нельзя отнести к представителям не только диалектического материализма, но и вообще к сторонникам экономического понимания истории, напр., к таким далеким от марсизма именам, как Роджерс, Зелигман и т. д. Действительно, в своих исторических построениях М. Вебер не только далек от применения диалектического метода в историческом процессе, он вообще не вскрывает экономического корня явлений, как единственно подлинной пружины общественного развития. Условия производства выступают у него наряду и вместе с другими условиями человеческого общежития: правом, завоеванием, религией и пр. Несколько примеров пояснит сказанное. Разбирая вопрос о происхождении господской собственности, М. Вебер указывает на значение вождя, как главы рода или военного предводителя; далее, в связи с разложением общинных порядков, он отмечает здесь и рост военного сословия вместе с сопровождающим его ростом военной техники. „Развитие военной техники шло рука об руку с осложнением техники земледелия. Результатом явилось возрастающая связанность обыкновенных крестьян со своим хозяйством" (стр. 48). Вместе с тем автор подчеркивает в происхождении господской собственности и роль завоевания, рядом с которым „выступает добровольная отдача безоружных под власть вооруженных". Наконец, автор здесь отмечает еще помещичью оседлость: „вождь, который располагает множеством зависимых людей и рабочего скота, в состоянии расчистить пустошь в гораздо больших размерах, чем простой крестьянин; но расчищенная земля присваивалась тому, конечно, кто ее расчистил"... То же самое многообразие условий мы отчетливо можем заметить у автора и в освещении им города, как особой формы общежития. Если вспомнить все разнообразные ответы на вопрос о происхождении города и спросить себя, к защитникам какой же теории следует отнести М. Вебера, то ясным становится, что он принимает все теории и ни одной из них в то же время не разделяет. Происхождение города у него не связано в отдельности ни с вотчиной, ни с общиной, ни с бургом, ни с рынком, а одновременно со всеми ими вместе взятыми.

---

[1]) Напр., у С. Булгакова „Два града", т. I, М. 1911, стр. 183.

Итак, мы должны отнести М. Вебера, как историка, к плюралистам, т.-е. к таким исследователям, которые не решаются все многообразие исторической жизни закономерно вывести из экономических условий, хозяйственной среды, как единой подлинной причины исторического процесса. А если так, то какова же связь всех [illegible] конструкций М. Вебера с материалистическими построениями [illegible] каково взаимоотношение этих как будто взаимно исключающих друг друга теорий? Положим, даже и допуская, что исторические работы М. Вебера резко расходятся с основными чертежами материалистического понимания истории, можно было бы отметить ценность его [illegible] для обрисовки идеологических предпосылок основных исторических эпох и явлений? Действительно, всесторонне анализируя каждый исторический факт и вскрывая разнообразные источники его возникновения, М. Вебер дает полную возможность историку-марксисту отделить форму от содержания, выкинутое знамя от самого движения. И в этом отношении показательной могла бы быть изложенная нами его статья о духе капитализма и протестантской этике. В действительности же, однако, значение М. Вебера много шире, и чтобы быть лучше понятым, начнем издалека, с некоторых элементарных пояснений.

В основе всего обществоведения лежит история, конкретными данными которой пользуются в той или иной мере науки систематические. Вместе с политической экономией и теорией права, живым и наглядным историческим материалом пользуется и социология. Каковы же взаимоотношения между историей и социологией? В области исторического знания наша любознательность давно уже перестала довольствоваться одной внешней историей; пытливая мысль устремилась в новую область внутренних отношений. Если раньше история занималась только государствами, ограничиваясь к тому же внешними событиями, то в настоящее время научный интерес прикован к народной жизни. В связи с этим естественно произошла и другая перемена: центр тяжести с вождей был перенесен на массы. Исследование же внутренних условий народной жизни повело к дальнейшему расширению и углублению исторической работы: поднялись новые вопросы о хозяйственных отношениях и связи их с народными движениями, классовой борьбой и т. д. Если таково содержание современной исторической науки, то по методу своему она покоится на идее эволюции, постоянного закономерного развития. В понятии эволюционной истории мыслится не только текучесть исторических явлений, но и закономерная их изменчивость. Историческая наука широко пользуется ныне своим новейшим орудием в лице так называемого сравнительного метода, с помощью которого сопоставляются и сравниваются между собой не только отдельные сходные факты (слова, обычаи, поверья и обряды), но и целые исторические периоды, напр. феодализм. Действительно, отмечая все особенности и своеобразные черты каждой эпохи и каждой страны, историк стремится равным образом к тому, чтобы связать эти условия с общим движением человечества и с наиболее устойчивыми или даже постоянными условиями этого развития. Так у разных народов в разные времена создался под воздействием одинаковых условий феодальный порядок. Если историк ограничится одним указанием этих общих условий, то в результате получится исследование социологическое, а не историческое. Задача же историка, отметив эти общие условия, показать их различное проявление у западно-европейских нар[illegible]

равно как в Византии, Индии, Японии и пр. Итак, сравнительно-исторический метод, восстановляя обломки старины и скрытые от нашего взора исторические связи, своим сопоставлением фактов из истории учреждений, обычаев и пр. различных народов, обнаруживает вдобавок общие законы развития, между тем, как история каждого народа в отдельности может установить только специальные причины и обособленную эволюцию. Сравнительно исторический метод есть мост, перекинутый из истории в область социологии, ибо последняя стремится к таким сопоставлениям однородных фактов, вне времени и места, которые ведут уже к обобщениям в виде законов социального развития.

Мы подошли здесь к основному различию между историей и социологией, которое заключается в том, что первая—наука конкретная, а вторая—абстрактная. Действительно, история имеет дело с временной последовательностью фактов, относящихся к определенному времени и месту; эти факты единичны, т.-е. они существовали в единственном числе, а потому и строго индивидуальны, отличаются своеобразным обликом. Словом, история всегда связана с географическими и хронологическими рамками; она рассматривает людское прошлое в его индивидуальной полноте, конкретной цельности. Наоборот, социология исследует общественную жизнь в абстрактном направлении; она в единичных, индивидуальных фактах стремится отыскать общие начала и путем обобщения конкретных данных хочет найти такие выводы, которые были бы свободны от хронологических и географических рамок, имели бы значение для всякого времени и места. Таким образом, социология есть обобщающая наука, имеющая своей задачей выяснить природу человеческого общежития и уловить те постоянные законы, которым следует общественная жизнь везде и всегда.

Однако, можем ли мы отнести М. Вебера к представителям такой абстрактной социологии и каковы, в таком случае, те методические средства, какие облегчают ему построение той или иной широкой социологической системы? Так поставленный вопрос сразу же обнаруживает нам все его своеобразие, как историка-социолога. Ясным становится прежде всего его прямое расхождение с широкими формулами очерченной нами абстрактной социологии. Всеми своими работами (особенно же своим последним фундаментальным трудом: „Хозяйство и общество"), М. Вебер как бы говорит нам, что одно дело назвать социологию абстрактной наукой, изучающей законы строения и развития общества, как организованного целого, и совершенно иное дело—такую науку построить сейчас. Словом, хорошо поставленная задача далеко не обеспечивает еще удачного ее разрешения. Абстрактная социология может быть лишь конечной идеальной целью, а наше время требует иной, более скромной системы, системы классификационной или типологической, покоющейся на узких и осторожных обобщениях. Здесь, в области методологии, и сказывается близость М. Вебера к К. Максу. Действительно, подобно последнему, он не строит преждевременно абстрактной социологии, целостно обнимающей все времена и народы, но вместо шаткой системы дает крепкую методологию. В связи с этим он не дает общих законов эволюции всякого человеческого общества, как не устанавливает равным образом и обязательно проходимых каждым народом ступеней развития. В этом уклоне мысли от слишком широких и часто бесплодных построений к более узким и вместе с тем более надежным обобщениям, которые в лучшем случае позволяют

... только о законах развития определен... общества, ... мы замечаем совпадение мыслей ... творческих ... Наконец, разве и третья характерная для М. Вебера особенность ... работ—сравнительный, типологический метод— ... точно так же ... К. Марксом и рекомендован им. Когда данная им в „Капитале" картина генезиса капитализма некоторыми у нас, в России, ... была, по словам К. Маркса, „в историко-философскую теорию ... хода экономического развития, которой фатально подчиняются все народы (каковы бы ни были исторические условия, в которых они ...), то он вынужден был попросить извинения. „Это значило ...—говорит К. Маркс,—зараз и делать мне много чести и приписывать мне ошибочное мнение, в котором я ничуть не повинен... События, ... аналогичные между собою, но происходившие в истори... среде, приводят к совершенно различным между собой результатам. Изучая каждую из этих эволюций в отдельности и затем сравнивая их между собою, легко найти ключ к уразумению этих явлений, но никогда нельзя придти к их пониманию, пуская в ход повсюду и всегда одну и ту же отмычку какой-либо историко-философской теории, самое высшее достоинство которой заключается в ее над-историчности"[1]).

Именно в этом направлении и идет у М. Вебера его строгая мысль, неизбежно охватывающая и неразрывно связывающая между собой две сопредельных области истории и социологии. Как социолог, ~~он всегда~~ стоит на почве конкретного исторического материала, а как историк, его мысль работает всегда под знаком социологии. В том-то и состоит своеобразный метод М. Вебера, что между обобщающей социологической формулой и индивидуальной исторической картиной он помещает всегда ряд промежуточных звеньев, широко пользуясь здесь своим типологическим методом. Несколько примеров, взятых хотя бы из его „Города", наглядно пояснят нам сущность его методических приемов. Он начинает свою работу определением понятия города и построением его разнообразных типов. Пользуясь историческими данными не только Запада, но и Востока, он сравнивает между собой различные типы городов в процессе их развития. Здесь отчетливо выясняются в сопоставляемых явлениях не только черты сходства, но и различия. Собирая же, описывая, сопоставляя и систематизируя занимающий его исторический процесс, он неизбежно приходит к типологическим обобщениям, сравнительно-историческим обзорам. М. Вебер, однако, не только описывает, но и об'ясняет, т.-е. вскрывает причинные взаимоотношения явлений. Каким же идет он здесь путем? Известно, что при об'яснении любого сложного явления общественной жизни исследователь может исходить либо из одного начала, основного фактора, либо же ввести в об'яснение целый ряд начал, вплоть до превращения каждой причины изучаемого процесса в особую „движущую силу", самостоятельный фактор. Конечно, возможен еще и третий путь, отличный от двух предыдущих. Как говорит в своей статье А. Неусыхин [2]), „можно вовсе оставить всякие „начала" и „факторы" и говорить лишь о содержании и форме общественного развития (о базисе и надстройке), принимая развитие производительных сил в процессе борьбы общественного чело-

---

[1]) Исторический материализм. Сборник отрывков из произведений К. Маркса и Фр. Энгельса. Изд. „Новая Москва", 1924 г., стр. 258—259.

[2]) „Под знаменем марксизма", 1923 г., № 8—9. „Социологическое исследование ... М. Вебера о городе".

века с природой за тот основной стержень, диалектическое развитие которого и представляет собой, в переводе на язык социально-политических и правовых отношений, процесс общественной эволюции. Здесь диалектическое развитие производительных сил не причина, не фактор, а то содержание, которое и есть само историческое развитие, облекающееся в соответствующие ему формы социальной, политической и правовой структуры общества. Подобного рода материалистический монизм можно, конечно, только приветствовать. Но одно дело — постулировать его в принципе, как теорию, а другое дело—применить к об'яснению всего многообразия конкретной действительности, как метод". Автор и указывает дальше, что именно такую сложную предварительную работу для конкретного применения этого метода и выполняет М. Вебер.

Конечно, этот последний, как мы отмечали уже, остается последовательным плюралистом, воссоздающим все сложное многообразие явлений без монистического их объяснения. В чеканке исторических образований у него принимают участие и экономика, и право, и религия и т. д. Удельный вес различных сторон исторической жизни не определяется, базис не выделен из надстройки. И тем не менее его плюрализм отличается некоторыми положительными достоинствами, которые и были подмечены тем же А. Неусыхиным. Все дело в том—говорит он—что М. Вебер, изучая, напр., происхождение города не пытается вывести его ни из того или иного „начала", ни из нескольких таких начал. „У него нет никакой теории происхождения городов, а есть лишь история этого процесса или, вернее ряда таких процессов. И когда М. Вебер указывает на роль экономических, военно-политических, социальных, правовых, даже религиозных процессов в развитии города, то речь идет не о ряде отдельных факторов и даже не о взаимодействии факторов: М. Вебер говорит о взаимодействии явлений". В своем историческом творчестве „он дает нам не теорию взаимодействия факторов, которая была бы, конечно, неудовлетворительной, а историю взаимодействия многообразных явлений, переходящих одно в другое, сливающихся друг с другом, противоречащих друг другу и сталкивающихся между собой. Это, если хотите, тоже плюрализм, но не тот—принципиальный, сбивающийся на эклектику, бессильный что бы то ни было об'яснить и зато способный все, что угодно, запутать, а плюрализм совсем особого рода: во первых, он не только не противоречит возможности абстрактно-социологического построения, но, напротив, расчищает дорогу к нему, об'единяя ряд явлений и процессов, этот сложный переплетающийся клубок,—в некоторое целое и, во-вторых, он помогает ориентироваться в конкретной действительности тем, что наглядно показывает механику этого сложного взаимодействия, в то же время нисколько не упрощая его и имея таким образом возможность оттенить и изобразить всю пестроту отношений не хуже, чем это делается в специальном историческом исследовании... Ясно,—так заключает свою статью автор,—что здесь нет никакого противоречия ни с социологией, ни с монизмом: если все живое не „однородно", а „многообразно", то это еще не значит, что оно не есть целое и не может быть рассмотрено, как таковое. Напротив, то, что обычно называется конкретно-историческим и социологическим методом, сливается здесь в один метод, который сам М. Вебер довольно удачно называет „эмпирической социологией".

В. Т.

СОДЕРЖАНИЕ.

СКЛАД ИЗДАНИЯ:

ПЕТРОГРАД, Жуковская 10, кв. 3.
МОСКВА, Арбат. Б. Ржевский п. 9, кв. 2.
Пгр. и М. кн. маг. «Academia».